СОЧИНЕНІЯ

А. И. ГЕРЦЕНА

ТОМЪ VI

ŒUVRES D'ALEXANDRE HERZEN

СОЧИНЕНІЯ

А. И. ГЕРЦЕНА

ТОМЪ VI

БЫЛОЕ И ДУМЫ
1812—1838
Томъ первый
Дѣтство и Университетъ
Тюрьма и Ссылка

LIBRAIRIE RUSSE
GENÈVE — BALE — LYON
M. ELPIDINE
CAROUGE-GENÈVE
Tous droits réservés.

Н. П. ОГАРЕВУ.

Въ этой книгѣ всего больше говорится о двухъ личностяхъ. Одной уже нѣтъ,— ты еще остался, а потому тебѣ, другъ, по праву принадлежитъ она.

1 Іюля 1860.
Eagle's Nest, Bournemouth.

Многіе изъ друзей совѣтывали мнѣ начать полное изданіе *Былого и Думъ*, и въ этомъ затрудненія нѣтъ по крайней мѣрѣ относительно двухъ первыхъ частей. Но они говорятъ, что отрывки, помѣщенные въ *Полярной Звѣздѣ* рапсодичны, не имѣютъ единства, прерываются случайно, забѣгаютъ иногда, иногда отстаютъ. Я чувствую, что это правда, но поправить не могу. Сдѣлать дополненія, привести главы въ хронологическій порядокъ — дѣло не трудное; но все переплавить, d'un jet, я не берусь.

Былое и Думы не были писаны подъ рядъ; между иными главами лежатъ цѣлые годы. Оттого на всемъ остался оттѣнокъ своего времени и разныхъ настроеній —мнѣ бы не хотѣлось стереть его.

Это не столько *записки*, сколько *исповѣдь*, около которой, по поводу которой, собрались тамъ-сямъ схва-

ченныя воспоминанія изъ *Былого*, тамъ-сямъ остановленныя мысли изъ *Думъ*. Впрочемъ, въ совокупности этихъ пристроекъ, надстроекъ, флигелей *единство есть*, по крайней мѣрѣ мнѣ такъ кажется.

Записки эти не первый опытъ. Мнѣ было лѣтъ двадцать пять, когда я начиналъ писать что то въ родѣ воспоминаній. Случилось это такъ: переведенный изъ Вятки во Владиміръ—я ужасно скучалъ. Остановка передъ Московой дразнила меня, оскорбляла; я былъ въ положеніи человѣка, сидящаго на послѣдней станціи безъ лошадей.

Въ сущности, это былъ чуть-ли не самый „чистый, самый серьезный періодъ оканчивавшейся юности.“ *) И скучалъ то я тогда свѣтло и счастливо, какъ дѣти скучаютъ наканунѣ праздника или дня рожденія. Всякій день приходили письма, писанныя мелкимъ шрифтомъ; я былъ гордъ и счастливъ ими, я ими росъ. Тѣмъ не менѣе разлука мучила, и я не зналъ за что приняться, чтобъ поскорѣе протолкнуть эту *вѣчность* — какихъ нибудь *четырехъ* мѣсяцевъ... Я послушался даннаго мнѣ совѣта и сталъ на досугѣ записывать мои воспоминанія о Крутицахъ, о Вяткѣ. Три тетрадки были написаны... потомъ прошедшее потонуло въ свѣтѣ настоящаго.

Въ 1840, Бѣлинскій прочелъ ихъ, онѣ ему понравились, и онъ напечаталъ двѣ тетрадки въ *Отечественныхъ Запискахъ* (первую и третью), остальная и теперь должна валяться гдѣ нибудь въ нашемъ московскомъ домѣ, если не пошла на подтопки.

Прошло *пятнадцать лѣтъ*,**) „я жилъ въ одномъ

*) См. „Тюрьма и Ссылка.“

**) Введеніе къ „Тюрьмѣ и Ссылкѣ,“ писанное въ Маѣ 1854 г.

изъ лондонскихъ захолустій, близъ Примрозъ Гиля, отдѣленный отъ всего міра далью, туманомъ и своей волей.

Въ Лондонѣ, не было ни одного близкаго мнѣ человѣка. Были люди, которыхъ я уважалъ, которые уважали меня, но близкаго никого. Всѣ, подходившіе, отходившіе, встрѣчавшіеся, занимались одними общими интересами, дѣлами всего человѣчества, по крайней мѣрѣ дѣлами цѣлаго народа; знакомства ихъ были, такъ сказать, безличныя. Мѣсяцы проходили, и ни одного слова о томъ, о чемъ хотѣлось поговорить.

... А между тѣмъ, я тогда едва начиналъ приходить въ себя, оправляться послѣ ряда страшныхъ событій, несчастій, ошибокъ. Исторія послѣднихъ годовъ моей жизни представлялась мнѣ яснѣе и яснѣе, и я съ ужасомъ видѣлъ, что ни одинъ человѣкъ, кромѣ меня, не знастъ ее и что съ моей смертью умретъ истина.

Я рѣшился писать; но одно воспоминаніе вызывало сотни другихъ; все старое, полузабытое воскресало: отроческія мечты, юношескія надежды, удаль молодости, тюрьма и ссылка, — эти раннія несчастія, не оставившія никакой горечи на душѣ, пронесшіяся какъ вешнія грозы, освѣжая и укрѣпляя своими ударами молодую жизнь.

Этотъ разъ я писалъ не для того, чтобы выиграть время—торопиться было некуда.

Когда я начиналъ новый трудъ, я совершенно не помнилъ о существованіи *Записокъ одного молодого человѣка*, и, какъ то случайно попалъ на нихъ въ British Museum'ѣ, перебирая русскіе журналы. Я велѣлъ ихъ списать и перечиталъ. Чувство, возбужденное ими было странно: я такъ ощутительно увидѣлъ, насколько я состарѣлся въ эти пятнадцать лѣтъ, что на первое

время это потрясло меня. Я игралъ еще тогда жизнію и самимъ счастіемъ, какъ будто ему и конца не было. Тонъ *Записокъ одного молодого человѣка* до того былъ розенъ, что я не могъ ничего взять изъ нихъ; онѣ принадлежатъ молодому времени, онѣ должны остаться сами по себѣ. Ихъ утреннее освѣщеніе нейдетъ къ моему вечернему труду. Въ нихъ много истиннаго, но много также и шалости; сверхъ того на нихъ остался очевидный для меня слѣдъ Гейне, котораго я съ увлеченіемъ читалъ въ Вяткѣ. На *Быломъ и Думахъ* видны слѣды *жизни* и больше никакихъ слѣдовъ не видать.

Мой трудъ двигался медленно... много надобно времени для того, чтобы *иная* была отстоялась въ прозрачную думу — неутѣшительную, грустную, но примиряющую пониманіемъ. Безъ этого можетъ быть искренность, но не можетъ быть *истины!*

Нѣсколько опытовъ мнѣ не удались,—я ихъ бросилъ. Наконецъ перечитывая нынѣшнимъ лѣтомъ одному изъ друзей юности мои послѣднія тетради, я самъ *узналъ знакомыя* черты, и остановился... трудъ мой былъ конченъ.

Очень можетъ быть, что я далеко перецѣнилъ его, что въ этихъ едва обозначенныхъ очеркахъ схоронено такъ много, *только для меня одного*; можетъ я гораздо больше читаю, чѣмъ написано; сказанное будитъ во мнѣ сны, служитъ іероглифомъ, къ которому у меня есть ключъ. Можетъ я одинъ слышу, какъ подъ этими строками бьются духи... можетъ, но оттого книга эта мнѣ не меньше дорога. Она долго замѣняла мнѣ и людей и утраченное. Пришло время и съ нею разстаться.

Все личное быстро осыпается, этому обнищанію надо покориться. Это не отчаяніе, не старчество, не хо-

лодъ и не равнодушіе; это — сѣдая юность, одна изъ формъ выздоровленія, или лучше, самый процессъ его. Человѣчески переживать иныя раны можно только этимъ путемъ.

Въ монахѣ, какихъ бы лѣтъ онъ ни былъ, постоянно встрѣчается и старецъ и юноша. Онъ похоронами всего личнаго возвратился къ юности. Ему стало легко, широко..... иногда слишкомъ широко..... Дѣйствительно, человѣку бываетъ подъ-часъ пусто, сиротливо между безличными всеобщностями, историческими стихіями и образами будущаго, проходящими по ихъ поверхности, какъ облачныя тѣни. Но что же изъ этого? Людямъ хотѣлось бы все сохранить: и розы, и снѣгъ; имъ хотѣлось бы, чтобъ около спѣлыхъ гроздьевъ винограда вились майскіе цвѣты! Монахи спасались отъ минутъ ропота молитвой. У насъ нѣтъ молитвы: у насъ есть *трудъ*. Трудъ наша молитва. Быть можетъ, что *плодъ того и другого* будетъ одинакій, но на сію минуту не объ этомъ рѣчь.

Да, въ жизни есть пристрастіе къ возвращающемуся ритму, къ повторенію мотива; кто не знаетъ, какъ старчество близко къ дѣтству? Вглядитесь, и вы увидите, что по обѣ стороны полнаго разгара жизни, съ ея вѣнками изъ цвѣтовъ и терній, съ ея колыбелями и гробами, часто повторяются эпохи, сходныя въ главныхъ чертахъ. Чего юность *еще* не имѣла, то *уже* утрачено; о чемъ юность мечтала, безъ личныхъ видовъ, выходитъ свѣтлѣе, спокойнѣе и также безъ личныхъ видовъ изъ за тучъ и зарева.

...Когда я думаю о томъ, какъ мы двое теперь, подъ *пятьдесятъ лѣтъ*, стоимъ за первымъ станкомъ русскаго вольнаго слова, мнѣ кажется, что наше ребячье

Грютли на Воробьевыхъ горахъ было не *тридцать три* года тому назадъ, а много три!

Жизнь... жизни, народы, революціи, любимѣйшія головы возникали, мѣнялись и исчезали между Воробьевыми горами и Примрозъ-Гилемъ; слѣдъ ихъ уже почти заметенъ безпощаднымъ вихремъ событій. Все измѣнилось вокругъ: Темза течетъ вмѣсто Москвы рѣки и чужое племя около... и нѣтъ намъ больше дороги на родину... одна мечта двухъ мальчиковъ, одного 13 лѣтъ, другого 11—уцѣлѣла!

Пусть-же *Былое и Думы* заключатъ счетъ съ личною жизнію и будутъ ея оглавленіемъ. Остальныя *Думы* — на дѣло, остальныя *Силы* — на борьбу.

Таковъ остался нашъ союзъ...
Опять одни мы въ грустный путь пойдемъ,
Объ истинѣ глася неутомимо —
И пусть мечты и люди идутъ мимо!

БЫЛОЕ И ДУМЫ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ДѢТСКАЯ И УНИВЕРСИТЕТЪ.

(1812—1835)

Когда мы въ памяти своей
Проходимъ прежнюю дорогу,
Въ душѣ всѣ чувства прежнихъ дней
Вновь оживаютъ понемногу,
И грусть и радость тѣ же въ ней,
И знаетъ ту жъ она тревогу,
И такъ же вновь тѣснится грудь,
И такъ же хочется вздохнуть.

Н. ОГАРЕВЪ. *(Юморъ.)*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Моя нянюшка и La grande armée — Пожаръ Москвы — Мой отецъ у Наполеона — Генералъ Иловайскій — Путешествіе съ французскими плѣнниками — Патріотизмъ К. Кало — Общее управленіе имѣньемъ — Раздѣлъ — Сенаторъ.

...„Вѣра Артамоновна, ну разскажите мнѣ еще разокъ, какъ французы приходили въ Москву,“ говаривалъ я, потягиваясь на своей кроваткѣ, обшитой холстиной чтобъ я не вывалился, и завертываясь въ стеганое одѣяло.

— И! что это за разсказы, ужъ столько разъ слышали, да и почивать пора, лучше завтра пораньше встанете, отвѣчала обыкновенно старушка, которой столькоже хотѣлось повторить свой любимый разсказъ, сколько мнѣ его слушать.

— Да вы немножко разскажите, ну какъ же вы узнали, ну съ чего же началось?

— Такъ и началось. Папенька-то вашъ знаете какой, все въ долгой ящикъ откладываетъ; собирался, собирался, да вотъ и собрался! Всѣ говорили пора ѣхать, чего ждать, почитай въ городѣ никого не оставалось. Нѣтъ, все съ Павломъ Ивановичемъ*) переговариваютъ какъ вмѣстѣ ѣхать, то тотъ не готовъ, то другой. Наконецъ таки мы уложились и коляска была готова; господа сѣли завтракать, вдругъ нашъ кухмистъ взошелъ къ столовую такой блѣдный, да и докладываетъ „непріятель въ Драгомиловскую заставу вступилъ," такъ у насъ у всѣхъ сердце и опустилось, сила молъ крестная съ нами! Все переполошилось; пока мы суетились, да ахали, смотримъ — а по улицѣ скачутъ драгуны въ такихъ каскахъ и съ лошадинымъ хвостомъ сзади. Заставы всѣ заперли, вотъ вашъ папенька и остался у праздника, да и вы съ нимъ; васъ кормилица Дарья тогда еще грудью кормила, такіе были щедушные, да слабые.

И я съ гордостью улыбался, довольный что принималъ участіе въ войнѣ.

— Сначала еще шло кое-какъ, первые дни то есть, ну такъ бывало взойдутъ два-три солдата и показываютъ нѣтъ ли выпить; поднесемъ имъ по рюмочкѣ, какъ слѣдуетъ, они и уйдутъ, да еще сдѣлаютъ подъ козы-

*) Голохвастовъ, мужъ меньшей сестры моего отца.

рекъ. А тутъ видите какъ пошли пожары, все больше да больше, сдѣлалась такая неурядица, грабежъ пошелъ и всякіе ужасы. Мы тогда жили во флигелѣ у княжны, домъ загорѣлся; вотъ Павелъ Ивановичъ говоритъ, пойдемте ко мнѣ, мой домъ каменный, стоитъ глубоко на дворѣ, стѣны капитальныя — пошли мы, и господа и люди, всѣ вмѣстѣ, тутъ не было разбора; выходимъ на Тверской бульваръ, а ужъ и деревья начинаютъ горѣть — добрались мы наконецъ до голохвастовскаго дома, а онъ такъ и пышитъ, огонь изъ всѣхъ оконъ. Павелъ Ивановичъ остолбенѣлъ, глазамъ не вѣритъ. За домомъ знаете большой садъ, мы туда, думаемъ, тамъ останемся сохранны; сѣли пригорюнившись на скамѣечкахъ, вдругъ откуда ни возмись ватага солдатъ, препьяныхъ, одинъ бросился съ Павла Ивановича дорожной тулупчикъ скидывать; старикъ не даетъ, солдатъ выхватилъ тесакъ да по лицу его и хвать, такъ у нихъ до кончины шрамъ и остался, другіе принялись за насъ, одинъ солдатъ вырвалъ васъ у кормилицы развернулъ пеленки, нѣтъ ли де какихъ ассигнацій или брильянтовъ, видитъ, что ничего нѣтъ, такъ нарочно азарникъ изодралъ пеленки да и бросилъ. Только они ушли, случилась вотъ какая бѣда. Помните нашего Платона, что въ солдаты отдали, онъ сильно любилъ выпить и былъ онъ въ этотъ день очень въ куражѣ; повязалъ себѣ саблю, такъ и ходилъ. Графъ Растопчинъ всѣмъ раздавалъ въ арсеналѣ за день до вступленія непріятеля всякое оружіе, вотъ и онъ промыслилъ себѣ саблю. Подъ вечеръ видитъ онъ, что драгунъ верхомъ въѣхалъ на дворъ; возлѣ конюшни стояла лошадь, драгунъ хотѣлъ ее взять съ собой, но только Платонъ стремглавъ бросился къ нему и, уцѣпившись за поводья, сказалъ: „Лошадь наша, я тебѣ ее,

не дамъ.“ Драгунъ погрозилъ ему пистолетомъ, да видно онъ не былъ заряженъ: баринъ самъ видѣлъ и закричалъ ему, „оставь лошадь не твое дѣло.“ Куда ты! Платонъ выхватилъ саблю, да какъ хватитъ его по головѣ, драгунъ-то и покачнулся, а онъ его еще, да еще. Ну, думаемъ мы, теперь пришла наша смерть, какъ увидятъ его товарищи, тутъ намъ и конецъ. А Платонъ то, какъ драгунъ свалился, схватилъ его за ноги и стащилъ въ творило, такъ его и бросилъ бѣдняжку, а еще онъ былъ живъ; лошадь его стоитъ ни съ мѣста и бьетъ ногой землю, словно понимаетъ; наши люди заперли ее въ конюшню. Должно быть она тамъ сгорѣла. Мы всѣ скорѣй со двора долой, пожаръ-то все страшнѣе и страшнѣе, измученные, не ѣвши взошли мы въ какой-то уцѣлѣвшій домъ, и бросились отдохнуть; не прошло часу, наши люди съ улицы кричатъ; „выходите, выходите, огонь, огонь!“ — тутъ я взяла кусокъ равендюка съ бильярда и завернула васъ отъ ночного вѣтра; добрались мы такъ до Тверской площади, тутъ французы тушили, потому что ихъ набольшой жилъ въ губернаторскомъ домѣ; сѣли мы такъ просто на улицѣ, караульные вездѣ ходятъ, другіе верховые ѣздятъ. А вы-то кричите, надсаждаетесь, у кормилицы молоко пропало, ни у кого ни куска хлѣба. Съ нами была тогда Наталья Константиновна, знаете бой-дѣвка, она увидѣла, что въ углу солдаты что-то ѣдятъ, взяла васъ и прямо къ нимъ, показываетъ маленькому молъ *манже*; они сначала посмотрѣли на нее такъ сурово да и говорятъ але, але; а она ихъ ругать, экіе молъ окаянные, такіе, сякіе; солдаты ничего не поняли, а таки вспрыснули со смѣха и дали ей для васъ хлѣба моченаго съ водой и ей дали краюшку. Утромъ рано подходитъ офицеръ и всѣхъ мущинъ забралъ и вашего папеньку тоже, оста-

вилъ однѣхъ женщинъ, да раненаго Павла Ивановича и повелъ ихъ тушить окольные домы, такъ до самаго вечера пробыли мы одни; сидимъ и плачемъ, да и только. Въ сумерки приходитъ баринъ и съ нимъ какой то офицеръ...

Позвольте мнѣ смѣнить старушку и продолжать ея разсказъ. Мой отецъ, окончивъ свою бранд-маіорскую должность, встрѣтилъ у страстнаго монастыря эскадронъ итальянской конницы, онъ подошелъ къ ихъ начальнику и разсказалъ ему по итальянски въ какомъ положеніи находится семья. Итальянецъ, услышавъ la sua dolce favella, обѣщалъ переговорить съ герцогомъ Тревизскимъ и предварительно поставить часового въ предупрежденіе дикихъ сценъ въ родѣ той, которая была въ саду Голохвастова. Съ этимъ приказаніемъ онъ отправилъ офицера съ моимъ отцомъ. Услышавъ, что вся компанія второй день ничего не ѣла, офицеръ повелъ всѣхъ въ разбитую лавку; цвѣточный чай и леванской кофе были выброшены на полъ, вмѣстѣ съ большимъ количествомъ фиников, винныхъ ягодъ, миндаля; люди наши набили себѣ ими карманы; въ десертѣ недостатка не было. Часовой оказался чрезвычайно полезенъ: десять разъ ватаги солдатъ придирались къ несчастной кучкѣ женщинъ и людей, расположившихся на кочевье въ углу Тверской площади, но тотчасъ уходили по его приказу.

Мортье вспомнилъ, что онъ зналъ моего отца въ Парижѣ, и доложилъ Наполеону; Наполеонъ велѣлъ на другое утро представить его себѣ. Въ синемъ поношеномъ полуфракѣ съ бронзовыми пуговицами, назначенномъ для охоты, безъ парика, въ сапогахъ нѣсколько дней нечищенныхъ, въ черномъ бѣльѣ и съ небритой бородой, мой отецъ — поклонникъ приличій и строжай-

шаго этикета, — явился въ тронную залу кремлевскаго дворца по зову императора французовъ.

Разговоръ ихъ, который я столько разъ слышалъ, довольно вѣрно переданъ въ исторіи Барона Фен' и въ исторіи Михайловскаго-Данилевскаго.

Послѣ обыкновенныхъ фразъ, отрывистыхъ словъ и лаконическичъ отмѣтокъ, которымъ лѣтъ тридцать пять приписывали глубокій смыслъ, пока недогадались, что смыслъ ихъ очень часто былъ пошлъ, Наполеонъ разбранилъ Растопчина за пожаръ, говорилъ, что это вандализмъ, увѣрялъ, какъ всегда, въ своей непреодолимой любви къ миру, толковалъ что его война въ Англіи, а не въ Россіи, хвастался тѣмъ, что поставилъ караулъ къ воспитательному дому и къ Успенскому собору, жаловался на Александра, говорилъ, что онъ дурно окруженъ, что мирныя расположенія его неизвѣстны императору.

Отецъ мой замѣтилъ, что предложить миръ скорѣе дѣло побѣдителя.

— Я сдѣлалъ, что могъ, я посылалъ къ Кутузову, онъ не вступаетъ ни въ какіе переговоры и не доводитъ до свѣдѣнія государя моихъ предложеній. Хотятъ войны, не моя вина — будетъ имъ война.

Послѣ всей этой комедіи, отецъ мой попросилъ у него пропускъ для выѣзда изъ Москвы.

— Я пропусковъ не велѣлъ никому давать, зачѣмъ вы ѣдете? чего вы боитесь? я велѣлъ открыть рынки. Императоръ французовъ въ это время кажется забылъ, что сверхъ открытыхъ рынковъ, не мѣшаетъ имѣть покрытый домъ и что жизнь на Тверской площади средь непріятельскихъ солдатъ не изъ самыхъ пріятныхъ.

Отецъ мой замѣтилъ это ему; Наполеонъ подумалъ и вдругъ спросилъ.

— Возметесь-ли вы доставить императору письмо отъ меня? на этомъ условіи я велю вамъ дать пропускъ со всѣми вашими.

— Я принялъ бы предложеніе в. в., замѣтилъ ему мой отецъ, но мнѣ трудно ручаться.

— Даете-ли вы честное слово, что употребите всѣ средства лично доставить письмо?

— Je m'engage sur mon honneur, Sire.

— Это довольно. Я пришлю за вами. Имѣете вы въ чемъ нибудь нужду?

— Въ крышѣ для моего семейства, пока я здѣсь, больше ни въ чемъ.

— Герцогъ Тревизскій сдѣлаетъ, что можетъ.

Мортье дѣйствительно далъ комнату въ генераль-губернаторскомъ домѣ и велѣлъ насъ снабдить съѣстными припасами; его метръ д'отель прислалъ даже вина. Такъ прошло нѣсколько дней, послѣ которыхъ въ четыре часа утра, Мортье прислалъ за моимъ отцомъ адъютанта и отправилъ его въ Кремль.

Пожаръ достигъ въ эти дни страшныхъ размѣровъ: накалившійся воздухъ, непрозрачный отъ дыма, становился невыносимъ отъ жара. Наполеонъ былъ одѣтъ и ходилъ по комнатѣ, озабоченный, сердитый, онъ начиналъ чувствовать, что опаленные лавры его скоро замерзнутъ и что тутъ не отдѣлаешься такою шуткою какъ въ Египтѣ. Планъ войны былъ нелѣпъ, это знали всѣ, кромѣ Наполеона, Ней и Нарбонъ, Бертье и простые офицеры: на всѣ возраженія онъ отвѣчалъ кабалистическимъ словомъ „Москва“; въ Москвѣ догадался и онъ.

Когда мой отецъ взошелъ, Наполеонъ взялъ запечатанное письмо, лежавшее на столѣ, подалъ ему и сказалъ, откланиваясь: „я полагаюсь на ваше честное сло-

во.“ На конвертѣ было написано: à mon frère l'empereur Alexandre.

Пропускъ, данный моему отцу, до сихъ поръ цѣлъ; онъ подписанъ герцогомъ Тревизскимъ и внизу скрѣпленъ *московскихъ* оберъ-полицмейстеромъ Лесепсомъ. Нѣсколько постороннихъ, узнавъ о пропускѣ, присоединились къ намъ, прося моего отца взять ихъ подъ видомъ прислуги или родныхъ. Для больнаго старика, для моей матери и кормилицы дали открытую линейку; остальные шли пѣшкомъ. Нѣсколько уланъ верхами провожали насъ до русскаго арьергарда, въ виду котораго они пожелали счастливаго пути и поскакали назадъ. Черезъ минуту казаки окружили странныхъ выходцевъ и повели въ главную квартиру арьергарда. Тутъ начальствовали Винценгероде и Иловайскій IV.

Винценгероде, узнавъ о письмѣ, объявилъ моему отцу, что онъ его немедленно отправитъ съ двумя драгунами къ государю въ Петербургъ.

— Что дѣлать съ вашими? спросилъ казацкій генералъ Иловайскій, здѣсь оставаться невозможно, они здѣсь не внѣ ружейныхъ выстрѣловъ и со дня на день можно ждать серьезнаго дѣла. Отецъ мой просилъ, если возможно доставить насъ въ его ярославское имѣніе, но замѣтилъ притомъ, что у него съ собою нѣтъ ни копѣйки денегъ. Сочтемся послѣ, сказалъ Иловайскій, и будьте покойны, я даю вамъ слово ихъ отправить. Отца моего повезли на фельдъегерскихъ по тогдашнему фашиннику. Намъ Иловайскій досталъ какую-то старую колымагу и отправилъ до ближняго города съ партіей французскихъ плѣнниковъ, подъ прикрытіемъ казаковъ; онъ снабдилъ деньгами на прогоны до Ярославля и вообще сдѣлалъ все, что могъ въ суетѣ и тревогѣ военнаго времени.

Таково было мое первое путешествіе по Россіи; второе было безъ французскихъ улановъ, безъ уральскихъ казаковъ и военноплѣнныхъ, — я былъ одинъ, возлѣ меня сидѣлъ пьяный жандармъ.

Отца моего привезли прямо къ Аракчееву и у него въ домѣ задержали. Графъ спросилъ письмо. отецъ мой сказалъ о своемъ честномъ словѣ лично доставить его: графъ обѣщалъ спросить у государя и на другой день письменно сообщилъ, что государь поручилъ ему взять письмо для немедленнаго доставленія. Въ полученіи письма онъ далъ росписку (и она цѣла). Съ мѣсяцъ отецъ мой оставался арестованнымъ въ домѣ Аракчеева: къ нему никого не пускали; одинъ С. С. Шишковъ пріѣзжалъ, по приказанію государя, распросить о подробностяхъ пожара, вступленія непріятеля и о свиданіи съ Наполеономъ; онъ былъ первый очевидецъ, явившійся въ Петербургъ. Наконецъ Аракчеевъ объявилъ моему отцу, что императоръ велѣлъ его освободить, не ставя ему въ вину, что онъ взялъ пропускъ отъ непріятельскаго начальства, что извинялось крайностью, въ которой онъ находился. Освобождая его, Аракчеевъ велѣлъ немедленно ѣхать изъ Петербурга, не видавшись ни съ кѣмъ, кромѣ старшаго брата, которому разрѣшено было проститься.

Пріѣхавши въ небольшую ярославскую деревеньку около ночи, отецъ мой засталъ насъ въ крестьянской избѣ (господскаго дома въ этой деревнѣ не было), я спалъ на лавкѣ подъ окномъ, окно затворялось плохо, снѣгъ, пробиваясь въ щель, заносилъ часть скамьи и лежалъ не таявши на оконницѣ.

Все было въ большомъ смущеніи, особенно моя мать. За нѣсколько дней до пріѣзда моего отца, утромъ староста и нѣсколько дворовыхъ съ поспѣшностью взошли

въ избу, гдѣ она жила, показывая ей что-то руками и требуя, чтобъ она шла за ними. Моя мать не говорила тогда ни слова по русски, она только поняла, что рѣчь шла о Павлѣ Ивановичѣ; она не знала, что думать, ей приходило въ голову, что его убили или что его хотятъ убить, и потомъ ее. Она взяла меня на руки и ни живая ни мертвая, дрожа всѣмъ тѣломъ, пошла за старостой. Голохвастовъ занималъ другую избу, они взошли туда; старикъ лежалъ дѣйствительно мертвый возлѣ стола, за которымъ хотѣлъ бриться; громовой ударъ паралича мгновенно прекратилъ его жизнь.

Можно себѣ представить положеніе моей матери (ей было тогда семнадцать лѣтъ) середи этихъ *полудикихъ* людей съ бородами, одѣтыхъ въ нагольные тулупы, говорящихъ на совершенно незнакомомъ языкѣ, въ небольшой закоптѣлой избѣ, и все это въ Ноябрѣ мѣсяцѣ страшной зимы 1812 года. Ея единственная опора былъ Голохвастовъ; она дни, ночи плакала послѣ его смерти. А *дикіе* эти жалѣли ее отъ всей души, со всѣмъ радушіемъ, со всей простотой своей, и староста посылалъ нѣсколько разъ сына въ городъ за изюмомъ, пряниками, яблоками и баранками для нея.

Лѣтъ черезъ пятнадцать, староста еще былъ живъ и иногда пріѣзжалъ въ Москву, сѣдой какъ лунь и плѣшивый; моя мать угощала его обыкновенно чаемъ и поминала съ нимъ зиму 1812 года, какъ она его боялась и какъ они, не понимая другъ друга, хлопотали о похоронахъ Павла Ивановича. Старикъ все еще называлъ мою мать, какъ тогда, Юлиза Ивановна — вмѣсто Луиза, и разсказывалъ какъ я вовсе не боялся его бороды и охотно ходилъ къ нему на руки.

Изъ ярославской губерніи мы переѣхали въ тверскую и наконецъ, черезъ годъ, перебрались въ Москву. Къ

тѣмъ порамъ воротился изъ Швеціи братъ моего отца, бывшій посланникомъ въ Вестфаліи и потомъ ѣздившій за чѣмъ-то къ Бернадоту; онъ поселился въ одномъ домѣ съ нами.

Я еще, какъ сквозь сонъ, помню слѣды пожара, остававшіеся до начала двадцатыхъ годовъ, большіе обгорѣлые дома безъ рамъ, безъ крышъ, обвалившіяся стѣны, пустыри, огороженныя заборами, остатки печей и трубъ на нихъ.

Разсказы о пожарѣ Москвы, о Бородинскомъ сраженіи, о Березинѣ, о взятіи Парижа, были моею колыбельной пѣснью, дѣскими сказками, моей Иліадой и Одиссеей. Моя мать и наша прислуга, мой отецъ и Вѣра Артамоновна безпрестанно возвращались къ грозному времени, поразившему ихъ такъ недавно, такъ близко и такъ круто. Потомъ возвратившіеся генералы и офицеры стали наѣзжать въ Москву. Старые сослуживцы моего отца по Измайловскому полку, теперь участники покрытые славой едва кончившейся, кровавой борьбы, часто бывали у насъ. Они отдыхали отъ своихъ трудовъ и дѣлъ, разсказывая ихъ. Это было дѣйствительно самое блестящее время петербургскаго періода; сознаніе силы давало новую жизнь, дѣла и заботы казалось были отложены на завтра, на будни, теперь хотѣлось попировать на радостяхъ побѣды.

Тутъ я еще больше наслушался о войнѣ, чѣмъ отъ Вѣры Артамоновны. Я очень любилъ разсказы графа Милорадовича, онъ говорилъ съ чрезвычайною живостью, съ рѣзкой мимикой, съ громкимъ смѣхомъ и я не разъ засыпалъ подъ нихъ на диванѣ за его спиной.

Разумѣется, что при такой обстановкѣ, я былъ отчаянный патріотъ и собирался въ полкъ; но исключительное чувство національности никогда до добра не

доводитъ; меня оно довело до слѣдующаго. Между прочими у насъ бывалъ графъ Кенсона, французскій эмигрантъ и генералъ-лейтенантъ русской службы. Отчаянный роялистъ, онъ участвовалъ на знаменитомъ праздникѣ, на которомъ королевскіе опричники топтали народную кокарду, и гдѣ Марія Антуанета пила на погибель революціи. Графъ Кенсона, худой, стройный, высокій и сѣдой старикъ, былъ типъ учтивости и изящныхъ манеръ. Въ Парижѣ его ждало перство, онъ уже ѣздилъ поздравлять Людовика XVIII съ мѣстомъ и возвратился въ Россію для продажи имѣнья. Надобно было на мою бѣду, чтобъ вѣжливѣйшій изъ генераловъ всѣхъ русскихъ армій, сталъ при мнѣ говорить о войнѣ. „Да, вѣдь вы стало сражались противъ насъ?“ спросилъ я его пренаивно. Non, mon petit, non, j'étais dans l'armée russe. „Какъ, сказалъ я, вы французъ и были въ нашей арміи, это не можетъ быть!“ Отецъ мой строго взглянулъ на меня и замялъ разговоръ. Графъ геройски поправилъ дѣло, онъ сказалъ, обращаясь къ моему отцу, „что ему нравятся такія *патріотическія* чувства.“ Отцу моему онѣ не понравились, и онъ мнѣ задалъ послѣ его отъѣзда страшную гонку. „Вотъ что значитъ говорить очертя голову обо всемъ, чего ты не понимаешь и не можешь понять, графъ изъ вѣрности *своему* королю, служилъ *нашему* императору.“ Дѣйствительно я этого не понималъ.

Отецъ мой провелъ лѣтъ двѣнадцать за границей, братъ его еще дольше; они хотѣли устроить какую-то жизнь на иностранный манеръ, безъ большихъ тратъ и съ сохраненіемъ всѣхъ русскихъ удобствъ. Жизнь не устроивалась, оттого-ли что они не умѣли сладить, оттого-ли что помѣщичья натура брала верхъ надъ ино-

странными привычками? Хозяйство было общее, пмѣнье нераздѣльное, огромная дворня заселяла нижній этажъ, всѣ условія безпорядка стало быть были на лицо.

За мной ходили двѣ нянюшки — одна русская и одна нѣмка; Вѣра Артамоновна и М-ме Прово были очень добрыя женщины, но мнѣ было скучно смотрѣть, какъ онѣ цѣлый день вяжутъ чулокъ и пикируются между собой, а потому при всякомъ удобномъ случаѣ я убѣгалъ на половину Сенатора (бывшаго посланника), къ моему единственному пріятелю, къ его камердинеру Кало.

Добрѣе, кротче, мягче я мало встрѣчалъ людей; совершенно одинокій въ Россіи, разлученный со всѣми своими, плохо говорившій по русски, онъ имѣлъ женскую привязанность ко мнѣ. Я часы цѣлые проводилъ въ его комнатѣ, докучалъ ему, притѣснялъ его, шалилъ — онъ все выносилъ съ добродушной улыбкой, вырѣзывалъ мнѣ всякія чудеса изъ картонной бумаги, точилъ разныя бездѣлицы изъ дерева (за то вѣдь какъ же я его и любилъ). По вечерамъ онъ приносилъ ко мнѣ на верхъ изъ библіотеки книги съ картинами — путешествіе Гмелина и Паласса и еще толстую книгу „Свѣтъ въ лицахъ," которая мнѣ до того нравилась, что я ее смотрѣлъ до тѣхъ поръ, что даже кожаной переплетъ не вынесъ; Кало часа по два показывалъ мнѣ однѣ и тѣ же изображенія, повторяя тѣ же объясненія въ тысячный разъ.

Передъ днемъ моего рожденія и моихъ имянинъ, Кало запирался въ своей комнатѣ, оттуда были слышны разные звуки молотка и другихъ инструментовъ; часто быстрыми шагами проходилъ онъ по коридору, всякій разъ запирая на ключъ свою дверь, то съ кастрюлькой для клея, то съ какими-то завернутыми въ

бумагу вещами. Можно себѣ представить какъ мнѣ хотѣлось знать, что онъ готовитъ, я подсылалъ дворовыхъ мальчиковъ вывѣдать, но Кало держалъ ухо востро. Мы какъ-то открыли на лѣстницѣ небольшое отверстіе, падавшее прямо въ его комнату, но и оно намъ не помогло; видна была верхняя часть окна и портретъ Фридриха II съ огромнымъ носомъ, съ огромной звѣздой и съ видомъ псхудалаго коршуна. Дни за два шумъ переставалъ, комната была отворена—все въ ней было по старому, кой-гдѣ валялись только обрѣзки золотой и цвѣтной бумаги; я краснѣлъ снѣдаемый любопытствомъ, но Кало, съ натянуто-серьезнымъ видомъ, не касался щекотливаго предмета.

Въ мученіяхъ доживалъ я до торжественнаго дня, въ пять часовъ утра я уже просыпался и думалъ о приготовленіяхъ Кало; часовъ въ восемь являлся онъ самъ въ бѣломъ галстухѣ, въ бѣломъ жилетѣ, въ синемъ фракѣ и съ пустыми руками.—Когда-же это кончится? Не испортилъ-ли онъ? И время шло и обычные подарки шли, и лакей Елизаветы Алексѣевны Голохвастовой уже приходилъ съ завязанной въ салфеткѣ богатой игрушкой и Сенаторъ уже приносилъ какія-нибудь чудеса, но безпокойное ожиданіе сюприза мутило радость.

Вдругъ, какъ нибудь невзначай, послѣ обѣда или послѣ чая, нянюшка говорила мнѣ, „сойдите на минуточку внизъ, васъ спрашиваетъ одинъ человѣкъ.“ Вотъ оно, думалъ я, и опускался, скользя на рукахъ, по поручнямъ лѣстницы. Двери въ залу отворяются съ шумомъ, играетъ музыка, транспарантъ съ моимъ вензелемъ горитъ, дворовые мальчики, одѣтые турками, подаютъ мнѣ конфекты, потомъ кукольная комедія или комнатный фейерверкъ. Кало въ поту, суетится, все самъ приводитъ въ движеніе и не меньше меня въ восторгѣ.

Какіе же подарки могли стать рядомъ съ такимъ праздникомъ, — я же никогда не любилъ *вещей*, бугоръ собственности и стяжанія не былъ у меня развитъ ни въ какой возрастъ, — усталь отъ неизвѣстности, множество свѣчекъ, фольги и запахъ пороха! Недоставало можетъ одного—товарища, но я все ребячество провелъ въ одиночествѣ*) и стало не былъ избалованъ съ этой стороны.

У моего отца былъ еще братъ, старшій обоихъ, съ которымъ онъ и Сенаторъ находились въ открытомъ разрывѣ; не смотря на то, они имѣніемъ управляли вмѣстѣ, т. е. раззоряли его сообща. Безпорядокъ тройнаго управленія при ссорѣ былъ вопіющъ. Два брата дѣлали все на перекоръ старшему, онъ имъ. Старосты и крестьяне теряли голову; одинъ требуетъ подводъ, другой сѣна, третій дровъ, каждый распоряжается, каждый посылаетъ своихъ повѣренныхъ. Старшій братъ назначаетъ старосту, — меньшіе смѣняютъ его черезъ мѣсяцъ, придравшись къ какому нибудь вздору и назначаютъ другого, котораго старшій братъ не признаетъ. При этомъ, какъ слѣдуетъ, сплетни, переносы, лазутчики, фавориты и на днѣ всего бѣдные крестьяне, не находившіе ни расправы, ни защиты и которыхъ тормошили въ разныя стороны, обременяли двойной работой и неустройствомъ капризныхъ требованій.

*) Кромѣ меня у моего отца былъ другой сынъ лѣтъ десять старше меня. Я его всегда любилъ, но товарищемъ онъ мнѣ не могъ быть. Лѣтъ съ двѣнадцати и до тридцати онъ провелъ подъ ножемъ хирурговъ. Послѣ ряда истязаній, вынесенныхъ съ чрезвычайнымъ мужествомъ, превративъ цѣлое существованіе въ одну перемежающуюся операцію, доктора объявили его болѣзнь неизлѣчимой. Здоровье было разрушено; обстоятельства и нравъ способствовали окончательно сломать его жизнь. Страницы, въ которыхъ я говорю о его уединенномъ, печальномъ существованіи, выпущены мной, я ихъ не хочу печатать безъ его согласія.

Ссора между братьями имѣла первымъ слѣдствіемъ, поразившимъ ихъ,—потерю огромнаго процесса съ графами Девіеръ, въ которомъ они были правы. Имѣя одинъ интересъ, они не могли никогда согласиться въ образѣ дѣйствія; противная партія естественно воспользовалась этимъ. Сверхъ потери большаго и прекраснаго имѣнія, сенатъ приговорилъ каждаго изъ братьевъ къ уплатѣ проторей и убытковъ *по тридцати тысячи* руб. асс. Этотъ урокъ раскрылъ имъ глаза и они рѣшились раздѣлиться. Около года продолжались пріуготовительные толки, имѣнье было разбито на три довольно ровныя части, судьба должна была рѣшить кому какая достанется. Сенаторъ и мой отецъ ѣздили къ брату, котораго не видали нѣсколько лѣтъ для переговоровъ и примиренія, потомъ разнесся слухъ, что онъ пріѣдетъ къ намъ для окончанія дѣла. Слухъ о пріѣздѣ старшаго брата распространилъ ужасъ и безпокойство въ нашемъ домѣ.

Это было одно изъ тѣхъ оригинально-уродливыхъ существъ, которыя только возможны въ оригинально уродливой русской жизни. Онъ былъ человѣкъ даровитый отъ природы и всю жизнь дѣлалъ нелѣпости, доходившія часто до преступленій. Онъ получилъ порядочное образованіе на французскій манеръ, былъ очень начитанъ,—и проводилъ время въ развратѣ и праздной пустотѣ до самой смерти. Онъ началъ свою службу тоже съ Измайловскаго полка, состоялъ при Потемкинѣ чѣмъ-то въ родѣ адъютанта, потомъ служилъ при какой-то миссіи и, возвратившись въ Петербургъ, былъ сдѣланъ оберъ-прокуроромъ въ Синодѣ. Ни дипломатическій кругъ, ни монашескій не могли укротить необузданный характеръ его. За ссоры съ архіереями онъ былъ отставленъ, за пощечину, которую хотѣлъ дать или далъ

на оффиціальномъ обѣдѣ у генералъ-губернатора какому-то господину, ему былъ воспрещенъ въѣздъ въ Петербургъ. Онъ уѣхалъ въ свое тамбовское имѣнье; тамъ мужики чуть не убили его за волокитство и свирѣпости; онъ былъ обязанъ своему кучеру и лошадямъ спасеніемъ жизни.

Послѣ этого онъ поселился въ Москвѣ. Покинутый всѣми родными и всѣми посторонними, онъ жилъ одинъ одинехонекъ въ своемъ большомъ домѣ на Тверскомъ бульварѣ, притѣснялъ свою дворню и раззорялъ мужиковъ. Онъ завелъ большую библіотеку и цѣлую крѣпостную сераль, и то и другое держалъ на заперти. Лишенный всякихъ занятій и скрывая страшное самолюбіе, доходившее до наивности, онъ для разсѣянія скупалъ ненужныя вещи и заводилъ еще болѣе ненужныя тяжбы, которыя велъ съ ожесточеніемъ. *Тридцать* лѣтъ длился у него процессъ объ Аматіевской скрыпкѣ и кончился тѣмъ, что онъ выигралъ ее. Онъ оттягалъ послѣ необычныхъ усилій стѣну общую двумъ домамъ, отъ обладанія которой онъ ничего не пріобрѣталъ. Будучи въ отставкѣ, онъ, по газетамъ приравнивая къ себѣ повышеніе своихъ сослуживцевъ, покупалъ ордена имъ данные и клалъ ихъ на столѣ, какъ скорбное напоминаніе: чѣмъ и чѣмъ онъ могъ бы быть изукрашенъ!

Братья и сестры его боялись и не имѣли съ нимъ никакихъ сношеній, наши люди обходили его домъ, чтобъ не встрѣтиться съ нимъ и блѣднѣли при его видѣ; женщины страшились его наглыхъ преслѣдованій, дворовые служили молебны, чтобъ не достаться ему.

И вотъ этотъ то страшный человѣкъ долженъ былъ пріѣхать къ намъ. Съ утра во всемъ домѣ было необыкновенное волненіе; я никогда прежде не видалъ

этого миѳическаго „брата врага,“ хотя и родился у него въ домѣ, гдѣ жилъ мой отецъ, послѣ пріѣзда изъ чужихъ краевъ; мнѣ очень хотѣлось его посмотрѣть и въ тоже время я боялся, не знаю чего, но очень боялся.

Часа за два передъ нимъ явился старшій племянникъ моего отца, двое близкихъ знакомыхъ и одинъ добрый, толстый и сырой чиновникъ, завѣдывавшій дѣлами. Всѣ сидѣли въ молчаливомъ ожиданіи, вдругъ взошелъ офиціантъ и какимъ то не своимъ голосомъ доложилъ: „Братецъ изволили пожаловать.“ — Проси, сказалъ Сенаторъ съ примѣтнымъ волненіемъ, мой отецъ принялся нюхать табакъ, племянникъ поправилъ галстукъ, чиновникъ повернулся и откашлянулъ. Мнѣ было велѣно идти на верхъ, я остановился, дрожа всѣмъ тѣломъ, въ другой комнатѣ.

Тихо и важно подвигался „братецъ,“ Сенаторъ и мой отецъ пошли ему на встрѣчу. Онъ несъ съ собою, какъ носятъ на свадьбахъ и похоронахъ, обѣими руками передъ грудью — образъ, и протяжнымъ голосомъ, нѣсколько въ носъ обратился къ братьямъ съ слѣдующими словами:

— Этимъ образомъ благословилъ меня предъ своей кончиной нашъ родитель, поручая мнѣ и покойному брату Петру печься объ васъ и быть вашимъ отцомъ въ замѣну его... еслибъ покойный родитель нашъ зналъ ваше поведеніе противъ старшаго брата....

— Ну, mon cher frére, замѣтилъ мой отецъ своимъ изученно безстрастнымъ голосомъ, — хорошо и вы исполнили послѣднюю волю родителя. Лучше было бы забыть эти тяжелыя напоминовенія для васъ, да и для насъ.

— Какъ?—что?—закричалъ набожный братецъ. Вы

меня за этимъ звали... и такъ бросилъ образъ, что серебряная риза его задребезжала. Тутъ и Сенаторъ закричалъ голосомъ еще страшнѣйшимъ. Я опрометью бросился на верхній этажъ и только успѣлъ видѣть, что чиновникъ и племянникъ, испуганные не меньше меня, ретировлась на балконъ.

Что было и какъ было, я не умѣю сказать; испуганные люди забились въ углы, никто ничего не зналъ о происходившемъ, ни Сенаторъ, ни мой отецъ никогда при мнѣ не говорили объ этой сценѣ. Шумъ мало по малу утихъ и раздѣлъ имѣнія былъ сдѣланъ, тогда или въ другой день не помню.

Отцу моему досталось Васильевское, большое подмосковское имѣнье въ Рузскомъ уѣздѣ. На слѣдующій годъ мы жили тамъ цѣлое лѣто; въ продолженіи этого времени Сенаторъ купилъ себѣ домъ на Арбатѣ, мы пріѣхали одни на нашу большую квартиру, опустѣвшую и мертвую. Вскорѣ потомъ и отецъ мой купилъ тоже домъ въ Старой-Конюшенной.

Съ Сенаторомъ удалялся во первыхъ Кало, а во вторыхъ все живое начало нашего дома. Онъ одинъ мѣшалъ ипохондрическому нраву моего отца взять верхъ, теперь ему была воля вольная. Новый домъ былъ печаленъ, онъ напоминалъ тюрьму или больницу; нижній этажъ былъ со сводами, толстыя стѣны придавали окнамъ видъ крѣпостныхъ амбразуръ, кругомъ дома со всѣхъ сторонъ былъ ненужной величины дворъ.

Въ сущности скорѣе надобно дивиться, какъ Сенаторъ могъ такъ долго жить подъ одной крышей съ моимъ отцомъ, чѣмъ тому, что они разъѣхались. Я рѣдко видалъ двухъ человѣкъ болѣе противуположныхъ, какъ они.

Сенаторъ былъ по характеру человѣкъ добрый и лю-

бившій разсѣянія; онъ провелъ всю жизнь въ мірѣ освѣщенномъ лампами, въ мірѣ оффиціально-дипломатическомъ и придворно-служебномъ, не догадываясь, что есть другой міръ посерьезнѣе—не смотря даже на то, что всѣ событія съ 1789 до 1815 не только прошли возлѣ, но зацѣплялись за него. Графъ Воронцовъ посылалъ его къ лорду Гренвилю, чтобъ узнать о томъ, что предпринимаетъ генералъ Бонапартъ, оставившій египетскую армію. Онъ былъ въ Парижѣ во время коронаціи Наполеона. Въ 1811 году Наполеонъ велѣлъ его остановить и задержать въ Касселѣ, гдѣ онъ былъ посломъ „при царѣ Ерёмѣ," какъ выражался мой отецъ въ минуты досады. Словомъ, онъ былъ на лицо при всѣхъ огромныхъ происшествіяхъ послѣдняго времени, но какъ-то странно, не такъ какъ слѣдуетъ.

Лейбъ-гвардіи капитаномъ Измайловскаго полка, онъ находился при миссіи въ Лондонѣ; Павелъ, увидя это въ спискахъ, велѣлъ ему немедленно явиться въ Петербургъ. Дипломатъ-воинъ отправился съ первымъ кораблемъ и явился на разводъ.

— Хочешь оставаться въ Лондонѣ? спросилъ сиплымъ голосомъ Павелъ

— Если в. в. угодно будетъ мнѣ позволить, отвѣчалъ капитанъ при посольствѣ.

— Ступай назадъ, не теряя времени, отвѣтилъ Павелъ сиплымъ голосомъ, и онъ отправился, не повидавшись даже съ родными, жившими въ Москвѣ.

Пока дипломатическіе вопросы разрѣшались штыками и картечью, онъ былъ посланникомъ и заключилъ свою дипломатическую карьеру во время Вѣнскаго конгресса, этого свѣтлаго праздника всѣхъ дипломатій. Возвратившись въ Россію, онъ былъ произведенъ въ дѣйствительные камергеры въ Москвѣ — гдѣ нѣтъ двора.

Не зная законовъ и русскаго судопроизводства, онъ попалъ въ Сенатъ, сдѣлался членомъ Опекунскаго совѣта, начальникомъ Марьинской больницы, начальникомъ Александринскаго института, и все исполнялъ съ рвеніемъ, которое, врядъ было-ли нужно, съ строптивостью, которая вредила, съ честностью, которую никто не замѣчалъ.

Онъ никогда не бывалъ дома. Онъ заѣзжалъ въ день двѣ четверки здоровыхъ лошадей, одну утромъ, одну послѣ обѣда. Сверхъ Сената, который онъ никогда не забывалъ, опекунскаго совѣта, въ которомъ бывалъ два раза въ недѣлю, сверхъ больницы и института, онъ не пропускалъ почти ни одинъ французскій спектакль и ѣздилъ раза три въ недѣлю въ англійскій клубъ. Скучать ему было нѣкогда, онъ всегда былъ занятъ, разсѣянъ, онъ все ѣхалъ куда-нибудь и жизнь его легко катилась на ресорахъ по міру обертокъ и переплетовъ.

За то онъ до семидесяти пяти лѣтъ былъ здоровъ какъ молодой человѣкъ, являлся на всѣхъ большихъ балахъ и обѣдахъ, на всѣхъ торжественныхъ собраніяхъ и годовыхъ актахъ — все равно какихъ, агрономическихъ или медицинскихъ, страховаго отъ огня общества, или общества естествоиспытателей... да сверхъ того за то же можетъ сохранилъ до старости долю человѣческаго сердца и нѣкоторую теплоту.

Нельзя ничего себѣ представить больше противуположнаго вѣчнодвижущемуся, сангвиническому Сенатору, иногда заѣзжавшему домой — какъ моего отца, почти никогда не выходившаго со двора, ненавидившаго весь оффиціальный міръ, вѣчно капризнаго и недовольнаго. У насъ было тоже восемь лошадей (прескверныхъ), но наша конюшня была въ родѣ богоугоднаго заведенія для клячъ; мой отецъ ихъ держалъ от-

части для порядка, и отчасти для того, чтобъ два кучера и два форейтера имѣли какое нибудь занятіе, сверхъ хожденія за московскими вѣдомостями и пѣтушиныхъ боевъ, которые они завели съ успѣхомъ между каретнымъ сараемъ и сосѣднимъ дворомъ.

Отецъ мой почти совсѣмъ не служилъ; воспитанный французскимъ гувернеромъ въ домѣ набожной и благочестивой тетки, онъ лѣтъ шестнадцати поступилъ въ Измайловскій полкъ сержантомъ, послужилъ до павловскаго воцаренія и вышелъ въ отставку гвардіи капитаномъ; въ 1801 онъ уѣхалъ за границу и прожилъ скитаясь изъ страны въ страну до конца 1811 года. Онъ возвратился съ моей матерью за три мѣсяца до моего рожденія и проживши годъ въ тверскомъ имѣніи послѣ московскаго пожара, переѣхалъ на житье въ Москву, стараясь какъ можно уединеннѣе и скучнѣе устроить жизнь. Живость брата ему мѣшала.

Послѣ переѣзда Сенатора все въ домѣ стало принимать болѣе и болѣе угрюмый видъ. Стѣны, мебель, слуги, все смотрѣло съ неудовольствіемъ, изъ-подлобья, само собою разумѣется, всѣхъ недовольнѣе былъ мой отецъ самъ. Искуственная тишина, шопотъ, осторожные шаги прислуги выражали не вниманіе, а подавленность и страхъ. Въ комнатахъ все было неподвижно, пять, шесть лѣтъ однѣ и тѣ же книги лежали на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ и въ нихъ тѣ же замѣтки. Въ спальной и кабинетѣ моего отца годы цѣлые не передвигалась мебель, не отворялись окна. Уѣзжая въ деревню, онъ бралъ ключъ отъ своей комнаты въ карманъ, чтобъ безъ него не вздумали вымыть половъ или почистить стѣнъ.

ГЛАВА II.

Разговоръ нянюшекъ и бесѣда генераловъ — Ложное положеніе — Русскіе энциклопедисты — Скука — Дѣвичья и передняя — Два нѣмца — Ученье и чтенье — Катихизисъ и Евангеліе.

Лѣтъ до десяти я не замѣчалъ ничего страннаго, особеннаго въ моемъ положеніи; мнѣ казалось естественно и просто, что я живу въ домѣ моего отца что у него на половинѣ я держу себя чинно, что у моей матери другая половина гдѣ я кричу и шалю сколько душѣ угодно. Сенаторъ баловалъ меня и дарилъ игрушки, Кало носилъ на рукахъ, Вѣра Артамоновна одѣвала меня, клала спать и мыла въ корытѣ, Mme Прово водила гулять и говорила со мной по нѣмецки; все шло своимъ порядкомъ, а между тѣмъ я началъ призадумываться.

Бѣглыя замѣчанія, неосторожно сказанныя слова, стали обращать мое вниманіе. Старушка Прово и вся дворня любили безъ памяти мою мать, боялись и вовсе не любили моего отца. Домашнія сцены, возникавшія иногда между ними, служили часто темой разговоровъ Mme Прово съ Вѣрой Артамоновной, бравшихъ всегда сторону моей матери.

Моя мать дѣйствительно имѣла много непріятностей. Женщина чрезвычайно добрая, но безъ твердой воли,

она была совершенно подавлена моимъ отцомъ и какъ всегда бываетъ съ слабыми натурами, дѣлала отчаянную опозицію въ мелочахъ и бездѣлицахъ. По несчастію именно въ этихъ мелочахъ отецъ мой былъ почти всегда правъ и дѣло оканчивалось его торжествомъ.

— Я право. говарнвала на примѣръ Mme Прово, на мѣстѣ барыни просто взяла бы да и уѣхала въ Штутгартъ; какая отрада — все капризы, да непріятности, скука смертная.

— Разумѣется, добавляла Вѣра Артамоновна, да вотъ что связало по рукамъ и ногамъ, и она указывала спичками чулка на меня, „Взять съ собой—куда? къ чему? — покинуть здѣсь одного, съ нашими порядками, это и вчужѣ жаль!“

Дѣти вообще проницательнѣе нежели думаютъ, они быстро разсѣеваются, на время забываютъ, что ихъ поразило, но упорно возвращаются, особенно ко всему таинственному или страшному, и допытываются съ удивительной настойчивостью и ловкостью до истины.

Однажды настороженный, я въ нѣсколько недѣль узналъ всѣ подробности о встрѣчи моего отца съ моей матерью, о томъ, какъ она рѣшилась оставить родительскій домъ, какъ была спрятана въ русскомъ посольствѣ къ Касселѣ, у Сенатора, и въ мужскомъ платьѣ переѣхала границу; все это я узналъ, ни разу не сдѣлавъ никому ни одного вопроса.

Первое слѣдствіе этихъ открытій было отдаленіе отъ моего отца—за сцены, о которыхъ я говорилъ. Я ихъ видѣлъ и прежде, но мнѣ казалось, что это въ совершенномъ порядкѣ, я такъ привыкъ что все въ домѣ, не исключая Сенатора, боялось моего отца, что онъ всѣмъ дѣлалъ замѣчанія, что не находилъ этого стран-

нымъ. Теперь я сталъ иначе понимать дѣло и мысль, что доля всего выносится за меня, заволакивало иной разъ темнымъ и тяжелымъ облакомъ свѣтлую, дѣтскую фантазію.

Вторая мысль, укоренявшаяся во мнѣ съ того времени, состояла въ томъ, что я гораздо меньше завишу отъ моего отца, нежели вообще дѣти. Эта самобытность, которую я самъ себѣ выдумалъ, мнѣ нравилась.

Года черезъ два или три, разъ вечеромъ сидѣли у моего отца, два товарища по полку, П. К. Эссенъ, Оренбурскій ген.-губернаторъ и А. Н. Бахметевъ, бывшій намѣстникомъ въ Бессарабіи, генералъ, которому подъ Бородинымъ оторвало ногу. Комната моя была возлѣ залы, въ которой они усѣлись. Между прочимъ мой отецъ сказалъ имъ, что онъ говорилъ съ княземъ Юсуповымъ на счетъ опредѣленія меня на службу. „Время терять нечего, прибавилъ онъ, вы знаете, что ему надобно долго служить для того, чтобъ до чего-нибудь дослужиться.“

— Что тебѣ братецъ за охота, сказалъ добродушно Эссенъ, дѣлать изъ него писаря. Поручи мнѣ это дѣло, я его запишу въ уральскіе казаки, въ офицеры его выведемъ, это главное, потомъ своимъ чередомъ и пойдетъ, какъ мы всѣ.

Мой отецъ не соглашался, говорилъ что онъ разлюбилъ все военное, что онъ надѣется помѣстить меня современемъ гдѣ-нибудь при миссіи въ тепломъ краѣ, куда и онъ бы поѣхалъ оканчивать жизнь.

Бахметевъ, мало бравшій участія въ разговорѣ, сказалъ, вставая на своихъ костыляхъ. „Мнѣ кажется, что вамъ слѣдовало бы очень подумать о совѣтѣ Петра Кириловича. Не хотите записывать въ Оренбургъ, можно и здѣсь записать. Мы съ вами старые друзья и я

привыкъ говорить съ вами откровенно, штатской службой, университетомъ вы ни *вашему молодому человѣку* не сдѣлаете добра, ни пользы для общества. Онъ яснымъ образомъ *въ ложномъ положеніи*, одна военная служба можетъ разомъ раскрыть карьеру и поправить его. Прежде чѣмъ онъ дойдетъ до того, что будетъ командовать ротой, всѣ опасныя мысли улягутся. Военная дисциплина — великая школа, дальнѣйшее зависитъ отъ него. Вы говорите, что онъ имѣетъ способности, да развѣ въ военную службу идутъ одни дураки? А мы то съ вами, да и весь нашъ кругъ? Одно вы можете возразить, что ему дольше надобно служить до офицерскаго чина, да въ этомъ-то именно мы и поможемъ вамъ."

Разговоръ этотъ стоилъ замѣчаній Mme Прово и Вѣры Артамоновны. Мнѣ тогда уже было лѣтъ 13, такіе уроки, переворачиваемые на всѣ стороны, разбираемые недѣли, мѣсяцы въ совершенномъ одиночествѣ, приносили свой плодъ. Результатомъ этого разговора было то, что я, мечтавшій прежде какъ всѣ дѣти о военной службѣ и мундирѣ, чуть не плакавшій о томъ, что мой отецъ хотѣлъ изъ меня сдѣлать статскаго, вдругъ охладѣлъ къ военной службѣ; и хотя не разомъ, но мало по малу искоренилъ до тла любовь и нѣжность къ эполетомъ, аксельбантамъ, лампасамъ. Еще разъ впрочемъ потухающая страсть къ мундиру вспыхнула. Родственникъ нашъ, учившійся въ пансіонѣ въ Москвѣ и приходившій иногда по праздникамъ къ намъ, поступилъ въ Ямбургскій уланскій полкъ. Въ 1825 году онъ пріѣзжалъ юнкеромъ въ Москву и остановился у насъ на нѣсколько дней. Сильно билось сердце, когда я его увидѣлъ со всѣми шнурками и шнурочками, съ саблей и въ четвероугольномъ киверѣ, надѣтомъ не много на

бокъ и привязанномъ на шнуркѣ. Онъ былъ лѣтъ семнадцати и небольшаго роста. Утромъ на другой день я одѣлся въ его мундиръ, надѣлъ саблю и киверъ и посмотрѣлъ въ зеркало. Боже мой, какъ я казался себѣ хорошъ, въ синемъ куцомъ мундирѣ, съ красными выпушками! А этишкеты, а помпонъ, а ледунка... что съ ними въ сравненіи была камлотовая куртка которую я носилъ дома и желтые китайчатые панталоны?

Пріѣздъ родственника потрясъ было дѣйствіе генеральской рѣчи, но вскорѣ обстоятельства снова и окончательно отклонили мой умъ отъ военнаго мундира.

Внутренній результатъ думъ о „ложномъ положеніи“ былъ довольно сходенъ съ тѣмъ, который я вывелъ изъ разговоровъ двухъ нянюшекъ. Я чувствовалъ себя свободнѣе отъ общества, котораго вовсе не зналъ, чувствовалъ, что въ сущности я оставленъ на собственныя свои силы и съ нѣсколько дѣтской заносчивостью думалъ, что покажу себя Алексѣю Николаевичу съ товарищами.

При всемъ этомъ можно себѣ представить, какъ томно и однообразно шло для меня время въ странномъ аббатствѣ родительскаго дома. Не было мнѣ ни поощреній, ни разсѣяній, отецъ мой былъ почти всегда мною недоволенъ, онъ баловалъ меня только лѣтъ до десяти; товарищей не было, учители приходили и уходили, и я украдкой убѣгалъ, провожая ихъ на дворъ, поиграть съ дворовыми мальчиками, что было строго запрещено. Остальное время я скитался по большимъ почернѣлымъ комнатамъ съ закрытыми окнами днемъ, едва освѣщенными вечеромъ, ничего не дѣлая или читая всякую всячину.

Передняя и дѣвичья составляли единственное живое удовольствіе, которое у меня оставалось. Тутъ мнѣ

было совершенное раздолье, я бралъ партію однихъ противъ другихъ, судилъ и рядилъ вмѣстѣ съ моими пріятелями ихъ дѣла, зналъ всѣ ихъ секреты и никогда не проболтался въ гостинной о тайнахъ передней.

На этомъ предметѣ нельзя не остановиться. Я впрочемъ вовсе не бѣгу отъ отступленій и эпиздовъ, такъ идетъ всякій разговоръ, такъ идетъ самая жизнь.

Дѣти вообще любятъ слугъ; родители запрещаютъ имъ сближаться съ ними, особенно въ Россіи; дѣти не слушаютъ ихъ, потому что въ гостинной скучно, а въ дѣвичьей весело. Въ этомъ случаѣ, какъ въ тысячи другихъ, родители не знаютъ, что дѣлаютъ. Я никакъ не могу себѣ представить, чтобъ наша передняя была вреднѣе для дѣтей чѣмъ наша „чайная“ или „диванная.“ Въ передней дѣти перенимаютъ грубыя выраженія и дурныя манеры, это правда; но въ гостинной они принимаютъ грубыя мысли и дурныя чувства.

Самый приказъ удаляться отъ людей, съ которыми дѣти въ безпрерывномъ сношеніи, безнравственъ.

Много толкуютъ у насъ о глубокомъ развратѣ слугъ, особенно крѣпостныхъ. Они дѣйствительно не отличаются примѣрной строгостью поведенія, нравственное паденіе ихъ видно уже изъ того, что они слишкомъ многое выносятъ, слишкомъ рѣдко возмущаются и даютъ отпоръ. Но не въ этомъ дѣло. Я желалъ бы знать, которое сословіе въ Россіи меньше ихъ развращено? Неужели дворянство, или чиновники? — быть можетъ духовенство?

Что-же вы смѣетесь?

Развѣ одни крестьяне найдутъ кой-какія права...

Разница между дворянами и дворовыми также мала, какъ между ихъ названіями. Я ненавижу, особенно по-

слѣ бѣдъ 1848 г. демагогическую лесть толпѣ, но аристократическую клевету на народъ ненавижу еще больше. Представляя слугъ и рабовъ распутными звѣрями, плантаторы отводятъ глаза другимъ и заглушаютъ крики совѣсти въ себѣ. Мы рѣдко лучше черни, но выражаемся мягче, ловчѣе скрываемъ эгоизмъ и страсти; наши желанія не такъ грубы и не такъ явны отъ легости удовлетворенія, отъ привычки не сдерживаться, мы просто богаче, сытѣе и вслѣдствіе этого взыскательнѣе. Когда графъ Альмавива изчислилъ севильскому цирюльнику качества, которыя онъ требуетъ отъ слуги, Фигаро замѣтилъ, вздыхая: „Ели слугѣ надобно имѣть всѣ эти достоинства, много-ли найдется господъ годныхъ быть лакеями?“

Развратъ въ Россіи вообще не глубокъ, онъ больше дикъ и саленъ, шуменъ и грубъ, растрепанъ и безстыденъ, чѣмъ глубокъ. Духовенство запершись дома пьянствуетъ и обжирается съ купечествомъ. Дворянство пьянствуетъ на бѣломъ свѣтѣ, играетъ на пропалую въ карты, дерется съ слугами, развратничаетъ съ горничными, ведетъ дурно свои дѣла и еще хуже семейную жизнь. Чиновники дѣлаютъ тоже, но грязнѣе, да сверхъ того подличаютъ передъ начальниками и воруютъ по мелочи. Дворяне собственно меньше воруютъ, они открыто берутъ чужое, впрочемъ, гдѣ случится, похулы на руку не кладутъ.

Всѣ эти милыя слабости встрѣчаются въ формѣ еще грубѣйшей у чиновниковъ стоящихъ за 14 классомъ, у дворянъ принадлежащихъ не царю, а помѣщикамъ. Но чѣмъ они хуже другихъ какъ сословіе—я не знаю.

Перебирая воспоминанія мои, не только о дворовыхъ нашего дома и Сенатора, но о слугахъ двухъ, трехъ близкихъ намъ домовъ въ продолженіи двадцати пяти

лѣтъ, я не помню ничего особенно порочнаго въ ихъ поведеніи. Развѣ придется говорить о небольшихъ кражахъ... но тутъ понятія такъ сбиты положеніемъ, что трудно судить: *человѣкъ - собственность* не церемонится *съ своимъ* товарищемъ и поступаетъ за панибрата съ барскимъ добромъ. Справедливѣе слѣдуетъ исключить какихъ-нибудь временщиковъ, фаворитовъ и фаворитокъ, барскихъ барынь, наушниковъ; но во-первыхъ, они составляютъ исключеніе, — это Клейнмихели конюшни, Бенкендорфы отъ погреба, Перекусихины въ затрапезномъ платьѣ, Помпадуръ на босую ногу; сверхъ того они-то и ведутъ себя всѣхъ лучше, напиваются только ночью и платья своего не закладываютъ въ питейный домъ.

Простодушный развратъ прочихъ вертится около стакана вина и бутылки пива, около веселой бесѣды и трубки, самовольныхъ отлучекъ изъ дома, ссоръ иногда доходящихъ до дракъ, плутней съ господами, требующими отъ нихъ нечеловѣческаго и невозможнаго. Разумѣется, отсутствіе съ одной стороны — всякаго воспитанія, съ другой — крестьянской простоты при рабствѣ, внесли бездну уродливаго и искаженнаго въ ихъ нравы, но при всемъ этомъ они, какъ негры въ Америкѣ, остались полудѣтьми, бездѣлица ихъ тѣшитъ, бездѣлица огорчаетъ; желанія ихъ ограничены и скорѣе наивны и человѣчественны, чѣмъ порочны.

Вино и чай, кабакъ и трактиръ, двѣ постоянныя страсти русскаго слуги; для нихъ онъ крадетъ, для нихъ онъ бѣденъ, изъ за нихъ онъ выноситъ гоненія, наказанія и покидаетъ семью въ нищетѣ. Ничего нѣтъ легче, какъ съ высоты трезваго опьяненія Патера Метью осуждать пьянство и, сидя за чайнымъ столомъ, удивляться, для чего слуги ходятъ пить чай въ трак-

тиръ, а не пьютъ его дома, не смотря на то, что дома дешевле.

Вино оглушаетъ человѣка, даетъ возможность забыться, искуственно веселитъ, раздражаетъ; это оглушеніе и раздраженіе тѣмъ больше нравятся, чѣмъ меньше человѣкъ развитъ и чѣмъ больше сведенъ на узкую, пустую жизнь. Какъ же не пить слугѣ, осужденному на вѣчную переднюю, на всегдашнюю бѣдность, на рабство, на продажу? Онъ пьетъ черезъ край—когда можетъ, потому что не можетъ пить всякій день; это замѣтилъ, лѣтъ пятнадцать тому назадъ, Сенковскій, въ *Библіотекѣ для Чтенія*. Въ Италіи и южной Франціи нѣтъ пьяницъ, оттого что много вина. Дикое пьянство англійскаго работника объясняется точно также. Эти люди сломились въ безвыходной и неровной борьбѣ съ голодомъ и нищетой; какъ они ни бились, они вездѣ встрѣчали свинцовый сводъ и суровый отпоръ, отбрасывавшій ихъ на мрачное дно общественной жизни и осуждавшій на вѣчную работу безъ цѣли, снѣдавшую умъ вмѣстѣ съ тѣломъ. Что-же тутъ удивительнаго, что, пробывъ шесть дней рычагомъ, колесомъ, пружиной, винтомъ, человѣкъ дико вырывается въ субботу вечеромъ изъ каторги мануфактурной дѣятельности и въ полчаса напивается пьянъ, тѣмъ больше, что его изнуреніе не много можетъ вынести. Лучше бы и моралисты пили себѣ Irish или Scotch Whiskey, да молчали бы, а то съ ихъ безчеловѣчной филантропіей, они накличутся на страшные отвѣты.

Пить чай въ трактирѣ имѣетъ другое значеніе для слугъ. Дома ему чай не въ чай; дома ему все напоминаетъ, что онъ слуга; дома у него грязная людская, онъ долженъ самъ поставить самоваръ, дома у него чашка съ отбитой ручкой и всякую минуту баринъ мо-

жетъ позвонить. Въ трактирѣ онъ вольный человѣкъ, онъ господинъ, для него накрытъ столъ, зажжены лампы, для него несется съ подносомъ половой, чашки блестятъ, чайникъ блеститъ, онъ приказываетъ — его слушаютъ, онъ радуется и весело требуетъ себѣ паюсной икры или растегайчикъ къ чаю.

Во всемъ этомъ больше дѣтскаго простодушія, чѣмъ безнравственности. Впечатлѣнія ими овладѣваютъ быстро, но не пускаютъ корней; умъ ихъ постоянно занятъ, или лучше, разсѣянъ случайными предметами, небольшими желаніями, пустыми цѣлями. Ребячья вѣра во все чудесное заставляетъ трусить взрослаго мужчину и та же ребячья вѣра утѣшаетъ его въ самыя тяжелыя минуты. Я съ удивленіемъ присутствовалъ при смерти двухъ или трехъ изъ слугъ моего отца: вотъ гдѣ можно было судить о простодушномъ безпечіи, съ которымъ проходила ихъ жизнь, о томъ, что на ихъ совѣсти вовсе не было большихъ грѣховъ; а если кой-что случилось, такъ уже покончено на духу съ „батюшкой.“

На этомъ сходствѣ дѣтей съ слугами и основано взаимное пристрастіе ихъ. Дѣти ненавидятъ аристократію взрослыхъ и ихъ благосклонно - снисходительное обращеніе, оттого что они умны и понимаютъ, что для нихъ они дѣти, а для слугъ — лица. Вслѣдствіе этого, они гораздо больше любятъ играть въ карты и лото съ горничными, чѣмъ съ гостями. Гости играютъ для *нихъ* изъ снисхожденія, уступаютъ имъ, дразнятъ ихъ и оставляютъ игру, какъ вздумается; горничныя играютъ обыкновенно столько-же для себя, сколько для дѣтей; отъ этого игра получаетъ интересъ.

Прислуга чрезвычайно привязывается къ дѣтямъ и

это вовсе не рабская привязанность, это взаимная любовь *слабыхъ и простыхъ*.

Встарь бывала, какъ теперь въ Турціи, патріархальная династическая любовь между помѣщиками и дворовыми. Нынче нѣтъ больше на Руси усердныхъ слугъ, преданныкъ роду и племени своихъ господъ. И это понятно. Помѣщикъ не вѣритъ въ свою власть, не думаетъ, что онъ будетъ отвѣчать за своихъ людей на страшномъ судилищѣ Христовомъ, а пользуется ею изъ выгоды. Слуга не вѣритъ въ свою подчиненность и выноситъ насиліе не какъ кару божію, не какъ искусъ, а просто оттого, что онъ беззащитенъ; сила солому ломитъ.

Я знавалъ еще въ молодости два, три обращика этихъ фанатиковъ рабства, о которыхъ со вздохомъ говорятъ восьмидесятилѣтніе помѣщики, повѣствуя о ихъ неусыпной службѣ, о ихъ великомъ усердіи и забывая прибавить, чѣмъ ихъ отцы и они сами платили за такое самоотверженіе.

Въ одной изъ деревень Сенатора проживалъ на покоѣ т. е. на хлѣбѣ дряхлый старикъ, Андрей Степановъ.

Онъ былъ камердинеромъ Сенатора и моего отца во время ихъ службы въ гвардіи, добрый, честный и трезвый человѣкъ, глядѣвшій въ глаза молодымъ господамъ и угадывавшій, по ихъ собственнымъ словамъ, ихъ волю, что думаю, было не легко. Потомъ онъ управлялъ подмосковной. Отрѣзанный сначала войной 1812 года отъ всякаго сообщенія, потомъ одинъ, безъ денегъ на пепелищѣ выгорѣлаго села, онъ продалъ какія то бревна, чтобъ не умереть съ голоду. Сенаторъ, возвратившись въ Россію, принялся приводить въ порядокъ свое имѣніе и наконецъ добрался до бревенъ. Въ наказаніе

онъ отобралъ его должность и отправилъ ого въ опалу. Старикъ, обремененный семьей, поплелся на подножный кормъ. Намъ приходилось проѣзжать и останавливаться на день, на два, въ деревнѣ, гдѣ жилъ Андрей Степановъ. Дряхлый старецъ, разбитый параличемъ, приходилъ всякій разъ, опираясь на костыль, поклониться моему отцу и поговорить съ нимъ.

Преданность и кротость, съ которой онъ говорилъ, его несчастный видъ, космы желто-сѣдыхъ волосъ по обѣимъ сторонамъ голаго черепа, глубоко трогали меня. „Слышалъ я, государь мой,“ говорилъ онъ однажды, „что братецъ вашъ еще кавалерію изволилъ получить. Старъ, батюшка, становлюсь, скоро богу душу отдамъ, а вѣдь не сподобилъ меня господь видѣть братца въ кавалеріи, хоть бы разъ передъ кончиной, лицезрѣть ихъ въ лентѣ и во всѣхъ регаліяхъ!“

Я смотрѣлъ на старика, его лицо было такъ дѣтски откровенно, сгорбленная фигура его, болѣзненно перекошенное лицо, потухшіе глаза, слабый голосъ — все внушало довѣріе; онъ не лгалъ, онъ не льстилъ, ему дѣйствительно хотѣлось видѣть прежде смерти въ „кавалеріи и регаліяхъ“ человѣка, который лѣтъ пятнадцать не могъ ему простить какихъ-то бревенъ. Что это святой, или безумный? Да, не одни ли безумные и достигаютъ святости?

Новое поколѣніе не имѣетъ этого идолопоклонства и если бываютъ случаи, что люди не хотятъ на волю, то это просто отъ лѣни и изъ матеріальнаго разсчета. Это развратнѣе, спору нѣтъ, но ближе къ концу; они навѣрно, если что нибудь и хотятъ видѣть на шеѣ господъ, то не владимірскую ленту.

Скажу здѣсь кстати о положеніи нашей прислуги вообще.

Ни Сенаторъ, ни отецъ мой не тѣснили особенно дворовыхъ, т. е. не тѣснили ихъ физически. Сенаторъ былъ вспыльчивъ, нетерпѣливъ и именно потому часто грубъ и несправедливъ; но онъ такъ мало имѣлъ съ ними соприкосновенія и такъ мало ими занимался, что они почти не знали другъ друга. Отецъ мой докучалъ имъ капризами, не пропускалъ ни взгляда, ни слова, ни движенія и безпрестанно училъ; для русскаго человѣка это часто хуже побоевъ и брани.

Тѣлесныя наказанія были почти непзвѣстны въ нашемъ домѣ и два-три случая, въ которые Сенаторъ и мой отецъ прибѣгали къ гнусному средству „частнаго дома," были до того необыкновенны, что объ нихъ вся дворня говорила цѣлые мѣсяцы; сверхъ того они были вызываемы значительными проступками.

Чаще отдавали дворовыхъ въ солдаты, наказаніе это приводило въ ужасъ всѣхъ молодыхъ людей; безъ роду, безъ племени они все же лучше хотѣли остаться крѣпостными, нежели двадцать лѣтъ тянуть лямку. На меня сильно дѣйствовали эти страшныя сцены... являлись два полицейскіе солдата по зову помѣщика, они воровски невзначай, въ расплохъ брали назначеннаго человѣка; староста обыкновенно тутъ объявлялъ, что баринъ съ вечера приказалъ представить его въ присутствіе, и человѣкъ сквозь слезы куражился, женщины плакали, всѣ давали подарки и я отдавалъ все, что могъ, т. е. какой нибудь двугривенный, шейный платокъ.

Помню я еще какъ какому-то старостѣ за то, что онъ истратилъ собранный оброкъ, отецъ мой велѣлъ обрить бороду. Я ничего не понималъ въ этомъ наказаніи, но меня поразилъ видъ старика лѣтъ шестидесяти; онъ плакалъ на взрыдъ, кланялся въ землю и

просилъ положить на него, сверхъ оброка, сто цѣлковыхъ штрафу, но помиловать отъ безчестья.

Когда Сенаторъ жилъ съ нами, общая прислуга состояла изъ тридцати мущинъ и почти столькихъ же женщинъ; замужнія впрочемъ не несли никакой службы, онѣ занимались своимъ хозяйствомъ; на службѣ были пять-шесть горничныхъ и прачки, не ходившія на верхъ. Къ этому слѣдуетъ прибавить *мальчишекъ и дѣвченокъ*, которыхъ пріучали къ службѣ, т. е. къ праздности, лѣни, лганью и къ употребленію спвухи.

Для характеристики тогдашней жизни въ Россіи, я не думаю, чтобъ было излишнимъ сказать нѣсколько словъ о содержаніи дворовыхъ. Сначала имъ давались 5 рублей ассиг. въ мѣсяцъ на харчи, потомъ 6. Женщинамъ рублемъ меньше, дѣтямъ лѣтъ съ десяти половина. Люди составляли между собой артели, и на недостатокъ не жаловались, что свидѣтельствуетъ о чрезвычайной дешевизнѣ съѣстныхъ припасовъ. Наибольшее жалованье состояло изъ 100 руб. асс. въ годъ, другіе получали половину, нѣкоторые 30 рублей въ годъ. Мальчики лѣтъ до восемьнадцати не получали жалованья. Сверхъ оклада людямъ давались платья, шинели, рубашки, простыни, одѣяла, полотенцы, матрацы изъ паруспны; мальчикамъ, не получавшимъ жалованья, отпускались деньги на нравственную и физическую чистоту, т. е. на баню и *говѣнье*. Взявъ все въ разсчетъ, слуга обходился руб. въ 300 асс.; если къ этому прибавить дивидендъ на лекарство, лекаря и на съѣстные припасы, случайно привозимые изъ деревни и которые не знали куда дѣть, то мы и тогда не перейдемъ 350 рублей. Это составляетъ *четвертую* часть того, что слуга стоитъ въ Парижѣ или въ Лондонѣ.

Плантаторы обыкновенно вводятъ въ счетъ *страхо-*

вую премію рабства, т. е. содержаніе жены, дѣтей помѣщикомъ, и скудный кусокъ хлѣба гдѣ нибудь въ деревнѣ подъ старость лѣтъ. Конечно это надобно взять въ разсчетъ; но страховая премія сильно понижается— преміей *страха* тѣлесныхъ наказаній, невозможностью перемѣны состоянія и гораздо худшаго содержанія.

Я довольно наглядѣлся какъ страшное сознаніе крѣпостнаго состоянія убиваетъ, отравляетъ существованіе дворовыхъ, какъ оно гнететъ, одуряетъ пхъ душу. Мужики, особенно оброчные, меньше чувствуютъ личную неволю, они какъ то умѣютъ не вѣрить своему полному рабству. Но тутъ, сидя на грязномъ залавкѣ передней съ утра до ночи, или стоя съ тарелкой за столомъ — нѣтъ мѣста сомнѣнію.

Разумѣется, есть люди, которые живутъ въ передней какъ рыба въ водѣ, люди, которыхъ душа никогда не просыпалась, которые взошли во вкусъ и съ своего рода художествомъ исполняютъ свою должность.

Въ этомъ отношеніи было у насъ лицо чрезвычайно интересное, нашъ старый лакей Бакай. Человѣкъ атлетическаго сложенія и высокаго роста, съ крупными и важными чертами лица, съ видомъ величайшаго глубокомыслія, онъ дожилъ до преклонныхъ лѣтъ, воображая, что положеніе лакея одно изъ самыхъ значительныхъ.

Почтенный старецъ этотъ постоянно былъ сердитъ или выпивши, или выпивши и сердитъ вмѣстѣ. Должность свою онъ исполнялъ съ какой то высшей точки зрѣнія и придавалъ ей торжественную важность; онъ умѣлъ съ особеннымъ шумомъ и трескомъ отбросить ступеньки кареты и хлопалъ дверцами сильнѣе ружейнаго выстрѣла. Сумрачно и на вытяжкѣ стоялъ на запяткахъ, и всякой разъ, когда его подтряхивало на рытвинѣ, онъ густымъ и недовольнымъ голосомъ кри-

чалъ кучеру: „легче,“ не смотря на то, что рытвина уже была на пять шаговъ сзади.

Главное занятіе его сверхъ ѣзды за каретой, занятіе добровольно возложенное имъ на себя, состояло въ обученіи мальчишекъ аристократическимъ манерамъ передней. Когда онъ былъ трезвъ, дѣло еще шло кой-какъ съ рукъ, но когда у него въ головѣ шумѣло, онъ становился педантомъ и тираномъ до невѣроятной степени. Я иногда вступался за моихъ пріятелей, но мой авторитетъ мало дѣйствовалъ на римскій характеръ Бакая; онъ отворялъ мнѣ дверь въ залу и говорилъ: „Вамъ здѣсь не мѣсто, извольте идти, а не то я и на рукахъ снесу.“ Онъ не пропускалъ ни одного движенія, ни одного слова, чтобъ не разбранить мальчишекъ; къ словамъ не рѣдко прибавлялъ онъ и тумакъ или „ковырялъ масло,“ т. е. щелкалъ какъ то хитро и искусно, какъ пружиной, большимъ пальцемъ и мизинцемъ по головѣ.

Когда онъ разгонялъ наконецъ мальчишекъ и оставался одинъ, его преслѣдованія обращались на единственнаго, друга его Макбета, большую ньюфаундленскую собаку, которую онъ кормилъ, любилъ, чесалъ и холилъ. Поспдѣвъ безъ компаніи минуты двѣ-три, онъ сходилъ на дворъ и приглашалъ Макбета съ собой на залавокъ, тутъ онъ заводилъ съ нимъ разговоръ. „Что же ты дуракъ сидишь на дворѣ, на морозѣ, когда есть топленая комната? Экая скотина! Что вытаращилъ глаза — ну? Ничего не отвѣчаешь?“ За этимъ слѣдовала обыкновенно пощечина. Макбетъ иногда огрызался на своего благодѣтеля; тогда Бакай его упрекалъ, но безъ ласки и уступокъ. „Впрямь корми собаку, все собака останется, зубы скалитъ, и не подумаетъ на кого... Блохи бы заѣли безъ меня!“ И обиженный неблагодар-

ностью своего друга, онъ нюхалъ съ гнѣвомъ табакъ и бросалъ Макбету въ носъ, что оставалось на пальцахъ. послѣ чего тотъ чихалъ, ужасно неловко лапой снималъ съ глазъ табакъ попавшій въ носъ и съ полнымъ негодованіемъ оставляя залавокъ, царапалъ дверь; Бакай ему отворялъ ее со словами „марзавецъ“ — и давалъ ему ногой толчекъ. Тутъ обыкновенно возвращались мальчики и онъ принимался ковырять масло.

Прежде Макбета у насъ была лягавая собака Берта; она сильно занемогла, Бакай ее взялъ на свой матрацъ и двѣ-трп недѣли ухаживалъ за ней. Утромъ рано выхожу я разъ въ переднюю. Бакай хотѣлъ мнѣ что-то сказать, но голосъ у него перемѣнился и крупная слеза скатилась по щекѣ—собака умерла; вотъ еще фактъ для изученія человѣческаго сердца. Я вовсе не думаю, чтобъ онъ и мальчишекъ ненавидѣлъ, это былъ суровый нравъ, подкрѣпляемый сивухою и безсознательно втянувшійся въ поэзію передней.

Но рядомъ съ этими дилетантами рабства, какіе мрачные образы мучениковъ, безнадежныхъ страдальцевъ печально проходятъ въ моей памяти.

У Сенатора былъ поваръ, необычайнаго таланта, трудолюбивый, трезвый, онъ шелъ въ гору; самъ Сенаторъ хлопоталъ, чтобъ его приняли въ кухню государя, гдѣ тогда былъ знаменитый поваръ французъ. Поучившись тамъ, онъ опредѣлился въ англійскій клубъ, разбогатѣлъ, женился, жилъ бариномъ; но веревка крѣпостнаго состоянія не давала ему ни покойно спать, ни наслаждаться своимъ положеніемъ.

Собравшись съ духомъ и отслуживши молебенъ Иверской, Алексѣй явился къ Сенатору съ просьбой отпустить его за пять тысячь асс. Сенаторъ гордился *своимъ* поваромъ, точно такъ какъ гордился *своимъ* живо-

писцемъ, а вслѣдствіе того денегъ не взялъ и сказалъ повару, что отпуститъ его даромъ послѣ своей смерти.

Поваръ былъ пораженъ, какъ громомъ; погрустилъ, перемѣнился въ лицѣ, сталъ сѣдѣть и... русскій человѣкъ — принялся попивать. Дѣла свои повелъ онъ спустя рукава, англійскій клубъ ему отказалъ. Онъ нанялся у княгини Трубецкой; княгиня преслѣдовала его мелкимъ скряжничествомъ. Обиженный разъ ею черезъ мѣру, Алексѣй, любившій выражаться краснорѣчиво, сказалъ ей съ своимъ важнымъ видомъ своимъ голосомъ въ носъ: „какая непрозрачная душа обитаетъ въ вашемъ свѣтлѣйшемъ тѣлѣ!“ Княгиня взбѣсилась, прогнала повара и, какъ слѣдуетъ русской барынѣ, написала жалобу Сенатору. Сенаторъ ничего бы не сдѣлалъ, но, какъ учтивый кавалеръ, призвалъ повара, разругалъ его и велѣлъ ему идти къ княгинѣ просить прощенія.

Поваръ къ княгинѣ не пошелъ, а пошелъ въ кабакъ. Въ годъ времени онъ все спустилъ: отъ капитала, приготовленнаго для взноса, до послѣдняго фартука. Жена побилась, побилась съ нимъ, да и пошла въ няньки куда-то въ отъѣздъ. Объ немъ долго не было слуха. Потомъ какъ-то полиція привела Алексѣя, обтерханнаго, одичалаго; его подняли на улицѣ, квартиры у него не было онъ кочевалъ изъ кабака въ кабакъ. Полиція требовала, чтобъ помѣщикъ его прибралъ. Больно было Сенатору, а можетъ и совѣстно; онъ его принялъ довольно кротко и далъ комнату. Алексѣй продолжалъ пить, пьяный шумѣлъ и воображалъ, что сочиняетъ стихи; онъ дѣйствительно не былъ лишенъ какой-то безпорядочной фантазіи. Мы были тогда въ Васильевскомъ. Сенаторъ, не зная что дѣлать съ поваромъ, прислалъ его туда, воображая, что мой отецъ уговоритъ его. Но человѣкъ былъ слишкомъ сломленъ. Я тутъ разглядѣлъ,

какая сосредоточенная ненависть и злоба противъ господъ лежатъ на сердцѣ у крѣпостнаго человѣка: онъ говорилъ со скрыпомъ зубовъ и съ мимикой, которая особенно въ поварѣ могла быть опасна. При мнѣ онъ не боялся давать волю языку; онъ меня любилъ, и часто, фамильярно трепля меня по плечу, говорилъ: „добрая вѣтвь испорченнаго древа.“

Послѣ смерти Сенатора, мой отецъ далъ ему тотчасъ отпускную; это было поздно, и значило сбыть его съ рукъ, онъ такъ и пропалъ.

Рядомъ съ нимъ не могу не вспомнить другой жертвы крѣпостнаго состоянія. У Сенатора былъ, въ родѣ письмоводителя, дворовый человѣкъ лѣтъ 35. Старшій братъ моего отца, умершій въ 1813 году, имѣя въ виду устроить деревенскую больницу, отдалъ его мальчикомъ какому-то знакомому врачу для обученія фельдшерскому искуству. Докторъ выпросилъ ему позволеніе ходить на лекціи медико-хирургической Академіи; молодой человѣкъ былъ съ способностями, выучился по латынѣ, но нѣмецки и лечилъ кой-какъ. Лѣтъ двадцати пяти онъ влюбился въ дочь какого-то офицера, скрылъ отъ нея свое состояніе и женился на ней. Долго обманъ не могъ продолжаться, жена съ ужасомъ узнала послѣ смерти барина, что они крѣпостные. Сенаторъ, новый владѣлецъ его, нисколько ихъ не тѣснилъ, онъ даже любилъ молодаго Толочанова, но ссора его съ женой продолжалась; она не могла ему простить обмана и бѣжала отъ него съ другимъ. Толочановъ должно быть очень любилъ ее, онъ съ этого времени впалъ въ задумчивость близкую къ помѣшательству, прогуливалъ ночи и, не имѣя своихъ средствъ, тратилъ господскія деньги; когда онъ увидѣлъ, что нельзя свести концовъ, онъ 31 Декабря 1821 года отравился.

Сенатора не было дома; Толочановъ взошелъ при мнѣ къ моему отцу и сказалъ ему, что онъ пришелъ съ нимъ проститься и проситъ его сказать Сенатору, что деньги, которыхъ не достаетъ, истратилъ онъ.

— Ты пьянъ, сказалъ ему мой отецъ, поди и выспись.

— Я скоро пойду спать на долго, сказалъ лекарь, и прошу только не поминать меня зломъ.

Спокойный видъ Толочанова испугалъ моего отца, и онъ пристальнѣе посмотрѣвъ на него, спросилъ:

— Что съ тобою, ты бредишь?

— Ничего-съ, я только принялъ рюмку мышьяку.

Послали за докторомъ, за полиціей, дали ему рвотное, дали молока.....когда его начало тошнить, онъ удерживался и говорилъ. „Сиди, сиди тамъ, я не съ тѣмъ тебя проглотилъ.“ Я слышалъ потомъ, когда ядъ сталъ сильнѣе дѣйствовать, его стонъ и страдальческій голосъ повторявшій: „жжетъ — жжетъ! огонь!“ Кто-то посовѣтовалъ ему послать за священникомъ, онъ не хотѣлъ и говорилъ Кало, что жизни за гробомъ быть не можетъ, что онъ на *столько знаетъ анатомію.* Часу въ двѣнадцатомъ вечера онъ спросилъ штабъ-лекаря, по нѣмецки, который часъ, потомъ сказавши: „вотъ и новый годъ, поздравляю васъ,“ — умеръ.

Утромъ я бросился въ небольшой флигель, служившій баней, туда снесли Толочанова; тѣло лежало на столѣ, въ томъ видѣ какъ онъ умеръ, во фракѣ безъ галстуха, съ раскрытой грудью, черты его были страшно искажены и уже почернѣли. Это было первое мертвое тѣло, которое я видѣлъ; близкій къ обмороку я вышелъ вонъ. И игрушки и картинки, подаренныя мнѣ на новый годъ, не тѣшили меня; почернѣлый Толоча-

новъ носился передъ глазами, и я слышалъ его „жметъ — огонь!“

Въ заключеніе этого печальнаго предмета, скажу только одно—на меня передняя не сдѣлала никакого дѣйствительно дурнаго вліянія. Напротивъ она съ раннихъ лѣтъ развила во мнѣ непреодолимую ненависть ко всякому рабству и ко всякому произволу. Бывало, когда я еще былъ ребенкомъ, Вѣра Артамоновна, желая меня сильно обидѣть за какую нибудь шалость, говаривала мнѣ: „Дайте срокъ, выростете, такой же баринъ будете какъ другіе.“ Меня это ужасно оскорбляло. Старушка можетъ быть довольна — *такимъ какъ другіе* по крайней мѣрѣ я не сдѣлался.

Сверхъ передней и дѣвичьей было у меня еще одно разсѣяніе, и тутъ по крайней мѣрѣ не было мнѣ помѣхи. Я любилъ чтеніе столько же, столько не любилъ учиться. Страсть къ безсистемному чтенію была вообще однимъ изъ главныхъ препятствій серьезному ученію. Я, напримѣръ, прежде и послѣ терпѣть не могъ теоретическаго изученія языковъ, но очень скоро выучивался кой-какъ понимать и болтать съ грѣхомъ по поламъ, и на этомъ останавливался, потому что этого было достаточно для моего чтенія.

У отца моего вмѣстѣ съ Сенаторомъ была довольно большая библіотека, составленная изъ французскихъ книгъ прошлаго столѣтія. Книги валялись грудами въ сырой, нежилой комнатѣ нижняго этажа въ домѣ Сенатора. Ключъ былъ у Кало, мнѣ было позволено рыться въ этихъ литературныхъ закромахъ, сколько я хотѣлъ, и я читалъ себѣ, да читалъ. Отецъ мой видѣлъ въ этомъ двойную пользу, во-первыхъ, что я скорѣе выучусь по французски, а сверхъ того, что я занятъ, т. е. сижу смирно и притомъ у себя въ комнатѣ. Къ

тому же я не всѣ книги показывалъ или клалъ у себя на столѣ, иныя прятались въ шифоньеръ.

Что же я читалъ? Само собою разумѣется романы и комедіи. Я прочелъ томовъ пятьдесятъ французскаго репертуара и русскаго *театра*; въ каждой части было по три, по четыре пьесы. Сверхъ французскихъ романовъ, у моей матери были романы Лафонтена, комедіи Коцебу, я ихъ читалъ раза по два. Не могу сказать, чтобъ романы имѣли на меня большое вліяніе, я бросался съ жадностью на всѣ двусмысленныя или нѣсколько растрепанныя сцены, какъ всѣ мальчики, но онѣ не занимали меня особенно. Гораздо сильнѣйшее вліяніе имѣла на меня пьэса, которую я любилъ безъ ума, перечитывалъ двадцать разъ и притомъ въ русскомъ переводѣ *Театра* „Свадьба Фигаро.“ Я былъ влюбленъ въ Херубима и въ Графиню, и сверхъ того я самъ былъ Херубимъ; у меня замирало сердце при чтеніи и не давая себѣ никакого отчета, я *чувствовалъ* какое-то новое ощущеніе. Какъ упоительна казалась мнѣ сцена, гдѣ пажа одѣваютъ въ женское платье, мнѣ страшно хотѣлось спрятать на груди чью нибудь ленту и тайкомъ цаловать ее. На дѣлѣ я былъ далекъ отъ всякаго женскаго общества въ эти лѣта.

Помню только, какъ изрѣдка по воскресеньямъ къ намъ пріѣзжали изъ пансіона двѣ дочери Б. Меньшая лѣтъ шестнадцати была поразительной красоты. Я терялся, когда она входила въ комнату, не смѣлъ никогда обращаться къ ней съ рѣчью, а украдкой смотрѣлъ въ ея прекрасные темные глаза, на ея темные кудри. Никогда никому не запкался я объ этомъ и первое дыханіе любви прошло не свѣданное никѣмъ, ни даже ею.

Годы спустя, когда я встрѣчался съ нею, сильно би-

лось сердце, и я вспоминалъ, какъ я двѣнадцати лѣтъ отъ роду молился ея красотѣ.

Я забылъ сказать, что Вертеръ меня занималъ почти столько же, какъ Свадьба Фигаро; половины романа я не понималъ и пропускалъ, торопясь скорѣе дойти до страшной развязки, тутъ я плакалъ какъ сумашедшій. Въ 1839 году Вертеръ попался мнѣ случайно подъ руки, это было во Владимірѣ; я разсказалъ моей женѣ, какъ я мальчикомъ плакалъ, и сталъ ей читать послѣднія письма... и когда дошелъ до того же мѣста, слезы полились изъ глазъ и я долженъ былъ остановиться.

Лѣтъ до четырнадцати я не могу сказать, чтобъ мой отецъ особенно тѣснилъ меня, но просто вся атмосфера нашего дома была тяжела для живаго мальчика. Строптивая и ненужная заботливость о физическомъ здоровьи рядомъ съ полнымъ равнодушіемъ къ нравственному, страшно надоѣдала. Предостереженія отъ простуды, отъ вредной пищи, хлопоты при малѣйшемъ насморкѣ, кашлѣ. Зимой я по недѣлямъ сидѣлъ дома, а когда позволялось проѣхаться, то въ теплыхъ сапогахъ, шарфахъ и пр. Дома былъ постоянно нестерпимый жаръ отъ печей, все это должно было сдѣлать изъ меня хилаго и изнѣженнаго ребенка, еслибъ я не наслѣдовалъ отъ моей матери непреодолимаго здоровья. Она съ своей стороны вовсе не дѣлила этихъ предразсудковъ и на своей половинѣ позволяла мнѣ все то, что запрещалось на половинѣ моего отца.

Ученье шло плохо, безъ соревнованія, безъ поощреній и одобреній; безъ системы и безъ надзору, я занимался спустя рукава и думалъ памятью и живымъ соображеніемъ замѣнить трудъ. Разумѣется что и за учителями не было никакого присмотра; однажды услови-

вшись въ цѣнѣ — лишь бы они приходили въ свое время и сидѣли свой часъ, — они могли продолжать годы не отдавая никакого отчета въ томъ, что дѣлали.

Однимъ изъ самыхъ странныхъ эпизодовъ моего тогдашняго ученія, было приглашеніе французскаго актера *Далеса* давать мнѣ уроки декламаціи.

„Нынче на это не обращаютъ вниманія, говорилъ мнѣ мой отецъ, а вотъ братъ Александръ, онъ шесть мѣсяцевъ съ ряду всякой вечеръ читалъ съ Офреномъ le recit de Thérameне, и все не могъ дойти до того совершенства, котораго хотѣлъ Офренъ.“

Затѣмъ принялся я за декламацію.

„А что, monsieur Dalès, спросилъ его разъ мой отецъ, вы можете, я полагаю давать уроки танцованія.

Далесъ толстый старикъ за шестьдесятъ лѣтъ, съ чувствомъ глубокаго сознанія своихъ достоинствъ, но и съ неменьше глубокимъ чувствомъ скромности отвѣчалъ: „что онъ не можетъ судить о своихъ талантахъ, но что онъ часто *давалъ совѣты* въ балетныхъ танцахъ au grand Opera!

— Я такъ и думалъ, замѣтилъ ему мой отецъ, поднося ему свою открытую табакерку, чего съ русскимъ или нѣмецкимъ учителемъ онъ никогда бы не сдѣлалъ. Я очень хотѣлъ бы, еслибъ вы могли le degourdir un peu, послѣ декламаціи, немного бы потанцовать.

— Monsieur le comte peut disposer de moi.

И мой отецъ, безмѣрно любившій Парижъ, началъ вспоминать о фойе оперы въ 1810, о молодости Жоржъ, о преклонныхъ лѣтахъ Марсъ, и распрашивать о кафе и театрахъ.

Теперь вообразите себѣ мою небольшую комнатку, печальный зимній вечеръ, окны замерзли и съ нихъ течетъ вода по веревочкѣ, двѣ сальныя свѣчи на столѣ

и нашъ tête à tête. Далесъ на сценѣ еще говорилъ довольно естественно, но за урокомъ считалъ своей обязанностью наиболѣе удаляться отъ натуры, въ своей декламаціи. Онъ читалъ Расина какъ-то на распѣвъ, и дѣлалъ тотъ проборъ, который англичане носятъ на затылкѣ, на цезурѣ каждаго стиха, такъ что онъ выходилъ похожимъ на надломленную трость.

При этомъ онъ дѣлалъ рукой движеніе человѣка, попавшаго въ воду и не умѣющаго плавать. Каждый стихъ онъ заставлялъ меня повторять нѣсколько разъ, и все качалъ головой — „не то, совсѣмъ не то! attention!“ Je crains Dieu, cher Abner, тутъ проборъ, онъ закрывалъ глаза, слегка качалъ головой и нѣжно отталкивая рукой волны прибавлялъ — et n'ai point d'autre crainte.

Затѣмъ старичекъ, „ничего не боявшійся кромѣ бога,“ смотрѣлъ на часы, свертывалъ романъ и бралъ стулъ: *это была моя дама.*

Послѣ этого нечему дивиться, что я никогда не танцовалъ.

Уроки эти продолжались не долго, и прекратились очень трагически, недѣли черезъ двѣ.

Я былъ съ Сенаторомъ въ французскомъ театрѣ, проиграла увертюра, и разъ и два, занавѣсъ не подымалась—передніе ряды, желая показать, что они знаютъ *свой* Парижъ, начали шумѣть, какъ тамъ шумятъ *задніе.* На аванъ-сцену вышелъ какой-то режиссеръ, поклонился на право, поклонился на лѣво, поклонился прямо и сказалъ: „Мы просимъ всего снисхожденія публики; насъ постигло страшное несчастіе, нашъ товарищъ Далесъ, — и у режисера дѣйствительно голосъ перервался слезами — найденъ у себя въ комнатѣ мертвымъ отъ угара.“

Такимъ-то сильнымъ средствомъ избавилъ меня рус-

скій чадъ отъ декламаціи, монологовъ и монотанцевъ съ моей дамой о четырехъ точеныхъ ножкахъ изъ краснаго дерева.

Лѣтъ двѣнадцати я былъ переведенъ съ женскихъ рукъ на мужскія. Около того времени мой отецъ сдѣлалъ два неудачныхъ опыта приставить за мной нѣмца.

Нѣмецъ при дѣтяхъ, и не гувернеръ и не дядька, это совсѣмъ особенная профессія. Онъ не учитъ дѣтей и не одѣваетъ, а смотритъ, чтобъ они учились и были одѣты, печется о ихъ здоровьи, ходитъ съ ними гулять и говоритъ тотъ вздоръ, который хочетъ, не иначе какъ по нѣмецки. Если есть въ домѣ гувернеръ, нѣмецъ ему покоряется; если есть дядька, онъ покоряется нѣмцу. Учители, ходящіе по билетамъ, опаздывающіе по непредвидимымъ причинамъ и уходящіе слишкомъ рано, по обстоятельствамъ независящимъ отъ ихъ воли, строятъ нѣмцу куры и онъ при всей безграмотности начинаетъ себя считать ученымъ. Гувернанты употребляютъ нѣмца на покупки, на всѣ возможныя коммиссіи, но позволяютъ ухаживать за собой только въ случаѣ сильныхъ физическихъ недостатковъ и при совершенномъ отсутствіи другихъ поклонниковъ. Лѣтъ четырнадцати воспитанники ходятъ тайкомъ отъ родителей къ нѣмцу въ комнату курить табакъ, онъ это терпитъ, потому что ему необходимы сильныя вспомогательныя средства, чтобъ оставаться въ домѣ. Въ самомъ дѣлѣ, большей частію въ это время нѣмца при дѣтяхъ благодарятъ, дарятъ ему часы и отсылаютъ; если онъ усталъ бродить съ дѣтьми по улицамъ и получать выговоры за насморкъ и пятны на платьяхъ, то нѣмецъ *при дѣтяхъ* становится просто нѣмцемъ, заводитъ небольшую лавочку, продаетъ прежнимъ питомцамъ мунд-

штуки изъ янтаря, оде-колонь, сигарки и дѣлаетъ другого рода *тайныя* услуги имъ.*)

Первый нѣмецъ, приставленный за мною, былъ родомъ изъ Шлезіи и назывался Іокишъ; по моему этой фамиліи было за глаза довольно, чтобъ его не брать. Высокій, плѣшивый мужчина, онъ отличался чрезвычайной нечистоплотностью и хвастался своимъ знаніемъ агрономіи, я думаю, что отецъ мой именно по этому его и взялъ. Я съ отвращеніемъ смотрѣлъ на шленскаго великана и только на томъ мирился съ нимъ, что онъ мнѣ разсказывалъ, гуляя по Дѣвичьему полю и на Прѣсненскихъ прудахъ, сальные анекдоты, которые я передавалъ передней. Онъ прожилъ не больше года, напакостилъ что-то въ деревнѣ, садовникъ хотѣлъ его убить косой, отецъ мой велѣлъ ему убираться.

На его мѣсто поступилъ Брауншвейгъ - Вольфенбютельскій солдатъ (вѣроятно бѣглый) Ѳедоръ Карловичъ, отличавшійся каллиграфіей и непомѣрнымъ тупоуміемъ. Онъ уже былъ прежде въ двухъ домахъ при дѣтяхъ и имѣлъ нѣкоторый навыкъ, т. е. придавалъ себѣ видъ гувернера, къ тому же онъ говорилъ по французски на „ши“ съ обратнымъ удареніемъ.**)

Я не имѣлъ къ нему никакого уваженія и отравлялъ всѣ минуты его жизни, особенно въ тѣхъ поръ, какъ я убѣдился, что, не смотря на всѣ мои усилія, онъ не можетъ понять двухъ вещей: десятичныхъ дробей и тройнаго правила. Въ душѣ мальчиковъ вообще много безпощаднаго и даже жестокаго; я съ свирѣпостію пре-

*) Органистъ и учитель музыки, о которомъ говорится въ „запискахъ одного молодого человѣка“, И. И. Экъ давалъ только уроки музыки, не имѣвъ никакого вліянія.

**) Англичане говорятъ хуже нѣмцевъ по французски, но они только коверкаютъ языкъ, нѣмцы *оподляютъ* его.

слѣдовалъ бѣднаго вольфенбютельскаго егеря пропорціями; меня это до того занимало, что я, мало вступавшій въ подобные разговоры съ моимъ отцомъ, торжественно сообщилъ ему о глупости Ѳедора Карловича.

Къ тому же Ѳедоръ Карловичъ мнѣ похвастался, что у него есть новый фракъ, синій, съ золотыми пуговицами, и дѣйствительно я его видѣлъ разъ, отправляющагося на какую-то свадьбу во фракѣ, который ему былъ широкъ, но съ золотыми пуговицами. Мальчикъ, приставленный за нимъ, донесъ мнѣ, что фракъ этотъ онъ бралъ у своего знакомаго сидѣльца въ косметическомъ магазейнѣ. Безъ малѣйшаго сожалѣнія присталъ я къ бѣдняку—гдѣ синій фракъ, да и только?

— У васъ въ домѣ много моли, я его отдалъ къ знакомому портному на сохраненіе.

— Гдѣ живетъ этотъ портной?

— Вамъ на что?

— Отчего-же не сказать?

— Не надобно не въ свои дѣла мѣшаться.

— Ну, пусть такъ, а черезъ недѣлю мои имянины—утѣшьте меня, возьмите синій фракъ у портнаго на этотъ день.

— Нѣтъ, не возьму, вы не заслуживаете, потому что вы „импертинентъ.“

И я грозилъ ему пальцемъ.

Надобно же было для послѣдняго удара Ѳедору Карловичу, чтобъ онъ разъ при Бушо, французскомъ учителѣ, похвастался тѣмъ, что онъ былъ рекрутомъ подъ Ватерлоо, и что нѣмцы дали страшную таску французамъ. Бушо только посмотрѣлъ на него и такъ страшно понюхалъ табаку, что побѣдитель Наполеона нѣсколько сконфузился. Бушо ушелъ, сердито опираясь на свою сучковатую палку и никогда не называлъ его

иначе какъ le soldat de Villain — ton. Я тогда еще не зналъ, что каламбуръ этотъ принадлежитъ Беранже, и не могъ нарадоваться на выдумку Бушо.

Наконецъ товарищъ Блюхера разсорился съ моимъ отцомъ и оставилъ нашъ домъ; послѣ этого отецъ мой не тѣснилъ меня больше нѣмцами.

При Брауншвейгъ-вольфенбютельскомъ воннѣ я иногда похаживалъ къ какимъ-то мальчикамъ, при которыхъ жилъ его пріятель тоже въ должности „нѣмца“ и съ которыми мы дѣлали дальнія прогулки; послѣ него я снова оставался въ совершенномъ одиночествѣ — скучалъ, рвался изъ него и не находилъ выхода. Не имѣя возможности пересилить волю отца, я можетъ сломился бы въ этомъ существованіи, еслибъ вскорѣ новая умственная дѣятельность и двѣ встрѣчи, о которыхъ скажу въ слѣдующей главѣ, не спасли меня. Я увѣренъ, что моему отцу ни разу не приходило въ голову, какую жизнь онъ заставляетъ меня вести, иначе онъ не отказывалъ бы мнѣ въ самыхъ невинныхъ желаніяхъ, въ самыхъ естественныхъ просьбахъ.

Изрѣдка отпускалъ онъ меня съ Сенаторомъ въ французскій театръ, это было для меня высшее наслажденіе; я страстно любилъ представленія, но и это удовольствіе приносило мнѣ столько же горя сколько радости. Сенаторъ пріѣзжалъ со мною въ полъ-піэсы и, вѣчно куда нибудь званый, увозилъ меня прежде конца. Театръ былъ у Арбатскихъ воротъ въ домѣ Апраксина, мы жили въ Старой Конюшенной, т. е. очень близко; но отецъ мой строго запретилъ возвращаться безъ Сенатора.

Мнѣ было около пятнадцати лѣтъ, когда мой отецъ пригласилъ священника давать мнѣ уроки богословія, *на сколько* это было нужно для вступленія въ универ-

ситетъ. Катехизисъ попался мнѣ въ руки послѣ Вольтера. Нигдѣ религія не играетъ такой скромной роли въ дѣлѣ воспитанія, какъ въ Россіи и—это разумѣется величайшее счастіе. Священнику за уроки закона божія платятъ всегда полъ-цѣны, и даже это такъ, что тотъ же священникъ, если даетъ тоже уроки латинскаго языка, то онъ за нихъ беретъ дороже чѣмъ за катехизисъ.

Мой отецъ считалъ религію въ числѣ необходимыхъ вещей благовоспитаннаго человѣка; онъ говорилъ, что надобно вѣрить въ священное писаніе безъ разсужденій, потому что умомъ тутъ ничего не возьмешь и всѣ мудрованія затемняютъ только предметъ; что надобно исполнять обряды той религіи, въ которой родился, не вдаваясь впрочемъ въ излишнюю набожность, которая идетъ старымъ женщинамъ, а мужчинамъ не прилична. Вѣрилъ-ли онъ самъ? Я полагаю, что немного вѣрилъ по привычкѣ, изъ приличія и на всякой случай. Впрочемъ онъ самъ не исполнялъ никакихъ церковныхъ постановленій — защищаясь разстроеннымъ здоровьемъ. Онъ почти никогда не принималъ священника или просилъ его пѣть въ пустой залѣ, куда высылалъ ему синенькую бумажку. Зимою, онъ извинялся тѣмъ, что священникъ и дьяконъ вносятъ такое количество стужи съ собой, что онъ всякой разъ простужается. Въ деревнѣ онъ ходилъ въ церковь и принималъ священника, но это больше изъ свѣтско-правительственныхъ цѣлей, нежели изъ богобоязненныхъ.

Мать моя была лютеранка и стало быть степенью религіознѣе; она всякой мѣсяцъ разъ или два ѣздила въ воскресенье въ свою церковь, или какъ Бакай упорно называлъ „въ свою кирху,“ и я отъ нечего дѣлать ѣздилъ съ ней. Тамъ я выучился до артистической сте-

нени передразнивать нѣмецкихъ пасторовъ, ихъ декламацію и пустословіе, талантъ, который я сохранилъ до совершеннолѣтія.

Каждый годъ отецъ мой приказывалъ мнѣ говѣть. Я побаивался исповѣди, и вообще церковная mise en scéne поражала меня и пугала; съ истиннымъ страхомъ подходилъ я къ причастію; но религіознымъ чувствомъ я этого не назову, это былъ тотъ страхъ, который наводитъ все непонятное, таинственное, особенно когда ему придаютъ серьезную торжественность; такъ дѣйствуетъ ворожба, заговариваніе. Разговѣвшись послѣ заутрени на святой недѣлѣ и объѣвшись красныхъ яицъ, пасхи и кулича, я цѣлый годъ больше не думалъ о религіи.

Но евангеліе я читалъ много и съ любовью, по славянски и въ лютеровскомъ переводѣ. Я читалъ безъ всякого руководства, не все понималъ, но чувствовалъ искреннее и глубокое уваженіе къ читаемому. Въ первой молодости моей я часто увлекался вольтеріанизмомъ, любилъ иронію и насмѣшку, но не помню, чтобъ когда нибудь я взялъ въ руки евангеліе съ холоднымъ чувствомъ, это меня проводило черезъ всю жизнь; во всѣ возрасты, при разныхъ событіяхъ я возвращался къ чтенію евангелія, и всякой разъ его содержаніе низводило миръ и кротость на душу.

Когда священникъ началъ мнѣ давать уроки, онъ былъ удивленъ не только общимъ знаніемъ евангелія, но тѣмъ, что я приводилъ тексты буквально. „Но Господь Богъ, говорилъ онъ, раскрывъ умъ, не раскрылъ еще сердца.“ И мой теологъ, пожимая плечами, удивлялся моей „двойственности,“ однако-же былъ доволенъ мною, думая что у Терновскаго съумѣю держать отвѣтъ.

Вскорѣ религія другого рода овладѣла моей душой.

ГЛАВА III.

Смерть Александра I и 14 Декабря — Нравственное пробужденіе — Террористъ Бушо — Корчевская кузина — Н. Огаревъ.

Однимъ зимнимъ утромъ, какъ-то не въ свое время, пріѣхалъ Сенаторъ; озабоченный, онъ скорыми шагами прошелъ въ кабинетъ моего отца и заперъ дверь, показавши мнѣ рукой, чтобъ я остался въ залѣ.

По счастію мнѣ не долго пришлось ломать голову, догадываясь въ чемъ дѣло. Дверь изъ передней немного пріотворилась и красное лицо, полузакрытое волчьимъ мѣхомъ ливрейной шубы, шопотомъ подзывало меня; это былъ лакей Сенатора, я бросился къ двери.

— Вы не слыхали? спросилъ онъ..

— Чего?

— Государь померъ въ Таганрогѣ.

Новость эта поразила меня; а никогда прежде не думалъ о возможности его смерти; я выросъ въ большомъ уваженіи къ Александру и грустно вспоминалъ, какъ я его видѣлъ незадолго передъ тѣмъ въ Москвѣ. Гуляя, встрѣтили мы его за Тверской заставой; онъ тихо ѣхалъ верхомъ съ двумя-тремя генералами, возвращаясь съ Ходынки, гдѣ были маневры. Лицо его было привѣтливо, черты мягки и округлы, выраженіе лица усталое и печальное. Когда онъ поровнялся съ нами, я снялъ шляпу и поднялъ ее, онъ, улыбаясь, поклонился мнѣ. Какая разница съ Николаемъ, вѣчно представлявшимъ

остриженную и взлызистую Медузу съ усами. Онъ на улицѣ, во дворцѣ, съ своими дѣтьми и министрами, съ вѣстовыми и фрейлинами, пробовалъ безпрестанно имѣетъ-ли его взглядъ свойство гремучей змѣи — останавливать кровь въ жилахъ.*) Если наружная кротость Александра была личина, не лучше ли такое лицемѣріе, чѣмъ наглая откровенность самовластья.

..... Пока смутныя мысли бродили у меня въ головѣ, и въ лавкахъ продавали портреты императора Константина, пока носились повѣстки о присягѣ и добрые люди торопились поклясться, разнесся слухъ объ отреченіи цесаревича. Вслѣдъ за тѣмъ, тотъ-же лакей Сенатора, большой охотникъ до политическихъ новостей и которому было гдѣ ихъ собирать по всѣмъ переднимъ сенаторовъ и присутственныхъ мѣстъ, по которымъ онъ ѣздилъ съ утра до ночи, не имѣя выгоды лошадей, которыя мѣнялись послѣ обѣда, сообщилъ мнѣ, что въ Петербургѣ былъ бунтъ и что по галерной стрѣляли „въ пушки.“

На другой день вечеромъ былъ у насъ жандармскій генералъ, графъ Комаровскій: онъ разсказывалъ о каре на Исакіевской площади, о конно-гвардейской аттакѣ, о смерти графа Милорадовича.

А тутъ пошли аресты, „того-то взяли,“ „того-то

*) Разсказываютъ, что какъ-то Николай въ своей семьѣ, т. е. въ присутствіи двухъ-трехъ начальниковъ тайной полиціи, двухъ-трехъ *лейбъ*-фрейлинъ и лейбъ-генераловъ, попробовалъ свой взглядъ на Марьѣ Николаевнѣ. Она похожа на отца и взглядъ ея дѣйствительно напоминаетъ его страшный взглядъ. Дочь смѣло вынесла отцовской взоръ. Онъ поблѣднѣлъ, щеки задрожали у него и глаза сдѣлались еще свирѣпѣе; тѣмъ-же взглядомъ отвѣчала ему дочь. Все поблѣднѣло и задрожало вокругъ; лейбъ-фрейлины и лейбъ-генералы не смѣли дохнуть отъ этого каннибальски-царскаго поединка глазами, въ родѣ описаннаго Байрономъ въ Донъ Жуанѣ. Николай всталъ; — онъ почувствовалъ, что нашла коса на камень.

схватили," „того-то привезли изъ деревни"; испуганные родители трепетали за дѣтей. Мрачныя тучи заволокли небо.

Въ царствованіе Александра политическія гоненія были рѣдки; онъ сослалъ правда Пушкина за его стихи и Лабзина за то, что онъ, будучи конференцъ-секретаремъ въ академіи художествъ, предложилъ избрать кучера Илью Байкова въ члены академіи;*) но систематическаго преслѣдованія не было. Тайная полиція не разросталась еще въ самодержавный корпусъ жандармовъ, а состояла изъ канцеляріи подъ начальствомъ стараго волтеріанца, остряка и болтуна и юмориста въ родѣ Жуи — Де-Санглена. При Николаѣ, Де-Сангленъ попалъ самъ подъ надзоръ полиціи и считался либераломъ, оставаясь тѣмъ же чѣмъ былъ; по одному этому легко вымѣрить разницу царствованій.

Николая вовсе не знали до его воцаренія; при Александрѣ онъ ничего не значилъ и никого не занималъ. Теперь все бросилось распрашивать о немъ; одни гвардейскіе офицеры могли дать отвѣтъ; они его ненавидѣли за холодную жестокость, за мелочное педантство, за злопамятность. Одинъ изъ первыхъ анекдотовъ, разнесшихся по городу, больше нежели подтверждалъ мнѣніе гвардейцевъ. Разсказывали, что какъ-то на ученьи,

*) Президентъ академіи предложилъ въ почетные члены Аракчеева, Лабзинъ спросилъ, въ чемъ состоятъ заслуги графа въ отношеніи къ искусствамъ? Президентъ не нашелся и отвѣчалъ, что Аракчеевъ „самый близкій человѣкъ къ государю." — „Если эта причина достаточна, то я предлагаю кучера Илью Байкова," замѣтилъ секретарь, „онъ не только близокъ къ государю, но сидитъ передъ нимъ." Лабзинъ былъ мистикъ и издатель Сіонскаго Вѣстника; самъ Александръ былъ такой-же мистикъ, но съ паденіемъ министерства Голицына отдалъ головой Аракчееву своихъ прежнихъ „братій о Христѣ и о внутреннемъ человѣкѣ." Лабзина сослали въ Симбирскъ·

великій князь до того забылся, что хотѣлъ схватить за воротникъ офицера. Офицеръ отвѣтилъ ему: „в. в., у меня шпага въ рукѣ.“ Николай отступилъ назадъ, промолчалъ, но не забылъ отвѣта. Послѣ 14 Декабря, онъ два раза освѣдомился замѣшанъ этотъ офицеръ или нѣтъ. По счастію, онъ не былъ замѣшанъ.*)

Тонъ общества мѣнялся наглазно; быстрое нравственное паденіе служило печальнымъ доказательствомъ, какъ мало развито было между русскими аристократами чувство личнаго достоинства. Никто (кромѣ женщинъ) не смѣлъ показать участія, произнести теплаго слова о родныхъ, о друзьяхъ, которымъ еще вчера жали руку, но которые за ночь были взяты. Напротивъ, являлись дикіе фанатики рабства, одни изъ подлости, а другіе хуже — безкорыстно.

Однѣ женщины не участвовали въ этомъ позорномъ отрѣченіи отъ близкихъ... и у креста стояли однѣ женщины, и у кровавой гильотины является — то Люсиль Демуленъ, эта Офелія революціи, бродящая возлѣ то-

*) Офицеръ, если не ошибаюсь, графъ Самойловъ, вышелъ въ отставку и спокойно жилъ въ Москвѣ. Николай узналъ его въ театрѣ; ему показалось, что онъ какъ-то изысканно-оригинально одѣтъ и онъ высочайше изъявилъ желаніе, чтобъ подобные костюмы были осмѣяны на сценѣ. Директоръ и *патріотъ* Загоскинъ поручилъ одному изъ актеровъ представить Самойлова въ какомъ нибудь водевилѣ. Слухъ объ этомъ разнесся по городу. Когда пьеса кончилась, настоящій Самойловъ взошелъ въ ложу директора и просилъ позволенія сказать нѣсколько словъ своему двойнику. Директоръ струсилъ, однако боясь скандала, позвалъ гаэра. „Вы прекрасно представили меня,“ сказалъ ему графъ, „но для полнаго сходства у васъ не доставало одного, этого брильянта, который я всегда ношу; позвольте мнѣ вручить его вамъ; вы его будете надѣвать когда вамъ опять будетъ приказано меня представить.“ Послѣ этого Самойловъ спокойно отправился на свое мѣсто. Плоская шутка такъ-же глупо пала, какъ объявленіе Чаадаева сумасшедшимъ и другія августѣйшія шалости.

пора, ожидая свой чередъ, то Ж. Сандъ, подающая на эшафотѣ руку участія и дружбы фанатическому юношѣ Алибо.

Жены сосланныхъ въ каторжную работу лишались всѣхъ гражданскихъ правъ, бросали богатство, общественное положеніе, и ѣхали на цѣлую жизнь неволи, въ страшный климатъ восточной Сибири, подъ еще страшнѣйшій гнетъ тамошней полиціи. Сестры, не имѣвшія права ѣхать, удалялись отъ двора, многія оставили Россію; почти всѣ хранили въ душѣ живое чувство любви къ страдальцамъ; но его не было у мущинъ, страхъ выѣлъ его въ ихъ сердцѣ, никто не смѣлъ запнуться о *несчастныхъ*.

Коснувшись до этого предмета, я не могу удержаться, чтобъ не сказать нѣсколько словъ объ одной изъ этихъ героическихъ исторій, которая очень мало извѣстна.

Въ старинномъ домѣ Ивашевыхъ жила молодая француженка гувернантой. Единственный сынъ Ивашева хотѣлъ на ней жениться. Это свело съ ума всю родню его; гвалтъ, слезы, просьбы. У француженки не было на лицо брата Чернова, убившаго на дуэли Новосильцова и убитаго имъ; ее уговорили уѣхать изъ Петербурга, его — отложить до поры до времени свое намѣреніе. Ивашевъ былъ однимъ изъ энергическихъ заговорщиковъ; его приговорили къ вѣчной каторжной работѣ. Отъ этой mesalliance родня не спасла его. Какъ только страшная вѣсть дошла до молодой дѣвушки въ Парижъ, она отправилась въ Петербургъ и попросила дозволенія ѣхать въ Иркутскую губернію къ своему жениху Ивашеву. Бенкендорфъ попытался отклонить ее отъ такого преступнаго намѣренія; ему не удалось и онъ доложилъ Николаю. Николай велѣлъ ей объяснить

положеніе женъ, не *изменившихъ* мужьямъ, сосланнымъ въ каторжную работу, присовокупляя, что онъ ее не держитъ; но что она должна знать, что если жены, идущія изъ вѣрности съ своими мужьями, заслуживаютъ нѣкотораго снисхожденія, то она не имѣетъ на это ни малѣйшаго права, сознательно вступая въ бракъ съ преступникомъ.

Она и Николай сдержали слово: она отправилась въ Сибирь — онъ ничѣмъ не облегчилъ ея судьбу.

Царь былъ строгъ, но справедливъ.

Въ крѣпости ничего не знали о позволеніи, и бѣдная дѣвушка, добравшись туда, должна была ждать, пока начальство спишется съ Петербургомъ, въ какомъ-то мѣстечкѣ, населенномъ всякаго рода бывшими преступниками, безъ всякаго средства узнать что нибудь объ Ивашевѣ и дать ему вѣсть о себѣ.

Мало по малу, она ознакомилась съ своими новыми товарищами. Между ними былъ сосланный разбойникъ. онъ работалъ въ крѣпости, она разсказала ему свою исторію. На другой день разбойникъ принесъ ей записочку отъ Ивашева. Черезъ день онъ предложилъ ей носить отъ Ивашева вѣсти и брать ея записки. Съ утра онъ долженъ былъ работать въ крѣпости до вечера; когда наступала ночь, онъ бралъ письмецо Ивашева и отправлялся, не смотря ни на бураны, ни на свою усталь, и возвращался къ разсвѣту на свою работу.*)

*) Люди хорошо знавшіе Ивашевыхъ, говорили мнѣ впослѣдствіи что они сомнѣваются въ исторіи разбойника. И что говоря о возвращеніи дѣтей и о участіи брата, нельзя не вспомнить благороднаго поведенія сестеръ Ивашева. Подробности дѣла я слышалъ отъ Языковой, которая ѣздила къ брату (Ивашеву) въ Сибирь. Но она ли разсказывала о разбойникѣ, я не помню. Не смѣшали-ли Ивашеву съ кн. Трубецкой, посылавшей письма и деньги кн. Оболенскому черезъ незнакомаго раскольника. Цѣлы-ли письма Ивашева? Намъ кажется будто мы имѣемъ право на нихъ.

Наконецъ пришло позволеніе, ихъ обвѣнчали. Черезъ нѣсколько лѣтъ, каторжная работа замѣнилась поселеніемъ. Положеніе ихъ нѣсколько улучшилось, но силы были потрачены; жена первая пала подъ бременемъ всего испытаннаго. Она увяла, какъ долженъ былъ увянуть цвѣтокъ полуденныхъ странъ на сибирскомъ снѣгу. Ивашевъ не пережилъ ее, онъ умеръ ровно черезъ годъ послѣ нея, но и *тогда* онъ уже не былъ здѣсь; его письма (поразившія третье отдѣленіе) носили слѣдъ какого-то безмѣрно-грустнаго, святаго лунатизма, мрачной поэзіи; онъ собственно не жилъ послѣ нея, а тихо, торжественно умиралъ.

Это „житіе“ не оканчивается съ ихъ смертію. Отецъ Ивашева, послѣ ссылки сына, передалъ свое имѣнье незаконному сыну, прося его не забывать бѣднаго брата и помогать ему. У Ивашевыхъ осталось двое дѣтей, двое малютокъ безъ имени, двое будущихъ кантонистовъ, посельщиковъ въ Сибири — безъ помощи, безъ правъ, безъ отца и матери. Братъ Ивашева испросилъ у Николая позволеніе взять дѣтей къ себѣ; Николай разрѣшилъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ рискнулъ другую просьбу, онъ ходатайствовалъ о возвращеніи имъ имени отца; удалось и это.

Разсказы о возмущеніи, о судѣ, ужасъ въ Москвѣ, сильно поразили меня; мнѣ открывался новый міръ, который становился больше и больше средоточіемъ всего нравственнаго существованія моего: не знаю, какъ это сдѣлалось, но, мало понимая или очень смутно, въ чемъ дѣло, я чувствовалъ, что я не съ той стороны, съ которой картечь и побѣды, тюрьмы и цѣпи. Казнь Пестеля и его товарищей окончательно разбудила ребяческій сонъ моей души.

Всѣ ожидали облегченія въ судьбѣ осужденныхъ, ко-

ронація была на дворѣ. Даже мой отецъ, не смотря на свою осторожность и на свой скептицизмъ, говорилъ, что смертный приговоръ не будетъ приведенъ въ дѣйствіе, что все это дѣлается для того, чтобъ поразпть умы. Но онъ, какъ и всѣ другіе, плохо зналъ юнаго монарха. Николай уѣхалъ изъ Петербурга и, не въѣзжая въ Москву, остановился въ Петровскомъ дворцѣ... Жители Москвы едва вѣрили своимъ глазамъ, читая въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* страшную новость 14 Іюля.

Народъ русскій отвыкъ отъ смертныхъ казней; послѣ Мировича, казненнаго вмѣсто Екатерины II, послѣ Пугачева и его товарищей не было казней; люди умирали подъ кнутомъ, солдатъ гоняли (вопреки закону) до смерти сквозь строй, но смертная казнь de jure не существовала. Разсказываютъ, что при Павлѣ, на Дону было какое-то частное возмущеніе казаковъ, въ которомъ замѣшались два офицера. Павелъ велѣлъ ихъ судить военнымъ судомъ и далъ полную власть гетману или генералу. Судъ приговорилъ ихъ къ смерти, но никто не осмѣлился утвердить приговоръ; гетманъ представилъ дѣло государю. „Всѣ они бабы," сказалъ Павелъ, „они хотятъ свалить казнь на меня, очень благодаренъ," и замѣнилъ ее каторжной работой.

Николай ввелъ *смертную казнь* въ наше уголовное законодательство сначала беззаконно, а потомъ привѣнчалъ ее къ своему своду.

Черезъ день, послѣ полученія страшной вѣсти, былъ молебенъ въ Кремлѣ.*) Отпраздновавши казнь, Нико-

*) „Побѣду Николая надъ пятью торжествовали въ Москвѣ молебствіемъ. Середь Кремля митрополитъ Филаретъ благодарилъ бога за убійства. Вся царская фамилія молилась, около нея Сенатъ, министры, а кругомъ, на огромномъ пространствѣ, стояли густыя массы гвардіи, колѣнопреклоненныя, безъ кивера, и тоже молились; пушки гремѣли съ высотъ Кремля.

лай сдѣлалъ свой торжественный въѣздъ въ Москву. Я тутъ видѣлъ его въ первый разъ; онъ ѣхалъ верхомъ возлѣ кареты, въ которой сидѣли вдовствующая императрица и молодая. Онъ былъ красивъ, но красота его обдавала холодомъ; нѣтъ лица, которое бы такъ безпощадно обличало характеръ человѣка, какъ его лицо. Лобъ быстро бѣгущій назадъ, нижняя челюсть, развитая на счетъ черепа, выражали непреклонную волю и слабую мысль, больше жестокости, нежели чувственности. Но главное глаза, безъ всякой теплоты, безъ всякаго милосердія, зимніе глаза. Я не вѣрю, чтобъ онъ когда нибудь страстно любилъ какую нибудь женщину, какъ Павелъ Лопухину, какъ Александръ всѣхъ женщинъ, кромѣ своей жены; „онъ пребывалъ къ нимъ благосклоненъ," не больше.

Въ Ватиканѣ есть новая галлерея, въ которой, кажется, Пій VII собралъ огромное количество статуй, бюстовъ. статуэтокъ, вырытыхъ въ Римѣ и его окрестностяхъ. Вся исторія римскаго паденія выражена тутъ бровями, лбами, губами; отъ дочерей Августа до Поппеи, матроны успѣли превратиться въ лоретокъ и типъ лоретки побѣждаетъ и остается; мужской типъ, перейдя, такъ сказать, самого себя въ Антиноѣ и Гермафродитѣ, двоится; съ одной стороны плотское и нравственное паденіе, загрязненныя черты развратомъ и об-

Никогда висѣлицы не имѣли такого торжества; Николай понялъ важность побѣды!

Мальчикомъ четырнадцати лѣтъ, потрясеннымъ въ толпѣ, я былъ на этомъ молебствіи и тутъ, передъ алтаремъ, оскверненнымъ кровавой молитвой, я клялся отомстить казненныхъ, и обрекалъ себя на борьбу съ этимъ тропомъ, съ этимъ алтаремъ, съ этими пушками. Я не отомстилъ; гвардія и тронъ, алтарь и пушки — все осталось; но черезъ тридцать лѣтъ, я стою подъ тѣмъ-же знаменемъ, котораго не покидалъ ни разу."(*Полярная Звѣзда* на 1855).

жорствомъ, кровью и всѣмъ на свѣтѣ, безо лба, мелкія какъ у гетеры Геліобагала, или съ опущенными щеками, какъ у Гальбы; послѣдній типъ чудесно воспроизвелся въ неаполитанскомъ королѣ. Но есть и другой— это типъ военачальниковъ, въ которыхъ вымерло все гражданское, все человѣческое, и осталась одна страсть — повелѣвать; умъ узокъ, сердца совсѣмъ нѣтъ — это монахи властолюбія, въ ихъ чертахъ видна сила и суровая воля. Таковы *гвардейскіе и армейскіе* императоры, которыхъ крамольные легіонеры ставили на часы къ имперіи. Въ ихъ-то числѣ я нашелъ много головъ, напоминающихъ Николая, когда онъ былъ безъ усовъ. Я понимаю необходимость этихъ угрюмыхъ и непреклонныхъ стражей возлѣ умирающаго въ бѣшенствѣ, но зачѣмъ они возникающему, юному?

Не смотря на то, что политическія мечты занимали меня день и ночь, понятія мои не отличались особенной проницательностью; они были до того сбивчивы, что я воображалъ въ самомъ дѣлѣ, что петербургское возмущеніе имѣло между прочимъ цѣлью посадить на тронъ цесаревича, ограничивъ его власть. Отсюда цѣлый годъ поклоненія этому чудаку. Онъ былъ тогда народнѣе Николая; отъ чего, не понимаю, но массы, для которыхъ онъ никакого добра не сдѣлалъ и солдаты, для которыхъ онъ дѣлалъ одинъ вредъ, любили его. Я очень помню, какъ во время коронаціи онъ шелъ возлѣ блѣднаго Николая, съ насупившимися, свѣтложелтаго цвѣта взъерошенными бровями, въ мундирѣ литовской гвардіи съ желтымъ воротникомъ, сгорбившись и поднимая плечи до ушей. Обвѣнчавши въ качествѣ отца посаженаго Николая съ Россіей, онъ уѣхалъ додразнивать Варшаву. До 29 Ноября 1830 года о немъ не было слышно.

Не красивъ былъ мой герой, такого типа и въ Ватиканѣ не сыщешь. Я бы этотъ типъ назвалъ *гатчинскимъ*, еслибъ не видалъ сардинскаго короля.

Само собою разумѣется, что одиночество теперь тяготило меня больше прежняго, мнѣ хотѣлось кому-нибудь сообщить мои мысли и мечты, провѣрить ихъ, слышать имъ подтвержденіе; я слишкомъ гордо сознавалъ себя „злоумышленникомъ“, чтобъ молчать объ этомъ или чтобъ говорить безъ разбора.

Первый выборъ палъ на русскаго учителя.

И. Е. Протопоповъ былъ полонъ того благороднаго и неопредѣленнаго либерализма, который часто проходитъ съ первымъ сѣдымъ волосомъ, съ женитьбой и мѣстомъ, но все-таки облагораживаетъ человѣка. Иванъ Евдокимовичъ былъ тронутъ и уходя обнялъ меня со словами: „Дай Богъ, чтобъ эти чувства созрѣли въ васъ и укрѣпились.“ Его сочувствіе было для меня великой отрадой. Онъ послѣ этого сталъ носить мнѣ мелко переписанныя и очень затертыя тетрадки стиховъ Пушкина: *Ода на свободу*, *Кинжалъ*; *Думы Рылѣева*, я ихъ переписывалъ тайкомъ... (*а теперь* печатаю явно!)

Разумѣется, что и чтеніе мое перемѣнилось. Политика впередъ, а главное исторія революціи, я ее зналъ только по разсказамъ М-те Прово. Въ подвальной библіотекѣ открылъ я какую-то исторію девяностыхъ годовъ, писанную роялистомъ. Она была до того пристрастна, что даже я 14 лѣтъ ей не повѣрилъ. Слышалъ я мелькомъ отъ старика Бушо, что онъ во время революціи былъ въ Парижѣ, мнѣ очень хотѣлось распросить его; но Бушо былъ человѣкъ суровый и угрюмый, съ огромнымъ носомъ и очками; онъ никогда не пускался въ излишніе розговоры со мной, спрягалъ глаголы, дик-

товалъ примѣры, бранилъ меня и уходилъ, опираясь на толстую сучковатую палку.

— Зачѣмъ, спросилъ я его середь урока, казнили Людвика XVI?

Старикъ посмотрѣлъ на меня, опуская одну сѣдую бровь и поднимая другую, поднялъ очки на лобъ какъ забрало, вынулъ огромный синій носовой платокъ и утирая имъ носъ съ важностью сказалъ.

— Parce qu'il a été traître à la patrie.

— Еслибъ вы были между судьями, вы подписали бы приговоръ?

— Обѣими руками.

Этотъ урокъ стоилъ всякихъ субжонктивовъ; для меня было довольно; ясное дѣло, что по дѣломъ казнили короля.

Старикъ Бушо не любилъ меня и считалъ пустымъ шалуномъ за то, что я дурно приготовлялъ уроки, онъ часто говаривалъ: „Изъ васъ ничего не выйдетъ," но когда замѣтилъ мою симпатію къ его идеямъ regicides, онъ смѣнилъ гнѣвъ на милость, прощалъ ошибки и разсказывалъ эпизоды 93 года, и какъ онъ уѣхалъ изъ Франціи, когда „развратные и плуты" взяли верхъ. Онъ съ тою-же важностью, не улыбаясь, оканчивалъ урокъ, но уже снисходительно говорилъ. „Я право думалъ, что изъ васъ ничего не выйдетъ, но ваши благородныя чувства спасутъ васъ."

Къ этимъ педагогическимъ поощреніямъ и симпатіямъ вскорѣ присовокупилась симпатія болѣе теплая и имѣвшая сильное вліяніе на меня.

Въ небольшомъ городкѣ тверской губеріи жила внучка старшаго брата моего отца. Я ее зналъ съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ, но видались мы рѣдко; она пріѣзжала разъ въ годъ на святки или объ масляницу погостить

въ Москву съ своей теткой. Тѣмъ не менѣе мы сблизились. Она была лѣтъ пять старше меня, но такъ мала ростомъ и моложава, что ее можно было еще считать моей ровесницей. Я ее полюбилъ за то особенно, что она первая стала обращаться со мной по человѣчески, т. е. не удивлялась безпрестанно тому, что я выросъ, не спрашивала чему учусь, и хорошо-ли учусь, хочу-ли въ военную службу и въ какой полкъ, а говорила со мной такъ, какъ люди вообще говорятъ между собой, не оставляя впрочемъ докторальный авторитетъ, который дѣвушки любятъ сохранять надъ мальчиками нѣсколько лѣтъ моложе ихъ.

Мы переписывались и очень съ 1824 г., но письма— это опять перо и бумага, опять учебный столъ съ чернильными пятнами и иллюстраціями, вырѣзанными перочиннымъ ножемъ; мнѣ хотѣлось ее видѣть, говорить съ ней о новыхъ идеяхъ — и потому можно себѣ представить съ какимъ восторгомъ я услышалъ, что кузина пріѣдетъ въ февралѣ (1826) и будетъ у насъ гостить нѣсколько мѣсяцевъ. Я на своемъ столѣ нацарапалъ числа до ея пріѣзда и смарывалъ прошедшія, иногда намѣренно забывая дни три, чтобъ имѣть удовольствіе разомъ вымарать побольше, и все-такп время тянулось очень долго, потомъ и срокъ прошелъ и новый былъ назначенъ, и тотъ прошелъ, какъ всегда бываетъ.

Мы сидѣли разъ вечеромъ съ Иваномъ Евдокимовичемъ въ моей учебной комнатѣ, и Иванъ Евдокимовичъ, по обыкновонію запивая кислыми щами всякое предложеніе, толковалъ о „гексаметрѣ,“ страшно рубя на стопы голосомъ и рукой каждый стихъ изъ Гнѣдичевой Иліады — вдругъ на дворѣ снѣгъ завизжалъ какъ то иначе чѣмъ отъ городскихъ саней, подвязанный колокольчикъ позванивалъ остаткомъ голоса, говоръ на

дворѣ... я вспыхнулъ въ лицѣ, мнѣ было не до рубленаго гнѣва „Ахиллеса Пелеева сына“; я бросился стремглавъ въ переднюю, а Тверская кузина, закутанная въ шубахъ, шаляхъ, шарфахъ, въ капорѣ и въ бѣлыхъ мохнатыхъ сапогахъ, красная отъ морозу, а можетъ и отъ радости, бросилась меня цаловать.

Люди обыкновенно вспоминаютъ о первой молодости, о тогдашнихъ печаляхъ и радостяхъ немного съ улыбкой снисхожденія, какъ будто они хотятъ, жеманясь какъ Софья Павловна въ *Горе отъ ума*, сказать „Ребячество!“ Словно они стали лучше послѣ, сильнѣе чувствуютъ или больше. Дѣти года черезъ три стыдятся своихъ игрушекъ — пусть ихъ, имъ хочется быть большими, они такъ быстро ростутъ, мѣняются, они это видятъ по курточкѣ и по страницамъ учебныхъ книгъ; а кажется совершеннолѣтнимъ можно бы было понять, что „ребячество“ съ двумя-тремя годами юности — самая полная, самая пзящная, самая *наша* часть жизни, да и чутъ-ли не самая важная, она незамѣтно опредѣляетъ все будущее.

Пока человѣкъ идетъ скромнымъ шагомъ впередъ, не останавливаясь, не задумываясь, пока не пришелъ къ оврагу пли не сломалъ себѣ шеи, онъ все полагаетъ, что его жизнь впереди, свысока смотритъ на прошедшее и не умѣетъ цѣнить настоящаго. Но когда опытъ прибилъ весенніе цвѣты и остудилъ лѣтній румянецъ, когда онъ догадывается что жизнь—собственно прошла, а осталось ея продолженіе, тогда онъ иначе возвращается къ свѣтлымъ, къ теплымъ, къ прекраснымъ воспоминаніямъ первой молодости.

Природа съ своими вѣчными уловками и экономическими хитростями *даетъ* юность человѣку, но человѣка сложившагося *беретъ* для себя, она его втягиваетъ,

впутываетъ въ ткань общественныхъ и семейныхъ отношеній, въ три четверти независящихъ отъ него, онъ разумѣется даетъ своимъ дѣйствіямъ свой личный характеръ, но онъ гораздо меньше принадлежитъ себѣ, лирическій элементъ личности ослабленъ, а потому и чувства и наслажденіе—все слабѣе кромѣ ума и воли.

Жизнь кузины шла не по розамъ. Матери она липнлась ребенкомъ. Отецъ былъ отчаянный игрокъ, и какъ всѣ игроки по крови — десять разъ былъ бѣденъ, десять разъ былъ богатъ, и кончилъ все таки тѣмъ, что окончательно раззорился. Les beaux restes своего достоянія онъ посвятилъ конскому заводу, на который обратилъ всѣ свои помыслы и страсти. Сынъ его, уланскій юнкеръ, единственный братъ кузины, очень добрый юноша, шелъ прямымъ путемъ къ гибели; девятнадцати лѣтъ онъ уже былъ болѣе страстный игрокъ, нежели отецъ.

Лѣтъ пятидесяти, безъ всякой нужды, отецъ женился на застарѣлой въ дѣвствѣ воспитанницѣ Смольнаго монастыря. Такого полнаго, совершеннаго типа петербургской институтки мнѣ не случалось встрѣчать. Она была одна изъ отличнѣйшихъ ученицъ, и потомъ классной дамой въ монастырѣ; худая, бѣлокурая, подслѣпая, она въ самой наружности имѣла что-то дидактическое и назидательное. Вовсе не глупая, она была полна ледяной восторженности на словахъ, говорила готовыми фразами о добродѣтели и преданности, знала на память хронологію и географію, до противной степени правильно говорила по французски, и таила внутри самолюбіе доходившее до искуственной, іезуитской скромности. Сверхъ этихъ общихъ чертъ „семинаристовъ въ желтой шали,“ она имѣла чисто невскія или смольныя. Она поднимала глаза къ небу, полные слезъ, говоря о

посѣщеніяхъ ихъ общей матери (императрицы Маріи Ѳеодоровны), была влюбена въ императора Александра и, помнится, носила медальонъ или перстень съ отрывкомъ изъ письма императрицы Елизаветы — „Il a repris son sourire de bienveillance!“

Можно себѣ представить стройное trio, составленное изъ отца-игрока страстнаго охотника до лошадей, цыганъ, шума, пировъ, скачекъ и бѣговъ; дочери, воспитанной въ совершенной независимости, привыкшей дѣлать, что хотѣлось въ домѣ, и ученой дѣвы, вдругъ сдѣлавшейся изъ пожилыхъ наставницъ молодой супругой. Разумѣется, она не любила падчерицу, разумѣется, что падчерица ее не любила. Вообще между женщинами тридцати пяти лѣтъ и дѣвушками семнадцати только тогда бываетъ большая дружба, когда первыя самоотверженно рѣшаются не имѣть пола.

Я нисколько не удивляюсь обыкновенной враждѣ между падчерицами и мачихами, она естественна, она нравственна. Новое лицо, вводимое вмѣсто матери, вызываетъ со стороны дѣтей отвращеніе. Второй бракъ— вторые похороны для нихъ. Въ этомъ чувствѣ ярко выражается дѣтская любовь, она шепчетъ спротамъ: „Жена твоего отца, вовсе не твоя мать.“ Христіанство сначала понимало, что съ тѣмъ понятіемъ о бракѣ, которое оно развивало, съ тѣмъ понятіемъ о безсмертіи души, которое оно проповѣдывало, второй бракъ вообще нелѣпость; но дѣлая постоянно уступки міру, церковь перехитрила и встрѣтилась съ неумолимой логикой жизни — съ простымъ дѣтскимъ сердцемъ, практически возставшимъ противъ благочестивой нелѣпости считать подругу отца — своей матерью.

Съ своей стороны и женщина, встрѣчающая, выходя изъ подъ вѣнца, готовую семью, дѣтей, находится въ

неловкомъ положеніи; ей нечего съ ними дѣлать, она должна натянуть чувства, которыхъ не можетъ имѣть, она должна увѣрить себя и другихъ, что чужія дѣти ей также милы какъ свои.

Я стало быть вовсе не обвиняю ни монастырку, ни кузину за ихъ взаимную нелюбовь, но понимаю, какъ молодая дѣвушка, не привыкнувшая къ дисциплинѣ, рвалась куда бы то ни было на волю изъ родительскаго дома. Отецъ, начинавшій стариться, больше и больше покорялся ученой супругѣ своей; уланъ братъ ея шалилъ хуже и хуже, словомъ дома было тяжело и она наконецъ склонила мачиху отпустить ее на нѣсколько мѣсяцевъ, а можетъ и на годъ, къ намъ.

На другой день послѣ пріѣзда, кузина ниспровергла весь порядокъ моихъ занятій, кромѣ уроковъ; самодержавно назначила часы для общаго чтенія, не совѣтывала читать романы, а рекомендовала Сегюрову всеобщую исторію и Анахарсисово путешествіе. Съ стоической точки зрѣнія противодѣйствовала она сильнымъ наклонностямъ моимъ курить тайкомъ табакъ, завертывая его въ бумажку (тогда папиросы еще не существовали); вообще она любила мнѣ читать морали,— если я ихъ не исполнялъ, то мирно выслушивалъ. По счастію у нея не было выдержки, и забывая свои распоряженія, она читала со мной повѣсти Цшоке, вмѣсто археологическаго романа, и посылала тайкомъ мальчика покупать зимой гречневики и гороховой кисель съ постнымъ масломъ, а лѣтомъ крыжовникъ и смородину.

Я думаю, что вліяніе кузины на меня было очень хорошо; теплый элементъ взошелъ съ нею въ мое келейное отрочество, отогрѣлъ, а можетъ и сохранилъ едва развертывавшіяся чувства, которыя очень могли быть совсѣмъ подавлены ироніей моего отца. Я научился

быть внимательнымъ, огорчаться отъ одного слова, заботиться о другѣ, любить; я научился говорить о чувствахъ. Она поддержала во мнѣ мои политическія стремленія, пророчила мнѣ необыкновенную будущность, славу, — и я съ ребячьимъ самолюбіемъ вѣрилъ ей, что я будущій „Брутъ или Фабрицій."

Мнѣ одному она довѣрила тайну любви къ одному офицеру Александрійскаго гусарскаго полка, въ черномъ ментикѣ и въ черномъ долманѣ; это была дѣйствительная тайна, потому что и самъ гусаръ никогда не подозрѣвалъ, командуя своимъ эскадрономъ, какой чистой огонекъ теплился для него въ груди восьмнадцатилѣтней дѣвушки. Не знаю, завидовалъ-ли я его судьбѣ, вѣроятно немножко, но я былъ гордъ тѣмъ, что она избрала меня своимъ повѣреннымъ — и воображалъ (по Вертеру), что это одна изъ тѣхъ трагическихъ страстей, которая будетъ имѣть великую развязку, сопровождаемую самоубійствомъ, ядомъ и кинжаломъ; мнѣ даже приходило въ голову идти къ нему и все разсказать.

Кузина привезла изъ Корчевы воланы, въ одинъ изъ волановъ была воткнута булавка и она никогда не играла другимъ и всякій, разъ когда онъ попадался мнѣ или кому-нибудь, брала его, говоря, что она очень къ нему привыкла. Демонъ espiéglerie, который всегда былъ моимъ злымъ искусителемъ, наустилъ меня перемѣнить булавку, т. е. воткнуть ее въ другой воланъ. Шалость вполнѣ удалась, кузина постоянно брала ту, въ которой была булавка. Недѣли черезъ двѣ я ей сказалъ: она перемѣнилась въ лицѣ, залилась слезами и ушла къ себѣ въ комнату. Я былъ испуганъ, несчастенъ и, подождавъ съ полчаса, отправился къ ней; комната была заперта, я просилъ отпереть дверь, ку-

зина не пускала, говорила, что она больна, что я не другъ ей, а бездушный мальчикъ. Я написалъ ей записку, умолялъ простить меня; послѣ чая мы помирились, я у ней поцаловалъ руку, она обняла меня и тутъ объяснила всю важность дѣла. Годъ тому назадъ гусаръ обѣдалъ у нихъ и послѣ обѣда игралъ съ ней въ воланъ, его то воланъ и былъ отмѣченъ. Меня угрызала совѣсть, я думалъ, что я сдѣлалъ истинное святотатство.

Кузина оставалась до октября мѣсяца. Отецъ звалъ ее назадъ и обѣщалъ черезъ годъ отпустить ее къ намъ въ Васпльевское. Мы съ ужасомъ ждали разлуки, и вотъ однимъ осеннимъ днемъ пріѣхала за ней бричка и горничная ея понесла класть кузовки и картоны, наши люди уложили всякихъ дорожныхъ припасовъ на цѣлую недѣлю, толпились у подъѣзда и прощались. Крѣпко обнялись мы—она плакала и я плакалъ, бричка выѣхала на улицу, повернула въ переулокъ возлѣ того самаго мѣста, гдѣ продавали гречнивики и гороховой кисель, и исчезла; я походилъ по двору — такъ что-то холодно и дурно, взошелъ въ свою комнату — и тамъ будто пусто и холодно, принялся готовить урокъ Ивану Евдокимовичу, а самъ думалъ — гдѣ то теперь кибитка, проѣхала заставу или нѣтъ?

Одно меня утѣшало — въ будущемъ іюнѣ вмѣстѣ въ Васильевскомъ!

Для меня деревня была временемъ воскресенія, я страстно любилъ деревенскую жизнь. Лѣса, поля и воля вольная — все это мнѣ было такъ ново, выросшему въ хлопкахъ, за каменными стѣнами, не смѣя выйти ни подъ какимъ предлогомъ за ворота безъ спроса и безъ сопровожденія лакея...

„Ѣдемъ мы нынѣшній годъ въ Васильевское или

нѣтъ?“ Вопросъ этотъ сильно занималъ меня съ весны. Отецъ мой всякій разъ говорилъ, что въ этомъ году онъ уѣдетъ рано, что ему хочется видѣть, какъ распускается листъ и никогда не могъ собраться прежде іюля. Иной годъ онъ такъ опаздывалъ, что мы совсѣмъ не ѣздили. Въ деревню писалъ онъ всякую зиму, чтобъ домъ былъ готовъ и протопленъ, но это дѣлалось больше по глубокимъ политическимъ соображеніямъ, нежели серьезно для того, чтобъ староста и земскій, боясь близкаго пріѣзда, внимательнѣе смотрѣли за хозяйствомъ.

Кажется, что ѣдемъ. Отецъ мой говорилъ Сенатору, что очень хотѣлось бы ему отдохнуть въ деревнѣ и что хозяйство требуетъ его присмотра, но опять проходили недѣли.

Мало по малу дѣло становилось вѣроятнѣе, запасы начинали отправляться, сахаръ, чай, разная крупа, вино — тутъ снова пауза и наконецъ приказъ старостѣ, чтобъ къ такому-то дню прислалъ столько-то крестьянскихъ лошадей — и такъ ѣдемъ, ѣдемъ!

Я не думалъ тогда какъ была тягостна для крестьянъ въ самую рабочую пору потеря четырехъ или пяти дней, радовался отъ души и торопился укладывать тетради и книги. Лошадей приводили, я съ внутреннимъ удовольствіемъ слушалъ ихъ жеванье и фырканье на дворѣ и принималъ большое участіе въ суетѣ кучеровъ, въ спорахъ людей о томъ гдѣ кто сядетъ, гдѣ кто положитъ свои пожитки; въ людской огонь горѣлъ до самаго утра и всѣ укладывались, таскали съ мѣста на мѣсто мѣшки и мѣшочки и одѣвались по дорожному (ѣхать всего было около восьмидесяти верстъ). Всего болѣе раздраженъ былъ камердинеръ моего отца, онъ чувствовалъ всю важность укладки, съ ожесточеніемъ выбрасывалъ все положенное другими, рвалъ себѣ во-

лосы на головѣ отъ досады и былъ неприступенъ.

Отецъ мой вовсе не раньше вставалъ на другой день, казалось даже позже обыкновеннаго, также продолжительно пилъ кофе и наконецъ часовъ въ одиннадцать приказывалъ закладывать лошадей. За четверомѣстной каретой, заложенной шестью господскими лошадями, ѣхали три, иногда четыре повозки: коляска, бричка, фура или вмѣсто ея двѣ телѣги; все это было наполнено дворовыми и пожитками, не смотря на обозы прежде отправленные — все было биткомъ набито, такъ что никому нельзя было порядочно сидѣть.

На полдорогѣ мы останавливались обѣдать и кормить лошадей въ большомъ селѣ Перхушковѣ, имя котораго попалось въ наполеоновскіе бюльтени. Село это принадлежало сыну „старшаго брата," о которомъ мы говорили при раздѣлѣ. Запущенный барскій домъ стоялъ на большой дорогѣ, окруженной плоскими безотрадными полями; но мнѣ и эта пыльная даль очень нравилась послѣ городской тѣсноты. Въ домѣ покоробленные полы и ступени лѣсницы качались, шаги и звуки раздавались рѣзко, стѣны вторили имъ будто съ удивленіемъ. Старинная мебель изъ кунстъ-камеры прежняго владѣльца, доживала свой вѣкъ въ этой ссылкѣ; я съ любопытствомъ бродилъ изъ комнаты въ комнату, ходилъ вверхъ, ходилъ внизъ, отправлялся въ кухню. Тамъ нашъ поваръ приготовлялъ наскоро дорожный обѣдъ съ недовольнымъ и пронческимъ видомъ. Въ кухнѣ сидѣлъ обыкновенно бурмистръ, сѣдой старикъ съ шишкой на головѣ: поваръ обращаясь къ нему, критиковалъ плиту и очагъ, бурмистръ слушалъ его и по временамъ лаконически отвѣчалъ: „И то — пожалуй что и такъ," и невесело посматривалъ на всю эту тревогу, думая когда нелегкая ихъ пронесетъ.

Обѣдъ подавался на особенномъ англійскомъ сервизѣ изъ жести или изъ какой-то композиціи, купленномъ ad hoc. Между тѣмъ лошади были заложены; въ передней и въ сѣняхъ собирались охотники до придворныхъ встрѣчъ и проводовъ: лакеи, оканчивающіе жизнь на хлѣбѣ и чистомъ воздухѣ, старухи, бывшія смазливыми горничными лѣтъ тридцать тому назадъ, вся эта саранча господскихъ домовъ, поѣдающая крестьянскій трудъ безъ собственной вины, какъ настоящая саранча. Съ ними приходили дѣти съ свѣтлопалевыми волосами; босые и запачканные, они все совались впередъ, старухи все ихъ дергали назадъ; дѣти кричали, старухи кричали на нихъ, ловили меня при всякомъ случаѣ и всякій годъ удивлялись, что я такъ выросъ. Отецъ мой говорилъ съ ними нѣсколько словъ; одни подходили *къ ручкѣ*, которую онъ никогда не давалъ, другіе кланялись и мы уѣзжали.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Вяземы князя Голицына дожидался васильевской староста, верхомъ, на опушкѣ лѣса и провожалъ проселкомъ. Въ селѣ, у господскаго дома, къ которому вела длинная липовая алея, встрѣчалъ священникъ, его жена, причетники, дворовые, нѣсколько крестьянъ и дуракъ Пронька, который одинъ чувствовалъ человѣческое достоинство, не снималъ засаленой шляпы, улыбался, стоя нѣсколько поодаль, и давалъ стрѣчка, какъ только кто нибудь изъ городскихъ хотѣлъ подойти къ нему.

Я мало видалъ мѣстъ изящнѣе Васильевскаго. Кто знаетъ Кунцово и Архангельское Юсупова, или имѣнье Лопухина противъ Савина монастыря, тому довольно сказать, что Васильевское лежитъ на продолженіи того же берега, верстъ тридцать отъ Савина монастыря. На отлогой сторонѣ — село, церковь и старый господскій

домъ. По другую сторону — гора и небольшая деревенька, тамъ построилъ мой отецъ новый домъ. Видъ изъ него обнималъ верстъ пятнадцать кругомъ; озера нивъ, колеблясь, стлались безъ конца; разныя усадьбы и села съ бѣлѣющими церквами видны были тамъ сямъ; лѣса разныхъ цвѣтовъ дѣлали полукруглую раму и черезо все голубая тесьма Москвы рѣки. Я открывалъ окно рано утромъ въ своей комнатѣ на верху и смотрѣлъ, и слушалъ, и дышалъ.

При всемъ томъ мнѣ было жаль старый каменный домъ, можетъ оттого, что я въ немъ встрѣтился въ первый разъ съ деревней; я такъ любилъ длинную, тѣнистую алею, которая вела къ нему и одичалый садъ возлѣ; домъ разваливался, и изъ одной трещины въ сѣняхъ росла тоненькая, стройная береза. На лѣво по рѣкѣ шла ивовая алея, за нею тростникъ и бѣлый песокъ до самой рѣки; на этомъ пескѣ и въ этомъ тростникѣ игрывалъ я бывало цѣло утро — лѣтъ одинадцати, двѣнадцати. Передъ домомъ сиживалъ почти всегда сгорбленный старикъ, садовникъ, троилъ мятную воду, отваривалъ ягоды и тайкомъ кормилъ меня всякой овощью. Въ саду было множество воронъ: гнѣзда ихъ покрывали макушки деревьевъ, онѣ кружились около нихъ и каркали; иногда, особенно къ вечеру, они вспархивали цѣлыми сотнями, шумя и поднимая другихъ; иногда, одна какая нибудь перелетитъ наскоро съ дерева на дерево и все затихнетъ... А къ ночи издали гдѣ-то сова то плачетъ, какъ ребенокъ, то заливается хохотомъ.... Я боялся этихъ дикихъ, плачевныхъ звуковъ, а все таки ходилъ ихъ слушать.

Каждый годъ или, по крайней мѣрѣ, черезъ годъ ѣздили мы въ Васильевское. Я, уѣзжая, мѣтилъ на стѣнѣ возлѣ балкона мой ростъ, и тотчасъ отправлялся сви-

дѣтельствовать, сколько меня прибыло. Но я могъ деревней мѣрить не одинъ физическій ростъ, періодическія возвращенія къ тѣмъ-же предметамъ наглядно показывали разницу внутренняго развитія. Другія книги привозились, другіе предметы занимали. Въ 1823 я еще совсѣмъ былъ ребенкомъ, со мной были дѣтскія книги, да и тѣхъ я не читалъ, а занимался всего больше зайцемъ и вѣкшей, которые жили въ чуланѣ возлѣ моей комнаты. Одно изъ главныхъ наслажденій состояло въ разрѣшеніи моего отца, каждый вечеръ разъ выстрѣлить изъ фальконета, причемъ само собою разумѣется, вся дворня была занята, и пятидесятилѣтніе люди съ просѣдью также тѣшились какъ я. Въ 1827 я привезъ съ собою Плутарха и Шиллера; рано утромъ уходилъ я въ лѣсъ, въ чащу, какъ можно дальше, тамъ ложился подъ дерево и воображая, что это Богемскія лѣса, читалъ самъ себѣ вслухъ; тѣмъ не меньше, еще плотина, которую я дѣлалъ на небольшомъ ручьѣ съ помощью одного дворового мальчика, меня очень занимала и я въ день десять разъ бѣгалъ ее осматривать и поправлять. Въ 1829 и 30 годахъ я писалъ *философскую* статью о Шиллеровомъ Валленштейнѣ — и изъ прежнихъ игръ удержался въ силѣ одинъ фальконетъ.

Впрочемъ, сверхъ пальбы еще другое наслажденіе осталось моей неизмѣнной страстью — сельскіе вечера, они и теперь, какъ тогда, остались для меня минутами благочестія, тишины и поэзіи. Одна изъ послѣднихъ кротко-свѣтлыхъ минутъ въ моей жизни тоже напоминаетъ мнѣ сельскій вечеръ. Солнце опускалось торжественно, ярко въ океанъ огня, распускалось въ немъ..... Вдругъ густой пурпуръ смѣнился синей темнотой; все подернулось дымчатымъ испареніемъ, въ Италіи сумерки начинаются быстро. Мы сѣли на муловъ; но до-

рогѣ изъ Фраскати въ Римъ надобно было проѣзжать небольшою деревенькой; кой-гдѣ уже горѣли огоньки, все было тихо, копыта муловъ звонко постукивали по камню, свѣжій и нѣсколько сырой вѣтеръ подувалъ съ Апенинъ. При выѣздѣ изъ деревни въ нишѣ стояла небольшая мадонна, передъ нею горѣлъ фонарь; крестьянскія дѣвушки, шедшія съ работы, покрытыя своимъ бѣлымъ убрусомъ на головѣ, опустились на колѣна и запѣли молитву, къ присоединились шедшіе мимо нищіе пиферари; я былъ глубоко потрясенъ, глубоко тронутъ. Мы посмотрѣли другъ на друга.... и тихимъ шагомъ поѣхали къ остеріи, гдѣ насъ ждала коляска. Ѣхавши домой, я разсказывалъ о вечерахъ въ Васильевскомъ. А что разсказывать? —

Деревья сада
Стояли тихо. По холмамъ
Тянулась сельская ограда,
И расходилось по домамъ
Уныло медленное стадо.

(ЮМОРЪ).

... Пастухъ хлопаетъ длиннымъ бичемъ да играетъ на берестовой дудкѣ; мычаніе, блеянье, топанье по мосту возвращающагося стада, собака подгоняетъ лаемъ разсѣянную овцу и та бѣжитъ какимъ-то деревяннымъ курцъ-галопомъ; а тутъ пѣсни крестьянокъ, идущихъ съ поля, все ближе и ближе; но тропинка повернула на право, и звуки снова удаляются. Изъ домовъ, скрытыя воротами, выходятъ дѣти, дѣвочки — встрѣчать своихъ коровъ, барановъ; работа кончилась. Дѣти играютъ на улицѣ, у берега, и ихъ голоса раздаются пронзительно-чисто по рѣкѣ и по вечерней зарѣ; къ воздуху примѣшивается паленой запахъ овиновъ, роса начинаетъ исподволь стлать дымомъ по полю, надъ лѣсомъ вѣтеръ какъ-то ходитъ вслухъ, словно листъ за-

кипаетъ, а тутъ зарница дрожа освѣтитъ замирающей, трепетной лазурью окрестности, и Вѣра Артамоновна больше ворча, нежели сердясь, говоритъ, найдя меня подъ липой: „что это васъ нигдѣ не сыщешь, и чай давно поданъ и всѣ въ сборѣ, я уже искала, искала васъ, ноги устали, не подъ лѣта мнѣ бѣгать: да и что это на сырой травѣ лежать?... вотъ будетъ завтра насморкъ, непремѣнно будетъ."

— Ну полноте, полноте, говорилъ я смѣясь старушкѣ, и насморку не будетъ, и чаю я не хочу, а вы мнѣ украдьте сливокъ получше съ самаго верху.

— Въ самомъ дѣлѣ ужъ какой вы, на васъ и сердиться нельзя..... лакомство какое! сливки то, я уже, и безъ вашего спроса приготовила. А вотъ зарница... хорошо! это къ хлѣбу заритъ.

И я, подпрыгивая и посвистывая, отправлялся домой.

Послѣ 1832 года мы не ѣздили больше въ Васильевское. Въ продолженіи моей ссылки, мой отецъ продалъ его. Въ 1843 году мы жили въ другой подмосковной, въ звенигородскомъ уѣздѣ, верстъ двадцать отъ Васильевскаго. Какъ-же было не съѣздить на старое пепелище. И вотъ, мы опять ѣдемъ тѣмъ же проселкомъ; открывается знакомый боръ и гора покрытая орѣшникомъ, а тутъ и бродъ черезъ рѣку, этотъ бродъ, приводившій меня двадцать лѣтъ тому назадъ въ восторгъ — вода брызжетъ, мелкіе камни хрустятъ, кучера кричатъ, лошади упираются... ну вотъ и село, и домъ священника, гдѣ онъ сиживалъ, на лавочкѣ въ буромъ подрясникѣ, простодушный, добрый, рыжеватый, вѣчно въ поту, всегда что нибудь прикусывавшій, и постоянно одержимый икотой; вотъ и каппелярія, гдѣ земскій Василій Епифановъ, никогда не бывавшій трезвымъ, пи-

салъ свои отчеты, скорчившись надъ бумагой, и держа перо у самаго конца, круто подогнувши третій палецъ подъ него. Священникъ умеръ, Василій Епифановъ пишетъ отчеты и напивается въ другой деревнѣ. Мы остановились у старостихи, мужъ ея былъ на полѣ.

Что то чужое прошло тутъ въ эти десять лѣтъ, вмѣсто нашего дома на горѣ стоялъ другой, около него былъ разбитъ новый садъ. Возвращаясь мимо церкви и кладбища, мы встрѣтили какое то уродливое существо, тащившееся почти на четверенькахъ; оно мнѣ показывало что-то, я подошелъ — это была горбатая и разбитая параличемъ полуюродивая старуха, жившая подаяніемъ и работавшая въ огородѣ прежняго священника; ей было тогда уже лѣтъ около семидесяти и ее то именно смерть и обошла. Она узнала меня, плакала, качала головой и приговаривала: „Охъ уже и ты-то какъ состарился, я по поступи тебя только узнала, а я — ужъ, я то — о, о, охъ — и не говори!“

Когда мы ѣхали назадъ, я увидѣлъ издали на полѣ старосту, того-же, который былъ при насъ; онъ сначала не узналъ меня, но когда мы проѣхали, онъ, какъ бы спохватившись, снялъ шляпу и низко кланялся. Проѣхавъ еще нѣсколько, я обернулся, староста Григорій Горскій все еще стоялъ на томъ-же мѣстѣ и смотрѣлъ намъ въ слѣдъ; его высокая, бородатая фигура, кланяющаяся середь нивы, знакомо проводила насъ изъ отчуждившагося Васильевскаго.

ГЛАВА IV.

Никъ и Воробьевы горы.

„Напиши тогда какъ въ этомъ мѣстѣ (на Воробьевыхъ горахъ) развилась исторія нашей жизни, т. е. моей и твоей.“
письмо 1833.

Года за три до того времени, о которомъ идетъ рѣчь, мы гуляли по берегу Москвы рѣки въ Лужникахъ, т. е. по другую сторону Воробьевыхъ горъ. У самой рѣки мы встрѣтили знакомаго намъ француза гувернера въ одной рубашкѣ, онъ былъ перепуганъ и кричалъ „тонетъ! тонетъ!“ Но прежде нежели нашъ пріятель успѣлъ снять рубашку или надѣть панталоны, уральскій казакъ сбѣжалъ съ Воробьевыхъ горъ, бросился въ воду, исчезъ и черезъ минуту явился съ щедушнымъ человѣкомъ, у котораго голова и руки болтались какъ платье вывѣшенное на вѣтеръ; онъ положилъ его на берегъ, говоря: „еще отходится, стоитъ покачать.“

Люди, бывшіе около, собрали рублей пятьдесятъ и предложили казаку. Казакъ безъ ужимокъ очень простодушно сказалъ: „грѣшно за эдакое дѣло деньги брать и труда почитай никакого не было, пшь какой словно кошка. А впрочемъ, прибавилъ онъ, мы люди бѣдные, просить не просимъ, ну, а коли даютъ отчего не взять, покорнѣйше благодаримъ.“ Потомъ завязавши деньги въ платокъ, онъ пошелъ пасти лошадей на гору.

Мой отецъ спросилъ его имя и написалъ на другой день о бывшемъ Эссену. Эссенъ произвелъ его въ урядники. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ явился къ намъ казакъ и съ нимъ надушенный, рябой, лысый, въ завитой бѣлокурой надкладкѣ нѣмецъ; онъ пріѣхалъ благодарить за казака, это былъ утопленникъ. Съ тѣхъ поръ онъ сталъ бывать у насъ.

Карлъ Ивановичъ Зоненбергъ оканчивалъ тогда нѣмецкую часть воспитанія какихъ-то двухъ повѣсъ, отъ нихъ онъ перешелъ къ одному симбирскому помѣщику, отъ него къ дальнему родственнику моего отца. Мальчикъ, котораго физическое здоровье и германское произношеніе было ему ввѣрено и котораго Зоненбергъ называлъ Никомъ, мнѣ нравился, въ немъ было что-то доброе, кроткое и задумчивое: онъ вовсе не походилъ на другихъ мальчиковъ, которыхъ мнѣ случалось видѣть, тѣмъ не менѣе сближались мы туго. Онъ былъ молчаливъ, задумчивъ; я рѣзовъ, но боялся его тормошить.

Около того времени какъ тверская кузина уѣхала въ Корчеву, умерла бабушка Ника, матери онъ лишился въ первомъ дѣтствѣ. Въ ихъ домѣ была суета, и Зоненбергъ, которому нечего было дѣлать, тоже хлопоталъ и представлялъ, что сбитъ съ ногъ; онъ привелъ Ника съ утра къ намъ и просилъ его на весь день оставить у насъ. Никъ былъ грустенъ, испуганъ; вѣроятно онъ любилъ бабушку. Онъ такъ поэтически вспомнилъ ее потомъ:

И вотъ теперь въ вечерній часъ
Заря блеститъ стезею длинной,
Я вспоминаю какъ у насъ
Давно обычай былъ старинной,
Предъ воскресеньемъ каждый разъ
Ходилъ къ намъ попъ сѣдой и чинной

И передъ образомъ святымъ
Молился съ причетомъ своимъ.

Старушка бабушка моя
На креслахъ опершись стояла,
Молитву шопотомъ творя,
И четки все перебирала;
Въ дверяхъ знакомая семья
Дворовыхъ лицъ мольбѣ внимала,
И въ землю кланялись они,
Прося у Бога долги дни.

А блескъ вечерній по окнамъ
Межъ тѣмъ горѣлъ. . . . .
По залѣ изъ кадила дымъ
Носился клубомъ голубымъ.

И все такою тишиной
Кругомъ дышало, только чтенье
Дьячковъ звучало, и съ душой
Дружилось тайное стремленье,
И смутно съ дѣтскою мечтой
Ужъ грусти тихой ощущенье
Я безсознательно сближалъ,
И все чего-то такъ желалъ.

ЮМОРЪ.

..... Посидѣвши немного, я предложилъ читать Шиллера. Меня удивляло сходство нашихъ вкусовъ; онъ зналъ на память гораздо больше чѣмъ я, и зналъ именно тѣ мѣста, которыя мнѣ такъ нравились, мы сложили книгу и выпытывали такъ сказать другъ въ другѣ симпатію.

Отъ Мёроса шедшаго съ кинжаломъ въ рукавѣ, „чтобъ городъ освободить отъ тирана,“ отъ Вильгельма Теля, поджидавшаго на узкой дорожкѣ въ Кюснахтѣ Фохта — переходъ къ 14 Декабря и Николаю былъ легокъ. Мысли эти и эти сближенія не были чужды Нику, напечатанные стихи Пушкина и Рылѣева были и

ему извѣстны; разница съ пустыми мальчиками, которыхъ я изрѣдка встрѣчалъ, была разительна.

Не задолго передъ тѣмъ, гулял на Прѣсненскихъ прудахъ, я полный моимъ *бушотовскимъ* терроризмомъ, объяснялъ одному изъ моихъ ровесниковъ справедливость казни Людовика XVI—„все такъ, замѣтилъ юный князь О. — но вѣдь онъ былъ помазанникъ божій!“ Я посмотрѣлъ на него съ сожалѣніемъ, разлюбилъ его и ни разу потомъ не просился къ нимъ.

Этихъ предѣловъ съ Никомъ не было, у него сердце также билось какъ у меня, онъ также отчалилъ отъ угрюмаго консервативнаго берега, стоило дружнѣе отпихиваться, и мы, чуть ли не въ первый день, рѣшились дѣйствовать въ пользу цесаревича *Константина!*

Прежде мы имѣли мало долгихъ бесѣдъ. Карлъ Ивановичъ мѣшалъ какъ осенняя муха и портилъ всякой разговоръ своимъ присутствіемъ, во все мѣшался, ничего не понимая дѣлалъ замѣчанія, поправлялъ воротникъ рубашки у Ника, торопился домой, словомъ, былъ очень противенъ. Черезъ мѣсяцъ мы не могли провести двухъ дней, чтобъ не увидѣться или не написать письмо; я съ порывистостью моей натуры привязывался больше и больше къ Нику, онъ тихо и глубоко любилъ меня.

Дружба наша должна была съ самаго начала принять характеръ серьезный. Я не помню, чтобъ шалости занимали насъ на первомъ планѣ, особенно когда мы были одни. Мы разумѣется не сидѣли съ нимъ на одномъ мѣстѣ, лѣта брали свое, мы хохотали и дурачились, дразнили Зоненберга и стрѣляли на нашемъ дворѣ изъ лука; но основа всего была очень далека отъ пустаго товарищества; насъ связывала сверхъ равенства лѣтъ, сверхъ нашего „химическаго“ сродства наша об-

щая религія. Ничего въ свѣтѣ не очищаетъ, не облагораживаетъ такъ отроческій возрастъ, не хранитъ его, какъ сильно возбужденный общечеловѣческій интересъ. Мы уважали въ себѣ наше будущее, мы смотрѣли другъ на друга какъ на сосуды избранные, предназначенные.

Часто мы ходили съ Никомъ за городъ, у насъ были любимыя мѣста — Воробьевы горы, поля за Драгомиловской заставой. Онъ приходилъ за мной съ Зоненбергомъ часовъ въ шесть или семь утра, и если я спалъ бросалъ въ мое окно песокъ и маленькіе камешки. Я просыпался улыбаясь и торопился выйти къ нему.

Раннія прогулки эти завелъ неутомимый Карлъ Ивановичъ.

Зоненбергъ въ помѣщичьи-патріархальномъ воспитаніи Огарева играетъ роль — Бирона. Съ его появленіемъ вліяніе старика дядьки было устранено; скрѣпя сердце, молчала недовольная олигархія передней, понимая что проклятаго нѣмца, кушающаго за господскимъ столомъ, не переспишь. Круто измѣнилъ Зоненбергъ прежніе порядки, дядька даже прослезился, узнавъ что нѣмчура повелъ молодаго барина *самаго* покупать въ лавки готовые сапоги. Переворотъ Зоненберга, также какъ переворотъ Петра I, отличался военнымъ характеромъ въ дѣлахъ самыхъ мирныхъ. Изъ этого не слѣдуетъ, чтобы худенькія плечи Карла Ивановича когда нибудь прикрывались погономъ или эполетами, — но природа такъ устроила нѣмца, что если онъ не доходитъ до неряшества и sans gêne филологіей или теологіей, то какой бы онъ ни былъ статскій, все таки онъ военный. Въ силу этого и Карлъ Ивановичъ любилъ и узкія платья, застегнутыя и съ перехватомъ, въ силу этого и онъ былъ строгій блюститель собственныхъ

правилъ и, положивши вставать въ шесть часовъ утра, поднималъ Нпка въ 59 минуту шестаго и никакъ не позже одной минуты седьмаго, и отправлялся съ нимъ на чистый воздухъ.

Воробьевы горы, у подножія которыхъ тонулъ Карлъ Ивановичъ, скоро сдѣлались нашими „святыми холмами.“

Разъ послѣ обѣда, отецъ мой собрался ѣхать за городъ. Огаревъ былъ у насъ, онъ пригласилъ и его съ Зоненбергомъ. Поѣздки эти были не шуточными дѣлами. Въ четвероместной каретѣ „работы Іохима,“ что не мѣшало ей въ пятнадцатилѣтнюю, хотя и покойную службу, состарѣться до безобразія и быть по прежнему тяжелѣе осадной мортиры; до заставы надобно было ѣхать часъ или больше. Четыре лошади разнаго роста и не одного цвѣта, облѣнившіяся въ праздной жизни, и наѣвшія себѣ животы, покрывались черезъ четверть часа потомъ и мыломъ: это было *запрещено* кучеру Авдѣю, и ему оставалось ѣхать шагомъ. Окна были обыкновенно подняты, какой бы жаръ ни былъ; и ко всему этому рядомъ съ равномѣрно-гнетущимъ надзоромъ моего отца, безпокойно суетливый, тормошащій надзоръ Карла Ивановича, но мы охотно подвергались всему, чтобъ быть вмѣстѣ.

Въ Лужникахъ мы переѣхали на лодкѣ Москву рѣку, на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ казакъ вытащилъ изъ воды Карла Ивановича. Отецъ мой, какъ всегда, шелъ угрюмо и сгорбившись; возлѣ него, мелкими шажками семенилъ Карлъ Ивановичъ, занимая его сплетнями и болтовней. Мы ушли отъ нихъ впередъ и, далеко опередивши, взбѣжали на мѣсто закладки Витбергова храма, на Воробьевыхъ горахъ.

Запыхавшись и раскраснѣвшись, стояли мы тамъ,

обтирая потъ. Садилось солнце, купола блестѣли, городъ стлался на необозримое пространство подъ горой, свѣжій вѣтерокъ подувалъ на насъ, постояли мы, постояли, оперлись другъ на друга, и вдругъ обнявшись присягнули въ виду всей Москвы, пожертвовать нашей жизнью на избранную нами борьбу.

Сцена эта можетъ показаться очень натянутой, очень театральной, а между тѣмъ, черезъ двадцать шесть лѣтъ, я тронутъ до слезъ вспоминая ее, она была свято искренна, это доказала вся жизнь наша. Но видно одинакая судьба поражаетъ всѣ обѣты данныя на этомъ мѣстѣ; Александръ былъ тоже искрененъ, положивши первый камень храма, который какъ Іосифъ II сказалъ и притомъ ошибочно, при закладкѣ какого-то города въ Новороссіи, — сдѣлался послѣднимъ.

Мы не знали всей силы того, съ чѣмъ вступали въ бой, но бой приняли. *Сила* сломила въ насъ многое, *но не она* насъ сокрушила, и ей мы не сдались, не смотря на всѣ ея удары. Рубцы полученные отъ нея почетны, свихнутая нога Іакова была знаменіемъ того, что онъ боролся ночью съ богомъ.

Съ этого дня Воробьевы горы сдѣлались для насъ мѣстомъ богомолья, и мы въ годъ разъ или два ходили туда, и всегда одни. Тамъ спрашивалъ меня Огаревъ пять лѣтъ спустя, робко и застѣнчиво, вѣрю ли я въ его поэтическій талантъ, и писалъ мнѣ потомъ, (1833) изъ своей деревни: „Выѣхалъ я и мнѣ стало грустно, такъ грустно какъ никогда не бывало. А все Воробьевы горы. Долго я самъ въ себѣ таилъ восторги; застѣнчивость или что нибудь другое, чего я и самъ не знаю, мѣшало мнѣ высказать ихъ, но на Воробьевыхъ горахъ этотъ восторгъ не былъ отягченъ одиночествомъ, ты раздѣлялъ его со мной, и эти минуты незабвенны,

онѣ какъ воспоминанія о быломъ счастьи преслѣдовали меня дорогой, а вокругъ я только видѣлъ лѣсъ; все было такъ сине, сине, а на душѣ темно, темно.

„Напиши, заключалъ онъ, какъ въ этомъ мѣстѣ (на Воробьевыхъ горахъ) развилась исторія нашей жизни, т. е. моей и твоей.“

Прошло еще пять лѣтъ, я былъ далеко отъ Воробьевыхъ горъ, но возлѣ меня угрюмо и печально стоялъ ихъ Прометей — А. Л. Витбергъ. Въ 1842, возвратившись окончательно въ Москву, я снова посѣтилъ Воробьевы горы, мы опять стояли на мѣстѣ закладки, смотрѣли на тотъ же видъ, и также вдвоемъ, — но не съ Никомъ.

Съ 1827 мы не разлучались. Въ каждомъ воспоминаніи того времени, отдѣльномъ и общемъ, вездѣ на первомъ планѣ *онъ* съ своими отроческими чертами, съ своей любовью ко мнѣ. Рано виднѣлось въ немъ то помазаніе, которое достается немногимъ, на бѣду ли, на счастіе ли, не знаю, но навѣрное на то, чтобъ не быть въ толпѣ. Въ домѣ у его отца долго потомъ оставался большой писанный масляными красками портретъ Огарева того времени (1827—28 года). Впослѣдствіи часто останавливался я передъ нимъ и долго смотрѣлъ на него. Онъ представленъ съ раскинутымъ воротникомъ рубашки; живописецъ чудно схватилъ богатые каштановые волосы, отрочески неустоявшуюся красоту его неправильныхъ чертъ и нѣсколько смуглый колоритъ; на холстѣ виднѣлась задумчивость, предваряющая сильную мысль; безотчетная грусть и чрезвычайная кротость просвѣчивали изъ сѣрыхъ большихъ глазъ, намекая на будущій ростъ великаго духа; такимъ онъ и выросъ. Портретъ этотъ, подаренный мнѣ, взяла чужая женщина — можетъ ей попадутся эти строки, и она его пришлетъ мнѣ.

Я не знаю, почему даютъ какой-то монополь воспоминаніямъ первой любви надъ воспоминаніями молодой дружбы. Первая любовь потому такъ благоуханна, что она забываетъ различіе половъ, что она страстная дружба. Съ своей стороны дружба между юношами имѣетъ всю горячность любви и весь ея характеръ, та же застѣнчивая боязнь касаться словомъ своихъ чувствъ, тоже недовѣріе къ себѣ, безусловная преданность, таже мучительная тоска разлуки и тоже ревнивое желаніе исключительности.

Я давно любилъ и любилъ страстно Ника, но не рѣшался назвать его „другомъ“ и когда онъ жилъ лѣтомъ въ Кунцовѣ, я писалъ ему въ концѣ письма: „Другъ вашъ или нѣтъ, еще не знаю.“ Онъ первый сталъ мнѣ писать *ты* и называлъ меня своимъ Агатономъ по Карамзину, а я звалъ его моимъ Рафаэлемъ по Шиллеру.*)

Улыбнитесь пожалуй, да только кротко, добродушно, такъ какъ улыбаются, думая о своемъ пятнадцатомъ годѣ. Или не лучше ли призадуматься надъ своимъ: „Таковъ ли былъ я разцвѣтая?“ и благословить судьбу, если у васъ *была* юность (одной молодости недостаточно на это); благословить ее вдвое, если у насъ былъ тогда другъ.

Языкъ того времени намъ сдается натянутымъ, книжнымъ, мы отучились отъ его неустоявшейся восторженности, нестройнаго одушевленія, смѣняющагося вдругъ, то томной нѣжностью, то дѣтскимъ смѣхомъ. Онъ былъ бы смѣшенъ въ тридцатилѣтнемъ человѣкѣ, какъ знаменитое Betina will schlafen, но въ свое время этотъ отроческій языкъ, этотъ jargon de la puberté, эта перемѣна психическаго голоса — очень откровенны,

*) Philosophische Briefe.

даже книжный оттѣнокъ естественъ возрасту теоретическаго знанія и практическаго невѣжества.

Шиллеръ остался нашимъ любимцемъ,*) лица его драмъ были для насъ существующія личности, мы ихъ разбирали, любили и ненавидѣли не какъ поэтическія произведенія, а какъ живыхъ людей. Сверхъ того мы въ нихъ видѣли самихъ себя. Я писалъ къ Нику, нѣсколько озабоченный тѣмъ, что онъ слишкомъ любитъ Фіэско, что за „всякимъ“ Фіэско стоитъ свой Верино. Мой идеалъ былъ Карлъ Моръ, но я вскорѣ измѣнилъ ему и перешелъ въ маркиза Позу. На сто ладовъ придумывалъ я, какъ буду говорить съ Николаемъ, какъ онъ потомъ отправитъ меня въ рудники, казнитъ. Странная вещь, что почти всѣ наши грезы оканчивались Сибирью или казнью и почти никогда торжествомъ, неужели это русской складъ фантазіи, или отраженіе Петербурга съ пятью висѣлицами и каторжной работой на юномъ поколѣніи?

Такъ то Огаревъ, рука въ руку входили мы съ тобою въ жизнь! Шли мы безбоязненно и гордо, не скупясь, отвѣчали всякому призыву, искренно отдавались всякому увлеченію. Путь нами избранный былъ не легокъ, мы его не покидали ни разу, раненые, сломанные, мы шли и насъ никто не обгонялъ. Я дошелъ... не до цѣли, а до того мѣста, гдѣ дорога идетъ подъ гору и невольно пщу твоей руки, чтобъ вмѣстѣ выйти, чтобъ пожать ее и сказать грустно улыбаясь. „*вотъ и все!*“

*) Поэзія Шиллера не утратила на меня своего вліянія, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, я читалъ моему сыну Валенштейна, это гигантское произведеніе! Тотъ, кто теряетъ вкусъ къ Шиллеру, тотъ или старъ, или педантъ, очерствѣлъ или забылъ себя. Что же сказать о тѣхъ скороспѣлыхъ allkluge Burshen, которые такъ хорошо знаютъ *недостатки* его въ семнадцать лѣтъ?...

А покамѣстъ въ скучномъ досугѣ, на который меня осудили событія, не находя въ себѣ ни силъ, ни свѣжести на новый трудъ, записываю я *наши* воспоминанія. Много того, что насъ такъ тѣсно соединяло, осѣло въ этихъ листахъ, я ихъ дарю тебѣ. Для тебя они имѣютъ двойной смыслъ, смыслъ надгробныхъ памятниковъ, на которыхъ мы встрѣчаемъ знакомыя имена.*)

..... А не странно-ли подумать, что умѣй Зоненбергъ плавать или утони онъ тогда въ Москвѣ рѣкѣ, вытащи его не уральскій казакъ, а какой-нибудь апшеронской пѣхотинецъ, я бы и не встрѣтился съ Никомъ, или позже, иначе, не въ той комнаткѣ нашего стараго дома, гдѣ мы, тайкомъ куря сигарки, заступали такъ далеко другъ другу въ жизнь и черпали другъ въ другѣ силу. Онъ не забылъ его — нашъ „старый домъ".

Старый домъ, старый другъ! посѣтилъ я
Наконецъ въ запустѣньи тебя,
И былое опять воскресилъ я,
И печально смотрѣлъ на тебя.

Дворъ лежалъ предо мной неметеный,
Да колодезь валился гнилой,
И въ саду не шумѣлъ листъ зеленый,
Желтый тлѣлъ онъ на почвѣ сырой.

Домъ стоялъ обвѣтшалый уныло,
Штукатурка обилась кругомъ,
Туча сѣрая сверху ходила,
И все плакала, глядя на домъ.

Я вошелъ. Тѣже комнаты были,
Здѣсь ворчалъ недовольный старикъ,
Мы бесѣды его не любили,
Насъ страшилъ его черствый языкъ.

Вотъ и комнатка: съ другомъ, бывало,
Здѣсь мы жили умомъ и душой,

*) Писано въ 1853 году.

Много думъ золотыхъ возникало
Въ этой комнаткѣ прежней порой.

Въ нее звѣздочка тихо свѣтила,
Въ ней остались слова на стѣнахъ:
Ихъ въ то время рука начертила,
Когда юность кипѣла въ душахъ.

Въ той комнаткѣ счастье былое,
Дружба свѣтлая выросла тамъ;
А теперь запустѣнье глухое,
Паутины висятъ по угламъ.

И мнѣ страшно вдругъ стало. Дрожалъ я,
На кладбищѣ — я будто стоялъ,
И родныхъ мертвецовъ вызывалъ я,
Но изъ мертвыхъ никто не возсталъ.

ГЛАВА V.

Подробности домашняго житья — Люди XVIII вѣка въ Россіи — День у насъ въ домѣ — Гости и habitues — Зоненбергъ — Камердинеръ и пр.

Невыносимая скука нашего дома росла съ каждымъ годомъ. Еслибъ не близокъ былъ университетскій курсъ, не новая дружба, не политическое увлеченіе и не живость характера, я бѣжалъ бы или погибъ.

Отецъ мой рѣдко бывалъ въ хорошемъ расположеніи духа, онъ постоянно былъ всѣмъ недоволенъ. Человѣкъ большаго ума, большой наблюдательности, онъ бездну видѣлъ, слышалъ, помнилъ; свѣтскій человѣкъ accompli, онъ могъ быть чрезвычайно любезенъ и занимателенъ, но онъ не хотѣлъ этого и все болѣе и болѣе впадалъ въ капризное отчужденіе ото всѣхъ.

Трудно сказать что собственно внесло столько горечи и желчи въ его кровь. Эпохи страстей, большихъ

несчастій, ошибокъ, потерь, вовсе не было въ его жизни. Я никогда не могъ вполнѣ понять, откуда происходила злая насмѣшка и раздраженіе, наполнявшія его душу, его недовѣрчивое удаленіе отъ людей и досада снѣдавшая его. Развѣ онъ унесъ съ собой въ могилу какое-нибудь воспоминаніе, котораго никому не довѣрилъ, или это было просто слѣдствіе встрѣчи двухъ вещей до того противуположныхъ какъ восемнадцатый вѣкъ и русская жизнь, при посредствѣ третьей ужасно способствующей капризному развитію — помѣщичьей праздности.

Прошлое столѣтіе произвело удивительный кряжъ людей на Западѣ, особенно во Франціи, со всѣми слабостями регентства, со всѣми силами Спарты и Рима. Эти Фоблазы и Регулы вмѣстѣ — отворили настежъ двери революціи и первые ринулись въ нее, поспѣшно толкая другъ друга, чтобъ выйти въ „окно“ гильотины. Нашъ вѣкъ не производитъ болѣе этихъ цѣльныхъ, сильныхъ натуръ; прошлое столѣтіе, напротивъ вызвало ихъ вездѣ, даже тамъ, гдѣ онѣ не были нужны, гдѣ онѣ не могли иначе развиться какъ въ уродство. Въ Россіи люди, подвергнувшіеся вліянію этого мощнаго западнаго вѣянія, не вышли историческими людьми, а людьми оригинальными. Иностранцы дома, иностранцы въ чужихъ краяхъ, праздные зрители, испорченные для Россіи западными предразсудками, для Запада русскими привычками, они представляли какую-то умную ненужность и терялись въ искуственной жизни, въ чувственныхъ наслажденіяхъ и въ нестерпимомъ эгоизмѣ.

Къ этому кругу принадлежалъ въ Москвѣ на первомъ планѣ блестящій умомъ и богатствомъ русскій вельможа, европейскій grand seigneur и татарскій князь Н. Б. Юсуповъ. Около него была цѣлая плеяда сѣдыхъ воло-

китъ и esprits forts, всѣхъ этихъ Масальскихъ, Санти и tutti quanti. Всѣ они были люди довольно развитые и образованные; оставленные безъ дѣла, они бросились на наслажденія, холили себя, любили себя, отпускали себѣ добродушно всѣ прегрѣшенія, возвышали до платонической страсти свою гастрономію и сводили любовь къ женщинамъ на какое-то обжорливое лакомство.

Старый скептикъ и эпикуреецъ Юсуповъ, пріятель Вольтера и Бомарше, Дидро и Касти, былъ одаренъ дѣйствительно артистическимъ вкусомъ. Чтобъ въ этомъ убѣдиться, достаточно разъ побывать въ Архангельскомъ, поглядѣть на его галлереи, если ихъ еще не продалъ въ разбивку его наслѣдникъ. Онъ пышно потухалъ восмидесяти лѣтъ, окруженный мраморной, рисованой и *живой* красотой. Въ его загородномъ домѣ бесѣдовалъ съ нимъ Пушкинъ, посвятившій ему чудное посланіе и рисовалъ Гонзага, которому Юсуповъ посвятилъ свой театръ.

Мой отецъ, по воспитанію, по гвардейской службѣ, по жизни и связямъ принадлежалъ къ этому-же кругу; но ему ни его нравъ, ни его здоровье не позволяли вести до семидесяти лѣтъ вѣтренную жизнь и онъ перешелъ въ противуположную крайность. Онъ хотѣлъ себѣ устроить жизнь одинокую, въ ней его ждала смертельная скука, тѣмъ болѣе, что онъ только *для себя* хотѣлъ ее устроить. Твердая воля превращалась въ упрямые капризы, незанятыя силы портили нравъ, дѣлая его тяжелымъ.

Когда онъ воспитывался, европейская цивилизація была еще такъ нова въ Россіи, что быть образованнымъ значило быть наименѣе русскимъ. Онъ до конца жизни писалъ свободнѣе и правильнѣе по французски нежели по русски, онъ à la lettre не читалъ ни одной

русской книги, ни даже библіи. Впрочемъ библіи онъ и на другихъ языкахъ не читалъ, онъ зналъ по наслышкѣ и по отрывкамъ, о чемъ идетъ рѣчь вообще въ св. писаніи и дальше не полюбопытствовалъ заглянуть. Онъ уважалъ правда Державина и Крылова: Державина за то, что написалъ оду на смерть его дяди князя Мещерскаго, Крылова за то, что вмѣстѣ съ нимъ былъ секундантомъ на дуэли Н. Н. Бахметева. Какъ-то мой отецъ принялся за Карамзина *Исторію Государства Россійскаго*, узнавши, что императоръ Александръ ее читалъ, но положилъ въ сторону, съ пренебреженіемъ говоря: „все Изяславичи, да Ольговичи, кому это можетъ быть интересно?“

Людей онъ презиралъ откровенно, открыто — всѣхъ. Ни въ какомъ случаѣ онъ не считалъ ни на кого и я не помню, чтобъ онъ къ кому-нибудь обращался съ значительной просьбой. Онъ и самъ ни для кого ничего не дѣлалъ. Въ сношеніяхъ съ посторонними онъ требовалъ одного — сохраненія приличій; les apparences, les convenence составляли его нравственную религію. Онъ много прощалъ или лучше пропускалъ сквозь пальцы, но нарушеніе формъ и приличій выводили его изъ себя и тутъ онъ становился безъ всятой терпимости, безъ малѣйшаго снисхожденія и состраданія. Я такъ долго возмущался противъ этой несправедливости что наконецъ понялъ ее; онъ впередъ былъ увѣренъ, что всякой человѣкъ способенъ на все дурное, и если не дѣлаетъ, то, или не имѣетъ нужды, или случай не подходитъ; въ нарушеніи-же формъ, онъ видѣлъ личную обиду, неуваженіе къ нему или „мѣщанское воспитаніе,“ которое по его мнѣнію отлучало человѣка отъ всякаго людскаго общества.

„Душа человѣческая, говаривалъ онъ, потемки и кто

знаетъ что у кого на душѣ; у меня своихъ дѣлъ слишкомъ много, чтобъ заниматься другими, да еще судить и пересуживать ихъ намѣренія; но съ человѣкомъ дурно воспитаннымъ я въ одной комнатѣ не могу быть, онъ меня оскорбляетъ, *фруасируетъ;* а тамъ онъ можетъ быть добрѣйшій въ мірѣ человѣкъ, за то ему будетъ мѣсто въ раю, но мнѣ его не надобно. Въ жизни всего важнѣе esprit de conduite важнѣе превыспренняго ума и всякаго ученья. Вездѣ умѣть найтиться, нигдѣ не соваться впередъ, со всѣми чрезвычайная вѣжливость и ни съ кѣмъ фамильярности."

Отецъ мой не любилъ никакого abandon' никакой откровенности, онъ все это называлъ фамильярностью, такъ какъ всякое чувство — сентиментальностью. Онъ постоянно представлялъ изъ себя человѣка, стоящаго выше всѣхъ этихъ мелочей; для чего, съ какой цѣлью? въ чемъ состоялъ высшій интересъ, которому жертвовалось сердце? — я не знаю. И для кого этотъ гордый старикъ, такъ искренно презиравшій людей, такъ хорошо знавшій ихъ, представлялъ свою роль безстрастнаго судьи? — для женщины, которой волю онъ сломилъ, не смотря на то, что она иногда ему противурѣчила, для больнаго, постоянно лежавшаго подъ ножемъ оператора; для мальчика, изъ рѣзвости котораго онъ развилъ непокорность, для дюжины лакеевъ, которыхъ онъ не считалъ людьми!

И сколько силъ терпѣнія было употреблено на это, сколько настойчивости и какъ удивительно вѣрно была доиграна роль, не смотря ни на лѣта, ни на болѣзни. Дѣйствительно, душа человѣческая потемки.

Впослѣдствіи я видѣлъ, когда меня арестовали и потомъ, когда отправляли въ ссылку, что сердце старика было больше открыто любви и даже нѣжности, нежели

я думалъ. Я никогда не поблагодарилъ его за это, не зная, какъ бы онъ принялъ мою благодарность.

Разумѣется онъ не былъ счастливъ, всегда на сторожѣ, всѣмъ недовольный, онъ видѣлъ съ стѣсненнымъ сердцемъ непріязненныя чувства, вызванныя имъ у всѣхъ домашнихъ; онъ видѣлъ, какъ улыбка пропадала съ лица, какъ останавливалась рѣчь, когда онъ входилъ; онъ говорилъ объ этомъ съ насмѣшкой, съ досадой, но не дѣлалъ ни одной уступки и шелъ съ величайшей настойчивостью своей дорогой. Насмѣшка, иронія холодная, язвительная и полная презрѣнія — было орудіе, которымъ онъ владѣлъ артистически, онъ его равно употреблялъ противъ насъ и противъ слугъ. Въ первую юность многое можно скорѣе вынести нежели *шпынянье*, и я, въ самомъ дѣлѣ до тюрьмы удалялся отъ моего отца и велъ противъ него маленькую войну, соединяясь съ слугами и служанками.

Ко всему остальному онъ увѣрилъ себя, что онъ опасно боленъ и безпрестанно лечился; сверхъ домоваго лекаря, къ нему ѣздили два или три доктора и онъ дѣлалъ по крайней мѣрѣ три консиліума въ годъ. Гости, видя постоянно непріязненный видъ его и слушая однѣ жалобы на здоровье, которое далеко не было такъ дурно, рѣдѣли. Онъ сердился за это, но ни одного человѣка не упрекнулъ, не пригласилъ. Страшная скука царила въ домѣ, особенно въ безконечные зимніе вечера — двѣ лампы освѣщали цѣлую анфиладу комнатъ; сгорбившись и заложивъ руки на спину, въ суконныхъ или поярковыхъ сапогахъ (въ родѣ валенокъ), въ бархатной шапочкѣ и въ тулупѣ изъ бѣлыхъ мерлушекъ ходилъ старикъ взадъ и впередъ, не говоря ни слова, въ сопровожденіи двухъ-трехъ коричневыхъ собакъ.

Вмѣстѣ съ меланхоліей росла у него бережливость, обращенная на ничтожные предметы. Своимъ имѣньемъ онъ управлялъ дурно для себя и дурно для крестьянъ. Старосты и его missi dominici грабили барина и мужиковъ; за то все находившееся на глазахъ было подвержено двойному контролю; тутъ береглись свѣчи, и тощій vin de Graves замѣнялся кислымъ крымскимъ виномъ, въ то самое время какъ въ одной деревнѣ сводили цѣлый лѣсъ, а въ другой ему-же продавали его собственный овесъ. У него были привиллегированные воры; крестьянинъ, котораго онъ сдѣлалъ сборщикомъ оброка въ Москвѣ и котораго посылалъ всякое лѣто ревизовать старосту, огородъ, лѣсъ и работы, купилъ лѣтъ черезъ десять въ Москвѣ домъ. Я съ дѣтства ненавидѣлъ этого министра безъ портфеля, онъ при мнѣ разъ на дворѣ билъ какого-то стараго крестьянина, я отъ бѣшенства вцѣпился ему въ бороду и чутъ не упалъ въ обморокъ. Съ тѣхъ поръ я не могъ на него равнодушно смотрѣть до самой его смерти въ 1845 г. Я нѣсколько разъ говорилъ моему отцу, откуда-же Шкунъ взялъ деньги на покупку дома?

— Вотъ что значитъ трезвость, отвѣчалъ мнѣ старикъ, онъ капли вина въ ротъ не беретъ.

Всякой годъ около масляницы пензенскіе крестьяне привозили изъ подъ Керенска оброкъ *натурой*. Недѣли двѣ тащился бѣдный обозъ, нагруженный свиными тушами, поросятами, гусями, курами, крупами, рожью, яйцами, масломъ и наконецъ холстомъ. Пріѣздъ керенскихъ мужиковъ былъ праздникомъ для всей дворни, они грабили мужиковъ, общитывали на каждомъ шагу и притомъ безъ малѣйшаго права. Кучера съ нихъ брали *за воду* въ колодцѣ, не позволяя поить лошадей безъ платы; бабы *за тепло* въ избѣ; аристократамъ пе-

редней они должны были кланяться кому поросенкомъ и полотенцомъ, кому гусемъ и масломъ. Все время ихъ пребыванія на барскомъ дворѣ шелъ пиръ горой у прислуги, дѣлались селянки, жарились поросята и въ передней носился постоянно запахъ лука, подгорѣлаго жира и сивухи, уже выпитой. Бакай послѣдніе два дня не входилъ въ переднюю и не вполнѣ одѣвался, а сидѣлъ въ накинутой старой ливрейной шинели, безъ жилета и куртки, въ сѣняхъ кухни. Никита Андреевичъ видимо худѣлъ и становился смуглѣе и старше. Отецъ мой выносилъ все это довольно спокойно, зная что это необходимо и отвратить этого нельзя.

Послѣ пріема мерзлой *живности*, отецъ мой — и тутъ самая замѣчательная черта въ томъ, что эта шутка повторялась ежегодно — призывалъ повара Спиридона и отправлялъ его въ охотный рядъ и на смоленскій рынокъ узнать цѣны. Поваръ возвращался съ баснословными цѣнами, меньше чѣмъ въ половину. Отецъ мой говорилъ, что онъ дуракъ и посылалъ за Шкуномъ или Слѣпушкинымъ. Слѣпушкинъ торговалъ фруктами у Ильинскихъ воротъ. И тотъ и другой находили цѣны повара ужасно низкими, справлялись и приносили цѣны повыше. Наконецъ Слѣпушкинъ предлагалъ взять все гуломъ и яицы и поросятъ и масло и рожь, „чтобъ вашему-то здоровью, батюшка, никакого безпокойства не было.“ Цѣну онъ давалъ само собою разумѣется нѣсколько выше поварской. Отецъ мой соглашался, Слѣпушкинъ приносилъ ему на спрыски апельсиновъ съ пряниками, а повару двухсотрублевую ассигнацію.

Слѣпушкинъ этотъ былъ въ большой милости у моего отца и часто занималъ у него деньги, онъ и тутъ былъ оригиналенъ, именно потому, что глубоко изучилъ характеръ старика.

Выпроситъ бывало себѣ руб. 500 мѣсяца на два и за день до срока является въ переднюю съ какимъ нибудь куличемъ на блюдѣ и съ 500 рублей на куличѣ. Отецъ мой бралъ деньги, Слѣпушкинъ кланялся въ поясъ, и просилъ ручку, которую баринъ не давалъ. Но дня черезъ три, Слѣпушкинъ снова приходилъ просить денегъ въ займы, тысячи полторы. Отецъ ему давалъ, и Слѣпушкинъ снова приносилъ въ срокъ; отецъ мой ставилъ его въ примѣръ; а тотъ черезъ недѣлю увеличивалъ кушъ, и имѣлъ такимъ образомъ для своихъ оборотовъ тысячъ пять въ годъ наличными деньгами, за небольшіе проценты, двухъ-трехъ куличей, нѣсколько фунтовъ фигъ и грецкихъ орѣховъ, да сотню апельсинъ и крымскихъ яблоковъ.

Въ заключеніе упомяну, какъ въ Новосельи пропало нѣсколько сотъ десятинъ строеваго лѣса. Въ сороковыхъ годахъ М. Ѳ. Орловъ, которому тогда помнится графиня Анна Алексѣевна давала капиталъ для покупки имѣнья его дѣтямъ, сталъ торговать тверское имѣнье доставшееся моему отцу отъ Сенатора. Сошлись въ цѣнѣ, и дѣло казалось оконченнымъ. Орловъ поѣхалъ осмотрѣть, и осмотрѣвши написалъ моему отцу, что онъ ему показывалъ на планѣ лѣсъ, но что этого лѣса вовсе нѣтъ.

— Вѣдь вотъ умный человѣкъ, говорилъ мой отецъ, и въ конспираціи былъ, книгу писалъ des finances, а какъ до дѣла дошло, видно, что пустой человѣкъ. . . Неккеры! а я вотъ попрошу Григорія Ивановича съѣздить, онъ не конспираторъ, но честный человѣкъ, и дѣло знаетъ.

Поѣхалъ и Григорій Ивановичъ въ Новоселье и привезъ вѣсть, *что лѣса нѣтъ*, а есть только лѣсная декорація, такъ что ни изъ господскаго дома, ни съ боль-

шой дороги порубки не бросаются въ глаза. Сенаторъ послѣ раздѣла на худой конецъ былъ пять разъ въ Новосельи, и все оставалось шито и крыто.

Чтобъ дать полное понятіе о нашемъ житьи-бытьи, опишу цѣлый день съ утра; однообразность была именно одна изъ самыхъ убійственныхъ вещей, жизнь у насъ шла какъ англійскіе часы, у которыхъ убавленъ ходъ, тихо, правильно и громко напоминая каждую секунду.

Въ десятомъ часу утра камердинеръ, сидѣвшій въ комнатѣ возлѣ спальной, увѣдомлялъ Вѣру Артамоновну, мою экс-нянюшку, что баринъ встаетъ. Она отправлялась приготовлять кофей, который онъ пилъ одинъ въ своемъ кабинетѣ. Все въ домѣ принимало иной видъ, люди начинали чистить комнаты, по крайней мѣрѣ показывали видъ, что дѣлаютъ что нибудь. Передняя, до тѣхъ поръ пустая, наполнялась, даже большая ньюфаундлендская собака Макбетъ садилась передъ печью и не мигая смотрѣла въ огонь.

За кофеемъ старикъ читалъ Московскія Вѣдомости и Journal de St. Petersbourg; не мѣшаетъ замѣтить, что Московскія Вѣдомости было велѣно грѣть, чтобъ не простудить рукъ отъ сырости листовъ и что политическія новости мой отецъ читалъ во французскомъ текстѣ, находя русскій неяснымъ. Одно время онъ бралъ откуда-то Гамбургскую газету, но не могъ примириться, что нѣмцы печатаютъ нѣмецкими буквами, всякой разъ показывалъ мнѣ разницу между французской печатью и нѣмецкой, и говорилъ, что отъ этихъ вычурныхъ готическихъ буквъ съ хвостиками слабѣетъ зрѣніе. Потомъ онъ выписывалъ Journal de Francfort, а впослѣдствіи ограничивался отечественными газетами.

Окончивъ чтеніе, онъ примѣчалъ, что въ его ком-

натѣ уже находится Карлъ Ивановичъ Зоненбергъ. Когда Нику было лѣтъ пятнадцадцать, Карлъ Ивановичъ завелъ было лавку, но, не имѣя ни товара, ни покупщиковъ и растративъ кой-какъ сколоченныя деньги на эту полезную торговлю, онъ ее оставилъ съ почетнымъ титуломъ „ревельскаго негоціанта.“ Ему было тогда гораздо лѣтъ за сорокъ и онъ въ этотъ пріятный возрастъ повелъ жизнь птички божіей или четырнадцатилѣтняго мальчика, т. е. не зналъ, гдѣ завтра будетъ спать и на что обѣдать. Онъ пользовался нѣкоторымъ благорасположеніемъ моего отца; мы сейчасъ увидимъ, что это значитъ.

Въ 1830 году отецъ мой купилъ возлѣ нашего дома другой, больше, лучше и съ садомъ, домъ этотъ принадлежалъ графинѣ Растопчиной, женѣ знаменитаго Ѳедора Васильевича. Мы перешли въ него. Вслѣдъ за тѣмъ онъ купилъ третій домъ, уже совершенно не нужный, но смѣжный. Оба эти дома стояли пустые, въ наймы они не отдавались, въ предупрежденіе пожара (домы были застрахованы) и безпокойства отъ наемщиковъ; они сверхъ того и не поправлялись, такъ что были на самой вѣрной дорогѣ къ разрушенію. Въ одномъ-то изъ нихъ дозволялось жить безпріютному Карлу Ивановичу съ условіемъ воротъ послѣ десяти часовъ вечера не отпирать, условіе легкое, потому что они никогда и не запирались; дрова покупать, а не брать изъ домашняго запаса (онъ ихъ дѣйствительно покупалъ у нашего кучера) и состоять при моемъ отцѣ въ должности чиновника особыхъ порученій, т. е. приходить по утру съ вопросомъ нѣтъ-ли какихъ приказаній, являться къ обѣду и приходить вечеромъ, когда никого не было, занимать повѣствованіями и новостями.

Какъ ни проста кажется была должность Карла Ива-

новича, но отецъ мой умѣлъ ей придать столько горечи, что мой бѣдный ревелецъ, привыкнувшій ко всѣмъ бѣдствіямъ, которыя могутъ обрушиться на голову человѣка безъ денегъ, безъ ума, маленькаго роста, рябаго и нѣмца, не могъ постоянно выносить ее. Года въ два, въ полтора, глубоко оскорбленный Карлъ Ивановичъ объявлялъ, что „это вовсе несносно," укладывался, покупалъ и мѣнялъ разныя вещички подозрительной цѣлости и сомнительнаго качества и отправлялся на Кавказъ. Неудачи его обыкновенно преслѣдовали съ ожесточеніемъ. То кляченка его — онъ ѣздилъ на своей лошади въ Тифлисъ и въ Редутъ-Кале — падала не подалеку Земли Донскихъ казаковъ, то у него крали половину груза, то его двухъ-колесая таратайка падала, при чемъ французскіе духы лились никѣмъ не оцѣненные у подножія Эльборуса на сломанное колесо; то онъ терялъ что-нибудь, и когда нечего было терять, терялъ свой пассъ. Мѣсяцевъ черезъ десять обыкновенно Карлъ Ивановичъ постарше, поизмятѣе, побѣднѣе и еще съ меньшимъ числомъ зубовъ и волосъ, смиренно являлся къ моему отцу съ запасомъ порсидскаго порошку отъ блохъ и клоповъ, линялой тармаламы, ржавыхъ черкескихъ кинжаловъ, и снова поселялся въ пустомъ домѣ на тѣхъ-же условіяхъ исполнять коммиссіи и печь топить своими дровами.

Примѣтивъ Карла Ивановича, отецъ мой тотчасъ начиналъ небольшія военныя дѣйствія противъ него. Карлъ Ивановичъ освѣдомлялся о здоровьи, старикъ благодарилъ поклономъ и потомъ, подумавши, спрашивалъ напр.

— Гдѣ вы покупаете помаду?

При этомъ необходимо сказать, что Карлъ Ивановичъ, пребезобразнѣйшій изъ смертныхъ, былъ страшный

волокита, считалъ себя Ловласомъ, одѣвался съ претензіей и носилъ завитую золотисто-бѣлокурую накладку. Все это разумѣется давно было взвѣшено и оцѣнено моимъ отцомъ.

— У Буйсъ, на Кузнецкой мостъ — отрывисто отвѣчалъ Карлъ Ивановичъ, нѣсколько пикированный, и ставилъ одну ногу на другую, какъ человѣкъ готовый постоять за себя.

— Какъ называется этотъ запахъ?

— Нахтъ-Фіоленъ, отвѣчалъ Карлъ Ивановичъ.

— Онъ васъ обманываетъ, violet это запахъ нѣжный c'est un parfum, а это какой-то крѣпкой, противный, тѣла бальзамируютъ чѣмъ-то такимъ; куда нервы стали у меня слабы, мнѣ даже тошно сдѣлалось, велите-ка мнѣ дать оде-колонь.

Карлъ Ивановичъ самъ бросался за стклянкой.

— Да нѣтъ, вы уже позовите кого-нибудь, а то вы еще ближе подойдете, мнѣ сдѣлается дурно, я упаду. Карлъ Ивановичъ, разсчитывавшій на дѣйствіе своей помады на дѣвичью, глубоко огорчался.

Опрыскавши комнату оде-колонью, отецъ мой придумывалъ коммиссіи: купить французскаго табаку, англійской магнезіи, посмотрѣть продажную по газетамъ карету (онъ ничего не покупалъ). Карлъ Ивановичъ пріятно раскланявшись и душевно довольный что отдѣлался, уходилъ до обѣда.

Послѣ Карла Ивановича являлся поваръ; чтобъ онъ ни купилъ и чтобъ ни написалъ, отецъ мой находилъ чрезмѣрно дорогимъ.

— У — у какая дороговизна! что это подвозовъ что ли нѣтъ?

— Точно такъ-съ, отвѣчалъ поваръ, дороги оченно дурны.

— Ну такъ знаешь, пока ихъ починятъ, мы съ тобой будемъ по меньше покупать.

Послѣ этого онъ садился за свой письменный столъ, писалъ отписки и приказанія въ деревни, сводилъ счеты, между дѣломъ журилъ меня, принималъ доктора, а главное, ссорился съ своимъ камердинеромъ. Это былъ первый паціентъ во всемъ домѣ. Небольшаго роста, сангвиникъ, вспыльчивый и сердитый, онъ какъ нарочно былъ созданъ для того, чтобъ дразнить моего отца и вызывать его поученія. Сцены, повторявшіяся между ними всякій день, могли бы наполнить любую комедію, а все это было совершенно серьезно. Отецъ мой очень зналъ, что человѣкъ этотъ ему необходимъ и часто сносилъ крупные отвѣты его, но не переставалъ воспитывать его, не смотря на безуспѣшныя усилія въ продолженіи тридцати пяти лѣтъ. Камердинеръ, съ своей стороны, не вынесъ бы такой жизни, еслибъ не имѣлъ своего развлеченія; онъ, по большей части, къ обѣду былъ нѣсколько навеселѣ. Отецъ мой замѣчалъ это и ограничивался легкими околичнословіями, напр. совѣтомъ закусывать чернымъ хлѣбомъ съ сою, чтобъ не пахло водкой. Никита Андреевичъ имѣлъ обыкновеніе, выпивши, подавая блюды особенно расшаркиваться. Какъ только мой отецъ замѣчалъ это, онъ выдумывалъ ему порученіе, посылалъ его напр. спросить у „цирюльника Антона, не перемѣнилъ ли онъ квартиры,“ прибавляя мнѣ по французски: „Я зваю, что онъ не съѣзжалъ, но онъ не трезвъ, уронитъ суповую чашку, разобьетъ ее, обольетъ скатерть и перепугаетъ меня; пусть онъ провѣтрится, le grand air помогаетъ.“

Камердинеръ обыкновенно при такихъ продѣлкахъ что-нибудь отвѣчалъ; но когда не находилъ отвѣта въ глаза, то выходя бормоталъ сквозь зубы. Тогда баринъ,

тѣмъ-же спокойнымъ голосомъ, звалъ его и спрашивалъ, что онъ ему сказалъ?

— Я не докладывалъ ни слова.

— Съ кѣмъ-же ты говоришь? кромѣ меня и тебя, никого нѣтъ, ни въ этой комнатѣ, ни въ той.

— Самъ съ собой.

— Это очень опасно, съ этого начинается сумасшествіе.

Камердинеръ съ бѣшенствомъ уходилъ въ свою комнату возлѣ спальной; тамъ онъ читалъ Московскія Вѣдомости и трепировалъ волосы для продажныхъ париковъ. Вѣроятно, чтобъ отвести сердце, онъ свирѣпо нюхалъ табакъ; табакъ-ли былъ у него силенъ, нервы носа что-ли были слабы, но онъ вслѣдствіе этого почти всегда разъ шесть или семь чихалъ.

Баринъ звонилъ. Камердинеръ бросалъ свою пачку волосъ и входилъ.

— Это ты чихаешь?

— Я-съ.

— Желаю здравствовать. И онъ давалъ рукой знакъ, чтобъ камердинеръ удалился.

Въ послѣдній день масляницы, всѣ люди, по старинному обычаю, приходили вечеромъ просить прощенія къ барину; въ этихъ торжественныхъ случаяхъ мой отецъ выходилъ въ залу, сопровождаемый камердинеромъ. Тутъ онъ дѣлалъ видъ, будто не всѣхъ узнаетъ.

— Что это за почтенный старецъ стоитъ тамъ въ углу? спрашивалъ онъ камердинера.

— Кучеръ Данило, отвѣчалъ отрывисто камердинеръ, зная, что все это одно драматическое представленіе.

— Скажи пожалуста, какъ онъ перемѣнился! я право думаю, что это все отъ вина люди такъ старѣютъ; чѣмъ онъ занимается?

— Дрова *таскаетъ* въ печи.

Старикъ дѣлалъ видъ нестерпимой боли. — Какъ это ты въ тридцать лѣтъ не научился говорить?... таскаетъ — какъ это таскать дрова? — дрова носятъ, а не таскаютъ. Ну, Данило, слава богу, господь сподобилъ меня еще разъ тебя видѣть. Прощаю тебѣ всѣ грѣхи за сей годъ и овесъ, который ты тратишь безмѣрно и то, что лошадей не чистишь, и ты меня прости. Потаскай еще дровецъ, пока силенка есть, ну а теперь настаетъ постъ, такъ вина употребляй по меньше, въ наши лѣта вредно, да и грѣхъ. — Въ этомъ родѣ онъ дѣлалъ общій смотръ.

Обѣдали мы въ четвертомъ часу. Обѣдъ длился долго и былъ очень скученъ. Спиридонъ былъ отличный поваръ; но съ одной стороны экономія моего отца, а съ другой, его собственная, дѣлали обѣдъ довольно тощимъ, не смотря на то, что блюдъ было много. Возлѣ моего отца стоялъ красный, глиняный тазъ, въ который онъ самъ клалъ разные куски для собакъ; сверхъ того онъ ихъ кормилъ съ своей вилки, что ужасно оскорбляло прислугу, и слѣдовательно меня. Почему? Трудно сказать.....

Гости вообще ѣздили рѣдко; обѣдать — еще рѣже. Помню одного человѣка, изъ всѣхъ посѣщавшихъ насъ, котораго пріѣздъ къ обѣду разглаживалъ иной разъ морщины моего отца — Н. Н. Бахметева. Н. Н. Бахметевъ, братъ хромаго генерала и то-же генералъ, но давно въ отставкѣ, былъ друженъ съ нимъ еще во время ихъ службы въ Измайловскомъ полку. Они вмѣстѣ кутили съ нимъ при Екатеринѣ, при Павлѣ оба были подъ военнымъ судомъ, Бахметевъ за то, что стрѣлялся съ кѣмъ-то, а мой отецъ — за то, что былъ

секундантомъ; потомъ одинъ уѣхалъ въ чужіе края — туристомъ, а другой въ Уфу — губернаторомъ. Сходства между ними не было. Бахметевъ, полный, здоровый и красивый старикъ, любилъ и хорошенько поѣсть, и выпить немного, любилъ веселую бесѣду и многое другое. Онъ хвастался, что во время оно, съѣдалъ до ста подовыхъ пирожковъ и могъ, лѣтъ около шестидесяти, безнаказанно употребить до дюжины гречневыхъ блиновъ, потонувшихъ въ лужѣ масла; этимъ опытамъ я бывалъ не разъ свидѣтель.

Бахметевъ имѣлъ какую-то тѣнь вліянія или по крайней мѣрѣ держалъ моего отца въ уздѣ. Когда Бахметевъ замѣчалъ, что мой отецъ ужъ черезъ край не въ духѣ, онъ надѣвалъ шляпу и шаркая по военному ногами, говорилъ: „до свиданья, — ты сегодня боленъ и глупъ; я хотѣлъ обѣдать, но я за обѣдомъ терпѣть не могу кислыхъ лицъ! Гегорсамеръ динеръ!“ ..... а отецъ мой, въ видѣ поясненія, говорилъ мнѣ „Impressario! какой живой еще Н. Н.! Слава богу, здоровый человѣкъ, ему понять нельзя нашего брата, Іова многострадальнаго; морозъ въ двадцать градусовъ, онъ скачетъ въ санкахъ какъ ничего... съ Покровки... а я благодарю создателя каждое утро, что проснулся живой, что еще дышу. О... о... охъ! не даромъ пословица говоритъ: сытый голоднаго не понимаетъ!“ Больше снисходительности нельзя было отъ него ждать.

Изрѣдка давались семейные обѣды, на которыхъ бывалъ Сенаторъ, Голохвастовы и проч. и эти обѣды давались не изъ удовольствія и не спроста, а были основаны на глубокихъ экономико-политическихъ соображеніяхъ. Такъ 20 февраля въ день Льва Катанскаго, т. е. въ имянины Сенатора, обѣдъ былъ у насъ, а 24 іюня, т. е. въ Ивановъ день, у Сенатора, что сверхъ моральн-

наго примѣра братской любви, избавляло того и другаго отъ гораздо большаго обѣда у себя.

За тѣмъ были разные habitués; тутъ являлся ex-officio Карлъ Ивановичъ Зоненбергъ, который, хвативши дома, передъ самымъ обѣдомъ, рюмку водки и закусивши ревельской килькой, отказывался отъ крошечной рюмочки какой-то особенно настоенной водки; иногда пріѣзжалъ послѣдній французскій учитель мой, старикъ, скряга, съ дерзкой рожей и сплетникъ. Monsieur Thirié такъ часто ошибался наливая вино въ стаканъ, вмѣсто пива, и выпивая его въ извиненіе, что отецъ мой, впослѣдствіи говорилъ ему: „съ правой стороны вашей стоитъ vin de Graves — вы опять не ошибитесь,“ и Тирье, нихая огромную щепотку табаку въ широкій и вздернутый въ одну сторону носъ, сыпалъ табакъ на тарелку.

Въ числѣ этихъ посѣтителей, одно лицо было въ высшей степени комическое. Небольшой, лысинькой старичекъ, постоянно одѣтый въ узенькій и короткій фракъ и въ жилетъ, оканчивавшійся тамъ, гдѣ нынче жилетъ собственно начинается, съ тоненькой тросточкой, онъ представлялъ всей своей фигурой двадцать лѣтъ назадъ, въ 1830 — 1810 годъ, а въ 1840 — 1820 годъ. Дмитрій Ивановичъ Пименовъ — статскій совѣтникъ по чину — былъ одинъ изъ начальниковъ шереметевскаго странно-пріимнаго дома, и притомъ занимался литературой. Скупо надѣленный природой, и воспитанный на сентиментальныхъ фразахъ Карамзина, на Мармонтелѣ и Мариво — Пименовъ могъ стать среднимъ братомъ между Шаликовымъ и В. Панаевымъ. Вольтеръ этой почтенной фаланги былъ начальникъ тайной полиціи при Александрѣ — Яковъ Ивановичъ Де-Санглень; ея молодой человѣкъ, подававшій надежды — Пименъ Араповъ. Все это примыкало къ общему патрі-

арху Ивану Ивановичу Дмитріеву; у него соперниковъ не было, а былъ Василій Львовичъ Пушкинъ. Пименовъ всякій вторникъ являлся къ „ветхому деньми“ Дмитріеву, въ его домъ на Садовой разсуждать о красотахъ стиля, и о испорченности новаго языка. Дмитрій Ивановичъ самъ искусился на скользкомъ поприщѣ отечественной словесности; сначала онъ издалъ *Мысли герцога Де-ла Роше-Фуко*, потомъ трактатъ *О женской красотѣ и прелести*. Въ этомъ трактатѣ, котораго я не бралъ въ руки съ шестнадцати-лѣтняго возраста, я помню только длинныя сравненія въ томъ родѣ, какъ Плутархъ сравниваетъ героевъ — блондинокъ съ черноволосыми. „Хотя блондинка — то, то и то, но черноволосая женщина за то — то, то, и то. . . . . “ Главная особенность Пименова состояла не въ томъ, что онъ издавалъ когда-то книжки, никогда никѣмъ не читанныя, а въ томъ, что если онъ начиналъ хохотать, то онъ не могъ остановиться, и смѣхъ у него выросталъ въ припадки коклюша со взрывами и глухими раскатами. Онъ зналъ это, и потому предчувствуя что нибудь смѣшное, бралъ мало по малу свои мѣры: вынималъ носовой платокъ, смотрѣлъ на часы, застегивалъ фракъ, закрывалъ обѣими руками лицо, и когда наступалъ кризисъ — вставалъ, оборачивался къ стѣнѣ, упирался въ нее и мучился полчаса и больше, потомъ, усталый отъ параксизма, красный, обтирая потъ съ плѣшивой головы, онъ садился, но еще долго потомъ его схватывало.

Разумѣется, мой отецъ не ставилъ его ни въ грошъ, онъ былъ тихъ, добръ, неловокъ, *литераторъ* и бѣдный человѣкъ — стало по всѣмъ условіямъ стоялъ за цензомъ; но его судорожную смѣшливость онъ очень хорошо замѣтилъ. Въ силу чего, онъ заставлялъ его смѣ-

яться до того, что всѣ остальные начинали, подъ его вліяніемъ, тоже какъ-то неестественно хохотать. Виновникъ глумленія, немного улыбаясь, глядѣлъ тогда на насъ, какъ человѣкъ смотритъ на возню щенятъ.

Иногда мой отецъ дѣлалъ съ несчастнымъ цѣнителемъ женской красоты и прелести ужасныя вещи.

— Инженеръ полковникъ такой-то, докладывалъ человѣкъ.

— Проси, говорилъ мой отецъ, и обращаясь къ Пименову, прибавлялъ: „Дмитрій Ивановичъ пожалуйста будьте осторожны при немъ, у него несчастный тикъ, когда онъ говоритъ, какъ-то странно запкается, точно будто у него хроническая отрыжка.“ При этомъ онъ представлялъ совершенно вѣрно полковника. „Я знаю, вы человѣкъ смѣшливый, пожалуйста воздержитесь.“

Этого было довольно. По второму слову инженера, Пименовъ вынималъ платокъ, дѣлалъ зонтикъ изъ руки и наконецъ вскакивалъ.

Инженеръ смотрѣлъ съ изумленіемъ, а отецъ мой говорилъ мнѣ преспокойно: „что это съ Дмитріемъ Ивановичемъ? Il est malade, это спазмы; вели поскорѣе подать стаканъ холодной воды, да принеси оде-колонь.“ Пименовъ хваталъ въ подобныхъ случаяхъ шляпу и хохоталъ до арбатскихъ воротъ, останавливаясь на перекресткахъ и опираясь на фонарные столбы.

Онъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ постоянно черезъ воскресенье обѣдалъ у насъ, и равно его акуратность и неакуратность, если онъ пропускалъ, сердили моего отца и онъ тѣснилъ его. А добрый Пименовъ все таки ходилъ и ходилъ пѣшкомъ отъ красныхъ воротъ въ старую, конюшенную, до тѣхъ поръ, пока умеръ и притомъ совсѣмъ не смѣшно. Одинокій, холостой старикъ, послѣ долгой хворости, умирающими гла-

зами видѣлъ, какъ его экономка забирала его вещи, платья, даже бѣлье съ постели, оставляя его безъ всякаго ухода.

Но настоящіе souffre douleur'ы обѣда были разныя старухи, убогія и кочующія приживалки княгини М. А. Хованской (сестры моего отца). Для перемѣны, а долею для того, чтобъ освѣдомиться, какъ все обстоитъ въ домѣ у насъ, не было ли ссоры между господами, не дрался-ли поваръ съ своей женой и не узналъ-ли баринъ, что Палашка или Ульяша съ прибылью — прихаживали онѣ иногда въ праздники на цѣлый день. Надобно замѣтить, что эти вдовы еще незамужними, лѣтъ сорокъ, пятдесятъ тому назадъ, были *прибѣжны* къ дому княгини и княжны Мещерской, и съ тѣхъ поръ знали моего отца; что въ этотъ промежутокъ между молодымъ шатаньемъ и старымъ кочевьемъ, онѣ лѣтъ двадцать бранились съ мужьями, удерживали ихъ отъ пьянства, ходили за ними въ параличѣ и снесли ихъ на кладбище. Однѣ таскались съ какимъ нибудь гарнизоннымъ офицеромъ и охабкой дѣтей въ Бессарабіи, другія состояли годы подъ судомъ съ мужемъ, и всѣ эти опыты жизненные оставили на нихъ слѣды повытій и уѣздныхъ городовъ, боязнь сильныхъ міра сего, духъ уничиженія и какое-то тупоумное изувѣрство.

Съ ними бывали сцены удивительныя.

— Да ты что это Анна Якимовна больна что-ли, ничего не кушаешь? — спрашивалъ мой отецъ. Скорчившаяся, съ поношеннымъ и вылинялымъ лицомъ старушонка, вдова какого-то смотрителя въ Кременчугѣ, постоянно и сильно пахнувшая какимъ-то пластыремъ, отвѣчала, унижаясь глазами и пальцами: „Простите, батюшка, Иванъ Алексѣевичъ, право-съ ужъ мнѣ совѣ-

стно-съ, да такъ-съ, по старинному-съ, ха, ха, ха, теперь спажинки.

— Ахъ какая скука! Набоженство все! Не то, матушка, сквернитъ, что въ уста входитъ, а что изъ устъ; то-ли ѣсть, другое-ли — одинъ исходъ; вотъ что изъ устъ выходитъ, — надобно наблюдать... пересуды да о ближнемъ. Ну лучше ты обѣдала бы дома въ такіе дни, а то тутъ еще Турокъ придетъ — ему плавъ надобно, у меня не гербергъ à la carte."

Испуганная старуха, имѣвшая въ виду сверхъ того попросить крупки да мучки, бросалась на квасъ и саладъ, дѣлая видъ, что страшно ѣстъ.

Но замѣчательно то, что стопло ей или кому нибудь изъ нихъ начать ѣсть скоромное въ постъ, отецъ мой, (никогда не употреблявшій постнаго), говорилъ, скорбно качая головой: „Не стопло бы, кажется, Анна Якимовна на нѣсколько послѣднихъ лѣтъ мѣнять обычай предковъ. Я грѣшу, ѣмъ скоромное, по множеству болѣзней; ну а ты, по твоимъ лѣтамъ, слава богу, всю жизнь соблюдала посты, и вдругъ.... что за примѣръ для *нихъ*." Онъ указывалъ на прислугу. И бѣдная старуха снова бросалась на квасъ да на саладъ.

Сцены эти сильно возмущали меня; иной разъ я дерзалъ вступаться и напоминалъ противуположное мнѣніе. Тогда отецъ мой привставалъ, снималъ съ себя за кисточку бархатную шапочку, и держа ее на воздухѣ, благодарилъ меня за уроки и проспѣ извинить забывчивость, а потомъ говорилъ старухѣ: „Ужасный вѣкъ! Мудрено-ли, что ты *кушаешь* скоромное постомъ, когда дѣти учатъ родителей! Куда мы идемъ? Подумать страшно! Мы съ тобой по счастью не увидимъ."

Послѣ обѣда мой отецъ ложился отдохнуть часа на полтора. Дворня тотчасъ разсыпалась по полпивнымъ

и по трактирамъ. Въ семь часовъ приготовляли чай; тутъ иногда кто нибудь пріѣзжалъ, всего чаще Сенаторъ; это было время отдыха для насъ. Сенаторъ привозилъ обыкновенно разныя новости, и разсказывалъ ихъ съ жаромъ. Отецъ мой показывалъ видъ совершеннаго невниманія, слушая его: дѣлалъ серьезную мину, когда тотъ былъ увѣренъ, что моритъ со смѣху и переспрашивалъ, какъ будто не слыхалъ въ чемъ дѣло, если тотъ разсказывалъ что нибудь поразительное.

Сенатору доставалось и не такъ, когда онъ противурѣчилъ или былъ не одного мнѣнія съ меньшимъ братомъ, что впрочемъ случалось очень рѣдко; а иногда безъ всякихъ противурѣчій, когда мой отецъ былъ особенно не въ духѣ. При этихъ комико-трагическихъ сценахъ, что всего было смѣшнѣе, это естественная запальчивость Сенатора и натянутое, искуственное хладнокровіе моего отца. „Ну ты сегодня боленъ," говорилъ нетерпѣливо Сенаторъ, хваталъ шляпу и бросался вонъ. Разъ въ досадѣ онъ не могъ отворить дверь и толкнулъ ее что есть силъ ногой, говоря: „что за проклятыя двери!" Мой отецъ спокойно подошелъ, отворилъ дверь въ противуположную сторону и, совершенно тихимъ голосомъ, замѣтилъ: „дверь эта дѣлаетъ свое дѣло, она отворяется туда, а вы хотите ее отворить сюда, и сердитесь." При этомъ не мѣшаетъ замѣтить, что Сенаторъ былъ двумя годами старше моего отца и говорилъ ему *ты*, а тотъ, въ качествѣ меньшаго брата—*вы*.

Послѣ Сенатора, отецъ мой отправлялся въ свою спальную, всякій разъ освѣдомлялся о томъ, заперты ли ворота, получалъ утвердительный отвѣтъ, изъявлялъ нѣкоторое сомнѣніе и ничего не дѣлалъ, чтобы удостовѣриться. Тутъ начиналась длинная исторія умы-

ваній, примочекъ, лекарствъ; камердинеръ приготовлялъ на столикѣ возлѣ постели цѣлый арсеналъ разныхъ вещей: стклянокъ, ночниковъ, коробочекъ. Старикъ обыкновенно читалъ съ часъ времени Бурьена, Memorial de Ste Helène и вообще разныя Записки; за симъ наступала ночь.

Такъ я оставилъ въ 1834 нашъ домъ, такъ засталъ его въ 1840 и такъ все продолжалось до его кончины, въ 1846 году.

Лѣтъ тридцати, возвратившись изъ ссылки, я понялъ, что во многомъ мой отецъ былъ правъ, что онъ по несчастію оскорбительно хорошо зналъ людей. Но моя-ли была вина, что онъ и самую истину проповѣдывалъ такимъ возмутительнымъ образомъ для юнаго сердца. Его умъ, охлажденный . длинной жизнію въ кругу людей испорченныхъ, поставилъ его en garde противу всѣхъ, а равнодушное сердце не требовало примиренія, онъ такъ и остался въ враждебномъ отношеніи со всѣми на свѣтѣ.

Я его засталъ въ 1839, а еще больше въ 1842 слабымъ и уже дѣйствительно больнымъ. Сенаторъ умеръ, пустота около него была еще больше, даже и камердинеръ былъ другой, но онъ самъ былъ тотъ-же, однѣ физическія силы измѣнили, тотъ-же злой умъ, та-же память, онъ такъ-же всѣхъ тѣснилъ мелочами, и неизмѣнный Зонненбергъ имѣлъ свое прежнее кочевье въ старомъ домѣ и дѣлалъ коммиссіи.

Тогда только оцѣнилъ я все безотрадное этой жизни; съ сокрушеннымъ сердцемъ смотрѣлъ я на грустный смыслъ этого одинокаго, оставленнаго существованія, потухавшаго на сухомъ, жесткомъ, каменистомъ пустырѣ, который онъ самъ создалъ возлѣ себя, но который измѣнить было не въ его волѣ; онъ зналъ это,

видѣлъ приближающуюся смерть, и переламывая слабость и дряхлость, ревниво и упорно выдерживалъ себя. Мнѣ бывало ужасно жаль старика, но дѣлать было нечего, онъ былъ неприступенъ.

...Тихо проходилъ я иногда мимо его кабинета, когда онъ, сидя въ глубокихъ креслахъ жесткихъ и неловкихъ, окруженный своими собаченками, одинъ одинохонекъ игралъ съ моимъ трехлѣтнимъ сыномъ. Казалось сжавшіяся руки и окоченѣвшіе нервы старика распускались при видѣ ребенка, и онъ отдыхалъ отъ безпрерывной тревоги, борьбы и досады, въ которой поддерживалъ себя, дотрогиваясь умирающей рукой до колыбели.

ГЛАВА VI.

Кремлевская экспедиція — Московскій университетъ — Химикъ — Мы—Маловская исторія—Холера—Филаретъ—Сунгуровское дѣло—В. Пассекъ.—Генералъ Лиссовскій.—Н. А. Полевой.

О годы вольныхъ, свѣтлыхъ думъ
И безпредѣльныхъ упованій,
Гдѣ смѣхъ безъ желчи, пира шумъ?
Гдѣ трудъ столь полный ожиданій?
(ЮМОРЪ).

Не смотря на зловѣщія пророчества хромаго генерала, отецъ мой опредѣлилъ таки меня на службу къ князю Н. Б. Юсупову въ кремлевскую экспедицію. Я подписалъ бумагу, тѣмъ дѣло и кончилось; больше я о службѣ ничего не слыхалъ кромѣ того, что года черезъ три Юсуповъ прислалъ дворцоваго архитектора,

который всегда кричалъ такимъ голосомъ, какъ будто онъ стоялъ на стропилахъ пятаго этажа и оттуда что нибудь приказывалъ работникамъ въ подвалѣ, извѣстить, что я получилъ первый офицерскій чинъ. Всѣ эти чудеса, замѣтимъ мимоходомъ, были ненужны, чины полученные службой я разомъ наверсталъ, выдержавши экзаменъ на кандидата — изъ какихъ нибудь двухъ-трехъ годовъ старшинства не стопло хлопотать. А между тѣмъ, эта мнимая служба чуть не помѣшала мнѣ вступить въ университетъ. Совѣтъ, видя, что я числюсь къ канцеляріи кремлевской экспедиціи, отказалъ мнѣ въ правѣ держать экзаменъ.

Для служащихъ были особые курсы послѣ обѣда, чрезвычайно ограниченные и дававшіе право на такъ называемые „комитетскіе экзамены.“ Всѣ лѣнтяи съ деньгами, баричи ничему неучившіеся, все, что не хотѣло служить въ военной службѣ и торопилось получить чинъ ассессора, держало комитетскіе экзамены; это было нѣчто въ родѣ *золотыхъ* пріисковъ, уступленныхъ старымъ профессорамъ, дававшимъ privatissima по двадцати рублей за урокъ.

Начать мою жизнь этими каудинскими фуркулами науки далеко не согласовалось съ моими мыслями. Я сказалъ рѣшительно моему отцу, что если онъ не найдетъ другаго средства, я подамъ въ отставку.

Отецъ мой сердился, говорилъ, что я своими капризами мѣшаю ему устроить мою карьеру, бранилъ учителей, которые натолковали мнѣ этотъ вздоръ; но, видя, что все это очень мало меня трогаетъ, рѣшился ѣхать къ Юсупову.

Юсуповъ разсудилъ дѣло въ мигъ, отчасти по барски и отчасти по татарски. Онъ позвалъ секретаря и велѣлъ ему написать отпускъ на три года. Секретарь помялся,

помялся и доложилъ со страхомъ по поламъ, что отпускъ болѣе нежели на четыре мѣсяца нельзя давать безъ высочайшаго разрѣшенія.

— Какой вздоръ, братецъ — сказалъ ему князь что тутъ затрудняться; ну въ отпускъ нельзя, пиши, что я командирую его для усовершенствованія въ наукахъ— слушать университетскій курсъ.

Секретарь написалъ и на другой день я уже сидѣлъ въ амфитеатрѣ физико-математической аудиторіи.

Въ исторіи русскаго образованія и въ жизни двухъ послѣднихъ поколѣній, московскій университетъ и царскосельскій лицей играютъ значительную роль.

Московскій университетъ выросъ въ своемъ значеніи вмѣстѣ съ Москвою послѣ 1812 года; разжалованная императоромъ Петромъ изъ царскихъ столицъ, Москва была произведена императоромъ Наполеономъ, (сколько волею, а вдвое того неволею) въ столицы народа русскаго. Народъ догадался по боли, которую чувствовалъ при вѣсти о ея занятіи непріятелемъ, о своей кровной связи съ Москвой. Съ тѣхъ поръ началась для нея новая эпоха. Въ ней университетъ больше и больше становился средоточіемъ русскаго образованія. Всѣ условія для его развитія были соединены — историческое значеніе, географическое положеніе и отсутствіе царя.

Сильно возбужденная дѣятельность ума въ Петербургѣ, послѣ Павла, мрачно замкнулась 14 Декабремъ. Явился Николай съ пятью висѣлицами, съ каторжной работой, бѣлымъ ремнемъ и голубымъ Бенкендорфомъ.

Все пошло назадъ, кровь бросилась къ сердцу, дѣятельность, скрытая наружи, закипала, таясь внутри. Московскій университетъ устоялъ и началъ первый вырѣзываться изъ-за всеобщаго тумана. Государь его возненавидѣлъ съ Полежаевской исторіи. Онъ прислалъ

А. Писарева, генералъ-маіора „Калужскихъ вечеровъ“ —попечителемъ, велѣлъ студентовъ одѣть въ мундирные сертуки, велѣлъ имъ носить шпагу, потомъ запретилъ носить шпагу; отдалъ Полежаева въ солдаты за стихи, Костенецкаго съ товарищами за прозу, уничтожилъ Крптскихъ за бюстъ, отправилъ насъ въ ссылку за сенъ-симонизмъ, посадилъ князя Сергѣя Михайловича Голицына попечителемъ и не занимался больше „этимъ разсадникомъ разврата,“ благочестиво совѣтуя молодымъ людямъ, окончившимъ курсъ въ лицеѣ и въ школѣ правовѣденія, не вступать въ него.

Голицынъ былъ удивительный человѣкъ, онъ долго не могъ привыкнуть къ тому безпорядку, что когда профессоръ боленъ, то и лекціи нѣтъ; онъ думалъ, что слѣдующій *поочереди* долженъ былъ его замѣнять, такъ что отцу Терновскому пришлось бы иной разъ читать въ клиникѣ о женскихъ болѣзняхъ, а акушеру Рихтеру—толковать безсѣмянное зачатіе.

Но, не смотря на это, опальный университетъ росъ вліяніемъ, въ него какъ въ общій резервуаръ вливались юныя силы Россіи со всѣхъ сторонъ, изъ всѣхъ слоевъ; въ его залахъ онѣ очищались отъ предразсудковъ, захваченныхъ у домашняго очага, приходили къ одному уровню, братались между собой и снова разливались во всѣ стороны Россіи, во всѣ слои ея.

До 1848 года, устройство нашихъ университетовъ было чисто демократическое. Двери ихъ были открыты всякому, кто могъ выдержать экзаменъ и не былъ ни крѣпостнымъ, ни крестьяниномъ, не уволеннымъ своей общиной. Николай все это исказилъ; онъ ограничилъ пріемъ студентовъ, увеличилъ плату своекоштныхъ и дозволилъ избавлять отъ нея только бѣдныхъ *дворянъ*. Все это принадлежитъ къ ряду безумныхъ мѣръ, кото-

рыя исчезнутъ съ послѣднимъ дыханіемъ этого тормаза, попавшагося на русское колесо, — вмѣстѣ съ закономъ о пассахъ, о религіозной нетерпимости и пр.*)

Пестрая молодежь, пришедшая сверху, снизу, съ юга и сѣвера, быстро сплавлялась въ компактную массу товарищества. Общественныя различія не имѣли у насъ того оскорбительнаго вліянія, которое мы встрѣчаемъ

*) Кстати вотъ еще одна изъ отеческихъ мѣръ „незабвеннаго“ Николая. Воспитательные домы и приказы общественнаго призрѣнія составляютъ одинъ изъ лучшихъ памятниковъ екатерининскаго времени. Самая мысль учрежденія больницъ, богадѣленъ и воспитательныхъ домовъ на доли процентовъ, которые ссудные банки получаютъ отъ оборотовъ капиталами, замѣчательно умна.

Учрежденія эти принялись, ломбарды и приказы богатѣли, воспитательные домы и богоугодныя заведенія цвѣли, на сколько, на сколько допускало ихъ всеобщее воровство чиновниковъ. Дѣти, приносимыя въ воспитательный домъ, частію оставались тамъ, частію раздавались крестьянкамъ въ деревни; послѣдніе оставались крестьянами, первые воспитывались въ самомъ заведеніи. Изъ нихъ сортировали наиболѣе способныхъ для продолженія гимназическаго курса, отдавая менѣе способныхъ въ ученіе ремесламъ или въ технологическій институтъ. Тоже съ дѣвочками; однѣ приготовлялись къ рукодѣльямъ, другія къ должности нянюшекъ и наконецъ способнѣйшія въ классныя дамы и въ гувернантки. Все шло какъ нельзя лучше. Но Николай и этому учрежденію нанесъ страшный ударъ. Говорятъ, что императрица, встрѣтивъ разъ въ домѣ у одного изъ своихъ приближенныхъ воспитательницу его дѣтей, вступила съ ней въ разговоръ, и будучи очень довольна ею, спросила гдѣ она воспитывалась; та сказала ей, что она изъ „пансіонерокъ воспитательнаго дома.“ Всякой подумаетъ, что императрица поблагодарила за это начальство. Нѣтъ, — это ей подало поводъ подумать о *непригодности* давать такое воспитаніе подкинутымъ дѣтямъ.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Николай *произвелъ* высшіе классы воспитательныхъ домовъ въ *оберъ-офицерскій* институтъ, т. е. не велѣлъ болѣе помѣщать питомцевъ въ эти классы, а замѣнилъ ихъ оберъ-офицерскими дѣтьми. Онъ даже подумалъ о мѣрѣ болѣе радикальной, онъ не велѣлъ въ губернскихъ заведеніяхъ, въ приказахъ, принимать новорожденныхъ дѣтей. Лучшая коментарія на эту умную мѣру въ отчетѣ министра юстиціи въ графѣ „Дѣтоубійство.“

въ англійскихъ школахъ и казармахъ; объ англійскихъ университетахъ я не говорю: они существуютъ исключительно для аристократіи и для богатыхъ. Студентъ, который бы вздумалъ у насъ хвастаться своей *бѣлой костью* или богатствомъ, былъ бы отлученъ отъ „воды и огня.“ замученъ товарищами.

Внѣшнія различія, и то не глубокія, дѣлившія студентовъ, шли изъ другихъ источниковъ. Такъ напр. медицинское отдѣленіе, находившееся по другую сторону сада, не было съ нами такъ близко, какъ прочіе факультеты; къ тому-же его большинство состояло изъ семинаристовъ и нѣмцевъ. Нѣмцы держали себя нѣсколько въ сторонѣ и были очень пропитаны западно-мѣщанскимъ духомъ. Все воспитаніе несчастныхъ семинаристовъ, всѣ ихъ понятія были совсѣмъ иныя чѣмъ у насъ, мы говорили разными языками; они, выросшіе подъ гнетомъ монашескаго деспотизма, забитые своей реторикой и теологіей, завидовали нашей развязности; мы — досадовали на ихъ христіанское смиреніе. *)

Я вступилъ въ физико-математическое отдѣленіе, не смотря на то, что никогда не имѣлъ ни большой способности, ни большой любви къ математикѣ. Учились ей мы съ Никомъ у одного учителя, котораго мы любили за его анекдоты и разсказы: при всей своей занимательности, онъ врядъ могъ-ли развить особую страсть къ своей наукѣ. Онъ зналъ математику включительно до коническихъ сѣченій, т. е. ровно столько, сколько было нужно для приготовленія гимназистовъ къ

*) Въ этомъ отношеніи сдѣланъ огромный успѣхъ, все что я слышалъ въ послѣднее время о духовныхъ академіяхъ и даже семинаріяхъ—подтверждаетъ это. Само собою разумѣется, что въ этомъ виновато—не духовное начальство, а духъ учащихся.

университету; настоящій философъ, онъ никогда не полюбопытствовалъ заглянуть въ „университетскія части“ математики. Особенно замѣчательно при этомъ, что онъ только одну книгу и читалъ, и читалъ ее постоянно лѣтъ десять, это Франкеровъ курсъ; но воздержный по характеру и не любившій роскоши, онъ не переходилъ извѣстной страницы.

Я избралъ физико-математическій факультетъ потому, что въ немъ-же преподавались естественныя науки а къ нимъ, именно въ это время, развилась у меня сильная страсть.

Довольно странная встрѣча навела меня на эти занятія.

Послѣ знаменитаго раздѣла имѣнья въ 1822 году, о которомъ я разсказывалъ, „старшій братецъ“ переѣхалъ на житье въ Петербургъ. Долго объ немъ ничего не было слышно, какъ вдругъ разнесся слухъ, что онъ женился. Ему было за шестьдесятъ лѣтъ тогда, и всѣ знали, что сверхъ совершеннолѣтняго сына, у него были другія дѣти. Онъ именно женился на матери старшаго сына; „молодой“ тоже было за пятьдесятъ. Этимъ бракомъ онъ „привѣнчалъ,“ какъ говорили встарь, своего сына. Отчего-же не всѣхъ дѣтей? Мудрено было бы сказать отъ чего, еслибъ главная цѣль, съ которой онъ все это дѣлалъ, была неизвѣстна; онъ хотѣлъ одного — лишить своихъ братьевъ наслѣдства и этого онъ достигалъ вполнѣ „привѣнчиваніемъ“ сына. Въ извѣстное наводненіе 1824 года, старика залило водой въ каретѣ, онъ простудился, слегъ и въ началѣ 1825 года умеръ.

О сынѣ носились странные слухи, говорили, что онъ былъ нелюдимъ, ни съ кѣмъ не зналъ, вѣчно сидѣлъ одинъ занимаясь химіей, проводилъ жизнь за микроско-

номъ, читалъ даже за обѣдомъ и ненавидѣлъ женское общество. Объ немъ сказано въ „Горе отъ ума“:

— Онъ химикъ, онъ ботаникъ,
Князь Ѳедоръ, нашъ племянникъ,
Отъ женщинъ бѣгаетъ и даже отъ меня.

Дяди, перенесшіе на него зубъ, который имѣли противъ отца, не называли его иначе какъ „Химикъ,“ придавая этому слову порицательный смыслъ и подразумѣвая, что химія вовсе не можетъ быть занятіемъ порядочнаго человѣка.

Отецъ передъ смертію страшно тѣснилъ сына, онъ не только оскорблялъ его зрѣлищемъ сѣдаго отцовскаго разврата, разврата циническаго, но просто ревновалъ его къ своей серали. Химикъ разъ хотѣлъ отдѣлаться отъ этой неблагородной жизни лауданумомъ; его спасъ случайно товарищъ, съ которымъ онъ занимался химіей. Отецъ перепугался и передъ смертію сталъ смирнѣе съ сыномъ.

Послѣ смерти отца, Химикъ далъ отпускную несчастнымъ одалискамъ, уменьшилъ на половину тяжелый оброкъ, положенный отцомъ на крестьянъ, простилъ недоимки и даромъ отдалъ рекрутскія квитанціи, которыя продавалъ имъ старикъ, отдавая дворовыхъ въ солдаты.

Года черезъ полтора онъ пріѣхалъ въ Москву, мнѣ хотѣлось его видѣть, я его любилъ за крестьянъ и за несправедливое недоброжелательство къ нему его дядей.

Однимъ утромъ явился къ моему отцу небольшой человѣкъ, въ золотыхъ очкахъ, съ большимъ носомъ, съ полупотерянными волосами, съ пальцами обожженными химическими реагенціями. Отецъ мой встрѣтилъ его холодно, колко; племянникъ отвѣчалъ той-же монетой и не хуже чеканеной; помѣрившись, они стали

говорить о постороннихъ предметахъ съ наружнымъ равнодушіемъ и разстались учтиво, но съ затаенной злобой другъ противъ друга. Отецъ мой увидѣлъ, что боецъ ему не уступитъ.

Они никогда не сближались потомъ. Химикъ ѣздилъ очень рѣдко къ дядямъ; въ послѣдній разъ онъ видѣлся съ моимъ отцомъ послѣ смерти Сенатора, онъ пріѣзжалъ просить у него тысячъ тридцать рублей въ займы на покупку земли. Отецъ мой не далъ; Химикъ разсердился и потирая рукою носъ, съ улыбкой ему замѣтилъ: „Какой-же тутъ рискъ, у меня имѣнье *родовое*, я беру деньги для его усовершенствованія, дѣтей у меня нѣтъ и мы другъ послѣ друга наслѣдники.“ Старикъ 75 лѣтъ никогда не прощалъ племяннику эту выходку.

Я сталъ время отъ времени навѣщать его. Жилъ онъ чрезвычайно своеобычно; въ большомъ домѣ своемъ на Тверскомъ бульварѣ занималъ онъ одну крошечную комнату для себя и одну для лабораторіи. Старуха мать его жила черезъ коридоръ въ другой комнаткѣ, остальное было запущено и оставалось въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ было при отъѣздѣ его отца въ Петербургъ. Почернѣвшіе канделабры, необыкновенная мебель, всякія рѣдкости, стѣнные часы, *будто бы* купленные Петромъ I въ Амстердамѣ, креслы, будто бы изъ дома Станислава Лещинскаго, рамы безъ картинъ, картины обороченныя къ стѣнѣ — все это, поставленное кой-какъ, наполняло три большія залы нетопленныя и неосвѣщенныя. Въ передней люди играли обыкновенно на торбанѣ и курили (въ той самой, въ которой прежде едва смѣли дышать и молиться). Человѣкъ зажигалъ свѣчку и провожалъ этой оружейной палатой, замѣчая всякой разъ, что плаща снимать не надобно, что въ

залахъ очень холодно; густые слои пыли покрывали рогатыя и курьезныя вещи, отражавшіяся и двигавшіяся вмѣстѣ со свѣчей въ вычурныхъ зеркалахъ, солома остававшаяся отъ укладки спокойно лежала тамъ-сямъ вмѣстѣ съ стриженой бумагой и бичевками.

Рядомъ этихъ комнатъ достигалась наконецъ дверь завѣшанная ковромъ, которая вела въ страшно натопленный кабинетъ. Въ немъ, Химикъ въ замараномъ халатѣ на бѣличьемъ мѣху, сидѣлъ безвыходно обложенный книгами, обстановленный склянками, ретортами, тигелями, снарядами. Въ этомъ кабинетѣ, гдѣ теперь царилъ микроскопъ Шевалье, пахло хлоромъ, и гдѣ совершались за нѣсколько лѣтъ страшные, вопіющіе дѣла — въ этомъ кабинетѣ я *родился*. Отецъ мой, возвратившись изъ чужихъ краевъ, до ссоры съ братомъ, останавливался на нѣсколько мѣсяцевъ въ его домѣ и въ этомъ-же домѣ родилась моя жена въ 1817 году. Химикъ года черезъ два продалъ свой домъ и мнѣ опять случалось бывать въ немъ на вечерахъ у Свербѣева, спорить тамъ о панславизмѣ и сердиться на Хомякова, который никогда, ни на что не сердился. Комнаты были перестроены, но подъѣздъ, сѣни, лѣсница, передняя — все осталось, такъ-же и маленькій кабинетъ остался.

Хозяйство Химика было еще менѣе сложно, особенно когда мать его уѣзжала на лѣто въ подмосковную, а съ нею и поваръ. Камердинеръ его являлся часа въ четыре съ кофейникомъ, распускалъ въ немъ немного крѣпкаго бульену и пользуясь химическимъ горномъ ставилъ его къ огню вмѣстѣ съ всякими ядами. Потомъ онъ приносилъ изъ трактира полрябчика и хлѣбъ, въ этомъ состоялъ весь обѣдъ. По окончаніи его камердинеръ мылъ кофейникъ и онъ входилъ въ свои

естественныя права. Вечеромъ снова являлся камердинеръ, снималъ съ дивана тигровую шкуру, доставшуюся по наслѣдству отъ отца и груду книгъ, слалъ простыню, приносилъ подушки и одѣяло, и кабинетъ также легко превращался въ спальню, какъ въ кухню и столовую.

Съ самаго начала нашего знакомства, Химикъ увидѣлъ, что я серьезно занимаюсь и сталъ уговаривать, чтобъ я бросилъ „пустыя“ занятія литературой и „опасныя безъ всякой пользы“ политикой — а принялся бы за естественныя науки. Онъ далъ мнѣ рѣчь Кювье о геологическихъ переворотахъ и Декандолеву растительную органографію. Видя, что чтеніе идетъ на пользу, онъ предложилъ свои превосходныя собранія, снаряды, гербаріи и даже свое руководство. Онъ на своей почвѣ былъ очень занимателенъ, чрезвычайно ученъ, остеръ и даже любезенъ; но для этого не надобно было ходить дальше обезьянъ; отъ камней до орангъ-утанга, его все интересовало, далѣе онъ не охотно пускался, особенно въ философію, которую считалъ болтовней. Онъ не былъ ни консерваторъ, ни отсталой человѣкъ, онъ просто не вѣрилъ въ людей. т. е. вѣрилъ, что эгоизмъ исключительное начало всѣхъ дѣйствій и находилъ, что его сдерживаетъ только безуміе однихъ и невѣжество другихъ.

Меня возмущалъ его матеріализмъ. Поверхностный и со страхомъ по поламъ вольтеріанизмъ нашихъ отцовъ нисколько не былъ похожъ на матеріализмъ Химика. Его взглядъ былъ спокойный, послѣдовательный, оконченный; онъ напоминалъ извѣстный отвѣтъ Лаланда Наполеону: „Кантъ принимаетъ гипотезу Бога, сказалъ ему Бонапартъ. — „Sire, возразилъ астрономъ, мнѣ въ моихъ занятіяхъ никогда не случалось нуждаться въ этой гипотезѣ“.

Атеизмъ Химика шелъ далѣе теологическихъ сферъ. Онъ считалъ Жофруа Сент-Илера мистикомъ, а Окена просто поврежденнымъ. Онъ съ тѣмъ пренебреженіемъ, съ которымъ мой отецъ сложилъ исторію Карамзина, закрылъ сочиненія натуръ-философовъ. „Сами выдумали первыя причины, духовныя силы, да и удивляются потомъ, что ихъ ни найти, ни понять нельзя". Это былъ мой отецъ въ другомъ изданіи, въ иномъ вѣкѣ и иначе воспитанный.

Взглядъ его становился еще безотраднѣе во всѣхъ жизненныхъ вопросахъ. Онъ находилъ, что на человѣкѣ также мало лежитъ отвѣтственности за добро и зло, какъ на звѣрѣ; что все дѣло организаціи, обстоятельствъ и вообще устройства нервной системы, отъ которой *больше ждутъ, нежели она въ состояніи дать.* Семейную жизнь онъ не любилъ, говорилъ съ ужасомъ о бракѣ и наивно признавался, что онъ пережилъ тридцать лѣтъ, не любя ни одной женщины. Впрочемъ одна теплая струйка въ этомъ охлажденномъ человѣкѣ еще оставалась, она была видна въ его отношеніяхъ къ старушкѣ матери; они много страдали вмѣстѣ отъ отца, бѣдствія сильно сплавили ихъ; онъ трогательно окружалъ одинокую и болѣзненную старость ея, насколько умѣлъ, покоемъ и вниманіемъ.

Теорій своихъ, кромѣ химическихъ, онъ никогда не проповѣдывалъ, онѣ высказывались случайно, вызывались мною. Онъ даже нехотя отвѣчалъ на мои романтическія и философскія возраженія; его отвѣты были коротки, онъ ихъ дѣлалъ улыбаясь и съ той деликатностью, съ которой большой старый мастифъ играетъ съ шпицомъ, позволяя ему себя теребить, и только легко отгоняя лапой. Но это-то меня и дразнило всего больше и я неутомимо возвращался à la charge, не вы-

игрывая впрочемъ ни одного пальца почвы. Впослѣдствіи, т. е. лѣтъ черезъ двѣнадцать, я много разъ поминалъ Химика, такъ какъ поминалъ замѣчанія моего отца; разумѣется онъ былъ правъ въ трехъ-четвертяхъ всего на что я возражалъ. Но вѣдь и я былъ правъ. Есть истины, мы уже говорили объ этомъ, которыя, какъ политическія права, не передаются раньше извѣстнаго возраста.

Вліяніе Химика заставило меня избрать физико-математическое отдѣленіе, можетъ еще лучше было бы вступить въ медицинское, но бѣды большой въ томъ нѣтъ, что я сперва посредственно выучилъ, потомъ основательно забылъ дифференціальныя и интегральныя исчисленія.

Безъ естественныхъ наукъ нѣтъ спасенія современному человѣку, безъ этой здоровой пищи, безъ этого строгаго воспитанія мысли фактами, безъ этой близости къ окружающей насъ жизни, безъ смиренія передъ ея независимостью — гдѣ нибудь въ душѣ остается монашеская келья и въ ней мистическое зерно, которое можетъ разлиться темной водой по всему разумѣнію.

Передъ окончаніемъ моего курса, Химикъ уѣхалъ въ Петербургъ и я не видался съ нимъ до возращенія изъ Вятки. Нѣсколько мѣсяцевъ послѣ моей женитьбы, я ѣздилъ полутайкомъ на нѣсколько дней въ подмосковную, гдѣ тогда жилъ мой отецъ. Цѣль этой поѣздки состояла въ окончательномъ примиреніи съ нимъ, онъ все еще сердился на меня за мой бракъ.

По дорогѣ я остановился въ Перхушковѣ, тамъ гдѣ мы столько разъ останавливались; Химикъ меня ожидалъ и даже приготовилъ обѣдъ и двѣ бутылки шампанскаго. Онъ черезъ четыре или пять лѣтъ былъ неизмѣнно тотъ-же, только немного постарѣлъ. Передъ обѣдомъ

онъ спросилъ меня совершенно серьезно. „Скажите пожалуста, откровенно, ну какъ вы находите семейную жизнь, бракъ? Что хорошо что-ли или не очень? — Я смѣялся. — Какая смѣлость съ вашей стороны, продолжалъ онъ, я удивляюсь вамъ; въ нормальномъ состояніи никогда человѣкъ не можетъ рѣшиться на такой страшный шагъ. Мнѣ предлагали двѣ, три партіи очень хорошія, но какъ я вздумаю, что у меня въ комнатѣ будетъ распоряжаться женщина, будетъ все приводить по своему въ порядокъ, пожалуй будетъ мнѣ запрещать курить мой табакъ (онъ курилъ нѣжинскіе корешки), подниметъ шумъ, сумбуръ, тогда на меня находитъ такой страхъ, что я предпочитаю умереть въ одиночествѣ.“

— Остаться мнѣ у васъ ночевать или ѣхать въ Покровское? спросилъ я его послѣ обѣда.

— Недостатка въ мѣстѣ у меня нѣтъ, отвѣтилъ онъ, но для васъ я думаю лучше ѣхать, вы пріѣдете часовъ въ десять къ вашему батюшкѣ. Вы вѣдь знаете, что онъ еще сердитъ на васъ; ну—вечеромъ, передъ сномъ у старыхъ людей обыкновенно нервы ослаблены и вялы, онъ васъ приметъ вѣроятно гораздо лучше нынче, чѣмъ завтра; утромъ вы его найдете совсѣмъ готовымъ для сраженія.

— Ха, ха, ха — какъ я узнаю моего учителя физіологіи и матеріализма, сказалъ я ему смѣясь отъ души, ваше замѣчаніе такъ и напомнило мнѣ тѣ блаженныя времена, когда я приходилъ къ вамъ, въ родѣ гетевскаго Вагнера, надоѣдать моимъ идеализмомъ и выслушивать не безъ негодованія ваши охлаждающія сентенціи.

— Вы съ тѣхъ поръ довольно жили, отвѣтилъ онъ, то-же смѣясь, чтобъ знать, что всѣ дѣла человѣче-

скія зависятъ просто отъ нервовъ и отъ химическаго состава.

Послѣ мы какъ то разошлись съ нимъ; вѣроятно мы оба были неправы... тѣмъ не менѣе въ 1846, онъ написалъ мнѣ письмо. Я начиналъ тогда входить въ моду послѣ первой части *Кто виноватъ?* Химикъ писалъ мнѣ, что онъ съ грустью видитъ, что я употребляю на пустыя занятія мой талантъ. „Я съ вами примирился за ваши письма объ изученіи природы; въ нихъ я понялъ (насколько человѣческому уму можно понимать) нѣмецкую философію — зачѣмъ-же вмѣсто продолженія серьезнаго труда вы пишете сказки?“ Я отвѣчалъ ему нѣсколькими дружескими строками — тѣмъ наши сношенія и кончились.

Если эти строки попадутся на глаза самому Химику, я попрошу его ихъ прочесть ложась спать въ постель, когда нервы ослаблены, и увѣренъ, что онъ проститъ мнѣ тогда дружескую болтовню, тѣмъ болѣе, что я храню серьезную и добрую память о немъ.

И такъ наконецъ затворничество родительскаго дома пало. Я былъ au large; вмѣсто одиночества въ нашей небольшой комнатѣ, вмѣсто тихихъ и полускрываемыхъ свиданій съ однимъ Огаревымъ, — шумная семья, въ семьсотъ головъ, окружила меня. Въ ней я больше оклиматился въ двѣ недѣли, чѣмъ въ родительскомъ домѣ съ самаго дня рожденія.

А домъ родительскій меня преслѣдовалъ даже въ университетъ, въ видѣ лакея, которому отецъ мой велѣлъ меня провожать, особенно, когда я ходилъ пѣшкомъ. Цѣлый семестръ я отдѣлывался отъ провожатаго и насилу оффиціально успѣлъ въ этомъ. Я говорю: оффиціально — потому что Петръ Ѳедоровичъ, мой камердинеръ, на котораго была возложена эта должность,

очень скоро понялъ, во-первыхъ, что мнѣ непріятно быть провожаемымъ, во-вторыхъ, что самому ему, гораздо пріятнѣе въ разныхъ увеселительныхъ мѣстахъ, чѣмъ въ передней физико-математическаго факультета, въ которой всѣ удовольствія ограничивались бесѣдою съ двумя сторожами и взаимнымъ подчиваніемъ другъ друга и самихъ себя табакомъ.

Къ чему посылали за мной провожатаго? Неужели Петръ, съ молодыхъ лѣтъ зашибавшій по нѣскольку дней съ ряду, могъ меня остановить въ чемъ нибудь? Я полагаю, что мой отецъ и не думалъ этого, но для *своего* спокойствія, бралъ мѣры недѣйствительныя, но все же мѣры, въ родѣ того какъ люди, не вѣря, говѣютъ. Черта эта принадлежитъ нашему старинному помѣщичьему воспитанію. До семи лѣтъ, было приказано водитъ меня за руку по внутренней лѣстницѣ, которая была нѣсколько крута; до одинадцати, меня мыла въ корытѣ Вѣра Артамоновна; стало, очень послѣдовательно — за мной, студентомъ, посылали слугу и до 21 года мнѣ не позволялось возвращаться домой послѣ половины одинадцатаго. Я практически очутился на волѣ и на своихъ ногахъ въ ссылкѣ; еслибъ меня не сослали, вѣроятно тотъ же режимъ продолжался бы до 25 лѣтъ... до 35.

Какъ большая часть живыхъ мальчиковъ, воспитанныхъ въ одиночествѣ, я съ такой искренностью и стремительностью бросался каждому на шею, съ такой безумной неосторожностью дѣлалъ пропаганду, и такъ откровенно самъ всѣхъ любилъ, что не могъ не вызвать горячій отвѣтъ со стороны аудиторіи, состоявшей изъ юношей почти одного возраста (мнѣ былъ тогда семнадцатый годъ).

Мудрыя правила — со всѣми быть учтивымъ и ни

съ кѣмъ близкимъ, никому не довѣряться — столько же способствовали этимъ сближеніямъ, какъ неотлучная мысль, съ которой мы вступили въ университетъ, мысль — что *здѣсь* совершатся наши мечты, что здѣсь мы бросимъ сѣмена, положимъ *основу* союзу. Мы были увѣрены, что изъ этой аудиторіи выйдетъ та фаланга, которая пойдетъ вслѣдъ за Пестелемъ и Рылѣевымъ, и что мы будемъ въ ней.

Молодежь была прекрасная въ нашъ курсъ. Именно въ это время пробуждались у насъ больше и больше теоретическія стремленія. Семинарская выучка и шляхетская лѣнь равно исчезали, не замѣняясь еще нѣмецкимъ утилитаризмомъ, удобряющимъ умы наукой, какъ поля навозомъ, для успленной жатвы. Порядочный кругъ студентовъ не принималъ больше науку за необходимый, но скучный проселокъ, которымъ скорѣе объѣзжаютъ въ коллежскіе ассессоры. Возникавшіе вопросы вовсе не относились до табели о рангахъ.

Съ другой стороны, научный интересъ не успѣлъ еще выродиться въ доктринаризмъ; наука не отвлекала отъ вмѣшательства въ жизнь, страдавшую вокругъ. Это сочувствіе съ нею необыкновенно поднимало *гражданскую* нравственность студентовъ. Мы и наши товарищи говорили въ аудиторіи открыто все, что приходило въ голову; тетрадки *запрещенныхъ* стиховъ ходили изъ рукъ въ руки, запрещенныя книги читались съ комментаріями, и при всемъ томъ, я не помню ни одного доноса изъ аудиторіи, ни одного предательства. Были робкіе молодые люди, уклонявшіеся, отстранявшіеся, — но и тѣ молчали.*)

Одинъ пустой мальчикъ, допрашиваемый своей ма-

* Тогда не было инспекторовъ и субъ-инспекторовъ, исправляющихъ при аудиторіяхъ роль моего Петра Ѳедоровича.

терью о Маловской исторіи подъ угрозою прута, разсказалъ ей кое-что. Нѣжная мать — *аристократка* и княгиня — бросилась къ ректору и передала доносъ сына, какъ доказательство его раскаянія. Мы узнали это, и мучили его до того, что онъ не остался до окончанія курса.

Исторія эта, за которую и я посидѣлъ въ карцерѣ, стоитъ того, чтобъ разсказать ее.

Маловъ былъ глупый, грубый и необразованный профессоръ въ политическомъ отдѣленіи. Студенты презирали его, смѣялись надъ нимъ. „Сколько у васъ профессоровъ въ отдѣленіи?“ спросилъ какъ-то попечитель у студента въ политической аудиторіи. „Безъ Малова девять“, отвѣчалъ студентъ. Вотъ этотъ то профессоръ, котораго надобно было *вычесть* для того чтобъ осталось девять, сталъ больше и больше дѣлать дерзостей студентамъ; студенты рѣшились прогнать его изъ аудиторіи. Сговорившись, они прислали въ наше отдѣленіе двухъ парламентеровъ, приглашая меня придти съ вспомогательнымъ войскомъ. Я тотчасъ объявилъ кличъ идти войной на Малова, нѣсколько человѣкъ пошли со мной; когда мы пришли въ политическую аудиторію, Маловъ былъ на лицо и видѣлъ насъ.

У всѣхъ студентовъ на лицахъ былъ написанъ одинъ страхъ, ну какъ онъ въ этотъ день не сдѣлаетъ никакого грубаго замѣчанія. Страхъ этотъ скоро прошелъ. Черезъ край полная аудиторія была непокойна и издавала глухой, сдавленный гулъ. Маловъ сдѣлалъ какое-то замѣчаніе, началось шарканье. „Вы выражаете ваши мысли какъ лошади ногами,“ замѣтилъ Маловъ, воображавшій вѣроятно, что лошади думаютъ галопомъ и рысью, и буря поднялась — свистъ, шиканье, крикъ „вонъ его, вонъ его, pereat!“ Маловъ блѣдный какъ полотно

сдѣлалъ отчаянное усиліе овладѣть шумомъ, и не могъ; студенты вскочили на лавки. Маловъ тихо сошелъ съ каѳедры и съежившись сталъ пробираться къ дверямъ; аудиторія за нимъ, его проводили по университетскому двору на улицу и бросили вслѣдъ за нимъ его калоши. Послѣднее обстоятельство было важно, на улицѣ дѣло получило совсѣмъ иной характеръ; но будто есть на свѣтѣ молодые люди 17, 18 лѣтъ, которые думаютъ объ этомъ.

Университетскій совѣтъ перепугался и убѣдилъ попечителя представить дѣло оконченнымъ и для того виновныхъ или такъ кого-нибудь посадить въ карцеръ. Это было не глупо. Легко можетъ быть что въ противномъ случаѣ государь прислалъ бы флигель-адъютанта, который для полученія креста сдѣлалъ бы изъ этого дѣла заговоръ, возстаніе, бунтъ и предложилъ бы всѣхъ отправить на каторжную работу, а государь помиловалъ бы въ солдаты. Видя что порокъ наказанъ и нравственность торжествуетъ, государь ограничился тѣмъ, что высочайше соизволилъ утвердить волю студентовъ и отставилъ профессора. Мы Малова прогнали до университетскихъ воротъ, а онъ его выгналъ за ворота. Væ victi съ Николаемъ; но на этотъ разъ не намъ пенять на него.

И такъ дѣло закипѣло; на другой день послѣ обѣда приплелся ко мнѣ сторожъ изъ правленія, сѣдой старикъ, который добросовѣстно принималъ à la lettre, что студенты ему давали деньги на водку и потому постоянно поддерживалъ себя въ состояніи болѣе близкомъ къ пьяному, чѣмъ къ трезвому. Онъ въ обшлагѣ шинели принесъ отъ „Лехтура“ записочку, мнѣ было велѣно явиться къ нему въ семь часовъ вечера. Вслѣдъ за нимъ явился блѣдный и испуганный студентъ изъ

остзейскихъ барономъ, получившій такое-же приглашеніе и принадлежавшій къ несчастнымъ жертвамъ приведеннымъ мною. Онъ началъ съ того, что осыпалъ меня упреками, потомъ спрашивалъ совѣта что ему говорить. „Лгать отчаянно, запираться во всемъ, кромѣ того что шумъ былъ и что вы были въ аудиторіи“ — отвѣчалъ я ему.

— А ректоръ спроситъ, зачѣмъ я былъ въ политической аудиторіи, а не въ нашей?

— Какъ зачѣмъ? Да развѣ вы не знаете, что Родіонъ Гейманъ не приходилъ на лекцію, вы, не желая потерять времени по пустому, пошли слушать другую.

— Онъ не повѣритъ.

— Это ужъ его дѣло.

Когда мы входили на университетскій дворъ, я посмотрѣлъ на моего барона, пухленькія щечки его были очень блѣдны и вообще ему было плохо. „Слушайте, сказалъ я, вы можете быть увѣрены, что ректоръ начнетъ не съ васъ, а съ меня, говорите тоже самое съ варіяціями, вы-же и въ самомъ дѣлѣ ничего особеннаго не сдѣлали. Не забудьте одно, за то что вы шумѣли и за то что лжете, — много, много васъ посадятъ въ карцеръ; а если вы проболтаетесь, да кого-нибудь при мнѣ запутаете, я разскажу въ аудиторіи и мы отравимъ вамъ ваше существованіе.“ Баронъ обѣщалъ и честно сдержалъ слово.

Ректоромъ былъ тогда Двигубскій, одинъ изъ остатковъ и образцовъ допотопныхъ профессоровъ или лучше сказать *до пожарныхъ*, то есть до 1812 года. Они вывелись теперь; съ попечительствомъ князя Оболенскаго вообще оканчивается патріархальный періодъ московскаго университета. Въ тѣ времена начальство университетомъ не занималось, профессора читали и не

читали, студенты ходили и не ходили, и ходили притомъ не въ мундирныхъ сертукахъ ad instar конноегерскихъ, а въ разныхъ отчаянныхъ и эксцентрическихъ платьяхъ, въ крошечныхъ фуражкахъ, едва державшихся на дѣвственныхъ волосахъ. Профессора составляли два стана или слоя, мирно ненавидѣвшіе другъ друга, одинъ состоялъ исключительно изъ нѣмцевъ, другой изъ не-нѣмцевъ. Нѣмцы, въ числѣ которыхъ были люди добрые и ученые какъ Лодеръ, Фишеръ, Гильдебрантъ и самъ Геймъ, вообще отличались незнаніемъ и нежеланіемъ знать русскаго языка, хладнокровіемъ къ студентамъ, духомъ западнаго клієнтизма, ремесленничества, неумѣреннымъ куреніемъ сигаръ и огромнымъ количествомъ крестовъ, которыхъ они никогда не снимали. Не-нѣмцы съ своей стороны, не знали ни одного (живаго) языка кромѣ русскаго, были отечественно раболѣпны, семинарски неуклюжи, держались, за исключеніемъ Мерзлякова, въ черномъ тѣлѣ и вмѣсто неумѣреннаго употребленія сигаръ, употребляли неумѣренно настойку. Нѣмцы были больше изъ Гетингена, не-нѣмцы изъ поповскихъ дѣтей.

Двигубскій былъ изъ не-нѣмцевъ. Видъ его былъ такъ назидателенъ, что какой-то студентъ изъ семинаристовъ, приходя за табелью, подошелъ къ нему подъ благословеніе и постоянно называлъ его „Отецъ-Ректоръ.“ Притомъ онъ былъ страшно похожъ на сову съ Анной на шеѣ, какъ его рисовалъ другой студентъ, получившій болѣе свѣтское образованіе. Когда онъ бывало приходилъ въ нашу аудиторію или съ деканомъ Чумаковымъ, или съ Котельницкимъ, который завѣдывалъ шкапомъ съ надписью Materia Medica, неизвѣстно зачѣмъ проживавшемъ въ математической аудиторіи, или съ Рейсомъ, выписаннымъ изъ Германіи за то, что его дядя хорошо

зналъ химію, съ Рейсомъ, который, читая по француз-ски, называлъ свѣтильню — baton de coton, ядъ—рыбой poisson, а слово молнія такъ несчастно произносилъ, что многіе думали, что онъ бранится. — мы смотрѣли на нихъ большими глазами какъ на собраніе ископае-мыхъ, какъ на послѣднихъ Абенсераговъ, представите-лей иного времени не столько близкаго къ намъ, какъ къ Тредьяковскому и Кострову; времени, въ которомъ читали Хераскова и Княжнина, времени добраго про-фессора Дильтея, у котораго были двѣ собачки, одна вѣчно лаявшая, другая никогда не лаявшая, за что онъ очень справедливо прозвалъ одну *Баваркой*, а другую *Пруденкой*.

Но Двигубскій былъ вовсе не добрый профессоръ, онъ принялъ насъ чрезвычайно круто и былъ грубъ; я поролъ страшную дичь и былъ неучтивъ, баронъ подо-грѣвалъ тоже самое. Раздраженный Двигубскій велѣлъ явиться на другое утро въ совѣтъ, тамъ въ полчаса времени насъ допросили, осудили, приговорили и по-слали сентенцію на утвержденіе князя Голицына.

Едва я успѣлъ въ аудиторіи, пять или шесть разъ въ лицахъ представить студентамъ судъ и расправу университетскаго сената, какъ вдругъ въ началѣ лек-ціи явился инспекторъ, русской службы маіоръ и фран-цузскій танцмейстеръ, съ унтеръ-офицеромъ и съ при-казомъ въ рукѣ — меня взять и свести въ карцеръ. Часть студентовъ пошла провожать, на дворѣ тоже толпилась молодежь; видно меня не перваго вели, когда мы проходили, всѣ махали фуражками, руками; универ-ситетскіе солдаты двигали ихъ назадъ, студенты не шли.

Въ грязномъ подвалѣ, служившемъ карцеромъ, я уже нашелъ двухъ арестантовъ, Арапетова и Олова, князя

Андрея Оболенскаго и Розенгейма посадили въ другую комнату, всего было шесть человѣкъ наказанныхъ по Маловскому дѣлу. Насъ было велѣно содержать на хлѣбѣ и водѣ, ректоръ прислалъ какой-то супъ, мы отказались и хорошо сдѣлали; какъ только смерклось и университетъ опустѣлъ, товарищи принесли намъ сыру, дичи, сигаръ, вина и ликеру. Солдатъ сердился, ворчалъ, бралъ двугривенные и носилъ припасы. Послѣ полуночи, онъ пошелъ далѣе и пустилъ къ намъ нѣсколько человѣкъ гостей. Такъ проводили мы время, пируя ночью и ложась спать днемъ.

Разъ какъ-то товарищъ попечителя Панинъ, братъ министра юстиціи, вѣрный своимъ конногвардейскимъ привычкамъ, вздумалъ обойти ночью рундомъ государственную тюрьму въ университетскомъ подвалѣ. Только что мы зажгли свѣчу подъ стуломъ, чтобъ снаружи не было видно и принялись за нашъ ночной завтракъ, раздался стукъ въ наружную дверь; не тотъ стукъ, который своей слабостью проситъ солдата отпереть, который больше боится, что его услышатъ, нежели то, что не услышатъ; нѣтъ, это былъ стукъ съ авторитетомъ, приказывающій. Солдатъ обмеръ, мы спрятали бутылки и студентовъ въ небольшой чуланъ, задули свѣчу и бросились на наши койки. Взошелъ Панинъ. „Вы *кажется* курите?“ — сказалъ онъ, едва вырѣзываясь съ инспекторомъ, который несъ фонарь, изъ за густыхъ облаковъ дыма. „Откуда это они берутъ огонь, ты даешь?“ Солдатъ клялся, что не даетъ. Мы отвѣчали что у насъ былъ съ собою трутъ. Инспекторъ обѣщалъ его отнять и обобрать сигары, и Панинъ удалился, не замѣтивъ, что количество фуражекъ было вдвое больше количества головъ.

Въ субботу вечеромъ явился инспекторъ и объявилъ,

что я и еще одинъ изъ насъ можетъ идти домой, но что остальные посидятъ до понедѣльника. Это предложеніе показалось мнѣ обиднымъ и я спросилъ инспектора, могу-ли остаться; онъ отступилъ на шагъ, посмотрѣлъ на меня съ тѣмъ грозно-граціознымъ видомъ, съ которымъ въ балетахъ цари и герои пляшутъ гнѣвъ и сказавши: „сидите, пожалуй," вышелъ вонъ. За послѣднюю выходку досталось мнѣ дома больше, нежели за всю исторію.

И такъ первыя ночи, которыя я не спалъ въ родительскомъ домѣ, были проведены въ карцерѣ. Вскорѣ мнѣ приходилось испытать другую тюрьму и тамъ я просидѣлъ не восемь дней, а девять мѣсяцевъ, послѣ которыхъ поѣхалъ не домой, а въ ссылку. Но до этого далеко.

Съ этого времени я въ аудиторіи пользовался величайшей симпатіей. Сперва я слылъ за хорошаго студента; послѣ маловской исторіи, сдѣлался, какъ извѣстная гоголевская дама, хорошій студентъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Учились ли мы при всемъ этомъ чему нибудь, могли ли научиться? Полагаю, что „да." Преподаваніе было скуднѣе, объемъ его меньше, чѣмъ въ сороковыхъ годахъ. Университетъ, впрочемъ, не долженъ оканчивать научное воспитаніе; его дѣло — поставить человѣка à même продолжать на своихъ ногахъ; его дѣло—возбудить вопросы, научить спрашивать. Именно это-то и дѣлали такіе профессора, какъ М. Г. Павловъ, а съ другой стороны, и такіе какъ Каченовскій. Но больше лекцій и профессоровъ развивала студентовъ аудиторія, юнымъ столкновеніемъ, обмѣномъ мыслей, чтеній..... Московскій университетъ свое дѣло дѣлалъ; профессора, способствовавшіе своими лекціями развитію Лермонтова.

Бѣлинскаго, И. Тургенева, Кавелина, Пирогова, могутъ спокойно играть въ бостонъ и еще спокойнѣе лежать подъ землей.

А какіе оригиналы были въ ихъ числѣ, и какія чудеса — отъ Ѳедора Ивановича Чумакова, *подгонявшаго* формулы къ тѣмъ, которыя были въ курсѣ Пуансо, съ совершеннѣйшей свободой помѣщичьяго права, прибавляя, убавляя буквы, принимая квадраты за корни и х за извѣстное, — до Гавріила Мягкова, читавшаго самую *жесткую* науку въ мірѣ — тактику. Отъ постояннаго обращенія съ предметами геропческими, самая наружность Мягкова пріобрѣла строевую выправку; застегнутый до горла, въ несгибающемся галстухѣ, онъ больше командовалъ свои лекціи, чѣмъ говорилъ. „Господа!“ кричалъ онъ, „на полѣ — *Объ артиллеріи!*“ это не значило на полѣ сраженія ѣдутъ пушки, а просто, что на маржѣ такое заглавіе. Какъ жаль, что Николай обходилъ университетъ! еслибъ онъ увидѣлъ Мягкова, онъ его сдѣлалъ бы попечителемъ.

А Ѳедоръ Ѳедоровичъ Рейсъ, никогда не читавшій химіи далѣе второй химической ипостаси, т. е. водорода! Рейсъ, который дѣйствительно попалъ въ профессора химіи, потому что не онъ, а его дядя занимался когда-то ею. Въ концѣ царствованія Екатерины, старика пригласили въ Россію; ему ѣхать не хотѣлось — онъ отправилъ вмѣсто себя племянника.....

Къ чрезвычайнымъ событіямъ нашего курса, продолжавшагося четыре года, (потому что во время холеры университетъ былъ закрытъ цѣлый семестръ) — принадлежитъ сама холера, пріѣздъ Гумбольдта и посѣщеніе Уварова.

Гумбольдтъ, возвращаясь съ Урала, былъ встрѣченъ въ Москвѣ въ торжественномъ засѣданіи общества

естествоиспытателей при университетѣ, членами котораго были разные сенаторы, губернаторы, — вообще люди не занимавшіеся ни естественными, ни неестественными науками. Слава Гумбольдта, тайнаго совѣтника его прусскаго величества, которому государь императоръ изволилъ дать Анну и приказалъ не брать съ него денегъ за матеріалъ и дипломъ, дошла и до нихъ. Они рѣшились не ударить себя лицомъ въ грязь передъ человѣкомъ, который былъ на Шимборазо и жилъ въ Санъ-Суси.

Мы до сихъ поръ смотримъ на европейцевъ и Европу въ томъ родѣ, какъ провинціалы смотрятъ на столичныхъ жителей, съ подобострастіемъ и чувствомъ собственной вины, принимая каждую разницу за недостатокъ, краснѣя своихъ особенностей, скрывая ихъ, подчиняясь и подражая. Дѣло въ томъ, что мы были застращены и не оправились отъ насмѣшекъ Петра I, отъ оскорбленій Бирона, отъ высокомѣрія служебныхъ нѣмцевъ и воспитателей французовъ. Западные люди толкуютъ о нашемъ двоедушіи и лукавомъ коварствѣ; они принимаютъ за желаніе обмануть — желаніе выказаться и похвастаться. У насъ тотъ-же человѣкъ готовъ наивно либеральничать съ либераломъ, прикинуться легитимистомъ, и это безъ всякихъ заднихъ мыслей, просто изъ учтивости и изъ кокетства; бугоръ de l'approbativité сильно развитъ въ нашемъ черепѣ.

„Князь Дмитрій Голицынъ," сказалъ какъ-то лордъ Дюрамъ, „настоящій вигъ, вигъ въ душѣ."

Князь Д. В. Голицынъ былъ почтенный русскій баринъ, но почему онъ былъ „вигъ," съ чего онъ былъ „вигъ" — не понимаю. Будьте увѣрены, князь на старости лѣтъ хотѣлъ понравиться Дюраму и прикинулся вигомъ.

Пріемъ Гумбольдта въ Москвѣ и въ университетѣ, было дѣло не шуточное. Генералъ-губернаторъ, разные вое и градоначальники, Сенатъ—все явилось лента черезъ плечо, въ полномъ мундирѣ, профессора воинственно при шпагахъ и съ трехъ угольными шляпами подъ рукой. Гумбольдтъ, ничего не подозрѣвая, пріѣхалъ въ синемъ фракѣ съ золотыми пуговицами и, разумѣется, былъ сконфуженъ. Отъ сѣней до залы общества естествоиспытателей, вездѣ были приготовлены засады: тутъ ректоръ, тамъ деканъ, тутъ начинающій профессоръ, тамъ ветеранъ, оканчивающій свое поприще, и именно потому говорящій очень медленно; каждый привѣтствовалъ его по латынѣ, по нѣмецки, по французски, и все это въ этихъ страшныхъ каменныхъ трубахъ, называемыхъ корридорами, въ которыхъ нельзя остановиться на минуту, чтобъ не простудиться на мѣсяцъ. Гумбольдтъ все слушалъ безъ шляпы и на все отвѣчалъ — я увѣренъ, что всѣ дикіе, у которыхъ онъ былъ, краснокожіе и мѣднаго цвѣта, сдѣлали ему меньше непріятностей, чѣмъ московскій пріемъ.

Когда онъ дошелъ до залы и усѣлся, тогда надобно было встать. Попечитель Писаревъ счелъ нужнымъ, въ краткихъ, но сильныхъ словахъ, *отдать приказъ* по русски, о заслугахъ его превосходительства и знаменитаго путешественника; послѣ чего Сергѣй Глинка „офицеръ,“ голосомъ тысяча восьмисотъ двѣнадцатаго года, густо сиплымъ, прочелъ свое стихотвореніе, начинавшееся такъ:

Humboldt — Prométhée de nos jours!

А Гумбольдту хотѣлось потолковать о наблюденіяхъ надъ магнитной стрѣлкой, сличить свои метеорологическія замѣтки на Уралѣ съ московскими — вмѣсто

этого, ректоръ пошелъ ему показывать что-то сплетенное изъ высочайшихъ волосъ Петра I..... насилу Эренбергъ и Розе нашли случай кой что разсказать о своихъ открытіяхъ. *)

У насъ и въ неоффиціальномъ мірѣ дѣла идутъ не много лучше; десять лѣтъ спустя, точно такъ-же принимали Листа въ московскомъ обществѣ. Глупостей довольно дѣлали для него и въ Германіи, но тутъ совсѣмъ не тотъ характеръ; въ Германіи это все стародѣвическая экзальтація, сентиментальность. все Blumenstreuen; у насъ — подчиненіе, признаніе власти, вытяжка, у насъ все „честь имѣю явиться къ вашему превосходительству.“ Тутъ-же, по несчастію, прибавилась слава Листа, какъ извѣстнаго Ловласа; дамы толпились около него, такъ какъ крестьянскіе мальчики на проселочныхъ дорогахъ толпятся около проѣзжаго, пока закладываютъ лошадей, любознательно разсматривая его самаго, его коляску, шапку..... Все слушало одного Листа, все говорило только съ нимъ однимъ, отвѣчало только ему. Я помню, что на одномъ вечерѣ, Хомяковъ, краснѣя за почтенную публику, сказалъ мнѣ: „поспоримте пожалуйста о чемъ нибудь, чтобъ Листъ видѣлъ что есть здѣсь въ комнатѣ люди, не исключительно за-

*) Какъ розно было понято въ Россіи путешествіе Гумбольдта, можно судить изъ повѣствованія уральскаго казака, служившаго при канцеляріи пермскаго губернатора; онъ любилъ разсказывать какъ онъ провожалъ „сумасшедшаго прусскаго принца Гумилота.“ — Что-же онъ дѣлалъ? — „Такъ самое, т. е. пустое, травы наберетъ, песокъ смотритъ; какъ-то въ Солончакахъ говоритъ мнѣ черезъ толмача: полѣзай въ воду, достань что на днѣ; ну я досталъ. обыкновенно что на днѣ бываетъ, а онъ спрашиваетъ: Что, внизу очень холодна вода? Думаю, нѣтъ братъ, меня не проведешь, сдѣлалъ фрунтъ и отвѣтилъ: Того молъ, ваша свѣтлость, служба требуетъ — все равно, мы рады стараться.“

нятые имъ.“ Въ утѣшеніе нашимъ дамамъ, я могу только одно сказать, что англичанки точно также метались, толпились, тормошились, не давали проходу другимъ знаменитостямъ: Кошуту, потомъ Гарибальди и пр.; но горе тѣмъ, кто хочетъ учиться хорошимъ манерамъ у англичанокъ и ихъ мужей!

Второй „знаменитый“ путешественникъ былъ тоже въ нѣкоторомъ смыслѣ „Промиѳей нашихъ дней,“ только что онъ свѣтъ кралъ не у Юпитера, а у людей. Этотъ Промиѳей, воспѣтый не Глинкою, а самимъ Пушкинымъ въ посланіи къ Лукуллу, былъ министръ народнаго просвѣщенія С. С. (еще не графъ) Уваровъ. Онъ удивлялъ насъ своимъ многоязычіемъ и разнообразіемъ всякой всячины, которую зналъ; настоящій сидѣлецъ за прилавкомъ просвѣщенія, онъ берегъ въ памяти обращики всѣхъ наукъ, ихъ казовые концы или лучше начала. При Александрѣ онъ писалъ либеральныя брошюрки по французски, потомъ переписывался съ Гёте по нѣмецки о греческихъ предметахъ. Сдѣлавшись министромъ, онъ толковалъ о славянской поэзіи IV столѣтія, на что Каченовскій ему замѣтилъ, что тогда впору было съ медвѣдями сражаться нашимъ праотцамъ, а не то, что пѣснопѣть о самоѳракійскихъ богахъ и самодержавномъ милосердіи. Въ родѣ патента, онъ носилъ въ карманѣ письмо отъ Гёте , въ которомъ Гёте ему сдѣлалъ прекурьезный комплиментъ, говоря: „Напрасно извиняетесь вы въ вашемъ слогѣ; вы достигли до того, до чего я не могъ достигнуть — вы забыли нѣмецкую грамматику.“

Вотъ этотъ-то дѣйствительный тайный Пикъ-де-ла Мирандоль завелъ новаго рода испытанія. Онъ велѣлъ отобрать лучшихъ студентовъ для того, чтобъ каждый изъ нихъ прочелъ по лекціи изъ своихъ предметовъ

вмѣсто профессора. Деканы, разумѣется, выбрали самыхъ бойкихъ.

Лекціи эти продолжались цѣлую недѣлю. Студенты должны были приготовляться на всѣ темы своего курса, деканъ вынималъ билетъ и имя. Уваровъ созвалъ всю московскую знать. Архимандриты и Сенаторы, генералъ губернаторъ и Ив. Ив. Дмитріевъ — всѣ были на лицо.

Мнѣ пришлось читать у Ловецкаго изъ минералогіи— и онъ уже умеръ!

Гдѣ нашъ старецъ Ланжеронъ!
Гдѣ нашъ старецъ Бенигсонъ,
И тебя уже не стало,
И тебя какъ не бывало!

Алексѣй Леонтьевичъ Ловецкій былъ высокій, тяжело двигавшійся, топорной работы мущина съ большимъ ртомъ и большимъ лицемъ, совершенно ничего не выражавшимъ. Снимая въ корридорѣ свою гороховую шинель, украшенную воротниками разнаго роста, какъ носили во время перваго консулата, — онъ, еще не входя въ аудиторію, начиналъ ровнымъ и безстрастнымъ (что очень хорошо шло къ каменному предмету его) голосомъ: „Мы заключили прошедшую лекцію, сказавъ все, что слѣдуетъ о кремнеземіи,“ потомъ онъ садился и продолжалъ: „о глиноземіи...“ У него были созданы неизмѣнныя рубрики для формулярныхъ списковъ каждаго минерала, отъ которыхъ онъ никогда не отступалъ; случалось, что характеристика иныхъ опредѣлялась отрицательно: „кристализація — не кристализуется, употребленіе — никуда не употребляется, польза—вредъ, приносимый организму...“

Впрочемъ, онъ не бѣжалъ ни поэзіи, ни нравственныхъ отмѣтокъ, и всякій разъ, когда показывалъ поддѣльные камни и разсказывалъ, какъ ихъ дѣлаютъ, онъ

прибавлялъ: „господа, это обманъ.“ Въ сельскомъ хозяйствѣ онъ находилъ *моральными* качествами хорошаго пѣтуха, если онъ „охотникъ пѣть и до куръ,“ и отличительнымъ свойствомъ аристократическаго барана, „плѣшивыя колѣнки.“ Онъ умѣлъ тоже трогательно повѣствовать, какъ мушки разсказывали, какъ онѣ въ прекрасный лѣтній день гуляли по дереву и были залиты смолой, сдѣлавшейся янтаремъ, и всякій разъ добавлялъ: „господа это прозопопея.“

Когда деканъ вызвалъ меня, публика была нѣсколько утомлена; двѣ математическія лекціи распространили унынie и грусть на людей, не понявшихъ ни одного слова. Уваровъ требовалъ что нибудь поживѣе и студента съ „хорошо-повѣшеннымъ языкомъ.“ Щепкинъ указалъ на меня.

Я взошелъ на каѳедру. Ловецкій сидѣлъ возлѣ неподвижно, положа руки на ноги, какъ Мемнонъ или Озирисъ, и боялся... Я шепнулъ ему, „экое счастье, что мнѣ пришлось у васъ читать, я васъ не выдамъ.“—„Не хвались идучи на рать...“ отпечаталъ, едва шевеля губами и не смотря на меня, почтенный профессоръ. Я чуть не захохоталъ, но когда я взглянулъ передъ собой, у меня зарябило въ глазахъ, я чувствовалъ что я поблѣднѣлъ и какая-то сухость покрыла языкъ. Я никогда прежде не говорилъ публично, аудиторія была полна студентами — они надѣялись на меня; подъ каѳедрой за столомъ „сильные міра сего“ и всѣ профессора нашего отдѣленія. Я взялъ вопросъ и прочелъ не своимъ голосомъ „о кристализаціи, ея условіяхъ, законахъ, формахъ.“

Пока я придумывалъ съ чего начать, мнѣ пришла счастливая мысль въ голову, если я и ошибусь, замѣтятъ можетъ профессора, но ни слова не скажутъ, дру-

гіе-же сами ничего не смыслятъ. а студенты — лишь бы я не срѣзался на полдорогѣ, будутъ довольны, потому что я у нихъ въ фаверѣ. И такъ во имя Гайюи, Вернера и Мичерлиха, я прочелъ свою лекцію—заключилъ ее философскими разсужденіями и все время относился и обращался къ студентамъ, а не къ министру. Студенты и профессора жали мнѣ руки и благодарили, Уваровъ водилъ представлять князю Голицыну — онъ сказалъ что-то одними гласными, такъ что я не понялъ. Уваровъ обѣщалъ мнѣ книгу въ знакъ памяти и никогда не присылалъ.

Второй разъ и третій я совсѣмъ иначе выходилъ на сцену. Въ 1836 году я представлялъ „Угара.“ а жена жандармскаго полковника „Марфу,“ при всемъ вятскомъ бо-мондѣ и при Тюфяевѣ. Съ мѣсяцъ времени мы дѣлали репетицію, а все таки сердце сильно билось и руки дрожали, когда мертвая тишина вдругъ замѣнила увертюру и занавѣсъ стала, какъ-то страшно пошевеливаясь, подниматься; мы съ Марѳой ожидали за кулисами начала. Ей было меня до того жаль, или до того она боялась, что я испорчу дѣло, что она мнѣ подала огромный стаканъ шампанскаго, но и съ нимъ я былъ едва живъ.

Съ легкой руки министра народнаго просвѣщенія и жандармскаго полковника, я уже безъ нервныхъ явленій и самолюбивой застѣнчивости явился на польскомъ митингѣ въ Лондонѣ, это былъ мой третій публичный дебютъ. Отставной министъ Уваровъ былъ замѣненъ отставнымъ министромъ Ледрю-Ролленомъ.

Но не довольно-ли студентскихъ воспоминаній? я боюсь, не старчество-ли это останавливаться на нихъ такъ долго; прибавлю только нѣсколько подробностей о холерѣ 1831 года.

Холера—это слово такъ знакомое теперь въ Европѣ, домашнее въ Россіи до того, что какой-то патріотическій поэтъ называетъ холеру единственной вѣрной, союзницей Николая — раздалось тогда въ первый разъ на Сѣверѣ. Все трепетало страшной заразы, подвигавшейся по Волгѣ къ Москвѣ. Преувеличенные слухи наполняли ужасомъ воображеніе. Болѣзнь шла капризно, останавливалась, перескакивала, казалось обошла Москву и вдругъ грозная вѣсть „Холера въ Москвѣ!“ — разнеслась по городу.

Утромъ одинъ студентъ политическаго отдѣленія почувствовалъ дурноту, на другой день онъ умеръ въ университетской больницѣ. Мы бросились смотрѣть его тѣло. Онъ исхудалъ какъ въ длинную болѣзнь, глаза ввалились, черты были искажены, возлѣ него лежалъ сторожъ занемогшій въ ночь.

Намъ объявили, что университетъ велѣно закрыть. Въ нашемъ отдѣленіи этотъ приказъ былъ прочтенъ профессоромъ технологіи Денисовымъ; онъ былъ грустенъ, можетъ быть испуганъ. На другой день къ вечеру умеръ и онъ.

Мы собрались изъ всѣхъ отдѣленій на большой университетскій дворъ; что-то трогательное было въ этой толпящейся молодежи, которой велѣно было разстаться передъ заразой. Лица были блѣдны, особенно одушевлены, многіе думали о родныхъ, друзьяхъ, мы простились съ казеннокоштными, которыхъ отъ насъ отдѣляли карантинными мѣрами и разбрелись небольшими кучками по домамъ. А дома всѣхъ встрѣтили вонючей хлористой извѣстью, уксусомъ четырехъ разбойниковъ, и такой діэтой, которая одна безъ хлору и холеры могла свести человѣка въ постель.

Странное дѣло, это печальное время осталось какимъ-то торжественнымъ въ моихъ воспоминаніяхъ.

Москва приняла совсѣмъ иной видъ. Публичность, неизвѣстная въ обыкновенное время, давала новую жизнь. Экипажей было меньше, мрачныя толпы народа стояли на перекресткахъ и толковали объ отравителяхъ; кареты, возившія больныхъ, шагомъ двигались, сопровождаемыя полицейскими; люди сторонились отъ черныхъ фуръ съ трупами. Бюльтени и болѣзни печатались два раза въ день. Городъ былъ оцѣпленъ какъ въ военное время и солдаты пристрѣлили какого-то бѣднаго дьячка, пробиравшагося черезъ рѣку. Все это сильно занимало умы, страхъ передъ болѣзнію отнялъ страхъ паредъ властями, жители роптали, а тутъ вѣсть за вѣстью—что тотъ-то занемогъ, что такой-то умеръ.....

Митрополитъ устроилъ общее молебствіе. Въ одинъ день и въ одно время священники съ хоругвями обходили свои приходы. Испуганные жители выходили изъ домовъ и бросались на колѣни во время шествія, прося со слезами отпущенія грѣховъ; самые священники, привыкшіе обращаться съ Богомъ за панибрата, были серьезны и тронуты. Доля ихъ шла въ Кремль; тамъ на чистомъ воздухѣ, окруженный высшимъ духовенствомъ, стоялъ колѣно-преклоненный митрополитъ и молился—да мимо идетъ чаша сія. На томъ-же мѣстѣ онъ молился объ убіеніи Декабристовъ шесть лѣтъ тому назадъ.

Филаретъ представлялъ какого-то оппозиціоннаго іерарха; во имя чего онъ дѣлалъ оппозицію, я никогда не могъ понять. Развѣ во имя своей личности. Онъ былъ человѣкъ умный и ученый, владѣлъ мастерски русскимъ языкомъ, удачно вводя въ него церковно-славянскій, все это вмѣстѣ не давало ему никакихъ

правъ на оппозицію. Народъ его не любилъ и называлъ масономъ, потому что онъ былъ въ близости съ княземъ А. Н. Голицынымъ и проповѣдывалъ въ Петербургѣ въ самый разгаръ библейскаго общества. Синодъ запретилъ учить по его катехизису. Подчиненное ему духовенство трепетало его деспотизма; можетъ именно по соперничеству они ненавидѣли другъ друга съ Николаемъ.

Филаретъ умѣлъ хитро и ловко унижать временную власть; въ его проповѣдяхъ просвѣчивалъ тотъ христіанскій, неопредѣленный соціализмъ, которымъ блистали Лакордеръ и другіе дальновидные католики. Филаретъ съ высоты своего первосвятительнаго амвона говорилъ о томъ, что человѣкъ никогда не можетъ быть *законно* орудіемъ другаго, что между людьми можетъ только быть обмѣна услугъ, и это говорилъ онъ въ государствѣ гдѣ полъ-населенія рабы.

Онъ говорилъ колодникамъ въ пересыльномъ острогѣ на Воробьевыхъ горахъ: „Гражданскій законъ васъ осудилъ и гонитъ, а церковь гонится за вами, хочетъ сказать еще слово, еще помолиться объ васъ и благословить на путь.“ Потомъ утѣшая ихъ, онъ прибавлялъ, „что они, наказанные, покончили съ своимъ прошедшимъ что имъ предстоитъ новая жизнь, въ то время какъ между другими (вѣроятно другихъ *кромѣ* чиновниковъ не было на лицо) есть еще бо́льшіе преступники,“ и онъ ставилъ въ примѣръ разбойника вмѣстѣ съ Христомъ.

Проповѣдь Филарета на молебствіи по случаю холеры превзошла всѣ остальныя; онъ взялъ текстомъ, какъ ангелъ предложилъ въ наказаніе Давиду избрать войну, голодъ или чуму; Давидъ избралъ чуму. Государь пріѣхалъ въ Москву взбѣшенный, послалъ министра двора князя Волхонскаго намылить Филарету голову и грозился его отправить митрополитомъ въ Грузію. Митро-

политъ смиренно покорился и разослалъ новое слово по всѣмъ церквамъ, въ которомъ пояснялъ, что напрасно стали бы искать какое-нибудь приложеніе въ текстѣ первой проповѣди къ благочестивѣйшему императору, что Давидъ это мы сами, погрязнувшіе въ грѣхахъ. Разумѣется тогда и тѣ поняли первую проповѣдь, которые не добрались до ея смысла сразу.

Такъ игралъ въ оппозицію московскій митрополитъ.

Молебствіе такъ-же мало помогло отъ заразы, какъ хлористая известь; болѣзнь увеличивалась.

Я былъ все время жесточайшей холеры 1849 въ Парижѣ. Болѣзнь свирѣпствовала страшно. Іюньскіе жары ей помогали, бѣдные люди мерли какъ мухи; мѣщане бѣжали изъ Парижа, другіе сидѣли на заперти. Правительство, исключительно занятое своей борьбой противъ революціонеровъ, не думало брать дѣятельныхъ мѣръ. Тщедушныя колекты были несоразмѣрны требованіямъ. Бѣдные работники оставались покинутыми на произволъ судьбы, въ больницахъ не было довольно кроватей, у полиціи не было достаточно гробовъ, и въ домахъ, битькомъ набитыхъ разными семьями, тѣла оставались дни по два во внутреннихъ комнатахъ.

Въ Москвѣ было не такъ.

Князь Д. В. Голицынъ, тогдашній генералъ-губернаторъ, человѣкъ слабый, но благородный, образованный и очень уважаемый, увлекъ московское общество и какъ-то все уладилось по домашнему, т. е. безъ особеннаго вмѣшательства правительства. Составился комитетъ изъ почетныхъ жителей—богатыхъ помѣщиковъ и купцовъ. Каждый членъ взялъ себѣ одну изъ частей Москвы. Въ нѣсколько дней было открыто двадцать больницъ, они не стоили правительству ни копѣйки, все было сдѣлано на пожертвованныя деньги. Купцы давали да-

ромъ все что нужно для больницъ — одѣяла, бѣлье и теплую одежду, которую оставляли выздоравливавшимъ. Молодые люди шли даромъ въ смотрители больницъ, для того чтобъ приношенія не были на половину украдены служащими.

Университетъ не отсталъ. Весь медицинскій факультетъ студенты и лекаря en masse привели себя въ распоряженіе холернаго комитета; ихъ разослали по больницамъ и они остались тамъ безвыходно до конца заразы. Три или четыре мѣсяца эта чудная молодежь прожила въ больницахъ ординаторами, фельшерами, сидѣлками, письмоводителями — и все это безъ всякаго вознагражденія и притомъ въ то время, когда такъ преувеличенно боялись заразы. Я помню одного студента малороссіянина, кажется Фицхелаурова, который въ началѣ холеры просился въ отпускъ по важнымъ семейнымъ дѣламъ. Отпускъ во время курса даютъ рѣдко, онъ наконецъ получилъ его; въ самое то время какъ онъ собирался ѣхать, студенты отправлялись по больницамъ. Малороссіянинъ положилъ свой отпускъ въ карманъ и пошелъ съ ними. Когда онъ вышелъ изъ больницы, отпускъ былъ давно просроченъ — и онъ первый отъ души хохоталъ надъ своей поѣздкой.

Москва, по видимому сонная и вялая, занимающаяся сплетнями и богомольемъ, свадьбами и ничѣмъ — просыпается всякій разъ, когда надобно и становится въ уровень съ обстоятельствами, когда надъ Русью гремитъ гроза.

Она въ 1612 году кроваво обвѣнчалась съ Россіей и сплавилась съ нею огнемъ 1812.

Она склонила голову передъ Петромъ, потому что въ звѣриной лапѣ его была будущность Россіи. Но она съ ропотомъ и презрѣніемъ приняла въ своихъ стѣнахъ

женщину, обагренную кровью своего мужа, эту Леди Макбетъ безъ раскаянія, эту Лукрецію Борджію безъ итальянской крови, русскую царицу нѣмецкаго происхожденія — и она тихо удалилась изъ Москвы, хмуря брови и надувая губы.

Хмуря брови и надувая губы, ждалъ Наполеонъ ключей Москвы у Драгомиловской заставы, нетерпѣливо играя мундштукомъ и теребя перчатку. Онъ не привыкъ одинъ входить въ чужіе города.

„Но не пошла Москва моя."

Какъ говоритъ Пушкинъ — а зажгла самое себя.

Явилась холера и снова народный городъ показался полнымъ сердца и энергіи!

Въ 1830. въ Августѣ, мы поѣхали въ Васильевское, останавливались, по обыкновенію, въ радклифовскомъ замкѣ Перхушкова, и собирались, покормивши себя и лошадей — ѣхать далѣе. Бакай, подпоясанный полотенцомъ уже прокричалъ „трогай!" — какъ какой-то человѣкъ, скакавшій верхомъ, далъ знакъ, чтобъ мы остановились и форейторъ Сенатора въ пыли и поту, соскочилъ съ лошади и подалъ моему отцу пакетъ. Въ этомъ пакетѣ была *Іюльская революція!* — Два листа Journal des Debats, которые онъ привезъ съ письмомъ, я перечиталъ сто разъ, я ихъ зналъ напзусть—и первый разъ скучалъ въ деревнѣ.

Славное было время, событія неслись быстро. Едва худощавая фигура Карла X успѣла скрыться за туманами Голируда, Бельгія вспыхнула, тронъ короля-гражданина качался, какое-то горячее, революціонное дуновеніе началось въ преніяхъ, въ литературѣ. Романы, драмы, поэмы, все снова сдѣлалось пропагандой, борьбой.

Тогда орнаментальная, декоративная часть революціонныхъ постановокъ во Франціи намъ была неизвѣстна, и мы все принимали за чистые деньги.

Кто хочетъ знать, какъ сильно дѣйствовала на молодое поколѣніе вѣсть Іюльскаго переворота, пусть тотъ прочтетъ описаніе Гейне, услышавшаго на Гельголандѣ, „что великій, языческій Панъ умеръ.“ Тутъ нѣтъ поддѣльнаго жара, Гейне тридцати лѣтъ былъ также увлеченъ, также одушевленъ до ребячества, какъ мы восемнадцати.

Мы слѣдили шагъ за шагомъ, за каждымъ словомъ, за каждымъ событіемъ, за смѣлыми вопросами и рѣзкими отвѣтами, за генераломъ Лафайетомъ и за генераломъ Ламаркомъ, мы не только подробно знали, но горячо любили всѣхъ тогдашнихъ дѣятелей, разумѣется радикальныхъ, и хранили у себя ихъ портреты отъ Манюеля и Бенжаменъ Констан'а, до Дюпонъ-де-Лёра и Арманъ Карель.

Середь этого разгара вдругъ какъ бомба, разорвавшаяся возлѣ, оглушила насъ вѣсть о варшавскомъ возстаніи. Это ужъ не далеко, это дома, и мы смотрѣли другъ на друга со слезами на глазахъ, повторяя любимое:

Nein! es sind keine leere Traume!

Мы радовались каждому пораженію Дибича, не вѣрили неуспѣхамъ поляковъ, и я тотчасъ прибавилъ въ свой иконостасъ портретъ Ѳаддѣя Костюшки.

Въ самое это время, я видѣлъ во второй разъ Николая, и тутъ лице его еще сильнѣе врѣзалось въ мою память. Дворянство ему давало балъ, я былъ на хорахъ собранія, и могъ до сыта насмотрѣться на него. Онъ еще тогда не носилъ усовъ, лице его было молодо,

но перемѣна въ его чертахъ со времени коронаціи поразила меня. Угрюмо стоялъ онъ у колонны, свирѣпо и холодно смотрѣлъ передъ собой, ни на кого не глядя. Онъ похудѣлъ. Въ этихъ чертахъ, за этими оловянными глазами, ясно можно было понять судьбу Польши, да и Россіи. Онъ былъ потрясенъ, *испуганъ*, онъ усомнился*) въ прочности трона, и готовился мстить за выстраданное имъ, за страхъ и сомнѣніе.

*) Вотъ что разсказываетъ Денисъ Давыдовъ въ своихъ запискахъ: Государь сказалъ однажды А. П. Ермолову: „Во время польской войны, я находился одно время въ ужаснѣйшемъ положеніи. Жена моя была на сносѣ, въ Новгородѣ вспыхнулъ бунтъ, при мнѣ оставались лишь два эскадрона кавалергардовъ, извѣстія изъ арміи доходили до меня лишь черезъ Кенигсбергъ. Я нашелся вынужденнымъ окружить себя выпущенными изъ госпиталя солдатами.“

Записки партизана не оставляютъ никакого сомнѣнія, что Николай, какъ Аракчеевъ, какъ всѣ бездушно-жестокосердые и мстительные люди — былъ *трусъ*. Вотъ что разсказывалъ Давыдову — генералъ Чеченскій: „Вы знаете, что я умѣю цѣнить мужество, а потому вы повѣрите моимъ словамъ. Находясь 14 Декабря близъ государя, я во все время наблюдалъ за нимъ. Я васъ могу увѣрить честнымъ словомъ, что у государя, бывшаго во все время весьма *блѣднымъ, душа была въ пяткахъ*.

А вотъ что разсказываетъ самъ Давыдовъ. „Во время бунта на Сѣнной, государь прибылъ въ столицу лишь на *второй* день, когда уже все успокоилось. Государь былъ въ Петергофѣ и какъ-то самъ случайно проговорился, „мы съ Волконскимъ стояли во весь день на курганѣ въ саду и прислушивались, не раздаются ли со стороны Петербурга пушечные выстрѣлы.“ Вмѣсто озабоченнаго прислушиванія въ саду, и безпрерывныхъ отправокъ курьеровъ въ Петербургъ, добавляетъ Давыдовъ, онъ долженъ былъ лично поспѣшить туда; такъ поступилъ бы всякій, мало мальски мужественный человѣкъ. На слѣдующій день (когда все было усмирено), государь въѣхавъ въ колескѣ въ толпу наполнявшую площадь, онъ закричалъ ей: „На колѣни!“ и толпа поспѣшно исполнила его приказаніе. Государь, увидѣвъ нѣсколько лицъ одѣтыхъ въ партикулярныхъ платьяхъ (въ числѣ слѣдовавшихъ за экипажемъ), *вообразилъ*, что это были лица подозрительные, приказалъ взять этихъ несчастныхъ на гауптвахты и, обратившись къ народу, сталъ кричать: „Это все

Съ покоренія Польши, всѣ задержанныя злобы этого человѣка распустились. Вскорѣ почувствовали это и мы.

Сѣть шпіонства, обведенная около университета съ начала царствованія, стала затягиваться. Въ 1832 году *пропалъ* полякъ, студентъ нашего отдѣленія. Присланный на казенный счетъ, не по своей волѣ, онъ былъ помѣщенъ въ нашъ курсъ, мы познакомились съ нимъ, онъ велъ себя скромно и печально, никогда мы не слыхали отъ него ни одного рѣзкаго слова, но никогда не слыхали и ни одного слабаго. Однимъ утромъ его не было на лекціяхъ, на другой день — тоже нѣтъ. Мы стали спрашивать, казеннокоштные студенты сказали намъ по секрету, что за нимъ приходили ночью, что его позвали въ правленіе, потомъ являлись какіе-то люди за его бумагами и пожитками и не велѣли объ этомъ говорить. Тѣмъ и кончилось, *мы никогда не слыхали ничего о судьбѣ этого несчастнаго молодаго человѣка.**)

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, вдругъ разнесся въ аудиторіи слухъ, что схвачено ночью нѣсколько человѣкъ студентовъ, — называли *Костенецкаго*, *Кольрейфа*, *Антоновича* и другихъ; мы ихъ знали коротко, всѣ они были превосходные юноши. Кольрейфъ, сынъ протестантскаго пастора, былъ чрезвычайно даровитый музыкантъ. Надъ ними была назначена *военносудная коммиссія;* въ переводѣ это значило, что ихъ обрекли на гибель. Всѣ мы лихорадочно ждали, что съ ними будетъ, но и они сначала какъ будто канули въ воду. Буря ломавшая поднимавшіеся всходы была возлѣ. Мы уже не

подлые полячишки, они васъ подбили.“ Подобная неумѣстная выходка, совершенно испортила по моему мнѣнію результаты.“ — Каковъ гусь былъ этотъ Николай?

*) А гдѣ Критскіе? Что они сдѣлали, кто ихъ судилъ? На что ихъ осудили?

то, что чуяли ея приближеніе — а слышали, видѣли, и жались тѣснѣе и тѣснѣе другъ къ другу.

Опасность поднимала еще болѣе наши раздраженные нервы, заставляла сильнѣе биться сердца, и съ большей горячностью любить другъ друга. Насъ было пятеро сначала, тутъ мы встрѣтились съ Пассекомъ.

Въ Вадимѣ для насъ было много новаго. Мы всѣ, съ небольшими варіаціями, имѣли сходное развитіе, т. е. ничего не знали кромѣ Москвы и деревни, учились по тѣмъ-же книгамъ, и брали уроки у тѣхъ-же учителей, воспитывались дома или въ университетскомъ пансіонѣ. Вадимъ родился въ Сибири, во время ссылки своего отца, въ нуждѣ и лишеніяхъ; его училъ самъ отецъ, онъ выросъ въ многочисленной семьѣ братьевъ и сестеръ, въ гнетущей бѣдности, но на полной волѣ. Сибирь кладетъ свой отпечатокъ, вовсе не похожій на нашъ провинціальный; онъ далеко не такъ пошлъ и мелокъ, онъ обличаетъ больше здоровья и лучшій закалъ. Вадимъ былъ дичекъ въ сравненіи съ нами. Его удаль была другая, не наша, богатырская, иногда заносчивая; аристократизмъ несчастія развилъ въ немъ особое самолюбіе; но онъ много умѣлъ любить и другихъ и отдавался имъ не скупясь. Онъ былъ отваженъ, даже неосторожень до излишества — человѣкъ, родившійся въ Сибири, и притомъ въ семьѣ сосланной, имѣетъ уже то преимущество передъ нами, что не боится Сибири.

Вадимъ, по наслѣдству, ненавидѣлъ ото всей души самовластье и крѣпко прижалъ насъ къ своей груди, какъ только встрѣтился. Мы сблизились очень скоро. Впрочемъ, въ то время, ни церемоній, ни благоразумной осторожности, ничего подобнаго не было въ нашемъ кругѣ.

— Хочешь познакомиться съ К., о которомъ ты столько слышалъ? — говоритъ мнѣ Вадимъ.

— Непремѣнно хочу.

— Приходи завтра въ семь часовъ вечера, да не опоздай, — онъ будетъ у меня.

Я прихожу — Вадима нѣтъ дома. Высокій мущина съ выразительнымъ лицемъ и добродушно-грознымъ взглядомъ изъ подъ очковъ, дожидается его. Я беру книгу—онъ беретъ книгу. Да вы, говоритъ онъ, раскрывая ее — вы Герценъ?

— Да, а вы К.?

Начинается разговоръ — живѣй, живѣй... Позвольте, грубо перебиваетъ меня К., позвольте, — сдѣлайте одолженіе, говорите мнѣ *ты*.

— Будемъ-те говорить *ты*.

И съ этой минуты (которая могла быть въ концѣ 1831 г.), мы были неразрывными друзьями; съ этой минуты гнѣвъ и милость, смѣхъ и крикъ К. раздаются во всѣ наши возрасты, во всѣхъ приключеніяхъ нашей жизни.

Встрѣча съ Вадимомъ ввела новый элементъ въ нашу запорожскую сѣчь.

Собирались мы, по прежнему, всего чаще у Огарева. Больной отецъ его переѣхалъ на житье въ свое пензенское имѣнье. Онъ жилъ одинъ въ нижнемъ этажѣ ихъ дома у Никитскихъ воротъ. Квартира его была недалеко отъ университета и въ нее особенно всѣхъ тянуло. Въ Огаревѣ было то магнитное притяженіе, которое образуетъ первую стрѣлку кристализаціи во всякой массѣ безпорядочно встрѣчающихся атомовъ, если только они имѣютъ между собою сродство. Брошенные куда бы то ни было, они становятся незамѣтно сердцемъ организма.

Но рядомъ съ его свѣтлой, веселой комнатой, обитой красными обоями съ золотыми полосками, въ которой не проходилъ дымъ сигаръ, запахъ сженки, и другихъ..... я хотѣлъ сказать, яствъ и питій, но остановился, потому что изъ съѣстныхъ припасовъ, кромѣ сыру, рѣдко что было — и такъ, рядомъ съ ультра-студенческимъ пріютомъ Огарева, гдѣ мы спорили цѣлыя ночи на пролетъ, а иногда цѣлыя ночи кутили, дѣлался у насъ больше и больше любимымъ другой домъ, въ которомъ мы чуть-ли не впервые научились уважать семейную жизнь.

Вадимъ часто оставлялъ наши бесѣды и уходилъ домой, ему было скучно, когда онъ не видалъ долго сестеръ и матери. Намъ, жившимъ всей душою въ товариществѣ, было странно, какъ онъ могъ предпочитать свою семью — нашей.

Онъ познакомилъ насъ съ нею. Въ этой семьѣ все носило слѣды царскаго *посѣщенія*, она вчера пришла изъ Сибири, она была раззорена, замучена, и вмѣстѣ съ тѣмъ полна того величія, которое кладетъ несчастіе не на *каждаго* страдальца, а на чело тѣхъ, которые *умѣли* вынести.

Ихъ отецъ былъ схваченъ при Павлѣ вслѣдствіе какого то политическаго доноса, брошенъ въ Шлюсельбургъ и потомъ сосланъ въ Сибирь на поселенье. Александръ возвратилъ тысячи сосланныхъ безумнымъ отцомъ его, но Пассекъ былъ *забытъ*. Онъ былъ племянникъ того Пассека, который участвовалъ въ убійствѣ Петра III, потомъ былъ генералъ-губернаторомъ въ польскихъ провинціяхъ и *могъ требовать* долю наслѣдства, уже перешедшаго въ другія руки, эти-то другія руки и задержали его въ Сибири.

Содержась въ Шлюсельбургѣ, Пассекъ женился на

дочери одного изъ офицеровъ тамошняго гарнизона. Молодая дѣвушка знала, что дѣло кончится дурно, но не остановилась устрашенная ссылкой. Сначала они въ Сибири кой-какъ перебивались, продавая послѣднія вещи, но страшная бѣдность шла неотразимо и тѣмъ скорѣе, что семья росла числомъ. Въ нуждѣ, въ работѣ, лишенные теплой одежды, а иногда насущнаго хлѣба, они умѣли выходить, вскормить цѣлую семью львенковъ; отецъ передалъ имъ неукротимый и гордый духъ свой, вѣру въ себя, тайну великихъ несчастій, онъ воспиталъ ихъ примѣромъ; мать самоотверженіемъ и горькими слезами. Сестры не уступали братьямъ въ героической твердости. Да, чего бояться словъ — это была семья героевъ. Что они всѣ вынесли другъ для друга, что они дѣлали для семьи — невѣроятно, и все съ поднятой головой, нисколько не сломившись.

Въ Сибири у трехъ сестеръ была какъ-то одна пара башмаковъ; онѣ ее берегли для прогулки, чтобъ посторонніе не видали крайности.

Въ началѣ 1826 года, Пессеку было разрѣшено возвратиться въ Россію. Дѣло было зимой; шутка-ли подняться съ такой семьей безъ шубъ, безъ денегъ, изъ тобольской губерніи, а съ другой стороны сердце рвалось, ссылка всего невыносимѣе послѣ ея окончанія. Поплелись наши страдальцы кой-какъ; кормилица крестьянка, кормившая кого-то изъ дѣтей во время болѣзни матери, принесла свои деньги кой-какъ сколоченныя ею, имъ на дорогу, прося только, чтобъ и ее взяли; ямщики провезли ихъ до русской границы за безцѣнокъ или даромъ; часть семьи шла, другая ѣхала, молодежь смѣнялась, такъ они перешли дальній зимній путь отъ уральскаго хребта до Москвы. Москва была мечтою молодежи, ихъ надеждой—тамъ ихъ ждалъ голодъ.

Правительство, прощая Пассековъ, и не думало имъ возвратить какую-нибудь долю имѣнья. Истощенный усиліями и лишеніями старикъ слегъ въ постель; не знали, чѣмъ будутъ обѣдать завтра.

Въ это время Николай праздновалъ свою коронацію, пиры слѣдовали за пирами, Москва была похожа на тяжело убранную бальную залу, вездѣ огни, щиты, наряды... Двѣ старшихъ сестры, ни съ кѣмъ не совѣтуясь, пишутъ просьбу Николаю, разсказываютъ о положеніи семьи, просятъ пересмотръ дѣла и возвращеніе имѣнья. Утромъ, онѣ тайкомъ оставляютъ домъ, идутъ въ Кремль, пробиваются впередъ и ждутъ „вѣнчаннаго и превознесеннаго“ царя. Когда Николай сходилъ со ступеней краснаго крыльца, двѣ дѣвушки тихо выступили впередъ и подняли просьбу. Онъ прошелъ мимо, сдѣлавъ видъ, что не замѣчаетъ ихъ; какой-то флигель-адъютантъ взялъ бумагу, полиція повела ихъ на съѣзжую.

Николаю тогда было около тридцати лѣтъ и онъ уже былъ способенъ къ такому бездушію. Этотъ холодъ, эта выдержка принадлежатъ натурамъ рядовымъ, мелкимъ, кассирамъ, экзекуторамъ. Я часто замѣчалъ эту *непоколебимую* твердость характера у почтовыхъ экспедиторовъ, у продавцевъ театральныхъ мѣстъ, билетовъ на желѣзной дорогѣ, у людей, которыхъ безпрестанно тормошатъ и которымъ ежеминутно мѣшаютъ; они умѣютъ не видѣть человѣка, глядя на него, и не слушать его, стоя возлѣ. А этотъ самодержавный экспедиторъ съ чего выучился не смотрѣть и какая необходимость не опоздать минутой на разводъ?

Дѣвушекъ продержали въ части до вечера. Испуганныя, оскорбленныя, онѣ слезами убѣдили частнаго пристава отпустить ихъ домой, гдѣ отсутствіе ихъ должно

было переполошить всю семью. По просьбѣ ничего не было сдѣлано.

Не вынесъ больше отецъ, съ него было довольно, онъ умеръ. Остались дѣти одни съ матерью, кой-какъ перебиваясь съ дня на день. Чѣмъ больше было нуждъ, тѣмъ больше работали сыновья; трое блестящимъ образомъ окончили курсъ въ университетѣ и вышли кандидатами. Старшіе уѣхали въ Петербургъ, оба отличные математики, они сверхъ службы (одинъ во флотѣ, другой въ инженерахъ) давали уроки и, отказывая себѣ во всемъ, посылали въ семью вырученныя деньги.

Живо помню я старушку мать въ ея темномъ капотѣ и бѣломъ чепцѣ; худое блѣдное лицо ея было покрыто морщинами, она казалась съ виду гораздо старше, чѣмъ была, одни глаза нѣсколько отстали, въ нихъ было видно столько кротости, любви, заботы и столько прошлыхъ слезъ. Она была влюблена въ своихъ дѣтей, она была ими богата, знатна, молода... она читала и перечитывала намъ ихъ письма, она съ такимъ свято глубокимъ чувствомъ говорила о нихъ своимъ слабымъ голосомъ, который иногда измѣнялся и дрожалъ отъ удержанныхъ слезъ.

Когда они всѣ бывали въ сборѣ въ Москвѣ и садились за свой простой обѣдъ, старушка была внѣ себя отъ радости, ходила около стола, хлопотала и, вдругъ останавливаясь, смотрѣла на свою молодежь съ такою гордостью, съ такимъ счастіемъ и потомъ поднимала на меня глаза, какъ будто спрашивая: „не правда-ли какъ они хороши?“ — Какъ въ эти минуты мнѣ хотѣлось броситься ей на шею, поцаловать ея руку. И къ тому же они дѣйствительно всѣ были даже наружно очень красивы.

Она была счастлива тогда... Зачѣмъ она не умерла за однимъ изъ этихъ обѣдовъ?

Въ два года она лишилась трехъ старшихъ сыновей. Одинъ умеръ блестяще, окруженный признаніемъ враговъ, середь успѣховъ, славы, хотя и не за свое дѣло сложилъ голову. Это былъ молодой генералъ, убитый Черкесами подъ Дарго. Лавры не лечатъ сердца матери... Другимъ даже не удалось хорошо погибнуть; тяжелая русская жизнь давила ихъ, давила — пока продавила грудь.

Бѣдная мать! И бѣдная Россія!

Вадимъ умеръ въ февралѣ 1843 г., я былъ при его кончинѣ и тутъ въ первый разъ видѣлъ смерть близкаго человѣка и притомъ во всемъ не смягченномъ ужасѣ ея, во всей безсмысленной случайности, во всей тупой, безнравственной несправедливости.

Десять лѣтъ передъ своей смертью, Вадимъ женился на моей кузинѣ и я былъ шаферомъ на свадьбѣ. Семейная жизнь и перемѣна быта развели насъ нѣсколько. Онъ былъ счастливъ въ своемъ a parte, но внѣшняя сторона жизни не давалась ему, его предпріятія не шли. Не за долго до нашего ареста онъ поѣхалъ въ Харьковъ, гдѣ ему была обѣщана каѳедра въ университетѣ. Его поѣздка хотя и спасла его отъ тюрьмы, но имя его не ускользнуло отъ полицейскихъ ушей. Вадиму отказали въ мѣстѣ. Товарищъ попечителя признался ему что они получили бумагу, въ силу которой, имъ не велѣно ему давать каѳедры, за извѣстные правительству связи его съ *злоумышленными людьми*.

Вадимъ остался безъ мѣста, т. е. безъ хлѣба — вотъ его Вятка.

Насъ сослали. Сношенія съ нами были опасны. Черные годы нужды наступили для него, въ семилѣтней

борьбѣ съ добываніемъ скудныхъ средствъ, въ оскорбительныхъ столкновеніяхъ съ людьми грубыми и черствыми, вдали отъ друзей, безъ возможности перекликнуться съ ними; здоровые мышцы его изнывались.

— Разъ,—сказывала мнѣ его жена потомъ—у насъ вышли всѣ деньги до послѣдней копѣйки; на канунѣ я старалась достать гдѣ-нибудь рублей десять, нигдѣ не нашла, у кого можно было занять нѣсколько, я уже заняла. Въ лавочкахъ отказались давать припасы иначе, какъ на чистыя деньги; мы думали объ одномъ — что-же завтра будутъ ѣсть дѣти? Печально сидѣлъ Вадимъ у окна, потомъ всталъ, взялъ шляпу и сказалъ, что хочетъ пройтиться. Я видѣла, что ему очень тяжело, мнѣ было страшно, но все-же я радовалась, что онъ нѣсколько разсѣется. Когда онъ ушелъ, я бросилась на постель, и горько, горько плакала, потомъ стала думата что дѣлать — всѣ сколько-нибудь цѣнныя вещи — кольцы, ложки давно были заложены; я видѣла одинъ выходъ, приходилось идти къ *нашимъ*, и просить ихъ тяжелой, холодной помощи. Между тѣмъ Вадимъ бродилъ безъ опредѣленной цѣли по улицамъ и такъ дошелъ до Петровскаго бульвара. Проходя мимо лавки Ширяева, ему пришло въ голову спросить, не продалъли онъ хоть одинъ экземпляръ его книги; онъ былъ дней пять передъ тѣмъ, но ничего не нашелъ; со страхомъ взошелъ онъ въ его лавку. „Очень радъ васъ видѣть, сказалъ ему Ширяевъ, отъ Петербургскаго корреспондента письмо, онъ продалъ на 300 рублей вашихъ книгъ, желаете получить?“ — И Ширяевъ отсчиталъ ему пятнадцать золотыхъ. Вадимъ потерялъ голову отъ радости, бросился въ первый трактиръ за съѣстными припасами, купилъ бутылку вина, фруктъ и торжественно прискакалъ на извощикѣ домой. Я въ это

время разбавила водой остатокъ бульона для дѣтей, и думала удѣлить ему немного, увѣрившись его что я уже ѣла, какъ вдругъ онъ входитъ съ кулькомъ и бутылкой, веселый и радостный какъ бывало.

И она рыдала и не могла выговорить ни слова...

Послѣ ссылки я его мелькомъ встрѣтилъ въ Петербургѣ и нашелъ его очень измѣнившимся. Убѣжденія свои онъ сохранилъ, но онъ ихъ сохранилъ, какъ воинъ не выпускаетъ меча изъ руки, чувствуя что самъ раненъ на вылетъ. Онъ былъ задумчивъ, изнуренъ и сухо смотрѣлъ впередъ. Такимъ я его засталъ въ Москвѣ въ 1842 году, обстоятельства его нѣсколько поправились, труды его были оцѣнены, но все это пришло поздно — это эполеты Полежаева, это прощеніе Кольрейфа — сдѣланное не русскимъ царемъ, а русской жизнію.

Вадимъ таялъ, туберкулезная чахотка открылась осенью 1842 года, страшная болѣзнь, которую мнѣ привелось еще разъ видѣть.

За мѣсяцъ до его смерти я съ ужасомъ сталъ примѣчать, что умственныя способности его тухнутъ, слабѣютъ, точно догорающія свѣчи, въ комнатѣ становилось тѣмнѣе, смутнѣе. Онъ вскорѣ сталъ съ трудомъ и усиліемъ пріискивать слово для нескладной рѣчи, останавливался на внѣшнихъ созвучіяхъ, потомъ онъ почти и не говорилъ, а только заботливо спрашивалъ свои лекарства и не пора-ли принять.

Одной февральской ночью часа въ три, жена Вадима прислала за мной; больному было тяжело, онъ спрашивалъ меня, я подошелъ къ нему и тихо взялъ его за руку, его жена назвала меня, онъ посмотрѣлъ долго, устало, не узналъ и закрылъ глаза. Привели дѣтей, онъ посмотрѣлъ на нихъ, но тоже кажется не узналъ. Стонъ

его становился тѣжелѣе, онъ утихалъ минутами и вдругъ продолжительно вздыхалъ съ крикомъ; тутъ въ ближней церкви ударили въ колоколъ; Вадимъ прислушался и сказалъ „Это заутреня.“ Больше онъ не произнесъ ни одного слова... Жена рыдала на колѣняхъ у кровати возлѣ покойника; добрый, милый молодой человѣкъ изъ университетскихъ товарищей, ходившій послѣднее время за нимъ, суетился, отодвигалъ столъ съ лекарствами, поднималъ сторы... я вышелъ вонъ, на дворѣ было морозно и свѣтло, восходящее солнце ярко свѣтило на снѣгъ, точно будто сдѣлалось что-нибудь хорошее; я отправился заказывать гробъ.

Когда я возвратился, въ маленькомъ домѣ царила мертвая тишина, покойникъ по русскому обычаю лежалъ на столѣ въ залѣ, поодаль сидѣлъ живописецъ Рабусъ, его пріятель и карандашомъ сквозь слезъ снималъ его портретъ; возлѣ покойника, молча, сложа руки, съ выраженіемъ безконечной грусти стояла высокая женская фигура; ни одинъ артистъ не съумѣлъ бы изваять такую благородную и глубокую „Скорбь.“ Женщина эта была не молода, но слѣды строгой, величавой красоты остались; завернутая въ длинную черную бархатную мантилью на горностаевомъ мѣху, она стояла неподвижно.

Я остановился въ дверяхъ.

Прошли двѣ-три минуты, таже тишина, но вдругъ она поклонилась, крѣпко поцаловала покойника въ лобъ и сказавъ „Прощай! прощай другъ Вадимъ,“ твердыми шагами пошла во внутреннія комнаты, Рабусъ все рисовалъ, онъ кивнулъ мнѣ головой, говорить намъ не хотѣлось, я молча сѣлъ у окна.

Женщина эта была сестра графа Захара Чернышева, сосланнаго за 14 Декабря, Е. Черткова.

Симоновскій архимандритъ Мелхиседекъ самъ предложилъ мѣсто въ своемъ монастырѣ. Мелхиседекъ былъ нѣкогда простой плотникъ и отчаянный раскольникъ, потомъ обратился къ православію, пошелъ въ монахи, сдѣлался игумномъ и наконецъ архимандритомъ. При этомъ онъ остался плотникомъ, т. е. не потерялъ ни сердца, ни широкихъ плечъ, ни краснаго, здороваго лица. Онъ зналъ Вадима и уважалъ его за его историческія изысканія о Москвѣ.

Когда тѣло покойника явилось передъ монастырскими воротами, онѣ отворились и вышелъ Мелхиседекъ со всѣми монахами встрѣтить тихимъ, грустнымъ пѣніемъ бѣдный гробъ страдальца и проводить до могилы. Недалеко отъ могилы Вадима покоится другой прахъ дорогой намъ, прахъ Веневитинова съ надписью: „Какъ зналъ онъ жизнь, какъ мало жилъ!“ Много зналъ и Вадимъ жизнь!

Судьбѣ и этого было мало. Зачѣмъ въ самомъ дѣлѣ такъ долго зажилась старушка мать? Видѣла конецъ ссылки, видѣла своихъ дѣтей во всей красотѣ юности, во всемъ блескѣ таланта, чего было жить еще! Кто дорожитъ счастіемъ, тотъ долженъ искать ранней смерти. Хроническаго счастья также нѣтъ, какъ нетающаго льда.

Старшій братъ Вадима умеръ, нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ того, какъ Діомидъ былъ убитъ, онъ простудился, запустилъ болѣзнь, подточенный организмъ не вынесъ. Врядъ было-ли ему сорокъ лѣтъ, а онъ былъ старшій.

Эти три гроба, трехъ друзей, отбрасываютъ назадъ длинныя, черныя тѣни; послѣдніе мѣсяцы юности виднѣются сквозь погребальный крепъ и дымъ кадилъ...

Прошло съ годъ, дѣло взятыхъ товарищей окончи-

лось. Ихъ обвинили (какъ впослѣдствіи насъ, потомъ Петрашевцевъ) въ *намѣреніи* составить тайное общество, въ преступныхъ разговорахъ; за это ихъ отправляли въ солдаты, въ Оренбургъ. Одного изъ подсудимыхъ Николай отличилъ—*Сунгурова*. Онъ уже кончилъ курсъ и былъ на службѣ, женатъ и имѣлъ дѣтей; его приговорили къ лишенію правъ состоянія и ссылкѣ въ Сибирь.

„Что могли сдѣлать нѣсколько молодыхъ студентовъ? Напрасно они погубили себя!“ Все это основательно, и люди разсуждающіе такимъ образомъ должны быть довольны *благоразуміемъ* русскаго юношества, слѣдовавшаго за нами. Послѣ нашей исторіи, шедшей вслѣдъ за Сунгуровской, и до исторіи Петрашевскаго, прошло спокойно *пятнадцать лѣтъ*, именно тѣ пятнадцать, отъ которыхъ едва начинаетъ оправляться Россія и отъ которыхъ сломились два поколѣнія: старое, потерявшееся въ буйствѣ, и молодое, отравленное съ дѣтства, котораго квелыхъ представителей мы теперь видимъ.

Послѣ Декабристовъ, всѣ попытки основывать общества не удавались дѣйствительно; бѣдность силъ, неясность цѣлей, указывали на необходимость другой работы, — предварительной, внутренней. Все это такъ.

Но что же это была бы за молодежь, которая могла бы, въ ожиданіи теоретическихъ рѣшеній, спокойно смотрѣть на то, что дѣлалось вокругъ, на сотни поляковъ, гремѣвшихъ цѣпями по владимірской дорогѣ, на крѣпостное состояніе, на солдатъ, засѣкаемыхъ на ходынскомъ полѣ какимъ нибудь генераломъ Лашкевичемъ, на студентовъ-товарищей пропадавшихъ безъ вѣсти. Въ нравственную очистку поколѣнія, въ залогъ будущаго, они должны были негодовать до безумныхъ опытовъ, до презрѣнія опасности. Свирѣпыя наказанія

мальчиковъ 16, 17 лѣтъ служили грознымъ урокомъ и своего рода закаломъ; занесенная надъ каждымъ звѣриная лапа, шедшая отъ груди лишенной сердца, впередъ отводила розовыя надежды на снисхожденіе къ молодости. Шутить либерализмомъ было опасно, играть въ заговоры не могло придти въ голову. За одну дурно скрытую слезу о Польшѣ, за одно смѣло сказанное слово — годы ссылки,, бѣлаго ремня, а иногда и казематъ; потому-то и важно, что слова эти говорились, и что слезы эти лились. Гибли молодые люди иной разъ; но они гибли не только не мѣшая работѣ мысли, разъяснявшей себѣ сфинксовую задачу русской жизни, но оправдывая ея упованія.

Чередъ былъ теперь за нами. Имена наши уже были занесены въ списки тайной полиціи. Первая игра голубой кошки съ мышью началась такъ.

Когда приговоренныхъ молодыхъ людей отправляли по этапамъ, пѣшкомъ, безъ достаточно теплой одежды, въ Оренбургъ, Огаревъ въ нашемъ кругу, и И. Киреевскій, въ своемъ, сдѣлали подписки. Всѣ приговоренные были безъ денегъ. Киреевскій привезъ собранныя деньги коменданту Стаалю, добрѣйшему старику, о которомъ намъ придется еще говорить. Стааль обѣщался деньги отдать и спросилъ Киреевскаго: А это что за бумаги?

— Имена подписавшихся, сказалъ Киреевскій, и счетъ.

— Вы вѣрите, что я деньги отдамъ, спросилъ старикъ.

— Объ этомъ нечего говорить.

— А я думаю, что тѣ, которые вамъ ихъ вручили, вѣрятъ вамъ. А потому на чтожъ *намъ беречь ихъ имена.*

Съ этими словами, Стааль списокъ бросилъ въ огонь, и само собою разумѣется поступилъ превосходно.

Огаревъ самъ свезъ деньги въ казармы, и это сошло съ рукъ. Но молодые люди вздумали поблагодарить изъ Оренбурга товарищей и пользуясь случаемъ, что какой то чиновникъ ѣхалъ въ Москву, попросили его взять письмо, котораго довѣрить почтѣ боялись. Чиновникъ не премнулъ воспользоваться такимъ рѣдкимъ случаемъ для засвидѣтельствованія всей ярости своихъ вѣрноподданническихъ чувствъ и представилъ письмо жандармскому окружному генералу въ Москвѣ.

Тогда на мѣстѣ А. А. Волкова, сошедшаго съ ума на томъ, что поляки хотятъ ему поднести польскую корону, (что за иронія свести съ ума жандармскаго генерала на коронѣ Ягелоновъ!) былъ Лисовскій. Лисовскій, самъ полякъ, былъ не злой и не дурной человѣкъ: разстроивъ свое имѣнье игрой и какой-то французской актрисой, онъ философски предпочелъ мѣсто жандармскаго генерала въ Москвѣ — мѣсту въ ямѣ того-же города.

Лисовскій призвалъ Огарева. К . . . . . , С . . . . . Вадима, И. Оболенскаго и проч., и обвинилъ ихъ за сношенія съ государственными преступниками. На замѣчаніе Огарева, что онъ ни къ кому не писалъ, а что если кто къ нему писалъ, то за это онъ отвѣчать не можетъ, къ тому-же до него никакого письма и не доходило, Лисовскій отвѣчалъ:

— Вы дѣлали для нихъ подписку, *это еще хуже.* На первый разъ государь *такъ милосердъ, что онъ васъ прощаетъ*, только господа предупреждаю васъ за вами будетъ строгій надзоръ, будьте осторожны.

Лисовскій осмотрѣлъ всѣхъ значительнымъ взглядомъ и остановившись на К....., который былъ всѣхъ выше,

постарше и такъ грозно поднималъ брови, прибавилъ: „вамъ-то милостивый государь, въ *вашемъ званіи* какъ не стыдно.“ Можно было думать, что К..... былъ тогда вице-канцлеромъ россійскихъ орденовъ, а онъ занималъ только должность уѣзднаго лекаря.

Я не былъ призванъ, вѣроятно моего имени въ письмѣ не было.

Угроза эта была чиномъ, посвященіемъ, мощными шпорами. Совѣтъ Лисовскаго попалъ масломъ въ огонь и мы, какъ-бы облегчая будущій надзоръ полиціи, надѣли на себя бархатные береты à la Karl Sand и повязали на шею одинакіе *трехцвѣтные шарфы!*

Полковникъ Шубинскій, тихо и мягко, бархатной ступней подбиравшійся на мѣсто Лисовскаго, цѣпко ухватился за его слабость съ нами, мы должны были послужить одной изъ ступенекъ его повышенія по службѣ — и послужили.

Но прежде прибавлю нѣсколько словъ о судьбѣ Сунгурова и его товарищей.

Кольрейфа Николай возвратилъ черезъ *десять лѣтъ* изъ Оренбурга, гдѣ стоялъ его полкъ. Онъ его простилъ за чахотку, такъ какъ за чахотку произвелъ Полежаева въ офицеры, а Бестужеву далъ крестъ за *смерть*. Кольрейфъ возвратился въ Москву и потухъ на старыхъ рукахъ убитаго горемъ отца.

Костенецкій отличился рядовымъ на Кавказѣ и былъ произведенъ въ офицеры. *Антоновичъ* тоже.

Судьба несчастнаго Сунгурова несравненно страшнѣе. Пришедши въ первый этапъ на Воробьевыхъ горахъ, Сунгуровъ попросилъ у офицера позволеніе выйти на воздухъ изъ душной избы, биткомъ набитой ссыльными. Офицеръ, молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати, вышелъ самъ съ нимъ на дорогу. Сунгуровъ, избравъ

удобную минуту, свернулъ съ дороги и исчезъ. Вѣроятно онъ очень хорошо зналъ мѣстность, ему удалось уйти отъ офицера, но на другой день жандармы попали на его слѣдъ. Когда Сунгуровъ увидѣлъ, что ему нельзя спастись, онъ перерѣзалъ себѣ горло. Жандармы привезли его въ Москву безъ памяти и исходящаго кровью.

Несчастный офицеръ былъ разжалованъ въ солдаты. Сунгуровъ не умеръ. Его снова судили, но уже не какъ политическаго преступника, а какъ бѣглаго поселыцика: ему обрили пол-головы. Мѣра оригинальная и вѣроятно унаслѣдованная отъ татаръ, употребляемая въ *предупрежденіе* побѣговъ и показывающая, больше тѣлесныхъ наказаній, всю мѣру презрѣнія къ человѣческому достоинству со стороны русскаго законодательства. Къ этому внѣшнему сраму сентенція прибавила *одинъ* ударъ плетью въ стѣнахъ острога. Было-ли это исполнено, не знаю. Послѣ этого Сунгуровъ былъ отправленъ въ Нерчинскъ въ рудники.

Имя его еще разъ прозвучало для меня, и потомъ совсѣмъ исчезло.

Въ Вяткѣ встрѣтилъ я разъ на улицѣ молодаго лекаря, товарища по университету, ѣхавшаго куда-то на заводы. Мы разговорились о былыхъ временахъ, объ общихъ знакомыхъ.

— Боже мой, сказалъ лекарь, знаете-ли кого я видѣлъ, ѣхавши сюда? Въ нижегородской губерніи сижу я на почтовой станціи и жду лошадей. Погода была прескверная. Взошелъ этапный офицеръ, приведшій партію арестантовъ, пообогрѣться. Мы съ нимъ разговорились; услышавъ, что я лекарь, онъ попросилъ меня дойти до этапа взглянуть на одного больнаго изъ пересыльныхъ, притворяется что-ли онъ или вправду

крѣпко болѣнъ. Я пошелъ, разумѣется, съ намѣреніемъ во всякомъ случаѣ подтвердить болѣзнь колодника. Въ небольшомъ этапѣ было человѣкъ восемьдесятъ народу въ цѣпяхъ, бритыхъ и небритыхъ, женщинъ, дѣтей; всѣ они разступились передъ офицеромъ, и мы увидѣли на грязномъ полу, въ углу на соломѣ, какую-то фигуру, завернутую въ кафтанъ ссыльнаго.

— Вотъ больной, сказалъ офицеръ. Лгать мнѣ не пришлось: несчастный былъ въ сильнѣйшей горячкѣ; исхудалый и изнеможенный отъ тюрьмы и дороги, полуобритый и съ бородой, онъ былъ страшенъ, безсмысленно водилъ глазами и безпрестанно просилъ пить.

— Что братъ плохо? сказалъ я больному, и прибавилъ офицеру, идти ему невозможно.

Больной уставилъ на меня глаза, и пробормоталъ — Это вы? онъ назвалъ меня. — Вы меня не узнаете, прибавилъ онъ голосомъ, который ножемъ провелъ по сердцу.

— Извините меня, сказалъ *я* ему, взявъ его сухую и каленую руку, не могу припомнить.

— Я Сунгуровъ, отвѣчалъ онъ. — Бѣдный Сунгуровъ! повторилъ лекарь, качая головой.

— Что же его оставили? спросилъ я.

— Нѣтъ, однако дали телѣгу.

Послѣ того какъ я писалъ это, я узналъ, что Сунгуровъ умеръ въ *Нерчинскѣ*. Имѣнье его, состоявшее изъ 250 душъ въ бронницкомъ уѣздѣ подъ Москвой, и въ арзамаскомъ нижегородской губерніи въ 400 душъ, *пошло на уплату за содержаніе его и его товарищей въ тюрьмѣ въ продолженіи слѣдствія*. Семью его разорили; впрочемъ сперва позаботились и о томъ, чтобъ ее уменьшить, *жена Сунгурова была схвачена съ двумя дѣтьми, и мѣсяцевъ шесть прожила* въ пречистенской части,

грудной ребенокъ тамъ и умеръ. Да будетъ проклято царствованіе Николая во вѣки вѣковъ, Аминь!

ГЛАВА VII.

Конецъ курса — Шиллеровскій періодъ — Молодая юность и артистическая жизнь — С. Симонизмъ и Н. Полевой.

Пока еще не разразилась надъ нами гроза, мой курсъ пришелъ къ концу. Обыкновенные хлопоты, неспаныя ночи для безполезныхъ мнемоническихъ пытокъ, поверхностное ученіе на скорую руку, и мысль объ экзаменѣ, побѣждающая научный интересъ, все это какъ всегда. Я писалъ *астрономическую* диссертацію на золотую медаль, и получилъ серебряную. Я увѣренъ, что я теперь не въ состояніи былъ бы понять того, что тогда писалъ, и что стоило вѣсь — *серебра*.

Мнѣ случалось иной разъ видѣть во снѣ, что я студентъ и иду на экзаменъ, — я съ ужасомъ думалъ, сколько я забылъ, срѣжешься да и только, — и я просыпался, радуясь отъ души, что море и паспорты, годы и вины отдѣляютъ меня отъ университета, никто меня не будетъ испытывать, и не осмѣлится поставить отвратительную единицу. А въ самомъ дѣлѣ, профессора удивились бы, что я въ столько лѣтъ, такъ много пошелъ назадъ. Разъ это со мной уже и случилось.*)

*) Въ 1844 г., встрѣтился я съ Перевощиковымъ у Щепкина и сидѣлъ возлѣ него за обѣдомъ. Подъ конецъ онъ не выдержалъ и сказалъ. „Жаль-съ, очень жаль-съ, что обстоятельства-съ помѣшали-

Послѣ окончательнаго экзамена, профессора заперлись для счета баловъ, а мы, волнуемые надеждами и сомнѣніями, бродили маленькими кучками по коридору и по сѣнямъ. Иногда кто-нибудь выходилъ изъ совѣта, мы бросались узнать судьбу, но долго еще не было рѣшено; наконецъ вышелъ Гейманъ. Поздравляю васъ, сказалъ онъ мнѣ — вы кандидатъ. — Кто еще, кто еще? — Такой-то и такой-то. Мнѣ разомъ сдѣлалось грустно и весело; выходя изъ-за университетскихъ воротъ я чувствовалъ, что не такъ выхожу какъ вчера, какъ всякой день; я отчуждался отъ университета, отъ этого общаго родительскаго дома, въ которомъ провелъ такъ юно-хорошо четыре года; а съ другой стороны меня тѣшило чувство признаннаго совершеннолѣтія и отчего-же не признаться, и названіе кандидата полученное сразу.*

съ заниматься дѣломъ-съ, у васъ прекрасные-съ были-съ способности-съ."

— Да вѣдь, не всѣмъ же, говорилъ я ему, за вами на небо лѣзть. Мы здѣсь займемся, на землѣ, кой-чѣмъ.

— Помилуйте-съ, какъ-же-съ, это-съ-можно-съ, какое занятіе-съ, Гегелева-съ философія-съ, ваши статьи-съ читалъ-съ, понимать-съ нельзя-съ, птичій языкъ-съ. Какое-съ это дѣло-съ. Нѣтъ-съ!

Я долго смѣялся надъ этимъ приговоромъ, т. е. долго не понималъ, что языкъ-то у насъ тогда дѣйствительно былъ скверный, и если птичій, то навѣрно — птицы состоящей при минервѣ.

*) Въ бумагахъ присланныхъ мнѣ изъ Москвы, я нашелъ записку, которой я извѣщалъ *кузину*, бывшую тогда въ деревнѣ съ княгиней, объ окончаніи курса. „Экзаменъ кончился, и я кандидатъ! Вы не можете себѣ представить сладкое чувство воли послѣ четырехлѣтнихъ занятій. Вспомнили ли вы обо мнѣ въ четвергъ? День былъ душный и пытка продолжалась отъ 9 утра до 9 вечера." (26 Іюня 1833). Мнѣ кажется, часа два прибавлено для эффекта или для скругленія. Но при всемъ удовольствіи самолюбіе было задѣто тѣмъ, что золотая медаль досталась другому, Александру Драшусову. Во второмъ письмѣ отъ 6 Іюля сказано: „Сегодня актъ, но я не былъ, я не хотѣлъ быть *вторымъ* при полученіи медали."

Alma Mater! Я такъ много обязанъ университету и такъ долго послѣ курса жилъ его жизнію, съ нимъ, что не могу вспоминать о немъ безъ любви и уваженія. Въ неблагодарности онъ меня не обвинитъ, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ университету легка благодарность, она нераздѣльна съ любовью, съ свѣтлымъ воспоминаніемъ молодаго развитія..... и я благославляю его изъ дальней чужбины!

Годъ проведенный нами послѣ курса торжественно заключилъ первую юность. Это былъ продолжающійся пиръ дружбы, обмѣна идей, вдохновенья, разгула...

Небольшая кучка университетскихъ друзей, пережившая курсъ, не разошлась и жила еще общими симпатіями и фантазіями, никто не думалъ о матеріальномъ положеніи, объ устройствѣ будущаго. Я не похвалилъ бы этого въ людяхъ совершеннолѣтнихъ, но дорого цѣню въ юношахъ. Юность, гдѣ только она не изсякла отъ нравственнаго растлѣнія мѣщанствомъ, вездѣ не практична, тѣмъ больше она должна быть такою въ странѣ молодой, имѣющей много стремленій и мало достигнутаго. Сверхъ того быть непрактическимъ далеко не значитъ быть во лжи, все обращенное къ будущему имѣетъ непремѣнно долю идеализма. Безъ непрактическихъ натуръ всѣ практики остановились бы на скучно повторяющемся одномъ и томъ-же.

Иная восторженность, лучше всякихъ нравоученій, хранитъ отъ *истинныхъ* паденій. Я помню юношескія оргіи, разгульныя минуты, хватавшія иногда черезъ край, я не помню ни одной безнравственной исторіи въ нашемъ кругу, ничего такого, отъ чего человѣкъ *серьезно* долженъ былъ краснѣть, что старался бы забыть, скрыть. Все дѣлалось открыто, открыто рѣдко дѣлается дурное. Половина, больше половины сердца,

была не туда направлена, гдѣ праздная страстность и болѣзненный эгоизмъ сосредоточиваются на нечистыхъ помыслахъ и троятъ пороки.

Я считаю большимъ несчастіемъ положеніе народа, котораго молодое поколѣніе не имѣетъ юности, мы уже замѣтили, что одной молодости на это недостаточно. Самый уродливый періодъ нѣмецкаго студентства во сто разъ лучше мѣщанскаго совершеннолѣтія молодежи во Франціи и Англіи; для меня американскіе *пожилые* люди лѣтъ въ пятнадцать отроду — просто противны.

Во Франціи нѣкогда была блестящая аристократическая юность, потомъ революціонная. Всѣ эти С. Жюсты и Гоши, Марсо и Демулены, героическія дѣти, вырощенныя на мрачной поэзіи Жан-Жака, были настоящіе юноши. Революція была сдѣлана молодыми людьми; ни Дантонъ, ни Робеспьеръ, ни самъ Людовикъ XVI не пережили своихъ тридцати пяти лѣтъ. Съ Наполеономъ изъ юношей дѣлаются ординарцы, съ реставраціей, „съ воскресеніемъ старости,“ — юность вовсе несовмѣстна, — все становится совершеннолѣтнимъ, дѣловымъ, т. е. мѣщанскимъ.

Послѣдніе юноши Франціи были Сен-Симонисты и Фаланга. Нѣсколько исключеній не могутъ измѣнить прозаически-плоской характеръ французской молодежи. Деку и Лебра застрѣлились оттого, что они были юны въ обществѣ стариковъ. Другіе бились какъ рыба выкинутая изъ воды на грязномъ берегу, пока одни не попались на барикаду, другіе на іезуитскую уду.

Но такъ какъ возрастъ беретъ свое, то большая часть французской молодежи отбываетъ юность *артистическимъ* періодомъ, т. е. живетъ, если нѣтъ денегъ, въ маленькихъ кафе, съ маленькими гризетками въ quartier Latin, и въ большихъ кафе съ большими лоретками,

если есть деньги. Вмѣсто шиллеровскаго періода, это періодъ Поль-де-Кокoвскій; въ немъ наскоро и довольно мизерно тратится сила, энергія, все молодое и человѣкъ готовъ — въ commis торговыхъ домовъ. Артистическій періодъ оставляетъ на днѣ души одну страсть — жажду денегъ и ей жертвуется вся будущая жизнь, другихъ интересовъ нѣтъ; практическіе люди эти смѣются надъ общими вопросами, презираютъ женщинъ (слѣдствіе многочисленныхъ побѣдъ надъ *побѣжденными* по ремеслу). Обыкновенно артистическій періодъ дѣлается подъ руководствомъ какого нибудь истасканнаго грѣшника, изъ увядшихъ знаменитостей, d'un vieux prostitué, живущаго на чужой счетъ, какого нибудь актера, потерявшаго голосъ, живописца, у котораго трясутся руки, ему подражаютъ въ произношеніи, въ питьѣ, а главное въ гордомъ взглядѣ на людскія дѣла и въ основательномъ знаніи блюдъ.

Въ Англіи артистическій періодъ замѣненъ пароксизмомъ милыхъ оригинальностей и эксцентрическихъ любезностей, т. е. безумныхъ продѣлокъ, нелѣпыхъ тратъ, тяжелыхъ шалостей, увѣсистаго, но тщательно скрытаго разврата, безплодныхъ поѣздокъ въ Калабрію или Квито, на Югъ, на Сѣверъ — по дорогѣ лошади, собаки, скачки, глупые обѣды, а тутъ и жена съ неимовѣрнымъ количествомъ румяныхъ и дебѣлыхъ baby, обороты, Times, Парламентъ, и придавливающій къ землѣ Ольдъ-Портъ.

Дѣлали шалости и мы, пировали и мы, но основной тонъ былъ не тотъ, діапазонъ былъ слишкомъ поднятъ. Шалость, разгулъ не становились цѣлью. Цѣль была вѣра въ призваніе; положимте, что мы ошибались, но фактически вѣруя, мы уважали въ себѣ и другъ въ другѣ орудія общаго дѣла.

И въ чемъ-же состояли наши пиры и оргіи. Вдругъ приходитъ въ голову, что черезъ два дня 6 Декабря, Николинъ день. Обпліе Николаевъ страшное: Николай Огаревъ, Николай С. . . . ., Николай К. . . . . ., Николай Сазоновъ... „Господа, кто празднуетъ имянины?“ — Я! Я! — А я на другой день.—Это все вздоръ, что такое на другой день. Общій праздникъ, складку! За то каковъ будетъ и пиръ!

— Да, да, у кого же собираться.

— С. . . . . боленъ, ясно что у него.

И вотъ дѣлаются смѣты, проэкты, это занимаетъ невѣроятно будущихъ гостей и хозяевъ. Одинъ Николай ѣдетъ къ Яру заказывать ужинъ, другой къ Матерну за сыромъ и салами. Вино разумѣется берется на Петровкѣ у Депре, на книжкѣ котораго Огаревъ написалъ эпиграфъ:

De pres ou de loin,
Mais le fourni toujours,

Нашъ неопытный вкусъ, еще далѣе шампанскаго не шелъ, и былъ до того молодъ, что мы какъ-то измѣнили и шампанскому въ пользу Rivesaltes mousseux. Въ Парижѣ я на картѣ у ресторана увидѣлъ это имя, вспомнилъ 1833 годъ и потребовалъ бутылку. Но увы, даже воспоминанія не помогли мнѣ выпить больше одного бокала.

До праздника вина пробуются, оттого надобно еще посылать нарочнаго, потому что пробы явнымъ образомъ нравятся.

При этомъ не могу не разсказать, что случилось съ Соколовскимъ. Онъ былъ постоянно безъ денегъ, и тотчасъ тратилъ все, что получалъ. За годъ до его ареста онъ пріѣзжалъ въ Москву и остановился у С..... Онъ какъ-то удачно продалъ помнится рукопись „Хеверн,“

и потому рѣшился дать праздникъ, не только намъ, но и pour les gros bonnets, т. е. позвалъ Полеваго, Максимовича и пр. Наканунѣ онъ съ утра поѣхалъ, съ Полежаевымъ, который тогда былъ съ своимъ полкомъ въ Москвѣ — дѣлать покупки, накупилъ чашекъ и даже самоваръ, разныхъ ненужныхъ вещей, и наконецъ вина и съѣстныхъ припасовъ, т. е. пастетовъ, фаршированныхъ пндѣекъ и пр. Вечеромъ мы пришли къ С..... Соколовскій предложилъ откупорить одну бутылку, за тѣмъ другую, насъ было человѣкъ пять, къ концу вечера, т. е. къ началу утра слѣдующаго дня, оказалось, что ни вина больше нѣтъ, ни денегъ у Соколовскаго. Онъ купилъ на все, что оставалось отъ уплаты маленькихъ долговъ.

Огорчился было Соколовскій, но, скрѣпивъ сердце, подумалъ, подумалъ, и написалъ ко всѣмъ gros bonnets, что онъ страшно занемогъ и праздникъ откладываетъ.

Для пира *четырехъ имянинъ*, я писалъ цѣлую программу, которая удостоилась особеннаго вниманія инквизитора Голицына, спрашивавшаго меня въ коммиссіи, точно ли программа была исполнена.

— A la lettre, отвѣчалъ я ему. Онъ пожалъ плечами, какъ будто онъ всю жизнь провелъ въ смольномъ монастырѣ или въ великой пятницѣ.

Послѣ ужина, возникалъ обыкновенно *капитальный* вопросъ, вопросъ возбуждавшій пренія, а именно „какъ варить жженку?“ Остальное обыкновенно ѣлось и пилось, какъ вотпруютъ по довѣрію въ парламентахъ, безъ спору. Но тутъ каждый участвовалъ и притомъ съ высоты ужина. „Зажигать — не зажигать еще, — какъ зажигать? тушить шампанскимъ или сотерномъ? — класть фрукты и ананасъ пока еще горитъ, — или послѣ?“

— Очевидно пока горитъ, тогда то весь аромъ перейдетъ въ пуншъ.

— Помилуй, ананасы плаваютъ, стороны ихъ подожгутся, это просто бѣда.

— Все это вздоръ, кричитъ К..... всѣхъ громче, а вотъ что не вздоръ, свѣчи надобно потушить.

— Свѣчи потушены, лица у всѣхъ поспнѣли и черты колеблятся съ движеніемъ огня. А между тѣмъ въ небольшой комнатѣ температура отъ горящаго рома становится тропическая. Всѣмъ хочется пить, жженка не готова. Но Joseph, французъ присланный отъ Яра готовъ, онъ приготовляетъ какой-то антитезисъ жженки. напитокъ со льдомъ изъ разныхъ винъ, à la base de cognac; неподдѣльный сынъ „великаго народа,“ онъ, наливая французское вино, объясняетъ намъ, что оно потому такъ хорошо, что два раза проѣхало экваторъ.— Oui, oui, messieurs, deux fois l'equateur, messieurs!

Когда замѣчательный своей полярной стужей напитокъ оконченъ, и вообще пить больше не надобно, К..... кричитъ, мѣшая огненное озеро въ суповой чашкѣ, при чемъ послѣдніе куски сахара таютъ съ шипѣніемъ и плачемъ: Пора тушить! — пора тушить!

Огонь краснѣетъ отъ шампанскаго, бѣгаетъ по поверхности пунша съ какой-то тоской и дурнымъ предчувствіемъ.

А тутъ отчаянный голосъ. — Да помилуй братецъ, ты съ ума сходишь, развѣ не видишь, смола топится прямо въ пуншъ.

— А ты самъ подержи бутылку въ такомъ жару, чтобъ смола не топилась.

— Ну такъ ее прежде обить, продолжаетъ огорченный голосъ.

— Чашки, чашки, довольно ли у васъ ихъ, сколь-

ко, насъ — девять, десять, четырнадцать, — такъ, такъ.

— Гдѣ найти четырнадцать чашекъ.

— Ну кому чашекъ не достало въ стаканъ.

— Стаканы лопнутъ.

— Никогда, никогда, стоитъ только ложечку положить.

Свѣчи поданы, послѣдній зайчикъ огня выбѣжалъ на середину, сдѣлалъ пируэтъ и нѣтъ его.

— Жженка удалась!

— Удалась, очень удалась! — говорятъ со всѣхъ сторонъ.

На другой день болитъ голова, тошно. Это очевидно отъ жженки, — смѣсь! И тутъ искренное рѣшеніе впредь жженки никогда не пить, это отрава.

Входитъ Петръ Ѳедоровичъ. — А вы-съ сегодня пришли не въ своей шляпѣ, наша шляпа будетъ получше.

— Чертъ съ ней совсѣмъ.

— Не прикажете ли сбѣгать къ Николай Михайловичеву Кузьмѣ?

— Что ты воображаешь, что кто нибудь пошелъ безъ шляпы.

— Не мѣшаетъ-съ, на всякой случай.

Тутъ я догадываюсь, что дѣло совсѣмъ не въ шляпѣ, а въ томъ, что Кузьма звалъ на поле битвы Петра Ѳедоровича.

— Ты къ Кузьмѣ ступай, да только прежде попроси у повара мнѣ кислой капусты.

— Знать Лександъ Иванычь имянинники-то, не ударили лицемъ въ грязь?

— Какой въ грязь, эдакаго пира во весь курсъ не было.

— Въ ниверситетъ-то, уже должно быть сегодни отложимъ попеченіе?

Меня угрызаетъ совѣсть и я молчу.

— Папенька-то вашъ меня спрашивалъ. — Какъ это говоритъ, еще не вставалъ? Я знаете непромахъ, голова изволитъ болѣть, съ утра-съ жаловались, такъ я такъ и сторы не подымалъ-съ. Ну говоритъ, и хорошо сдѣлалъ.

— Да, дай ты мнѣ Христа ради уснуть. Хотѣлъ идти къ С....., ну и ступай.

— Сію минуту-съ, только за капустой сбѣгаю-съ.

Тяжелый сонъ снова смыкаетъ глаза, часа черезъ два просыпаешься гораздо свѣжѣе. Что то они дѣлаютъ тамъ? К..... и Огаревъ, остались ночевать. Досадно что жженка такъ на голову дѣйствуетъ, надобно признаться, она была очень вкусна. Вольно же пить жженку стаканомъ, а рѣшительно отнынѣ и до вѣка буду пить небольшую чашку.

Между тѣмъ мой отецъ уже окончилъ чтеніе газетъ и пріемъ повара.

— У тебя голова болитъ сегодня?

— Очень.

— Можетъ слишкомъ много занимался? И при этомъ вопросѣ видно, что прежде отвѣта онъ усомнился.

— Я и забылъ, вѣдь вчера ты кажется былъ у Николаши*) и у Огарева?

— Какъ-же-съ.

— Подчивали что ли они тебя . . . . . имянины? Опять супъ съ мадерой? Охъ, неохотникъ я до всего до этого. Николаша-то любитъ, я знаю не во время вино, и откуда у него это взялось, не понимаю. Покойный Павлъ Ивановичъ..... ну 29 Іюня имянины, позоветъ всѣхъ родныхъ, обѣдъ какъ водится, все скромно.

*] Голохвастова.

прилично. А это по нынѣшнему, шампанскаго, да сардинки въ маслѣ, — противно смотрѣть. О несчастномъ сынѣ Платона Богдановича, я и не говорю, одинъ, брошенъ! Москва..... деньги есть — кучеръ Еремей, „пошелъ за виномъ.“ А кучеръ радъ, ему за это въ лавкѣ гривенникъ.

— Да, я у Николая Павловича завтракалъ. Впрочемъ я не думаю, чтобъ отъ этого болѣла голова. Я пройдусь немного, это мнѣ всегда помогаетъ.

— Съ богомъ, — обѣдаешь дома, я надѣюсь.

— Безъ сомнѣнія, я только такъ.

Для поясненія *супа съ мадерой*, необходимо сказать, что за годъ или больше до знаменитаго пира четырехъ именинниковъ, мы на святой недѣли отправлялись съ Огаревымъ гулять, и чтобъ отѣлаться отъ обѣда дома, я сказалъ, что меня пригласилъ обѣдать отецъ Огарева.

Отецъ мой не любилъ вообще моихъ знакомыхъ, называлъ наизнанку ихъ фамиліи, ошибаясь постоянно одинакимъ образомъ, такъ С....., онъ безошибочно называлъ Сакенымъ, а Сазонова — Сказинымъ. Огарева, онъ еще меньше другихъ любилъ, и за то, что у него волосы были длинны, и за то, что онъ курилъ безъ его спроса. Но съ другой стороны, онъ его считалъ внучатнымъ племянникомъ, и слѣдственно родственной фамиліи искажать не могъ. Къ тому же Платонъ Богдановичъ принадлежалъ, и по родству и по богатству, къ малому числу признанныхъ моимъ отцемъ личностей, и мое близкое знакомство съ его домомъ ему нравилось. Оно нравилось бы еще больше, еслибъ у Платона Богдановича не было сына.

И такъ отказать ему, не считалось приличнымъ.

Вмѣсто почтенной столовой Платона Богдановича,

мы отправились сначала подъ Новинское, въ балаганъ Прейса, (я потомъ встрѣтилъ съ восторгомъ эту семью акробатовъ въ Женевѣ и Лондонѣ), тамъ была небольшая дѣвочка, которой мы восхищались, и которую назвали Миньоной.

Посмотрѣвъ Миньону и рѣшившись еще разъ придти ее посмотрѣть вечеромъ, мы отправились обѣдать къ Яру. У меня былъ золотой и у Огарева около того-же. Мы тогда еще были совершенные новички и потому, долго обдумывая, заказали ouka au champagne, бутылку рейнвейна и какой-то крошечной дичи, въ силу чего, мы встали изъ-за обѣда, ужасно дорогаго, совершенно голодные и отправились опять смотрѣть Миньону.

Отецъ мой, прощаясь со мной, сказалъ мнѣ, что ему кажется, будто бы отъ меня пахнетъ виномъ.

— Это вѣрно оттого, сказалъ я, что супъ былъ съ мадерой.

— Au madère,—это зять Платона Богдановича вѣрно такъ завелъ; cela sent les casernes de la garde.

Съ тѣхъ поръ и до моей ссылки, если моему отцу казалось, что я выпилъ вина, что у меня лицо красно, онъ непремѣнно говорилъ мнѣ: „Ты вѣрно ѣлъ сегодня супъ съ мадерой!“

И такъ я скорымъ шагомъ къ С.....

Разумѣется Огаревъ и К....., были на мѣстѣ. К..... съ помятымъ лицемъ, былъ недоволенъ нѣкоторыми распоряженіями и строго ихъ критиковалъ. Огаревъ гомеопатически вышибалъ клинъ клиномъ, допивая какіе-то остатки не только послѣ праздника, но и послѣ фуражировки Петра Ѳедоровича, который уже съ пѣніемъ, присвистомъ и дробью игралъ на кухнѣ у С.

Въ рощѣ Марьиной гулянье,
Въ самой тотъ день семика.

. . . . . Вспоминая времена нашей юности, всего нашего круга, я не помню ни одной исторіи, которая осталась бы на совѣсти, которую было бы стыдно вспомнить. И это относится безъ исключенія ко всѣмъ нашимъ друзьямъ.

Были у насъ платоническіе мечтатели, и разочарованные юноши въ семнадцать лѣтъ. Вадимъ даже писалъ драму, въ которой хотѣлъ представить „страшный опытъ своего *изжитаго* серца.“ Драма эта начиналась такъ: „Садъ — вдали домъ — окна освѣщены — буря — никого нѣтъ — калитка не заперта, она хлопаетъ и скрыпитъ.“

— Сверхъ калитки и сада, есть дѣйствующія лица? спросилъ я у Вадима.

И Вадимъ нѣсколько огорченный сказалъ мнѣ — ты все дурачишься! Это не шутка, а быль моего сердца, если такъ, я и читать не стану; и сталъ читать.

Были и вовсе не платоническія шалости — даже такія, которыя оканчивались на драмой, а аптекой. Но не было пошлыхъ интригъ, губящихъ женщину и унижающихъ мущину, не было *содержанокъ* (даже не было и этого подлаго слова). Покойный, безопасный, прозаическій, мѣщанскій развратъ, развратъ по контракту, миновалъ нашъ кругъ.

— Стало быть вы допускаете худшій, продажный развратъ?

— Не я, а вы! То есть не *вы* вы, а вы всѣ. Онъ такъ прочно покоится на общественномъ устройствѣ, что ему не нужно моей инвеституры.

Общіе вопросы, гражданская экзальтація — спасали насъ; и не только они, но сильно развитой научный и художественный интересъ. Они, какъ зажженная бумага, выжигали сальныя пятна. У меня сохранилось нѣсколь-

ко писемъ Огарева того времени о тогдашнемъ грундтонѣ нашей жизни, можно легко по нимъ судить. Въ 1833 году Іюня 7, Огаревъ напримѣръ мнѣ пишетъ:

„Мы другъ друга кажется знаемъ, кажется можемъ быть откровенны. Письма моего ты никому не покажешь. И такъ скажи — съ нѣкотораго времени я рѣшительно такъ полонъ, можно сказать задавленъ ощущеніями и мыслями что мнѣ кажется, мало того кажется, мнѣ врѣзалась мысль, что мое призваніе — быть поэтомъ, стихотворцемъ или музыкантомъ, alles eins, но я чувствую необходимость жить въ этой мысли, ибо имѣю какое-то самоощущеніе, что я поэтъ; положимъ я еще пишу дрянно, но этотъ огонь въ душѣ, эта полнота чувствъ даетъ мнѣ надежду, что я буду и порядочно (извини за такое пошлое выраженіе) писать. Другъ, скажи же вѣрить ли мнѣ моему призванью? Ты можетъ лучше меня знаешь, нежели я самъ, и не ошибешься.“

Іюня 7, 1833.

„Ты пишешь: *Да ты поэтъ, поэтъ истинный!* Другъ, можешь ли ты постигнуть все то, что производятъ эти слова? И такъ оно не ложно, все что я чувствую, къ чему стремлюсь, въ чемъ моя жизнь. Оно не ложно! Правду ли говоришь? Это не бредъ горячки — это я чувствую. Ты меня знаешь болѣе, чѣмъ кто нибудь, не правда ли, я это дѣйствительно чувствую. Нѣтъ, эта высокая жизнь не бредъ горячки, не обманъ воображенія, она слишкомъ высока для обмана, она дѣйствительна, я живу ею, я не могу вообразить себя съ иною жизнію. Для чего я не знаю музыки, какая симфонія вылетѣла бы изъ моей души теперь. Вотъ слышишь величественное adagio, но нѣтъ силъ выразиться, надо-

бно больше сказать, нежели сказано, presto, presto, мнѣ надобно бурное, неукротимое presto. Adagio и presto, двѣ крайности. Прочь съ этой посредственностью, andante, allegro moderato, это заики или слабоумные, не могутъ ни сильно говорить, ни сильно чувствовать."

Село Чертково 18 Августа 1833.

Мы отвыкли отъ того восторженнаго лепета юности, онъ намъ страненъ, но въ этихъ строкахъ молодаго человѣка, которому еще не стукнуло 20 лѣтъ, ясно видно, что онъ застрахованъ отъ пошлаго порока и отъ пошлой добродѣтели, что онъ можетъ, не спасется отъ болота, но выйдетъ изъ него, не загрязнившись.

Это не неувѣренность въ себѣ, это сомнѣніе вѣры, это страстное желаніе подтвержденія, ненужнаго слова любви, которое такъ дорого намъ. Да, это безпокойство зарождающагося творчества, это тревожное озираніе души *зачавшей*.

„Я не могу еще взять, пишетъ онъ въ томъ же письмѣ, тѣ звуки, которые слышатся душѣ моей, неспособность тѣлесная ограничиваетъ фантазію. Но чортъ возьми! Я поэтъ, поэзія мнѣ подсказываетъ истину, тамъ гдѣ бы я ее не понялъ холоднымъ разсужденіемъ. Вотъ философія откровенія."

Такъ оканчивается первая часть нашей юности, вторая начинается тюрьмой. Но прежде нежели мы взойдемъ въ нее, надобно упомянуть въ какомъ направленіи, съ какими думами она застала насъ.

Время слѣдовавшее за усмиреніемъ польскаго возстанія быстро воспитывало. Насъ уже не одно то мучило, что Николай выросъ и осѣлся въ строгости; мы начали съ внутреннимъ ужасомъ разглядывать, что и въ

Европѣ и особенно во Франціи, откуда ждали пароль политическій и лозунгъ, дѣла идутъ не ладно: теоріи наши становились намъ подозрительны.

Дѣтскій либерализмъ 1826 года, сложившійся мало по малу въ то французское воззрѣніе, которое проповѣдывали Лафайеты и Бенжаменъ Констан', пѣлъ Беранже, терялъ для насъ, послѣ гибели Польши, свою чарующую силу.

Тогда-то часть молодежи, и въ ея числѣ Вадимъ, бросились на глубокое и серьезное изученіе русской исторіи.

Другая въ изученіе нѣмецкой философіи.

Мы съ Огаревымъ не принадлежали ни къ тѣмъ, ни къ другимъ. Мы слишкомъ сжились съ иными идеями, чтобъ скоро поступиться ими. Вѣра въ беранжеровскую *застольную* революцію была потрясена, но мы искали чего-то другаго, чего не могли найти ни въ несторовской лѣтописи, ни въ трансцендентальномъ идеализмѣ Шеллинга.

Середь этого броженія, середь догадокъ, усилій понять сомнѣнія пугавшія насъ, попались въ наши руки Сен-Симонистскія брошюры, ихъ проповѣди, ихъ процессъ. Они поразили насъ.

Поверхностные и неповерхностные люди довольно смѣялись надъ отцомъ Енфантен' и надъ его апостолами; время иного признанія наступаетъ для этихъ предтечъ соціализма.

Торжественно и поэтически являлись середь мѣщанскаго міра эти восторженные юноши съ своими неразрѣзными жилетами, съ отрощенными бородами. Они возвѣстили новую вѣру, имъ было что сказать и было во имя чего позвать передъ свой судъ старый порядокъ вещей, хотѣвшій ихъ судить по кодексу Наполеона и по орлеанской религіи.

Съ одной стороны *освобожденіе женщины*, призваніе ее на общій трудъ, отданіе ея судебъ въ ея руки, союзъ съ нею какъ съ ровнымъ.

Съ другой оправданіе, *искупленіе плоти*, Réhabilitation de la chair!

Великія слова заключающія въ себѣ цѣлый міръ новыхъ отношеній между людьми, міръ здоровья, міръ духа, міръ красоты, міръ естественно-нравственный и потому нравственно-чистый. Много издѣвались надъ свободой женщины, надъ признаніемъ правъ плоти, придавая словамъ этимъ смыслъ грязный и пошлый; наше монашески-развратное воображеніе боится плоти, боится женщины. Добрые люди поняли, что очистительное *крещеніе плоти* есть отходная христіанства; религія жизни шла на смѣну религіи смерти, религія красоты на смѣну религіи бичеванія и худобы отъ поста и молитвы. Распятое тѣло воскресало въ свою очередь и не стыдилось больше себя; человѣкъ достигалъ созвучнаго единства, догадывался, что онъ существо цѣлое, а не составленъ какъ маятникъ изъ двухъ разныхъ металловъ, удерживающихъ другъ друга, что врагъ спаянный съ нимъ исчезъ.

Какое мужество надобно было имѣть, чтобъ произнести всенародно во Франціи эти слова освобожденія отъ спиритуализма, который такъ силенъ въ понятіяхъ французовъ и такъ вовсе не существуетъ въ ихъ поведеніи.

Старый міръ, осмѣянный Вольтеромъ, подшибленный революціей, но закрѣпленный, перешитый и упроченный мѣщанствомъ для своего обихода, этого еще не испыталъ. Онъ хотѣлъ судить отщепленцевъ на основаніи своего тайно соглашеннаго лицемѣрія, а люди эти обличили его. Ихъ обвиняли въ отступничествѣ отъ хри-

стіанства, а они указали надъ головой судьи *завѣшанную* икону послѣ революціи 1830 года. Ихъ обвиняли въ оправданіи чувственности, а они спросили у судьи, цѣломудренно-ли онъ живетъ?

Новый міръ толкался въ дверь, наши души, наши сердца растворялись ему. Сен-Симонизмъ легъ въ основу нашихъ убѣжденій и непзмѣнно остался въ существенномъ.

Удобовпечатлимые, искренно-молодые, мы легко были подхвачены мощной волной его и рано переплыли тотъ рубежъ, на которомъ останавливаются цѣлые ряды людей, складываютъ руки, идутъ назадъ или ищутъ по сторонамъ броду — черезъ море!

Но не всѣ рискнули съ нами. Соціализмъ и реализмъ остаются до сихъ поръ пробными камнями, брошенными на путяхъ революціи и науки. Группы пловцовъ, прибитые волнами событій или мышленіемъ къ этимъ скаламъ, немедленно растаются и составляютъ двѣ вѣчныя партіи, которыя, мѣняя одежды, проходятъ черезъ всю исторію, черезъ всѣ перевороты, черезъ многочисленныя партіи и кружки, состоящіе изъ десяти юношей. Одна представляетъ логику, другая—исторію, одна — діалектику, другая — эмбріогенію. Одна изъ нихъ *правое*, другая — *возможное*.

О выборѣ не можетъ быть и рѣчи, обуздать мысль труднѣе чѣмъ всякую страсть, она влечетъ невольно; кто можетъ ее затормозить чувствомъ, мечтой, страхомъ послѣдствій, тотъ и затормозитъ ее, но не всѣ могутъ. У кого мысль беретъ верхъ, у того вопросъ не о прилагаемости, не о томъ, легче или тяжеле будетъ, тотъ ищетъ истины и неумолимо, нелицепріятно проводитъ начала какъ С. Симонисты нѣкогда, какъ Прудонъ до сихъ поръ.

Кругъ нашъ еще тѣснѣе сомкнулся. Уже тогда въ 1833 году, *либералы* смотрѣли на насъ изъ-подлобья какъ на сбившихся съ дороги. Передъ самой тюрьмой Сен-Симонизмъ поставилъ рубежъ между мной и Н. А. Полевымъ. Полевой былъ человѣкъ необыкновенно ловкаго ума, дѣятельнаго, легко претворяющаго всякую пищу; онъ родился быть журналистомъ, лѣтописцемъ успѣховъ, открытій, политической и ученой борьбы. Я познакомился съ нимъ въ концѣ курса — и бывалъ иногда у него и у его брата Ксенофонта. Это было время его пущей славы, время предшествовавшее запрещенію *Телеграфа*.

Этотъ-то человѣкъ, жившій послѣднимъ открытіемъ, вчерашнимъ вопросомъ, новой новостью въ теоріи и въ событіяхъ, мѣнявшійся какъ хамелеонъ, при всей живости ума не могъ понять Сен-Симонизма. Для насъ Сен-Симонизмъ былъ откровеніемъ — для него безуміемъ, пустой утопіей, мѣшающей гражданскому развитію. Сколько я ни ораторствовалъ, ни развивалъ, ни доказывалъ, Полевой былъ глухъ, сердился, становился желченъ. Ему была особенно досадна оппозиція, дѣлаемая студентомъ, онъ очень дорожилъ своимъ вліяніемъ на молодежь и въ этомъ преніи видѣлъ, что она ускользаетъ отъ него.

Одинъ разъ, оскорбленный нелѣпостью его возраженій, я ему замѣтилъ, что-онъ такой же отсталый консерваторъ, какъ тѣ, противъ которыхъ онъ всю жизнь сражался. Полевой глубоко обидѣлся моими словами и качая головой сказалъ мнѣ: „Придетъ время, и вамъ въ награду за цѣлую жизнь усилій и трудовъ, какой-нибудь молодой человѣкъ улыбаясь скажетъ: Ступайте прочь, вы отсталый человѣкъ.“ Мнѣ было жаль его, мнѣ было стыдно, что я его огорчилъ, но вмѣстѣ съ

тѣмъ я понялъ, что въ его грустныхъ словахъ звучалъ его приговоръ. Въ нихъ слышался уже не сильный боецъ, а отжившій, устарѣлый гладіаторъ. Я понялъ тогда, что впередъ онъ не двинется, а на мѣстѣ устоять не съумѣетъ съ такимъ дѣятельнымъ умомъ и съ такимъ непрочнымъ грунтомъ.

Вы знаете, что съ нимъ было потомъ; онъ прпнялся за Парашу Сибпрячку.

Какое счастье во время умереть для человѣка, не умѣющаго въ свой часъ нп сойти со сцены, нп идтп впередъ. Это я думалъ, глядя на Полеваго, глядя на Пія IX и на *многихъ другихъ.....?*

Прибавленіе

А. ПОЛЕЖАЕВЪ.

Въ дополненіе къ печальной лѣтописи того времени слѣдуетъ передать нѣсколько подробностей объ А. Полежаевѣ.

Полежаевъ студентомъ въ университетѣ былъ уже извѣстенъ своими превосходными стихотвореніями. Между прочимъ написалъ онъ юмористическую поэму *Сашка*, пародируя Онѣгина. Въ ней, не стѣсняя себя приличіями, шутливымъ тономъ и очень милыми стихами задѣлъ онъ многое.

Осенью 1826 года Николай, повѣсивъ Пестеля, Муравьева и ихъ друзей, праздновалъ въ Москвѣ свою коронацію. Для другихъ эти торжества бываютъ поводомъ амнистій и прощеній; Николай, отпраздновавши

свою апотеозу, снова пошелъ „разить враговъ отечества,“ какъ Робеспьеръ оослѣ своего Fête-Dieu.

Тайная полиція доставила ему поэму Полежаева...

И вотъ въ одну ночь, часа въ три, ректоръ будитъ Полежаева, велитъ одѣться въ мундиръ и сойти въ правленіе. Тамъ его ждетъ попечитель. Осмотрѣвъ всѣли пуговицы на его мундирѣ и нѣтъ-ли лишнихъ, онъ безъ всякаго объясненія пригласилъ Полежаева въ свою карету и увезъ.

Привезъ онъ его къ министру народнаго просвѣщенія. Министръ сажаетъ Полежаева въ свою карету и тоже везетъ — но, на этотъ разъ, ужъ прямо къ государю.

Князь Ливенъ оставилъ Полежаева въ залѣ — гдѣ дожидались нѣсколько придворныхъ и другихъ высшихъ чиновниковъ, не смотря на то, что былъ шестой часъ утра — и пошелъ во внутреннія комнаты. Придворные вообразили себѣ, что молодой человѣкъ чѣмъ-нибудь отличился и тотчасъ вступили съ нимъ въ разговоръ. Какой-то сенаторъ предложилъ ему давать уроки сыну.

Полежаева позвали въ кабинетъ. Государь стоялъ, опершись на бюро, и говорилъ съ Ливеномъ. Онъ бросилъ на взошедшаго испытующій и злой взглядъ, въ рукѣ у него была тетрадь.

— Ты-ли — спросилъ онъ, сочинилъ эти стихи?

— Я — отвѣчалъ Полежаевъ.

— Вотъ князь — продолжалъ государь, вотъ я вамъ дамъ образчикъ университетскаго воспитанія, я вамъ покажу, чему учатся тамъ молодые люди. Читай эту тетрадь вслухъ, прибавилъ онъ, обращаясь снова къ Полежаеву.

Волненіе Полежаева было такъ сильно, что онъ не могъ читать. Взглядъ Николая неподвижно остановился

на немъ. Я знаю этотъ взглядъ, и ни одного не знаю страшнѣе, безнадежнѣе этого сѣро-безцвѣтнаго, холоднаго, оловяннаго взгляда.

— Я не могу, сказалъ Полежаевъ.

— Читай! закричалъ высочайшій фельдфебель.

Этотъ крикъ воротилъ силу Полежаеву, онъ развернулъ тетрадь. Никогда — говорилъ онъ, я не видывалъ *Сашку* такъ переписаннаго и на такой славной бумагѣ.

Сначала ему было трудно читать, потомъ, одушевляясь болѣе и болѣе, онъ громко и живо дочиталъ поэму до конца. Въ мѣстахъ особенно рѣзкихъ государь дѣлалъ знакъ рукой министру. Министръ закрывалъ глаза отъ ужаса.

— Что скажете? — спросилъ Николай по окончаніи чтенія. — Я положу предѣлъ этому разврату, это все еще *слѣды, послѣдніе остатки*; я ихъ искореню. Какого онъ поведенія?

Министръ, разумѣется, не зналъ его поведенія, но въ немъ проснулось что-то человѣческое, и онъ сказалъ: Превосходнѣйшаго поведенія, в. в.

— Этотъ отзывъ тебя спасъ, но наказать тебя надобно, для примѣра другимъ. Хочешь въ военную службу?

Полежаевъ молчалъ.

— Я тебѣ даю военной службой средство очиститься.—Что-же хочешь?

— Я долженъ повиноваться, отвѣчалъ Полежаевъ.

Государь подошелъ къ нему, положилъ руку на плечо и сказавъ: „Отъ тебя зависитъ твоя судьба; если я забуду, ты можешь мнѣ *писать*,“ *поцѣловалъ его въ лобъ*.

Я десять разъ заставлялъ Полежаева повторять разсказъ о поцѣлуѣ, такъ онъ мнѣ казался невѣроятнымъ. Полежаевъ клялся, что это правда.

Отъ государя Полежаева свели къ Дибичу, который

жилъ тутъ-же, во дворцѣ. Дибичъ спалъ, его разбудили, онъ вышелъ зѣвая и, прочитавъ бумагу, спросилъ флигель-адъютанта. — Это онъ? — Онъ, в. с.

— Что-же! доброе дѣло, послужите въ военной, я все въ военной службѣ былъ — видите, дослужился, и вы, можетъ, будете фельдмаршаломъ. Эта неумѣстная, тупая, нѣмецкая шутка была поцѣлуемъ Дибича. Полежаева свезли въ лагерь и отдали въ солдаты.

Прошли года три, Полежаевъ вспомнилъ слова государя и написалъ ему письмо. Отвѣта не было. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, онъ написалъ другое—тоже нѣтъ отвѣта. Увѣренный, что его письма не доходятъ, онъ бѣжалъ и бѣжалъ для того, чтобъ лично подать просьбу. Онъ велъ себя неосторожно, видѣлся въ Москвѣ съ товарищами, былъ ими угощаемъ; разумѣется, это не могло остаться въ тайнѣ. Въ Твери его схватили и отправили въ полкъ какъ бѣглаго солдата, въ цѣпяхъ, пѣшкомъ. Военный судъ приговорилъ его прогнать сквозь строй; приговоръ послали къ государю на утвержденіе.

Полежаевъ хотѣлъ лишить себя жизни передъ наказаніемъ. Долго отыскивая въ тюрьмѣ какое-нибудь острое орудіе, онъ довѣрился старому солдату, который его любилъ. Солдатъ понялъ его и оцѣнилъ его желаніе. Когда старикъ узналъ, что отвѣтъ пришелъ, онъ принесъ ему штыкъ и отдавая сказалъ сквозь слезы: „Я самъ отточилъ его.“

Государь не велѣлъ наказывать Полежаева.

Тогда-то написалъ онъ свое превосходное стохотвореніе:

Безъ утѣшеній
Я погибалъ,
Мой злобный геній
Торжествовалъ.....

Полежаева отправили на Кавказъ; тамъ онъ былъ произведенъ за отличіе въ унтеръ-офицеры. Годы шли и шли; безвыходное, скучное положеніе сломило его; сдѣлаться полицейскимъ поэтомъ и пѣть доблести Николая, онъ не могъ, а это былъ единственный путь отдѣлаться отъ ранца.

Былъ впрочемъ еще другой и онъ предпочелъ его: онъ пилъ для того, чтобъ забыться. Есть страшное стихотвореніе его „Къ сивухѣ."

Онъ перепросился въ карабинерный полкъ, стоявшій въ Москвѣ. Это значительно улучшило его судьбу, но уже злая чахотка разъѣдала его грудь. Въ это время я познакомился съ нимъ, около 1833 года. Помаялся онъ еще года четыре и умеръ въ солдатской больницѣ.

Когда одинъ изъ друзей его явился просить тѣло для погребенія, никто не зналъ гдѣ оно; солдатская больница торгуетъ трупами, она ихъ продаетъ въ университетъ, въ медицинскую академію, вываривaетъ скелеты и пр. Наконецъ онъ нашелъ въ подвалѣ трупъ бѣднаго Полежаева, онъ валялся подъ другими, крысы объѣли ему одну ногу.

Послѣ его смерти издали его сочиненія и при нихъ хотѣли приложить его портретъ въ солдатскей шинели. Цензура нашла это неприличнымъ и бѣдный страдалецъ представленъ въ офицерскихъ эполетахъ — онъ былъ произведенъ въ больницѣ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ТЮРЬМА И ССЫЛКА

(1834—1838).

ГЛАВА VIII.

Пророчество—Арестъ Огарева—Пожаръ — Московскій либералъ — М. Ѳ. Орловъ — Кладбище.

... Разъ весною 1834 года пришелъ я утромъ къ Вадиму, ни его не было дома, ни его братьевъ и сестеръ. Я взошелъ на верхъ въ небольшую комнату его и сѣлъ писать.

Дверь тихо отворилась и взошла старушка, мать Вадима; шаги ея были едва слышны, она подошла устало, болѣзненно къ кресламъ и сказала мнѣ, садясь въ нихъ: Пишите, пишите — я пришла взглянуть, не воротился ли Вадя, дѣти пошли гулять, внизу такая пустота, мнѣ сдѣлалось грустно и страшно, я посижу здѣсь, я вамъ не мѣшаю, дѣлайте свое дѣло.

Лице ея было задумчиво, въ немъ яснѣе обыкновеннаго виднѣлся отблескъ вынесеннаго въ прошедшемъ и та подозрительная рабость къ будущему, то недовѣріе къ жизни, которое всегда остается послѣ большихъ, долгихъ и многочисленныхъ бѣдствій.

Мы разговорились. Она разсказывала что-то о Сибири. — Много, много пришлось мнѣ перестрадать, что то еще придется увидѣть, прибавила она, качая головой — хорошаго ничего не чуетъ сердце.

Я вспомнилъ какъ старушка, иной разъ слушая наши смѣлые разсказы и демагогическіе разговоры, становилась блѣднѣе, тихо вздыхала, уходила въ другую комнату, и долго не говорила ни слова.

— Вы, продолжала она, и ваши друзья, вы идете вѣрной дорогой къ гибели. Погубите вы Вадю, себя и всѣхъ; я вѣдь и васъ люблю какъ сына. Слеза катилась по исхудалой щекѣ.

Я молчалъ. Она взяла мою руку и, стараясь улыбнуться, прибавила: Не сердитесь, у меня нервы разстроены; я все понимаю, идите вашей дорогой, для васъ нѣтъ другой, а еслибъ была, вы всѣ были бы не тѣ. Я знаю это, но не могу переспить страха, и такъ много перенесла несчастій, что на новыя недостаетъ силъ. Смотрите, вы ни слова не говорите Вадѣ объ этомъ, онъ огорчится, будетъ меня уговаривать... вотъ онъ, прибавила старушка, поспѣшно утирая слезы и прося еще разъ взглядомъ, чтобъ я молчалъ.

Бѣдная мать! Святая, великая женщина!

Это стоитъ корнелевскаго «qu'il mourût!»

Пророчество ея скоро сбылось; по счастію на этотъ разъ гроза пронеслась надъ головой ея семьи, но много набралась бѣдная горя и страху.

— *Какъ взяли?* спрашивалъ я, вскочивъ съ постели и щупая голову, чтобъ знать, сплю я или нѣтъ.

— Полицмейстеръ пріѣзжалъ ночью, съ квартальнымъ и казаками, часа черезъ два послѣ того какъ вы ушли отъ насъ, забралъ бумаги и увезъ Н. П.

Это былъ камердинеръ Огарева. Я не могъ понять, какой поводъ выдумала полиція, въ послѣднее время все было тихо. Огаревъ только за день пріѣхалъ... и отчего же его взяли, а меня нѣтъ?

Сложа руки нельзя было оставаться, я одѣлся, и вышелъ изъ дому безъ опредѣленной цѣли. Это было первое несчастіе, падавшее на мою голову. Мнѣ было скверно, меня мучило мое безсиліе.

Бродя по улицамъ, мнѣ наконецъ пришелъ въ голову одинъ пріятель, котораго общественное положеніе ставило въ возможность узнать въ чемъ дѣло, а можетъ и помочь. Онъ жилъ страшно далеко, на дачѣ за воронцовскимъ полемъ; я сѣлъ на перваго извощика и поскакалъ къ нему. Это былъ часъ седьмой утра.

Года за полтора передъ тѣмъ, познакомились мы съ В., это былъ своего рода левъ въ Москвѣ. Онъ воспитывался въ Парижѣ, былъ богатъ, уменъ, образованъ, остеръ, вольнодумъ, спдѣлъ въ петропавловской крѣпости по дѣлу 14 Декабря и былъ въ числѣ выпущенныхъ; ссылки онъ не испыталъ, но слава осталась при немъ. Онъ служилъ и имѣлъ большую силу у генералъ-губернатора. Князь Голицынъ любилъ людей съ свободнымъ образомъ мыслей, особенно если они его хорошо выражали по французски. Въ русскомъ языкѣ князь былъ не силенъ.

В. былъ лѣтъ десять старше насъ и удивлялъ насъ своими практическими замѣтками, своимъ знаніемъ политическихъ дѣлъ, своимъ французскимъ краснорѣчіемъ и горячностью своего либерализма. Онъ зналъ такъ много и такъ подробно, разсказывалъ такъ мило и такъ плавно; мнѣнія его были такъ твердо очерчены, на все былъ отвѣтъ, совѣтъ, разрѣшеніе. Читалъ онъ все, новые романы, трактаты, журналы, стихи и сверхъ того сильно занимался зоологіей, писалъ проэкты для князя и составлялъ планы для дѣтскихъ книгъ.

Либерализмъ его былъ чистѣйшій трехъ-цвѣтной воды, лѣваго бока между Могеномъ и генераломъ Ламаркомъ.

Его кабинетъ былъ увѣшанъ портретами всѣхъ революціонныхъ знаменитостей отъ Гемидена и Бальи, до Фіески и Арманъ Кареля. Цѣлая библіотека запрещенныхъ книгъ находилась подъ этимъ революціоннымъ иконостасомъ. Скелетъ, нѣсколько набитыхъ птицъ, сушеныхъ амфибій и моченыхъ внутренностей, набрасывали серьезный колоритъ думы и созерцанія на слишкомъ горячительный характеръ кабинета.

Мы съ завистью посматривали на его опытность и знаніе людей; его тонкая проническая манера возражать имѣла на насъ большое вліяніе. Мы на него смотрѣли какъ на *дѣловаго* революціонера, какъ на государственнаго человѣка in spe.

Я не засталъ В. дома. Онъ съ вечара уѣхалъ въ городъ для свиданья съ княземъ, его камердинеръ сказалъ, что онъ непремѣнно будетъ часа черезъ полтора домой. Я остался ждать.

Дача занимаемая В. была превосходна. Кабинетъ, въ которомъ я дожидался былъ обширенъ, высокъ и au rez-de-chaussée, огромная дверь вела на террассу и въ садъ. День былъ жаркій, изъ сада пахло деревьями и цвѣтами, дѣти играли передъ домомъ, звонко смѣясь. Богатство, довольство, просторъ, солнце и тѣнь, цвѣты и зелень... а въ тюрьмѣ-то узко, душно, темно. Не знаю, долго ли я сидѣлъ погруженный въ горькія мысли, какъ вдругъ камердинеръ съ какимъ-то страннымъ одушевленіемъ позвалъ меня съ террассы.

— Что-такое? спросилъ я.

— Да пожалуйте сюда, взгляните.

Я вышелъ, не желая его обидѣть, на террассу — и обомлѣлъ. Цѣлый полукругъ домовъ пылалъ, точно будто всѣ они загорѣлись въ одно время. Пожаръ разростался съ невѣроятной скоростью.

Я остался на террассѣ. Камердинеръ смотрѣлъ съ какимъ-то нервнымъ удовольствіемъ на пожаръ, приговаривая: „славно забираетъ, вотъ и этотъ домъ, на право загорится, непремѣнно загорится.“

Пожаръ имѣетъ въ себѣ что-то революціонное, онъ смѣется надъ собственностью, нивелируетъ состоянія. Камердинеръ инстинктомъ понялъ это.

Черезъ полчаса времени, четверть небосклона покрылась дымомъ, краснымъ внизу и сѣрочернымъ сверху. Въ этотъ день выгорѣло Лафертово. Это было начало тѣхъ зажигательствъ, которыя продолжались мѣсяцевъ пять, объ нихъ мы еще будемъ говорить.

Наконецъ пріѣхалъ и В. Онъ былъ въ ударѣ, милъ, привѣтливъ, разсказалъ мнѣ о пожарѣ, мимо котораго ѣхалъ, объ общемъ говорѣ, что это поджогъ и полушутя прибавилъ: Пугачевщина-съ, вотъ посмотрите и мы съ вами не уйдемъ, посадятъ насъ на колъ...

— Прежде нежели посадятъ насъ на колъ, отвѣчалъ я, боюсь, чтобъ не посадили на цѣпь. Знаете ли вы, что сегодня ночью полиція взяла Огарева?

— Полиція, — что вы говорите?

— Я за этимъ къ вамъ пріѣхалъ. Надобно что нибудь сдѣлать, съѣздите къ князю, узнайте въ чемъ дѣло, попросите мнѣ дозволеніе его увидѣть.

Не получая отвѣта, я взглянулъ на В., но вмѣсто его, казалось, былъ его старшій братъ, съ посоловѣлымъ лицемъ, съ опустившимися чертами, — онъ ахалъ и безпокоился.

— Что съ вами?

— Вѣдь вотъ я вамъ говорилъ, всегда говорилъ, до чего это доведетъ... да, да, этого надобно было ждать, прошу покорно, — ни тѣломъ, ни душой невиноватъ, а

и меня пожалуй посадятъ, эдакъ шутить нельзя, я знаю что такое казематы.

— Поѣдете вы къ князю?

— Помилуйте, за чѣмъ же это? я вамъ совѣтую дружески, и не говорите объ Огаревѣ, живите какъ можно тише, а то худо будетъ. Вы не знаете, какъ эти дѣла опасны; мой искренній совѣтъ, держите себя въ сторонѣ; тормошитесь, какъ хотите, Огареву не поможете, а сами попадетесь. Вотъ оно самовластье—какія права, какая защита, есть что ли адвокаты, судьи?

На этотъ разъ я не былъ расположенъ слушать его смѣлыя мнѣнія и рѣзкія сужденія. Я взялъ шляпу и уѣхалъ.

Дома я засталъ все въ волненіи. Уже отецъ мой былъ сердитъ на меня за взятіе Огарева, уже Сенаторъ былъ на лицо, рылся въ моихъ книгахъ, отбиралъ по его мнѣнію опасныя и былъ недоволенъ.

На столѣ я нашелъ записку отъ М. Ѳ. Орлова, онъ звалъ меня обѣдать. Не можетъ ли онъ чего нибудь сдѣлать? Опытъ хотя меня и проучилъ, но все же — попытка не пытка и спросъ не бѣда.

Михаилъ Ѳедоровичъ Орловъ былъ одинъ изъ основателей знаменитаго Союза Благоденствія и если онъ не попалъ въ Сибирь, то это не его вина, а его брата, пользующагося особой дружбой Николая и который первый прискакалъ съ своей Конной Гвардіей на защиту Зимняго Дворца, 14 декабря. Орловъ былъ посланъ въ свои деревни, черезъ нѣсколько лѣтъ ему позволено было поселиться въ Москвѣ. Въ продолженіе уединенной жизни своей въ деревнѣ, онъ занимался политической экономіей и химіей. Первый разъ, когда я его встрѣтилъ, онъ толковалъ о новой химической номенклатурѣ. У всѣхъ энергическихъ людей, поздно

начинающихъ заниматься какой нибудь наукой, является поползновеніе переставлять мебель и распоряжаться по своему. Номенклатура его была сложнѣе общепринятой французской. Мнѣ хотѣлось обратить его вниманіе и я въ родѣ captatio benevolentiae сталъ доказывать ему, что номенклатура его хороша, но что прежняя лучше.

Орловъ поспорилъ—потомъ согласился.

Мое кокетство удалось, мы съ тѣхъ поръ были съ нимъ въ близкихъ сношеніяхъ. Онъ видѣлъ во мнѣ восходящую возможность, я видѣлъ въ немъ ветерана нашихъ мнѣній, друга нашихъ героевъ, благородное явленіе въ нашей жизни.

Бѣдный Орловъ былъ похожъ на льва въ клѣткѣ. Вездѣ стукался онъ въ рѣшетку, нигдѣ не было ему ни простора, ни дѣла, а жажда дѣятельности его снѣдала.

Послѣ паденія Франціи, я не разъ встрѣчалъ людей этого рода, людей разлагаемыхъ потребностью политической дѣятельности и не имѣющихъ возможности найтиться въ четырехъ стѣнахъ кабинета или въ семейной жизни. Они не умѣютъ быть одни; въ одиночествѣ на нихъ нападаетъ хандра, они становятся капризны, ссорятся съ послѣдними друзьями, видятъ вездѣ интриги противъ себя и сами интригуютъ, чтобъ раскрыть всѣ эти несуществующія козни.

Имъ надобна, какъ воздухъ, сцена и зрители; на сценѣ они дѣйствительно герои и вынесутъ невыносимое. Имъ необходимъ шумъ, громъ, трескъ, имъ надобно произносить рѣчи, слышать возраженія враговъ, имъ необходимо раздраженіе борьбы, лихорадка опасности —безъ этихъ конфортативовъ они тоскуютъ, вянутъ, опускаются, тяжелѣютъ, рвутся вонъ, дѣлаютъ ошибки.

Таковъ Ледрю-Ролленъ, который кстати и лицемъ напоминаетъ Орлова, особенно съ тѣхъ поръ какъ отростилъ усы.

Онъ былъ очень хорошъ собой; высокая фигура его, благородная осанка, красивыя мужественныя черты, совершенно обнаженный черепъ, и все это вмѣстѣ стройно соединенное, сообщали его наружности неотразимую привлекательность. Его бюстъ pendant бюсту А. П. Ермолова, которому его насупленный, четвероугольный лобъ, шалашъ сѣдыхъ волосъ и взглядъ проницающій даль, придавали ту красоту вождя, состарѣвшагося въ битвахъ, въ которую влюбилась Марія Кочубей въ Мазепѣ.

Отъ скуки Орловъ не зналъ что начать. Пробовалъ онъ и хрустальную фабрику заводить, на которой дѣлались средне-вѣковыя стекла съ картинами, обходившіяся ему дороже, чѣмъ онъ ихъ продавалъ, и книгу онъ принимался писать „о кредитѣ“ — нѣтъ, не туда рвалось сердце, но другаго выхода не было. Левъ былъ осужденъ праздно бродить между Арбатомъ и Басманной, не смѣя даже давать волю своему языку.

Смертельно жаль было видѣть Орлова, успѣвавшагося сдѣлаться ученымъ, теоретикомъ. Онъ имѣлъ умъ ясный и блестящій, но вовсе не спекулятивный, а тутъ онъ путался въ разныхъ новоизобрѣтенныхъ системахъ на давнознакомые предметы — въ родѣ химической номенклатуры. Все отвлеченное ему рѣшительно не удавалось, но онъ съ величайшимъ ожесточеніемъ возился съ метафизикой.

Неосторожный, невоздержный на языкъ, онъ безпрестанно дѣлалъ ошибки; увлекаемый первымъ впечатлѣніемъ, которое у него было рыцарски благородно, онъ вдругъ вспоминалъ свое положеніе и сворачивалъ съ

полъ-дороги. Эти дипломатическіе контръ марши ему удавались еще меньше метафизики и номенклатуры; и онъ, заступивъ за одну постромку, заступалъ за двѣ, за три, стараясь выправиться. Его бранили за это; люди такъ поверхностны и не внимательны, что они больше смотрятъ на слова, чѣмъ на дѣйствія и отдѣльнымъ ошибкамъ даютъ больше вѣса, чѣмъ совокупности всего характера. Что тутъ винить съ натянутой регуловской точки зрѣнія человѣка—надобно винить грустную среду, въ которой всякое благородное чувство передается какъ контрабанда, подъ полой, да затворивши двери; а сказалъ слово громко—такъ день цѣлый и думаешь, скоро ли придетъ полиція...

Обѣдъ былъ большой. Мнѣ пришлось сидѣть возлѣ генерала Раевскаго, брата жены Орлова. Раевскій былъ тоже въ опалѣ съ 14 декабря; сынъ знаменитаго Н. Н. Раевскаго, онъ мальчикомъ четырнадцати лѣтъ находился съ своимъ братомъ подъ Бородинымъ возлѣ отца; впослѣдствіи онъ умеръ отъ ранъ на Кавказѣ. Я разсказалъ ему объ Огаревѣ и спросилъ, можетъ ли и захочетъ ли Орловъ что нибудь сдѣлать?

Лице Раевскаго подернулось облакомъ, но это было не выраженіе плаксиваго самосохраненія, которое я видѣлъ утромъ, а какая-то смѣсь горькихъ воспоминаній и отвращенія.

— Тутъ нѣтъ мѣста хотѣть или не хотѣть, отвѣчалъ онъ, только я сомнѣваюсь, чтобъ Орловъ могъ много сдѣлать; послѣ обѣда пройдите въ кабинетъ, я его приведу къ вамъ. Такъ вотъ, прибавилъ онъ, помолчавъ, и вашъ чередъ пришелъ; этотъ омутъ всѣхъ утянетъ.

Распросивши меня, Орловъ написалъ письмо къ кня-

зю Голицыну, прося его свиданья. „Князь—сказалъ онъ мнѣ—порядочный человѣкъ; если онъ ничего не сдѣлаетъ, то скажетъ, по крайней мѣрѣ, правду.“

Я, на другой день, поѣхалъ за отвѣтомъ. Князь Голицынъ сказалъ, что Огаревъ арестованъ по высочайшему повелѣнію, что назначена слѣдственная коммиссія, и что матерьяльнымъ поводомъ былъ какой-то пиръ 24 іюня, на которомъ пѣли возмутительныя пѣсни. Я ничего не могъ понять. Въ этотъ день были имянины моего отца; я весь день былъ дома и Огаревъ былъ у насъ.

Съ тяжелымъ сердцемъ оставилъ я Орлова; и ему было не хорошо; когда я ему подалъ руку, онъ всталъ, обнялъ меня, крѣпко прижалъ къ широкой своей груди и поцѣловалъ.

Точно будто онъ чувствовалъ, что мы разстаемся на долго.

Я его видѣлъ съ тѣхъ поръ одинъ разъ, ровно черезъ шесть лѣтъ. Онъ угасалъ. Болѣзненное выраженіе, задумчивость и какая-то новая угловатость лица поразили меня; онъ былъ печаленъ, чувствовалъ свое разрушеніе, зналъ разстройство дѣлъ — и не видѣлъ выхода. Мѣсяца черезъ два онъ умеръ; кровь свернулась въ его жилахъ.

....Въ Люцернѣ есть удивительный памятникъ; онъ сдѣланъ Торвальдсеномъ въ дикой скалѣ. Въ впадинѣ лежитъ умирающій левъ; онъ раненъ на смерть, кровь струится изъ раны, въ которой торчитъ обломокъ стрѣлы; онъ положилъ молодецкую голову на лапу, онъ стонетъ, его взоръ выражаетъ нестерпимую боль; кругомъ пусто, внизу прудъ, все это задвинуто горами, деревьями, зеленью; прохожіе идутъ, не догадываясь, что тутъ умираетъ царственный звѣрь.

Разъ какъ-то, долго сидя на скамьѣ противъ каменнаго страдальца, я вдругъ вспомнилъ мое послѣднее посѣщеніе Орлова...

Ѣхавши отъ Орлова домой мимо оберъ-полицмейстерскаго дома, мнѣ пришло въ голову попросить у него открыто дозволеніе повидаться съ Огаревымъ.

Я отъ роду никогда не бывалъ прежде ни у одного полицейскаго лица. Меня заставили долго ждать, наконецъ оберъ полицмейстеръ вышелъ.

Мой вопросъ его удивилъ.

— Какой поводъ заставляетъ васъ просить дозволеніе?

— Огаревъ мой родственникъ.

— Родственникъ? спросилъ онъ, прямо глядя мнѣ въ глаза.

Я не отвѣчалъ, но также прямо смотрѣлъ въ глаза его превосходительства.

— Я не могу вамъ дать позволенія, сказалъ онъ, вашъ родственникъ au secret. Очень жаль!

....Неизвѣстность и бездѣйствіе убивали меня. Почти никого изъ друзей не было въ городѣ, узнать рѣшительно нельзя было ничего. Казалось полиція забыла или обошла меня. Очень, очень было скучно. Но когда все небо заволокло сѣрыми тучами и длинная ночь ссылки и тюрьмы приближалась, свѣтлый лучъ сошелъ на меня.

Нѣсколько словъ глубокой симпатіи, сказанныя семнадцатилѣтней дѣвушкой, которую я считалъ ребенкомъ, воскресили меня.

Первый разъ въ моемъ разсказѣ является женскій образъ.... и собственно одинъ женскій образъ является во всей моей жизни.

Мимолетныя, юныя, весеннія увлеченія, волновавшія

душу, поблѣднѣли, исчезли передъ нимъ, какъ туманныя картины; новыхъ, другихъ не пришло.

Мы встрѣтились на кладбищѣ. Она стояла опершись на надгробный памятникъ, и говорила объ Огаревѣ, и грусть моя улеглась.

— До завтра— сказала она, и подала мнѣ руку, улыбаясь сквозь слезы.

— До завтра — отвѣтилъ я.... и долго смотрѣлъ вслѣдъ за исчезавшимъ образомъ ея.

Это было девятнадцатаго іюля 1834.

ГЛАВА IX.

Арестъ—Добросовѣстный—Канцелярія пречистенскаго частнаго дома—Патріархальный судъ.

...„До завтра," повторялъ я засыпая... на душѣ было необыкновенно легко и хорошо.

Часу во второмъ ночи, меня разбудилъ камердинеръ моего отца; онъ былъ раздѣтъ и испуганъ.

— Васъ требуетъ какой-то офицеръ.

— Какой офицеръ?

— Я не знаю.

— Ну такъ я знаю, сказалъ я ему, и набросилъ на себя халатъ. Въ дверяхъ залы стояла фигура, завернутая въ военную шинель; къ окну виднѣлся бѣлый султанъ, сзади были еще какія-то лица—я разглядѣлъ казацкую шапку.

Это былъ полицмейстеръ Миллеръ.

Онъ сказалъ мнѣ, что по приказанію военнаго генералъ-губернатора, которое было у него въ рукахъ, онъ долженъ осмотрѣть мои бумаги. Принесли свѣчи. Полицмейстеръ взялъ мои ключи; квартальный и его поручикъ стали рыться въ книгахъ, въ бѣльѣ. Полицмейстеръ занялся бумагами; ему все казалось подозрительнымъ, онъ все откладывалъ и вдругъ, обращаясь ко мнѣ, сказалъ:

— Я васъ попрошу покамѣсть одѣться: вы поѣдете со мной.

— Куда? спросилъ я.

— Въ пречистенскую часть — отвѣтилъ полицмейстеръ успокоивающимъ голосомъ.

— А потомъ?

— Дальше ничего нѣтъ въ приказаніи генералъ-губернатора.

Я сталъ одѣваться.

Между тѣмъ, испуганные слуги разбудили мою мать; она бросилась изъ своей спальной, ко мнѣ въ комнату, но въ дверяхъ между гостинной и залой была остановлена казакомъ. Она вскрикнула, я вздрогнулъ и побѣжалъ туда. Полицмейстеръ оставилъ бумаги и вышелъ со мной въ залу. Онъ извинился передъ моею матерью, пропустилъ ее, разругалъ казака, который былъ не виноватъ, и воротился къ бумагамъ.

Потомъ взошелъ мой отецъ. Онъ былъ блѣденъ, но старался выдержать свою безстрастную роль. Сцена становилась тяжела. Мать моя сидѣла въ углу и плакала. Старикъ говорилъ безразличныя вещи съ полицмейстеромъ, но голосъ его дрожалъ. Я боялся, что не выдержу этого à la longue и не хотѣлъ доставить квартальнымъ удовольствіе видѣть меня плачущимъ.

Я дернулъ полицмейстера за рукавъ.—Поѣдемте!

— Поѣдемте — сказалъ онъ съ радостью. Отецъ мой вышелъ изъ комнаты и черезъ минуту возвратился; онъ принесъ маленькой образъ, надѣлъ мнѣ на шею и сказалъ, что имъ благословилъ его отецъ умирая. Я былъ тронутъ; этотъ *религіозный* подарокъ показалъ мнѣ мѣру страха и потрясенія въ душѣ старика. Я сталъ на колѣни, когда онъ надѣвалъ его; онъ поднялъ меня, обнялъ и благословилъ.

Образъ представлялъ, на фишифти, отсѣченную голову Іоанна Предтечи на блюдѣ. Что это было — примѣръ, совѣтъ или пророчество? — не знаю, но смыслъ образа поразилъ меня.

Мать моя была почти безъ чувствъ.

Вся дворня провожала меня по лѣстницѣ со слезами, бросаясь цѣловать меня, мои руки—я заживо присутствовалъ при своемъ выносѣ; полицмейстеръ хмурился и торопилъ.

Когда мы вышли за ворота, онъ собралъ свою команду; съ нимъ было четыре казака, двое квартальныхъ и двое полицейскихъ. — Позвольте мнѣ идти домой, спросилъ у полицмейстера человѣкъ съ бородой, сидѣвшій передъ воротами.—Ступай, сказалъ Миллеръ. — Это что за человѣкъ? спросилъ я, садясь на дрожки. — Добросовѣстный; вы знаете, что безъ добросовѣстнаго полиція не можетъ входить въ домъ.—За тѣмъ-то вы и оставили его за воротами? — Пустая форма! даромъ помѣшали человѣку спать, замѣтилъ Миллеръ.

Мы поѣхали въ сопровожденіи двухъ казаковъ верхомъ.

Въ частномъ домѣ не было для меня особой комнаты. Полицмейстеръ велѣлъ до утра посадить меня въ канцелярію. Онъ самъ привелъ меня туда; бросился на кресла, и устало зѣвая, бормоталъ: „проклятая служба,

на скачкѣ былъ съ трехъ часовъ, да вотъ съ вами провозился до утра — небось ужъ четвертый часъ, а завтра въ девять съ рапортомъ ѣхать.“

— Прощайте — прибавилъ онъ черезъ минуту и вышелъ. Унтеръ заперъ меня на ключъ, замѣтивъ, что если что нужно, то могу постучать въ дверь.

Я отворилъ окно — день ужъ начался, утренній вѣтеръ подымался; я попросилъ у унтера воды и выпилъ цѣлую кружку. О снѣ не было и въ помышленіи. Впрочемъ и лечь было некуда; кромѣ грязныхъ кожаныхъ стульевъ и одного кресла въ канцеляріи находился только большой столъ, заваленный бумагами и въ углу маленькой столъ, еще болѣе заваленный бумагами. Скудный ночникъ не могъ освѣщать комнату, а дѣлалъ колеблющееся пятно свѣта на потолкѣ, блѣднѣвшее больше и больше отъ разсвѣта.

Я сѣлъ на мѣсто частнаго пристава и взялъ первую бумагу, лежавшую на столѣ — билетъ на похороны дворовaго человѣка князя Гагарина и медицинское свидѣтельство, что онъ умеръ по всѣмъ правиламъ науки. Я взялъ другую — полицейскій уставъ. Я пробѣжалъ его и нашелъ въ немъ статью, въ которой сказано: „всякій арестованный имѣетъ право черезъ три дня послѣ ареста узнать причину онаго или быть выпущенъ.“ Эту статью я себѣ замѣтилъ.

Черезъ часъ времени, я видѣлъ въ окно, какъ пріѣхалъ нашъ дворецкій и привезъ мнѣ подушку, одѣяло и шинель. Онъ просилъ о чемъ-то унтера, вѣроятно о позволеніи взойти ко мнѣ; это былъ сѣдой старикъ, у котораго я ребенкомъ перекрестилъ двухъ или трехъ дѣтей. Унтеръ грубо и отрывисто отказывалъ ему; одинъ изъ нашихъ кучеровъ стоялъ возлѣ. Я имъ закричалъ въ окно. Унтеръ засуетился и велѣлъ имъ убираться.

Старикъ кланялся мнѣ въ поясъ и плакалъ; кучеръ, стегнувши лошадь, снялъ шляпу и утеръ глаза—дрожки застучали и слезы полились у меня градомъ. Душа переполнилась. Это были первыя и послѣднія слезы во все время заключенія.

Къ утру, канцелярія начала наполняться, явился писарь, который продолжалъ быть пьянымъ съ вчерашняго дня — фигура чахоточная, рыжая, въ прищахъ, съ животно развратнымъ выраженіемъ въ лицѣ. Онъ былъ во фракѣ кирпичнаго цвѣта, прескверно сшитомъ, нечистомъ, лоснящемся. Всѣдъ за нимъ пришелъ другой, въ унтеръ-офицерской шинели, чрезвычайно развязный. Онъ тотчасъ обратился къ мнѣ съ вопросомъ:

— Въ театрѣ что ли-съ попались?

— Меня арестовали дома.

— И самъ Ѳедоръ Ивановичъ?

— Кто это Ѳедоръ Ивановичъ?

— Полковникъ Маллеръ-съ.

— Да, онъ.

— Понимаемъ-съ, — онъ моргнулъ рыжему, который не показалъ никакого участія. Кантонистъ не продолжалъ разговора; онъ увидѣлъ, что я взятъ ни за буянство, ни за пьянство, и потерялъ ко мнѣ весь интересъ, а можетъ и боялся вступить въ разговоръ съ *опаснымъ* арестантомъ.

Спустя не много явились разные квартальные, заспанные и непроспавшіеся, наконецъ проспѣли и тяжущіеся.

Содержательница публичнаго дома жаловалась на полпивщика, что онъ въ своей лавкѣ обругалъ ее всенародно и притомъ такими словами, которыя она, будучи женщиной, не можетъ произнести при начальствѣ. Полпивщикъ клялся, что онъ такихъ словъ никогда не

произносилъ. Содержательница клялась, что онъ ихъ неоднократно произносилъ и очень громко, причемъ она прибавляла, что онъ замахнулся на нее, и еслибъ она не наклонилась, то онъ раскроилъ бы ей все лицо. Сидѣлецъ говорилъ, что она во-первыхъ ему не платитъ долгъ, во-вторыхъ разобидила его въ собственной его лавкѣ, и, мало того, обѣщала исколотить его не на животъ, а на смерть руками своихъ приверженцевъ.

Содержательница, высокая, неопрятная женщина, съ отекшими глазами, кричала пронзительно громкимъ, впзжащимъ голосомъ и была чрезвычайно многорѣчива. Сидѣлецъ больше бралъ мимикой и движеніями, чѣмъ словами.

Саломонъ-квартальный, вмѣсто суда, бранилъ ихъ обоихъ на чемъ свѣтъ стоитъ. — Съ жиру собаки бѣсятся, говорилъ онъ, сидѣли-бъ бестіи покойно у себя, благо мы молчимъ, да мирволимъ. Видишь, важность какая! поругались — да и тотчасъ начальство безпокоить. И что вы за фря такая? словно вамъ въ первый разъ—да васъ назвать нельзя, не выругавши, такимъ ремесломъ занимаетесь. — Полпивщикъ тряхнулъ головой и передернулъ плечами въ знакъ глубокаго удовольствія. Квартальный тотчасъ напалъ на него. — А ты что изъ-за прилавка лапишься, собака? хочешь въ сибирку? Сквернословъ эдакой, да лапу еще подымать — а березовыхъ, горячихъ... хочешь?

Для меня эта сценаимѣла всю прелестъ новости, она у меня осталась въ памяти на всегда; это былъ первый, патріархальный русскій процессъ, который я видѣлъ.

Содержательница и квартальный кричали до тѣхъ поръ, пока взошелъ частный приставъ. Онъ, не спрашивая зачѣмъ эти люди тутъ и чего хотятъ, закричалъ

еще больше дикимъ голосомъ: „Вонъ отсюда, вонъ, что здѣсь торговая баня или кабакъ?“ — Прогнавши „сволочь,“ онъ обратился къ квартальному: „Какъ вамъ это не стыдно допускать такой безпорядокъ? сколько разъ вамъ говорилъ? уваженіе къ мѣсту теряется — шваль всякая станетъ послѣ этого Содомъ дѣлать. Вы потакаете слишкомъ этимъ мошенникамъ. Это что за человѣкъ?“ спросилъ онъ обо мнѣ.

Арестантъ, отвѣчалъ квартальный, котораго привезли Ѳедоръ Ивановичъ, тутъ есть бумажка-съ.

Частный пробѣжалъ бумажку, посмотрѣлъ на меня, съ неудовольствіемъ встрѣтилъ прямой и неподвижный взглядъ, который я на немъ остановилъ, приготовляясь на первое его слово дать сдачи, и сказалъ: Извините.

Дѣло содержательницы и полпивщика снова явилось; она требовала присяги; пришелъ попъ; кажется, они оба присягнули, я конца не видалъ. Меня увезли къ оберъ-полицмейстеру; не знаю зачѣмъ, никто не говорилъ со мною ни слова, потомъ опять привезли въ частный домъ, гдѣ мнѣ была приготовлена комната подъ самой каланчей. Унтеръ-офицеръ замѣтилъ, что если я хочу поѣсть, то надобно послать купить что нибудь, что казенный паекъ еще не назначенъ, и что онъ еще дня два не будетъ назначенъ; сверхъ того, какъ онъ состоитъ изъ 3 или 4 копѣекъ серебромъ, то *хорошіе* арестанты предоставляютъ его въ экономію.

Запачканный диванъ стоялъ у стѣны, время было за полдень, я чувствовалъ страшную усталь, бросился на диванъ и уснулъ мертвымъ сномъ. Когда я проснулся, на душѣ все улеглось и успокоилось. Я былъ измученъ въ послѣднее время неизвѣстностью объ Огаревѣ, теперь чередъ дошелъ и до меня, опасность не виднѣлась издали, а обложилась вокругъ, туча была надъ головой.

Это первое гоненіе должно было намъ служить рукоположеніемъ.

ГЛАВА X.

Подъ Каланчей—Лисабонскій квартальный—Зажигатели.

Къ тюрьмѣ человѣкъ пріучается скоро, если онъ имѣетъ сколько нибудь внутренняго содержанія. Къ тишинѣ и совершенной волѣ въ клѣткѣ привыкаешь быстро — никакой заботы, никакого разсѣянія.

Сначала не давали книгъ; частный приставъ увѣрялъ, что изъ дому книгъ не дозволяется брать. Я его просилъ купить. „Развѣ что нибудь учебное, грамматику какую, что-ли? пожалуй можно, а не то, надобно спросить генерала.“ Предложеніе читать отъ скуки грамматику было неизмѣримо смѣшно, тѣмъ не менѣе я ухватился за него обѣими руками и попросилъ частнаго пристава купить итальянскую грамматику и лексиконъ. Со мной были двѣ красненькія ассигнаціи, я отдалъ одну ему; онъ тутъ же послалъ поручика за книгами и отдалъ ему мое письмо къ оберъ-полицмейстеру, въ которомъ я, основываясь на вычитанной мною статьѣ, просилъ объявить мнѣ причину ареста или выпустить меня.

Частный приставъ, въ присутствіи котораго я писалъ письмо, уговаривалъ не посылать его. „Напрасно-съ, ей богу напрасно-съ утруждаете генерала, скажутъ: безпокойные люди, вамъ же вредъ, а пользы никакой не будетъ.“

Вечеромъ явился квартальный и сказалъ: что оберъ-полицмейстеръ велѣлъ мнѣ на словахъ объявить, что въ свое время я узнаю причину ареста. Далѣе онъ вытащилъ изъ кармана засаленную итальянскую граматику и, улыбаясь, прибавилъ: такъ хорошо случилось, что тутъ и словарь есть, лексикончика не нужно. Объ сдачѣ и разговора не было. Я хотѣлъ было снова писать къ оберъ-полицмейстру, но роль миніатюрнаго Гемпдена въ пречистенской части показалась мнѣ слишкомъ смѣшной.

Недѣли черезъ полторы послѣ моего взятія, часу въ десятомъ вечера, пришелъ маленькаго роста черненькой и рябенькой квартальный съ приказомъ одѣться и отправляться въ слѣдственную коммиссію.

Пока я одѣвался, случилось слѣдующее смѣшно-досадное происшествіе. Обѣдъ мнѣ присылали изъ дома, слуга отдавалъ внизу дежурному унтеръ-офицеру, тотъ присылалъ съ солдатомъ ко мнѣ. Виноградное вино позволялось пропускать отъ полубутылки до цѣлой въ день. Н. Сазоновъ, пользуясь этимъ дозволеніемъ, прислалъ мнѣ бутылку превосходнаго Іоганисберга. Солдатъ и я, мы ухитрились двумя гвоздями откупорить бутылку; букетъ поразилъ издали. Этимъ виномъ я хотѣлъ наслаждаться дни три-четыре.

Надобно быть въ тюрьмѣ, чтобъ знать сколько ребячества остается въ человѣкѣ и какъ могутъ тѣшить мелочи отъ бутылки вина до шалости надъ сторожемъ.

Рябинькой квартальной отыскалъ мою бутылку и, обращаясь ко мнѣ, просилъ позволенія немного выпить. Досадно мнѣ было; однако я сказалъ, что очень радъ. Рюмки у меня не было. Извергъ этотъ взялъ стаканъ, налилъ его до невозможной полноты, и вылилъ его себѣ внутрь, не переводя дыханія; этотъ образъ вливанія

спиртовъ и винъ только существуетъ у русскихъ и у поляковъ; я во всей Европѣ не видалъ людей, которые бы пили *залпомъ* стаканъ или умѣли *хватить* рюмку. Чтобъ потерю этого стакана сдѣлать еще чувствительнѣе, рябинькой квартальный, обтирая синимъ табачнымъ платкомъ губы, благодарилъ меня, приговаривая: „мадера хоть куда.“ Я съ ненавистью посмотрѣлъ на него и злобно радовался, что люди не привили квартальному коровьей оспы, а природа не обошла его человѣческой.

Этотъ знатокъ винъ привезъ меня въ оберъ-полицмейстерской домъ на Тверскомъ бульварѣ, ввелъ въ боковую залу и оставилъ одного. Полчаса спустя, изъ внутреннихъ комнатъ вышелъ толстый человѣкъ съ лѣнивымъ и добродушнымъ видомъ; онъ бросилъ портфель съ бумагами на стулъ и послалъ куда-то жандарма, стоявшаго въ дверяхъ.

— Вы вѣрно, сказалъ онъ мнѣ по дѣлу Огарева и другихъ молодыхъ людей недавно взятыхъ? — Я подтвердилъ.

— Слышалъ я, продолжалъ онъ, мелькомъ. Странное дѣло, ничего не понимаю.

— Я сижу двѣ недѣли въ тюрьмѣ по этому дѣлу, да не только ничего не понимаю, но просто не знаю ничего.

— Это-то и прекрасно, сказалъ онъ, пристально посмотрѣвши на меня, и не знайте ничего. Вы меня простите, а я вамъ дамъ совѣтъ: вы молоды, у васъ еще кровь горяча, хочется поговорить, это бѣда; незабудьте же, что вы ничего не знаете, это единственный путь спасенія.

Я смотрѣлъ на него съ удивленіемъ: лицо его не выражало ничего дурнаго; онъ догадался и, улыбнувшись, сказалъ: Я самъ былъ студентъ Московскаго Университета лѣтъ двѣнадцать тому назадъ.

Взошелъ какой-то чиновникъ; толстякъ обратился къ нему какъ начальникъ и, кончивъ свои приказанія, вышелъ вонъ, ласково кивнувъ головой и приложивъ палецъ къ губамъ. Я никогда послѣ не встрѣчалъ этого господина и не знаю кто онъ; но искренность его совѣта я испыталъ.

Потомъ взошелъ полицмейстеръ, другой, не Ѳедоръ Ивановичъ, и позвалъ меня въ коммиссію. Въ большой довольно красивой залѣ сидѣли за столомъ человѣкъ пять, всѣ въ военныхъ мундирахъ, за исключеніемъ одного чахлаго старика. Они курили сигары, весело разговаривали между собой, растегнувши мундиры и развалясь на креслахъ. Оберъ-полицмейстеръ предсѣдательствовалъ.

Когда я взошелъ, онъ обратился къ какой-то фигурѣ, смиренно сидѣвшей въ углу и сказалъ: — Батюшка, не угодно ли? Тутъ только я разглядѣлъ, что въ углу сидѣлъ старый священникъ съ сѣдой бородой и красносинимъ лицомъ. Священникъ дремалъ, хотѣлъ домой; думалъ о чемъ-то другомъ и зѣвалъ, прикрывая рукою ротъ. Протяжнымъ голосомъ и нѣсколько на распѣвъ началъ онъ меня *увѣщевать*; толковалъ о грѣхѣ утаивать истину предъ лицами, назначенными царемъ, и о безполезности такой неоткровенности, взявъ во вниманіе всеслышащее ухо Божіе; онъ не забылъ даже сослаться на вѣчные тексты, что нѣтъ власти аще не отъ Бога и Кесарю Кесарево. Въ заключеніе онъ сказалъ, чтобъ я приложился къ святому Евангелію и *честному* кресту въ удостовѣреніе обѣта, котораго я впрочемъ не давалъ, да онъ и не требовалъ, искренно и откровенно раскрыть всю истину.

Окончивши, онъ поспѣшно началъ завертывать Евангеліе и крестъ. Цинскій, едва приподнявшись, сказалъ

ему, что онъ можетъ идти. Послѣ этого онъ обратился ко мнѣ и перевелъ духовную рѣчь на гражданскій языкъ. „Я прибавлю къ словамъ священника одно— запираться вамъ нельзя, еслибъ вы и хотѣли.“ Онъ указалъ на кипы бумагъ, писемъ, портретовъ, съ намѣреніемъ разбросанныхъ по столу. „Одно откровенное сознаніе можетъ смягчить вашу участь; быть на волѣ или въ Бобруйскѣ, на Кавказѣ, это зависитъ отъ васъ.“

Вопросы предлагались письменно; наивность нѣкоторыхъ была поразительна. „Не знаете ли вы о существованіи какого либо тайнаго общества? Не принадлежите ли вы къ какому нибудь обществу, литературному или *иному?* Кто его члены? гдѣ они собираются?“

На все это было чрезвычайно легко отвѣчать однимъ *Нѣтъ.*

— Вы, я вижу, ничего не знаете, сказалъ, перечитывая отвѣты, Цинскій. Я васъ предупредилъ, вы усложните ваше положеніе.

Тѣмъ и кончился первый допросъ.

...Восемь лѣтъ спустя, въ другой половинѣ дома, гдѣ была слѣдственная коммиссія, жила женщина, нѣкогда прекрасная собой, съ дочерью красавицей, сестра новаго оберъ-полицмейстера.

Я бывалъ у нихъ и всякій разъ проходилъ той залой, гдѣ Цинскій съ компаніей судилъ и рядилъ насъ; въ ней висѣлъ, тогда и потомъ, портретъ Павла, напоминовеніемъ ли того, до чего можетъ унизить человѣка необузданность и злоупотребленіе власти, или для того чтобъ поощрять полицейскихъ на всякую свирѣпость, не знаю, но онъ былъ тутъ, съ тростью въ рукахъ, курносый и нахмуренный; я останавливался всякій разъ предъ этимъ портретомъ, тогда арестантомъ, теперь гостемъ. Небольшая гостинная возлѣ, гдѣ все дышало

женщиной и красотой, была какъ-то неумѣстна въ домѣ строгости и слѣдствій; мнѣ было не по себѣ тамъ и какъ-то жаль, что прекрасно развернувшійся цвѣтокъ попалъ на кирпичную, печальную стѣну съѣзжей. Наши рѣчи и рѣчи небольшаго круга, друзей собиравшихся у нихъ, такъ иронически звучали, такъ удивляли ухо въ этихъ стѣнахъ, привыкнувшихъ слушать допросы, доносы и рапорты о повальныхъ обыскахъ, въ этихъ стѣнахъ, отдѣлявшихъ насъ отъ шопота квартальныхъ, отъ вздоховъ арестантовъ, отъ брянчанья жандармскихъ шпоръ и сабли уральскаго казака.....

Черезъ недѣлю или двѣ снова пришелъ рябинькой квартальный и снова привезъ меня къ Цинскому. Въ сѣняхъ сидѣли и лежали нѣсколько человѣкъ скованныхъ, окруженные солдатами съ ружьями; въ передней было тоже нѣсколько человѣкъ, разныхъ сословій, безъ цѣпей, но строго охраняемыхъ. Квартальный сказалъ мнѣ, что это все зажигатели. Цинскій былъ на пожарѣ, слѣдовало ждать его возвращенія; мы пріѣхали часу въ десятомъ вечера; въ часъ ночи меня еще никто не спрашивалъ и я все еще преспокойно сидѣлъ въ передней съ зажигателями. Изъ нихъ требовали то одного, то другого — полицейскіе бѣгали взадъ и впередъ, цѣпи гремѣли, солдаты отъ скуки брякали ружьями и выкидывали артикулъ. Около часу пріѣхалъ Цинскій, въ сажѣ и копоти, и пробѣжалъ въ кабинетъ, не останавливаясь. Прошло съ полъ-часа, позвали моего квартальнаго; онъ воротился блѣдный, растерянный и съ судорожнымъ подергиваніемъ въ лицѣ. Вслѣдъ за нимъ Цинскій высунулъ голову въ дверь и сказалъ: А васъ, Monsieur Г., вся коммиссія ждала цѣлый вечеръ, этотъ *болванъ* привезъ васъ сюда въ то время, какъ васъ требовали къ князю Голицыну. Мнѣ очень жаль, что вы

здѣсь прождали такъ долго, но это не моя вина. Что прикажете дѣлать съ такими исполнителями? я думаю, пятьдесятъ лѣтъ служитъ и все чурбанъ. Ну, пошелъ теперь домой! прибавилъ онъ, измѣнивъ голосъ на гораздо грубѣйшій и обращаясь къ квартальному.

Квартальный повторялъ цѣлую дорогу — Господи! какая бѣда! человѣкъ не думаетъ, не гадаетъ, что надъ нимъ сдѣлается; ну ужъ онъ меня доѣдетъ теперь. Онъ бы еще ничего, еслибъ васъ тамъ не ждали, а то вѣдь ему срамъ. Господи, какое несчастіе!

Я простилъ ему рейнвейнъ, особенно когда онъ мнѣ сообщилъ, что онъ менѣе былъ испуганъ, когда разъ тонулъ возлѣ Лисабона, чѣмъ теперь. Послѣднее обстоятельство было такъ нежданно для меня, что мною овладѣлъ безумный смѣхъ.—Какъ же вы это попали въ Лисабонъ? помилуйте, на что же это похоже? спросилъ я его. Старикъ былъ лѣтъ за двадцать пять морскимъ офицеромъ. Нельзя не согласиться съ министромъ, который увѣрялъ капитана Копѣйкина, что въ Россіи, нѣкоторымъ образомъ, никакая служба не остается безъ вознагражденія. Его судьба спасла въ Лисабонѣ, для того чтобъ быть обруганымъ Цинскимъ, какъ мальчишкѣ, послѣ сорокалѣтней службы.

Онъ же почти не былъ виноватъ.

Слѣдственная коммиссія, составленная генералъ-губернаторомъ, не понравилась государю; онъ назначилъ новую подъ предсѣдательствомъ князя Сергѣя Михайловича Голицына. Въ этой коммиссіи членами были: московскій комендантъ Стааль, другой князь Голицынъ, жандармскій полковникъ Шубенскій и прежній аудиторъ Оранскій.

Въ оберъ-полицмейстерскомъ приказѣ не было ска-

зано, что коммиссія переведена; весьма естественно, что лисабонскій квартальный свезъ меня къ Цинскому.

Въ частномъ домѣ была тоже большая тревога: три пожара случились въ одинъ вечеръ, и потомъ изъ коммиссіи присылали два раза узнать, что со мной сдѣлалось—не бѣжалъ ли я. Чего Цинскій не добранилъ, то добавилъ частный приставъ лисабонцу, что и слѣдовало ожидать, потому что частный приставъ былъ тоже долею виноватъ, не справившись, куда именно требуютъ. Въ канцеляріи, въ углу, кто то лежалъ на стульяхъ и стоналъ; я посмотрѣлъ — молодой человѣкъ красивой наружности и чисто одѣтый; онъ харкалъ кровью и охалъ, частный лекарь совѣтовалъ пораньше утромъ отправить его въ больницу.

Когда унтеръ-офицеръ привезъ меня въ мою комнату, я выпыталъ отъ него исторію раненаго. Это былъ отставной гвардейскій офицеръ, онъ имѣлъ интригу съ какой-то горничной и былъ у нея, когда загорѣлся флигель. Это было время наибольшаго страха отъ зажигательства; дѣйствительно, не проходило дня, чтобъ я не слышалъ трехъ-четырехъ разъ сигнальнаго колокольчика; изъ окна я видѣлъ всякую ночь два-три зарева. Полиція и жители съ ожесточеніемъ искали зажигателей. Офицеръ, чтобъ не компрометировать дѣвушку, какъ только началась тревога, перелѣзъ заборъ и спрятался въ сараѣ сосѣдняго дома, выжидая минуты, чтобъ выйти. Маленькая дѣвчонка, бывшая на дворѣ, увидѣла его и сказала первымъ прискакавшимъ полицейскимъ, что зажигатель спрятался въ сараѣ; они ринулись туда съ толпой народа и съ торжествомъ вытащили офицера. Они его такъ основательно избили, что онъ на другой день къ утру умеръ.

Начался разборъ захваченныхъ людей; половину от-

пустили, другихъ нашли подозрительными. Полицмейстеръ Брянчаниновъ ѣздилъ всякое утро и допрашивалъ часа три или четыре. Иногда допрашиваемыхъ сѣкли или били; тогда ихъ вопль, крикъ, просьбы, визгъ, женскій стонъ, вмѣстѣ съ рѣзкимъ голосомъ полицмейстера и однообразнымъ чтеніемъ письмоводителя, доходили до меня. Это было ужасно, невыносимо. Мнѣ по ночамъ грезились эти звуки и я просыпался въ изступленіи, думая, что страдальцы эти въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня лежатъ на соломѣ, въ цѣпяхъ, съ изодранной, съ избитой спиной, и навѣрное безъ всякой вины.

Чтобъ знать, что такое русская тюрьма, русскій судъ и полиція, для этого надобно быть мужикомъ, дворовымъ, мастеровымъ или мѣщаниномъ. Политическихъ арестантовъ, которые большею частію принадлежатъ къ дворянству, содержатъ строго, наказываютъ свирѣпо, но ихъ судьба не идетъ ни въ какое сравненіе съ судьбою бѣдныхъ бородачей. Съ этими полиція не церемонится. Къ кому мужикъ или мастеровой пойдетъ потомъ жаловаться, гдѣ найдетъ судъ?

Таковъ безпорядокъ, звѣрство, своеволіе и развратъ русскаго суда и русской полиціи, что простой человѣкъ, попавшійся подъ судъ, боится не наказанія по суду, а судопроизводства. Онъ ждетъ съ нетерпѣніемъ, когда его пошлютъ въ Сибирь; его мученичество оканчивается съ началомъ наказанія. Теперь вспомнимъ, что три четверти людей, хватаемыхъ полиціею по подозрѣнію, судомъ освобождаются и что они прошли черезъ тѣ же истязанія, какъ и виновные.

Петръ III уничтожилъ застѣнокъ и тайную канцелярію.

Екатерина II уничтожила пытку.

Александръ I *еще разъ* ее уничтожилъ.

Отвѣты, сдѣланные „подъ страхомъ," не считаются по закону. Чиновникъ, пытающій подсудимаго, подвергается самъ суду и строгому наказанію.

И во всей Россіи — отъ Берингова пролива до Таурогена—людей пытаютъ; тамъ гдѣ опасно пытать розгами, пытаютъ нестерпимымъ жаромъ, жаждой, соленой пищей; въ Москвѣ полиція ставила какого то подсудимаго босаго, градусовъ въ десять мороза, на чугунный полъ; онъ занемогъ и умеръ въ больницѣ, бывшей подъ начальствомъ князя Мещерскаго, разсказывавшаго съ негодованіемъ объ этомъ. Начальство знаетъ все это, губернаторы прикрываютъ, *правительствующій* сенатъ мирволитъ, министры молчатъ; государь и синодъ, помѣщики и квартальные всѣ согласны съ Селифаномъ, „что отъ чего же мужика и не посѣчь, мужика иногда надобно посѣчь!"

Коммиссія, назначенная для розыска зажигательствъ, судила, т. е. сѣкла, мѣсяцевъ шесть къ ряду, и ничего не высѣкла. Государь разсердился и велѣлъ дѣло окончить въ три дня. Дѣло и кончилось въ три дня; виновные были найдены и приговорены къ наказанію кнутомъ, клейменію и ссылкѣ въ каторжную работу. Изъ всѣхъ домовъ собрали дворниковъ смотрѣть страшное наказаніе „зажигателей." Это было уже зимой и я содержался тогда въ крутицкихъ казармахъ. Жандармскій ротмистръ, бывшій при наказаніи, добрый старикъ, сообщилъ мнѣ подробности, которыя я передаю. Первый, осужденный на кнутъ, громкимъ голосомъ сказалъ народу, что онъ клянется въ своей невинности, что онъ самъ не знаетъ, что отвѣчалъ подъ вліяніемъ боли, при этомъ онъ снялъ съ себя рубашку и, повернувшись спиной къ народу, прибавилъ: „посмотрите, православные!"

Стонъ ужаса пробѣжалъ по толпѣ, его спина была синяя полосатая рана и по этой-то ранѣ его слѣдовало бить кнутомъ. Ропотъ и мрачный видъ собраннаго народа заставили полицію торопиться, палачи отпустили законное число ударовъ, другіе заклеймили, третьи сковали ноги и дѣло казалось оконченнымъ. Однако сцена эта поразила жителей; во всѣхъ кругахъ Москвы говорили объ ней. Генералъ-губернаторъ донесъ объ этомъ государю. Государь велѣлъ назначить *новый* судъ и особенно разобрать дѣло зажигателя, протестовавшаго передъ наказніемъ.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, прочелъ я въ газетахъ, что государь, желая вознаградить двухъ невинно наказанныхъ кнутомъ, приказалъ имъ выдать по 200 руб. за ударъ и снабдить особымъ паспортомъ, свидѣтельствующимъ ихъ невинность, не смотря на клеймо. Это былъ зажигатель, говорившій къ народу, и одинъ изъ его товарищей.

Исторія о зажигательствахъ въ Москвѣ въ 1834 г., отозвавшаяся лѣтъ черезъ десять въ разныхъ провинціяхъ, остается загадкой. Что поджоги были, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; вообще огонь, „красный пѣтухъ—“ очень національное средство мести у насъ. Безпрестанно слышишь о поджогѣ барской усадьбы, овина, амбара. Но что за причина была пожаровъ, именно въ 1834 въ Москвѣ, этого никто не знаетъ, всего меньше члены коммиссіи.

Передъ 22 Августа, днемъ коронаціи, какіе-то шалуны подкинули въ разныхъ мѣстахъ письма, въ которыхъ сообщали жителямъ, чтобъ они не заботились объ иллюминаціи, что освѣщеніе будетъ.

Переполошилось трусливое московское начальство. Съ утра частный домъ былъ наполненъ солдатами, эс-

кадронъ улановъ стоялъ на дворѣ. Вечеромъ патрули верхомъ и пѣшіе безпрестанно объѣзжали улицы. Въ экзерциръ-гаузѣ была приготовлена артилерія. Полицмейстеры сказали взадъ и впередъ съ казаками и жандармами, самъ князь Голицынъ съ адъютантами проѣхалъ верхомъ по городу. Этотъ военный видъ скромной Москвы былъ страненъ и дѣйствовалъ на нервы. Я до поздней ночи лежалъ на окнѣ подъ своей каланчей и смотрѣлъ на дворъ... спѣшившіеся уланы сидѣли кучками около лошадей, другіе садились на коней; офицеры расхаживали, съ пренебреженіемъ глядя на полицейскихъ; плацъ-адъютанты пріѣзжали съ озабоченнымъ видомъ, съ желтымъ воротникомъ и, ничего не сдѣлавши, уѣзжали.

Пожаровъ не было.

Вслѣдъ за тѣмъ явился самъ государь въ Москву. Онъ былъ недоволенъ слѣдствіемъ надъ нами, которое только началось, былъ недоволенъ, что насъ оставили въ рукахъ явной полиціи, былъ недоволенъ, что не нашли зажигателей, словомъ былъ недоволенъ всѣмъ и всѣми.

Мы вскорѣ почувствовали высочайшую близость.

ГЛАВА XI.

Крутицкія казармы — Жандармскія повѣствованія — Офицеры.

Дня черезъ три послѣ пріѣзда государя, поздно вечеромъ—всѣ эти вещи дѣлаются въ темнотѣ, чтобъ не безпокоить публику—пришелъ ко мнѣ полицейскій офи-

церъ съ приказомъ собрать вещи и отправляться съ нимъ.

— Куда? спросилъ я.

— Вы увидите, отвѣчалъ умно и учтиво полицейскій. Послѣ этого разумѣется я не продолжалъ разговора, собралъ вещи и пошелъ.

Ѣхали мы, ѣхали, часа полтора, наконецъ проѣхали Симоновъ монастырь и остановились у тяжелыхъ каменныхъ воротъ, передъ которыми ходили два жандарма съ карабинами. Это былъ крутицкій монастырь, превращенный въ жандармскія казармы.

Меня привели въ небольшую канцелярію. Писаря, адъютанты, офицеры, все было голубое. Дежурный офицеръ, въ каскѣ и полной формѣ, просилъ меня подождать и даже предложилъ закурить трубку, которую я держалъ въ рукахъ. Послѣ этого онъ принялся писать росписку въ полученіи арестанта; отдавъ ее квартальному, онъ ушелъ и воротился съ другимъ офицеромъ. Комната ваша готова, сказалъ мнѣ послѣдній, пойдемте. Жандармъ свѣтилъ намъ, мы сошли съ лѣстницы, прошли нѣсколько шаговъ дворомъ, взошли небольшой дверью въ длинный коридоръ, освѣщенный однимъ фонаремъ; по обѣимъ сторонамъ были небольшія двери, одну изъ нихъ отворилъ дежурный офицеръ; дверь вела въ крошечную кордегардію, за которой была небольшая комнатка сырая, холодная и съ запахомъ подвала. Офицеръ съ аксельбантомъ, который привелъ меня, обратился ко мнѣ, на французскомъ языкѣ говоря, что онъ dèsolé d'être dans la nécessité шарить въ моихъ карманахъ, но что военная служба, обязанность, повиновеніе... Послѣ этого краснорѣчиваго вступленія, онъ очень просто обернулся къ жандарму и указалъ на меня глазомъ. Жандармъ въ ту-же минуту запустилъ невѣроятно боль-

шую и шершавую руку въ мой карманъ. Я замѣтилъ учтивому офицеру, что это вовсе не нужно, что я самъ пожалуй выворочу всѣ карманы, безъ такихъ насильственныхъ мѣръ. Къ тому-же, что могло быть у меня послѣ полутора-мѣсячнаго заключенія.

— Знаемъ мы, сказалъ, неподражаемо самодовольно улыбаясь офицеръ съ аксельбантомъ, знаемъ мы порядки частныхъ домовъ. Дежурный офицеръ тоже колко улыбнулся, однако жандарму сказали, чтобъ онъ только смотрѣлъ; я вынулъ все, что было.

— Высыпьте на столъ вашъ табакъ, сказалъ офицеръ désolé.

У меня въ кисетѣ былъ перочинный ножикъ и карандашъ, завернутые въ бумажкѣ; я съ самаго начала думалъ объ нихъ и, говоря съ офицеромъ, игралъ съ кисетомъ до тѣхъ поръ, пока ножикъ мнѣ попалъ въ руку, я держалъ его сквозь матерію, и смѣло высыпалъ табакъ на столъ, жандармъ снова его всыпалъ. Ножикъ и карандашъ были спасены: вотъ жандарму съ аксельбантомъ урокъ за его гордое пренебреженіе къ явной полиціи.

Это происшествіе расположило меня чрезвычайно хорошо, я весело сталъ разсматривать мои новыя владѣнія.

Въ монашескихъ кельяхъ, построенныхъ за триста лѣтъ и ушедшихъ въ землю, устроили нѣсколько свѣтскихъ келій для политическихъ арестантовъ.

Въ моей комнатѣ стояла кровать безъ тюфяка, маленькой столикъ, на немъ кружка съ водой, возлѣ стулъ, въ большомъ мѣдномъ шандалѣ горѣла тонкая сальная свѣча. Сырость и холодъ проникали до костей; офицеръ велѣлъ затопить печь, потомъ всѣ ушли. Солдатъ обѣщалъ принесть сѣна, пока, подложивъ шинель

подъ голову, я легъ на голую кровать, и закурилъ трубку.

Черезъ минуту я замѣтилъ, что потолокъ былъ покрытъ прусскими тараканами. Они давно не видали свѣчи и бѣжали со всѣхъ сторонъ къ освѣщенному мѣсту, толкались, суетились, падали на столъ и бѣгали потомъ опрометью взадъ впередъ по краю стола.

Я не любилъ таракановъ, какъ вообще всякихъ незванныхъ гостей; сосѣди мои показались мнѣ страшно гадки, но дѣлать было нечего, не начать же было жаловаться на таракановъ и нервы покорились. Впрочемъ дня черезъ три всѣ пруссаки перебрались за загородку къ солдату, у котораго было теплѣе; иногда только забѣжитъ бывало одинъ, другой тараканъ, поводитъ усами и тотчасъ назадъ грѣться.

Сколько я не просилъ жандарма, онъ печку все таки закрылъ. Мнѣ становилось не по себѣ, въ головѣ кружилось, я хотѣлъ встать и постучать солдату; дѣйствительно всталъ, но этимъ и оканчивается все, что я помню...

... Когда я пришелъ въ себя, я лежалъ на полу, голову ломило страшно. Высокій, сѣдой жандармъ стоялъ сложа руки и смотрѣлъ на меня безсмысленно-внимательно, въ томъ родѣ, какъ въ извѣстныхъ бронзовыхъ статуэткахъ собака смотритъ на черепаху.

— Славно угорѣли, ваше благородіе, сказалъ онъ, видя, что я очнулся. Я вамъ хрѣнку принесъ съ солью и съ квасомъ, я ужъ вамъ давалъ нюхать, теперь выпейте; я выпилъ, онъ поднялъ меня и положилъ на постель; мнѣ было очень дурно, окно было съ двойной рамой и безъ форточки; солдатъ ходилъ въ канцелярію просить разрѣшенія выйти на дворъ; дежурный офицеръ велѣлъ сказать, что ни полковника, ни адъютанта

нѣтъ на лицо, а что онъ на свою отвѣтственность взять не можетъ. Пришлось оставаться въ угарной комнатѣ.

Обжился я и въ крутицкихъ казармахъ, спрягая итальянскіе глаголы и почитывая кой-какія книжонки. Сначала содержаніе было довольно строго, въ девять часовъ вечера при послѣднемъ звукѣ вѣстовой трубы солдатъ входилъ въ комнату, тушилъ свѣчу и запиралъ дверь на замокъ. Съ девяти вечера до восьми слѣдующаго дня приходилось сидѣть въ потемкахъ. Я никогда не спалъ много, въ тюрьмѣ безъ всякаго движенія мнѣ за глаза было достаточно четырехъ часовъ сна, каково-же наказаніе не имѣть свѣчи? Къ тому же часовые съ двухъ сторонъ коридора кричали каждые четверть часа протяжно и громко „Слу—у—у шай!“

Черезъ нѣсколько недѣль, полковникъ Семеновъ (братъ знаменитой актрисы, впослѣдствіи княгини Гагариной) позволилъ оставлять свѣчу, запретивъ, чтобъ чѣмъ нибудь завѣшивали окно, которое было ниже двора, такъ что часовой могъ видѣть все, что дѣлается у арестанта, и не велѣлъ въ коридорѣ кричать „слушай.“

Потомъ комендантъ разрѣшилъ намъ имѣть чернильницу и гулять по двору. Бумага давалась счетомъ на томъ условіи, чтобъ всѣ листы были цѣлы. Гулять было дозволено разъ въ сутки на дворѣ, окруженномъ оградой и цѣпью часовыхъ въ сопровожденіи солдата и дежурнаго офицера.

Жизнь шла однообразно, тихо, военная аккуратность придавала ей какую-то механическую правильность въ родѣ цензуры въ стихахъ. Утромъ я варилъ съ помощью жандарма въ печкѣ кофей; часовъ въ десять являлся дежурный офицеръ, внося съ собой нѣсколько кубическихъ футовъ мороза, гремя саблей, въ перчаткахъ съ

огромными обшлагами, въ каскѣ и шинели, въ часъ жандармъ приносилъ грязную салфетку и чашку супа, которую онъ держалъ всегда за края, такъ что два большіе пальца были примѣтно чище остальныхъ. Кормили насъ сносно, но при этомъ не слѣдуетъ забывать, что за кормъ брали по два руб. асс. въ день, что въ продолженіи девяти мѣсячнаго заключенія составило довольно значительную сумму для неимущихъ. Отецъ одного арестанта просто сказалъ, что у него денегъ нѣтъ; ему хладнокровно отвѣтили, что у него изъ жалованья вычтутъ. Еслибъ онъ не получалъ жалованья, весьма вѣроятно, что его посадили бы въ тюрьму.

Въ дополненіи должно замѣтить, что въ казармы присылалось для нашего прокормленія полковнику Семенову 1 руб. 50 коп. изъ ордонансъ-гауза. Изъ этого было вышелъ шумъ: но пользовавшіеся этимъ плацъ-адъютанты задарили жандармскій дивизіонъ ложами на первыя представленія и бенефисы, тѣмъ дѣло и кончилось.

Послѣ вечерней зари наступала совершенная тишина, вовсе не прерываемая шагами солдата, хрустѣвшими по снѣгу передъ самымъ окномъ, ни дальними окликами часовыхъ. Обыкновенно я читалъ до часу, и потомъ тушилъ свѣчу. Сонъ переносилъ на волю, иной разъ въ просоньяхъ казалось: фу какія тяжелыя грезы приснились — тюрьма, жандармы, и радуешься, что все это сонъ, а тутъ вдругъ прогрѣмитъ сабля по коридору, или дежурный офицеръ отворитъ дверь, сопровождаемый солдатомъ съ фонаремъ, или часовой прокричитъ нечеловѣчески „кто идетъ?“ или труба подъ самымъ окномъ рѣзкой „зарей“ раздеретъ утренній воздухъ...

Въ скучныя минуты, когда не хотѣлось читать, я толковалъ съ жандармами, караулившими меня, особенно съ старикомъ, лечившимъ меня отъ угара. Полковникъ

въ знакъ милости отряжаетъ старыхъ солдатъ, избавляя ихъ отъ строя, на спокойную должность беречь запертаго человѣка, надъ ними назначается ефрейторъ — шпіонъ и плутъ. Пять-шесть жандармовъ дѣлали всю службу.

Старикъ, о которомъ идетъ рѣчь, былъ существо простое, доброе и преданное за всякую ласку, которыхъ вѣроятно ему немного доставалось въ жизни. Онъ дѣлалъ кампанію 1812 года, грудь его была покрыта медалями, срокъ свой онъ выслужилъ, и остался по доброй волѣ, не зная куда дѣться. Я два раза, говорилъ онъ, писалъ на родину въ могилевскую губернію, да отвѣта не было, видно изъ моихъ никого больше нѣтъ; такъ оно какъ-то и жутко на родину придти, побудешь, побудешь, да какъ окаянный какой и пойдешь, куда глаза глядятъ Христа ради просить. Какое варварское и безжалостное устройство военной службы въ Россіи, съ ея чудовищнымъ срокомъ! Личность человѣка у насъ вездѣ принесена на жертву безъ малѣйшей пощады, безъ всякаго вознагражденія.

Старикъ Филимоновъ имѣлъ притязанія на знаніе нѣмецкаго языка, которому обучался на зимнихъ квартирахъ послѣ взятія Парижа. Онъ очень удачно перекладывалъ на русскіе нравы нѣмецкія слова: лошадь онъ называлъ *фертъ*, яйца—*эйеры*, рыбу—*фишъ*, овесъ — *оберъ*, блины—*панкухи*.

Въ его разсказахъ былъ характеръ наивности, наводившій на меня грусть и раздумье. Въ Молдавіи во время турецкой кампаніи 1805 г. онъ былъ въ ротѣ капитана, добрѣйшаго въ мірѣ, который о каждомъ солдатѣ какъ о сынѣ пекся и въ дѣлѣ былъ всегда впереди. „Его приворожила къ себѣ одна молдаванка, мы видимъ нашъ ротный командиръ въ заботѣ, а, онъ знаете

того, подмѣтилъ, что молдаванка къ другому офицеру похаживаетъ. Вотъ разъ позвалъ онъ меня и одного товарища—славнаго солдата, ему потомъ подъ Малымъ-Ярославцемъ обѣ ноги оторвало — и сталъ намъ говорить, какъ его молдаванка обидѣла, и что хотимъ ли мы помочь ему и дать ей науку. Отъ чего же, говоримъ мы ему, мы вашему высокоблагородію всегда ради стараться, Онъ поблагодарилъ, да и указалъ домъ, въ которомъ жилъ офицеръ и говоритъ: вы ночью станьте на мосту, она безпремѣнно пойдетъ къ нему, вы ее безъ шума возьмите, да и въ рѣку. Можно молъ, ваше высокоблагородіе, говоримъ мы ему, да и припасли съ товарищемъ мѣшочикъ; сидимъ-съ, только едакъ къ полночи бѣжитъ молдаванка, мы знаете, говоримъ ей: что молъ сударыня торопитесь, да и дали ей разъ по головѣ, она голубушка не пикнула, мы ее въ мѣшокъ да и въ рѣку. А капитанъ на другой день къ офицеру пришелъ и говоритъ: вы не гнѣвайтесь на молдаванку, мы ее немножко позадержали, она то есть теперь въ рѣкѣ, а съ вами дискать прогуляться можно, на саблѣ или на пистоляхъ, какъ угодно. Ну и рубились. Тотъ нашему капитану грудь сильно прохватилъ, почахъ сердечный, одначе мѣсяца черезъ три Богу душу и отдалъ.

— А молдаванка, спросилъ я, такъ и утонула?

— Утонула-съ, отвѣчалъ солдатъ.

Я съ удивленіемъ смотрѣлъ на дѣтскую безпечность, съ которой старый жандармъ мнѣ разсказывалъ эту исторію. И онъ, какъ будто догадавшись или подумавъ въ первый разъ о ней, добавилъ, успокоивая меня и примиряясь съ совѣстью:

— Язычница-съ, все равно что некрещенная, такой народъ.

Жандармамъ даютъ всякій царскій день чарку водки.

Вахмистръ дозволялъ Филимонову отказываться разъ пять-шесть отъ своей порціи и получать разомъ всѣ пять-шесть; Филимоновъ мѣтилъ на деревянную бирку сколько стаканчиковъ пропущено и въ самые большіе праздники отправлялся за ними. Водку эту онъ выливалъ въ миску, крошилъ въ нее хлѣбъ и ѣлъ ложкой. Послѣ такой закуски, онъ закуривалъ большую трубку на крошечномъ чубучкѣ, табакъ у него былъ крѣпости невѣроятной, онъ его самъ крошилъ и вслѣдствіе этого остроумно называлъ „санкраше.“ Куря, онъ укладывался на небольшомъ окнѣ, стула въ солдатской комнатѣ не было, согнувшись въ три погибели и пѣлъ пѣсню:

Вышли дѣвки на лужокъ
Гдѣ муравка и цвѣтокъ.

По мѣрѣ того какъ онъ пьянѣлъ, онъ иначе произносилъ слово цвѣтокъ—твѣтокъ, квѣтокъ, хвѣтокъ, дойдя до хвѣтокъ, онъ засыпалъ. Каково здоровье человѣка, слишкомъ шестидесяти лѣтъ, два раза раненаго и который выносилъ такіе завтраки?

Прежде нежели я оставлю эти казарменно-фламандскія картины à la Вуверманъ-Кало и эти тюремныя сплетни, похожія на воспоминанія всѣхъ въ неволѣ заключенныхъ, скажу еще нѣсколько словъ объ офицерахъ.

Большая часть между ними были довольно добрые люди, вовсе не шпіоны, а люди случайно занесенные въ жандармскій дивизіонъ. Молодые дворяне, мало или ничему не учившіеся, безъ состоянія, не зная куда преклонить главы, они были жандармами, потому что не нашли другого дѣла. Должность свою они исполняли со всею военной точностью, но я не замѣчалъ тѣни усердія, исключая, впрочемъ, адъютанта, но за то онъ и былъ адъютантомъ.

Когда офицеры ознакомились со мной, они дѣлали всѣ маленькія льготы и облегченія, которыя отъ нихъ зависѣли, жаловаться на нихъ было бы грѣшно.

Одинъ молодой офицеръ разсказывалъ мнѣ, что въ 1831 году онъ былъ командированъ отыскать и захватить одного польскаго помѣщика, скрывавшагося въ сосѣдствѣ своего имѣнія. Его обвиняли въ сношеніяхъ съ эмиссарами. Офицеръ отправился, по собраннымъ свѣденіямъ онъ узналъ мѣсто, гдѣ укрывался помѣщикъ, явился туда съ командой, оцѣпилъ домъ и взошелъ въ него съ двумя жандармами. Домъ былъ пустой — походили они по комнатамъ, пошныряли, нигдѣ никого, а между прочимъ нѣкоторыя бездѣлицы явно показывали, что въ домѣ недавно были жильцы. Оставя жандармовъ внизу, молодой человѣкъ второй разъ пошелъ на чердакъ; осматривая внимательно, онъ увидѣлъ небольшую дверь, которая вела къ чулану или къ какой нибудь коморкѣ: дверь была заперта изнутри, онъ толкнулъ ее ногой, она отворилась и высокая женщина, красивая собой, стояла передъ ней; она молча указывала ему на мужчину, державшаго въ своихъ рукахъ дѣвочку лѣтъ двѣнадцати, почти безъ памяти. Это былъ онъ и его семья. Офицеръ смутился. Высокая женщина замѣтила это и спросила его: И вы будете имѣть жестокость погубить ихъ? Офицеръ извинялся, говоря обычныя пошлости о безпрекословномъ повиновеніи, о долгѣ и наконецъ въ отчаяніи, видя, что его слова нисколько не дѣйствуютъ, кончилъ свою рѣчь вопросомъ: Что же мнѣ дѣлать? Женщина гордо посмотрѣла на него и сказала указывая рукой на дверь: Идти внизъ и сказать, что здѣсь никого нѣтъ. „Ей Богу, не знаю, говорилъ офицеръ, какъ это случилось и что со мной было, но я сошелъ съ чердака и велѣлъ унтеру собрать команду.

Черезъ два часа мы его усердно искали въ другомъ помѣстьи; пока онъ пробрался за границу. Ну женщина! признаюсь!“

...Ничего въ мірѣ не можетъ быть ограниченнѣе и безчеловѣчнѣе какъ оптовыя осужденія цѣлыхъ сословій по надписи, по нравственному каталогу, по главному характеру цѣха. Названія страшная вещь. Ж. П. Рихтеръ говоритъ съ чрезвычайной вѣрностью: если дитя солжетъ, испугайте его дурнымъ дѣйствіемъ, скажите что онъ солгалъ, но не говорите, что онъ *лгунъ*. Вы разрушаете его нравственное довѣріе къ себѣ, опредѣляя его какъ лгуна. „Это убійца“ говорятъ намъ, и намъ тотчасъ кажется спрятанный кинжалъ, звѣрское выраженіе, черные замыслы, точно будто убивать постоянное занятіе, ремесло человѣка, которому случилось разъ въ жизни кого нибудь убить. Нельзя быть шпіономъ, торгашемъ чужаго разврата, и честнымъ человѣкомъ, но можно быть жандармскимъ офицеромъ, не утративъ всего человѣческаго достоинства; такъ какъ сплошь да рядомъ можно найти женственность, нѣжное сердце и даже благородство въ несчастныхъ жертвахъ „общественной невоздержности.“

Я имѣю отвращеніе къ людямъ, которые не умѣютъ, не хотятъ или не даютъ себѣ труда идти далѣе названія, перешагнуть черезъ преступленіе, черезъ запутанное, ложное положеніе, цѣломудренно отворачиваясь или грубо отталкивая. Это дѣлаютъ обыкновенно отвлеченныя, сухія, себялюбивыя, противныя въ своей чистотѣ натуры или натуры пошлыя, низшія, которымъ еще не удалось или не было нужды заявить себя офиціально; онѣ по сочувствію дома на грязномъ днѣ, на которое другіе упали.

ГЛАВА XII.

Слѣдствіе—Полицынъ sen.—Полицынъ jun.—Генералъ Стааль—Сентенція—Соколовскій.

..... Но при всемъ этомъ что же *дѣло*, что же слѣдствіе и процессъ?

Въ новой коммиссіи дѣло также не шло на ладъ какъ въ старой. Полиція слѣдила за нами давно, но нетерпѣливая не могла въ своемъ усердіи дождаться дѣльнаго повода и сдѣлала вздоръ. Она подослала отставнаго офицера Скарятку, чтобъ насъ завлечь, обличить; онъ познакомился почти со всѣмъ нашимъ кругомъ, но мы очень скоро угадали что онъ такое и удалили его отъ себя. Другіе молодые люди, большею частью студенты, не были такъ осторожны, но эти *другіе* не имѣли съ нами никакой серьезной связи.

Одинъ студентъ, окончившій курсъ, давалъ своимъ пріятелямъ праздникъ 24 Іюня 1834 года. Изъ насъ не только не было ни одного на пиру, но никто не *былъ приглашенъ*. Молодые люди перепились, дурачились, танцовали мазурку и между прочимъ спѣли хоромъ извѣстную пѣсню Соколовскаго:

Русскій Императоръ
Въ вѣчность отошелъ.
Ему операторъ
Брюхо распоролъ.

Плачетъ Государство,
Плачетъ весь народъ,
Ѣдетъ къ намъ на царство
Константинъ уродъ.

Но царю вселенной,
Богу высшихъ силъ,
Царь благословенный
Грамотку вручилъ.

Манифестъ читая
Сжалился Творецъ,
Далъ намъ Николая,
С. . . . , подлецъ.

Вечеромъ Скарятка *вдругъ* вспомнилъ, что это день его именинъ, разсказалъ исторію, какъ онъ выгодно продалъ лошадь и пригласилъ студентовъ къ себѣ, обѣщая дюжину шампанскаго. Всѣ поѣхали. Шампанское явилось и хозяинъ покачиваясь предложилъ еще разъ спѣть пѣсню Соколовскаго. Середь пѣнія отворилась дверь и взошелъ Цинскій съ полиціей. Все это было грубо, глупо, неловко и притомъ неудачно.

Полиція хотѣла захватить *насъ*, она искала внѣшній поводъ запутать въ дѣло человѣкъ пять-шесть, до которыхъ добиралась — и захватила двадцать человѣкъ невинныхъ.

Но русскую полицію трудно сконфузить. Черезъ двѣ недѣли арестовали насъ какъ *соприкосновенныхъ* къ дѣлу праздника. У Соколовскаго нашли письма С., у С. письма Огарева, у Огарева мои, — тѣмъ не менѣе ничего не раскрывалось. Первое слѣдствіе не удалось. Для большаго успѣха второй коммиссіи, государь послалъ изъ Петербурга отборнѣйшаго изъ инквизиторовъ, А. Ѳ. Голицына.

Порода эта у насъ рѣдка. Къ ней принадлежалъ извѣстный начальникъ третьяго отдѣленія Мордвиновъ, виленскій ректоръ Пеликанъ, да нѣсколько служилыхъ остзейцевъ и падшихъ поляковъ.*)

*) Къ вновь отличившимся талантамъ принадлежитъ извѣстный

Но на бѣду инквизиціи, первымъ членомъ былъ назначенъ московскій комендантъ Стааль. Стааль — прямодушный воинъ, старый, храбрый генералъ, разобралъ дѣло и нашелъ, что оно состоитъ изъ двухъ обстоятельствъ, не имѣющихъ ничего общаго между собой, изъ дѣла о праздникѣ, за который слѣдуетъ полицейски наказать, и изъ ареста людей захваченныхъ богъ знаетъ почему, которыхъ вся видимая вина въ какихъ-то полувысказанныхъ мнѣніяхъ, за которыя судить и трудно и смѣшно.

Мнѣніе Стааля не понравилось Голицыну младшему. Споръ ихъ принялъ колкій характеръ; старый воинъ вспыхнулъ отъ гнѣва, ударилъ своей саблей по полу и сказалъ: „вмѣсто того, чтобъ губить людей, вы бы лучше сдѣлали представленіе о закрытіи всѣхъ школъ и университетовъ, это предупредитъ другихъ несчастныхъ а впрочемъ вы можете дѣлать, что хотите, но дѣлать безъ меня, нога моя не будетъ въ коммиссіи.“ Съ этими словами старикъ поспѣшно оставилъ залу.

Въ тотъ-же день это было донесено государю.

Утромъ когда комендантъ явился съ рапортомъ, государь спросилъ его, зачѣмъ онъ не хочетъ ѣздить въ коммиссію? Стааль разсказалъ зачѣмъ.

— Что за вздоръ? возразилъ императоръ, ссориться съ Голицынымъ, какъ не стыдно! я надѣюсь, что ты по прежнему будешь въ коммиссіи.

— Государь, отвѣтилъ Стааль, пощадите мои сѣдые волосы, я дожилъ до нихъ безъ малѣйшаго пятна. Мое усердіе извѣстно в. в., кровь моя, остатокъ дней принадлежатъ вамъ. Но тутъ дѣло идетъ о моей чести —

Липранди, подавшій проэктъ объ учрежденіи академіи шпіонства (1858).

моя совѣсть возстаетъ противъ того, что дѣлается въ коммиссіи.

Государь сморщился, Стааль откланялся и въ коммиссіи не былъ ни разу съ тѣхъ поръ.

Этотъ анекдотъ, котораго вѣрность не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, бросаетъ большой свѣтъ на характеръ Николая. Какъ же ему не пришло въ голову, что если человѣкъ, которому онъ не отказываетъ въ уваженіи, храбрый воинъ, заслуженный старецъ, такъ упирается и такъ умоляетъ пощадить его честь, то стало быть дѣло не совсѣмъ чисто? Меньше нельзя было сдѣлать какъ потребовать на лицо Голицына и велѣть Стаалю при немъ объяснить дѣло. Онъ этого не сдѣлалъ, а велѣлъ насъ строже содержать.

Послѣ него въ коммиссіи остались одни враги подсудимыхъ подъ предсѣдательствомъ простенькаго старичка, князя С. М. Голицина, который черезъ девять мѣсяцевъ также мало зналъ дѣло какъ девять мѣсяцевъ прежде его начала. Онъ хранилъ важно молчаніе, рѣдко вступалъ въ разговоръ и при окончаніи допроса всякій разъ спрашивалъ: Его *могило* отпустить?—Можно, отвѣчаль Голицынъ junior, и senior важно говорилъ арестанту: Ступайте!

Первый допросъ мой продолжалтя четыре часа.

Вопросы были двухъ родовъ. Одни имѣли цѣлью раскрыть образъ мыслей „несвойственныхъ духу правительства, мнѣнія революціонныя и проникнутыя пагубнымъ ученіемъ Сенъ-Симона“ — такъ выражался Голицынъ junior и аудиторъ Оранскій.

Эти вопросы были легки, но не были вопросы. Въ захваченныхъ бумагахъ и письмахъ мнѣнія были высказаны довольно просто; вопросы собственно могли относиться къ вещественному факту, писалъ ли человѣкъ

или нѣтъ такія строки. Коммиссія сочла нужнымъ прибавлять къ каждой выписанной фразѣ: „какъ вы объясняете слѣдующее мѣсто вашего письма?“

Разумѣется, объяснять было нечего, я писалъ уклончивыя и пустыя фразы въ отвѣтъ. Въ одномъ письмѣ аудиторъ открылъ фразу: „всѣ конституціонныя хартіи ни къ чему не ведутъ, это контракты между господиномъ и рабами; задача не въ томъ, чтобъ рабамъ было лучше, но чтобъ не было рабовъ.“ Когда мнѣ пришлось объяснять эту фразу, я замѣтилъ, что я не вижу никакой обязанности защищать конституціонное правительство, и что еслибъ я его защищалъ, меня въ этомъ обвинили бы.

— На конституціонную форму можно нападать съ двухъ сторонъ—замѣтилъ своимъ нервнымъ шипящимъ голосомъ Голицынъ junior — вы не съ монархической точки нападаете, а то вы не говорили бы о *рабахъ*.

— Въ этомъ отношеніи я дѣлю ошибку съ императрицей Екатериной II, которая не велѣла своимъ подданнымъ зваться *рабами*.

Голицынъ junior, задыхаясь отъ злобы за этотъ ироническій отвѣтъ, сказалъ мнѣ: Вы вѣрно, думаете что мы здѣсь собираемся для того, чтобъ вести схоластическіе споры, что вы въ университетѣ защищаете диссертацію?

— За чѣмъ-же вы требуете объясненій?

— Вы дѣлаете видъ, будто не понимаете, чего отъ васъ хотятъ?

— Не понимаю.

— Какая *у нихъ у всѣхъ* упорность, прибавилъ предсѣдатель Голицынъ senior, пожалъ плечами и взглянулъ на жандармскаго полковника Шубенскаго. Я улыбнулся. „Точно Огаревъ,“ довершилъ добрѣйшій предсѣдатель.

Сдѣлалась пауза. Коммиссія собиралась въ библіотекѣ квязя Сергѣя Михайловича, я обернулся къ шкафамъ и сталъ смотрѣть книги. Между прочимъ тутъ стояло много-томное изданіе записокъ герцога Сенъ-Симона.—Вотъ, сказалъ я, обращаясь къ предсѣдателю, какая несправедливость? я подъ слѣдствіемъ за Сенъ-Симонизмъ, а у васъ, князь, томовъ двадцать его сочиненій.

Такъ какъ добрякъ отродясь ничего не читалъ, то онъ и не нашелся что отвѣчать. Но Голицынъ junior взглянулъ на меня глазами эхидны и спросилъ: Что вы не видите, что-ли, что это записки герцога С. Симона, который былъ при Людовикѣ XIV?

Предсѣдатель улыбнулся, сдѣлалъ мнѣ знакъ, головой выражавшій: Что братъ обмишурился? и сказалъ: Ступайте.

Когда я былъ въ дверяхъ, предсѣдатель спросилъ: Вѣдь это онъ писалъ о Петрѣ I, вотъ что вы мнѣ показывали?

— Онъ, отвѣчалъ Шубенскій.

Я пріостановился.

— Il a des moyens — замѣтилъ предсѣдатель.

— Тѣмъ хуже. Ядъ въ ловкихъ рукахъ опаснѣе, прибавилъ инквизиторъ, превредный и совершенно неисправимый молодой человѣкъ.....

Приговоръ мой лежалъ въ этихъ словахъ.

A propos къ Сенъ-Симону. Когда полицмейстеръ бралъ бумаги и книги у Огарева, онъ отложилъ томъ исторіи французской революціи Тьера, потомъ нашелъ другой... третій... восьмой. Наконецъ онъ не вытерпѣлъ и сказалъ: Господи! какое количество революціонныхъ книгъ..... И вотъ еще, прибавилъ онъ, отдавая квартальному рѣчь Кювье sur les revolutions du globe terrestre.

Другой порядокъ вопросовъ былъ запутаннѣе. Въ нихъ употреблялись разныя полицейскія уловки и слѣдственныя шалости, чтобы сбить, запутать, натянуть противурѣчіе. Тутъ дѣлались намеки на показаніе другихъ и разныя нравственныя пытки. Разсказывать ихъ не стоитъ, довольно сказать, что между нами четырьмя при всѣхъ своихъ уловкахъ они не могли натянуть *ни одной очной ставки.*

Получивъ послѣдній вопросъ, я сидѣлъ одинъ въ небольшой комнатѣ, гдѣ мы писали. Вдругъ отворилась дверь и взошелъ Голицынъ jun. съ печальнымъ и озабоченнымъ видомъ. „Я, сказалъ онъ, пришелъ поговорить съ вами передъ окончаніемъ вашихъ показаній. Давнишняя связь моего покойнаго отца съ вашимъ заставляетъ меня принимать въ васъ особенное участіе. Вы молоды и можете еще сдѣлать карьеру; для этого вамъ надобно выпутаться изъ дѣла..... а это зависитъ по счастію отъ васъ. Вашъ отецъ очень принялъ къ сердцу вашъ арестъ и живетъ теперь надеждой, что васъ выпустятъ; мы съ княземъ Сергіемъ Михайловичемъ сейчасъ говорили объ этомъ и искренно готовы многое сдѣлать; дайте намъ средства помочь.“

Я видѣлъ, куда шла его рѣчь; кровь у меня бросилась въ голову, я съ досадой грызъ перо.

Онъ продолжалъ: „вы идете прямо подъ бѣлый ремень или въ казематы, по дорогѣ вы убьете отца, онъ дня не переживетъ, увидѣвъ васъ въ сѣрой шинели.“

Я хотѣлъ что-то сказать, но онъ перервалъ мои слова. „Я знаю, что вы хотите сказать. Потерпите немного. Что у васъ были замыслы противъ правительства, это очевидно. Для того, чтобъ обратить на васъ монаршую милость, намъ надобны доказательства вашего раскаянія. Вы запираетесь во всемъ, уклоняетесь отъ отвѣ-

товъ и изъ ложнаго чувства чести бережете людей, о которыхъ мы знаемъ больше чѣмъ вы, *и которые не были такъ скромны какъ вы*;*) вы имъ не поможете, а они васъ стащатъ съ собой въ пропасть. Напишите письмо въ коммиссію, просто, откровенно, скажите, что вы чувствуете свою вину, что вы были увлечены по молодости лѣтъ, *назовите* несчастныхъ заблудшихъ людей, которые вовлекли васъ..... Хотите ли вы этой легкой цѣной искупить вашу будущность? и жизнь вашего отца?"

— Я ничего не знаю и не прибавлю къ моимъ показаніямъ ни слова, отвѣтилъ я.

Голицынъ всталъ и сказалъ сухимъ голосомъ: „А такъ вы не хотите, не наша вина!" Этимъ заключились допросы.

Въ Январѣ или Февралѣ 1835 года я былъ въ послѣдній разъ въ коммиссіи. Меня призвали перечитать мои отвѣты, добавить, если хочу, и подписать. Одинъ Шубенскій былъ на лицо. Окончивъ чтеніе, я сказалъ ему: Хотѣлось бы мнѣ знать, въ чемъ можно обвинить человѣка по этимъ вопросамъ и по этимъ отвѣтамъ? Подъ какую статью Свода вы подведете меня?

— *Сводъ законовъ назначенъ для преступленій другого рода*, замѣтилъ голубой полковникъ.

— Это дѣло иное. Перечитывая всѣ эти литературныя упражненія, я не могу повѣрить что въ этомъ-то все *дѣло*, по которому я сижу въ тюрьмѣ седьмой мѣсяцъ.

— Да вы въ самомъ дѣлѣ воображаете, возразилъ Шубенскій, что мы такъ и повѣрили вамъ, что у васъ не *составлялось* тайнаго общества?

*) Нужно ли говорить, что это была наглая ложь, пошлая полицейская уловка.

— Гдѣ же это общество? спросилъ я.

— Ваше счастіе, что слѣдовъ не нашли, что вы не успѣли ничего надѣлать. Мы во время васъ остановили, то есть просто сказать, мы спасли васъ.

Опять исторія слесарши Пошлепкиной и ея мужа въ Ревизорѣ.

Когда я подписалъ, Шубенскій позвонилъ и велѣлъ позвать священника. Священникъ взошелъ и подписалъ подъ моей подписью, что всѣ показанія мною сдѣланы были добровольно и безъ всякаго насилія. Само собою разумѣется, что онъ не былъ при допросахъ и что даже не спросилъ меня изъ приличія, какъ и что было (а это опять мой добросовѣстный за воротами!).

По окончаніи слѣдствія тюремное заключеніе нѣсколько ослабили. Близкіе родные могли доставать въ ордонансъ-гаузѣ дозволеніе видѣться. Такъ прошли еще два мѣсяца.

Въ половинѣ Марта приговоръ нашъ былъ утвержденъ; никто не зналъ его содержанія; одни говорили, что насъ посылаютъ на Кавказъ, другіе—что насъ свезутъ въ Бобруйскъ, третьи надѣялись, что всѣхъ выпустятъ (таково было мнѣніе Стааля, посланное имъ особо государю; онъ предлагалъ вмѣнить намъ тюремное заключеніе въ наказаніе).

Наконецъ насъ собрали всѣхъ двадцатаго Марта къ князю Голицыну для слушанія приговора. Это былъ праздникомъ праздникъ. Тутъ мы увидѣлись въ первый разъ послѣ ареста.

Шумно, весело, обнимаясь и пожимая другъ другу руки, стояли мы, окруженные цѣпью жандармскихъ и гарнизонныхъ офицеровъ. Свиданіе одушевило всѣхъ; распросамъ, анекдотамъ не было конца.

Соколовскій былъ на лицо, нѣсколько похудѣвшій и блѣдный, но во всемъ блескѣ своего юмора.

Соколовскій, авторъ „Мірозданія," „Хеверн" и другихъ довольно хорошихъ стихотвореній, имѣлъ отъ природы большой поэтическій талантъ, но не довольно дико-самобытный, чтобъ обойтись безъ развитія, и не довольно образованный, чтобъ развиться. Милой гуляка, поэтъ въ жизни, онъ вовсе не былъ политическимъ человѣкомъ. Онъ былъ очень забавенъ, любезенъ, веселый товарищъ въ веселыя минуты, bon vivant, любившій покутить, какъ мы всѣ... можетъ немного больше.

Попавшись невзначай съ оргіи въ тюрьму, Соколовскій превосходно себя велъ, онъ выросъ въ острогѣ. Аудиторъ коммиссіи, педантъ, піетистъ, сыщикъ, похудѣвшій, посѣдѣвшій въ завистн стяжаній и ябедахъ, спросилъ Соколовскаго, не смѣя изъ преданности къ престолу и религіи понимать грамматическаго смысла послѣднихъ двухъ стиховъ:

— Къ кому относятся дерзкія слова въ концѣ пѣсни?

— Будьте увѣрены, сказалъ Соколовскій, что не къ государю, и особенно обращаю ваше вниманіе на эту *облегчающую* причину.

Аудиторъ пожалъ плечами, возвелъ глаза горѣ, и, долго молча, посмотрѣвъ на Соколовскаго, понюхалъ табаку.

Соколовскаго схватили въ Петербургѣ и, не сказавши куда его повезутъ, отправили въ Москву. Подобныя шутки полиція у насъ дѣлаетъ часто и совершенно безполезно. Это ея поэзія. Нѣтъ на свѣтѣ такого прозаическаго, такого отвратительнаго занятія, которое бы не имѣло своей артистической потребности, не нужной роскоши, украшеній. Соколовскаго привезли прямо въ острогъ и посадили въ какой-то темный чуланъ. По-

чему его посадили въ острогъ, когда насъ содержали по казармамъ?

У него было съ собой двѣ, три рубашки и больше ничего. Въ Англіи всякаго колодника, приводимаго въ тюрьму, тотчасъ по приходѣ сажаютъ въ ванну, у насъ берутъ предварительныя мѣры противъ чистоты.

Если-бъ докторъ Гаазъ не прислалъ Соколовскому связку своего бѣлья, онъ заросъ бы въ грязи.

Докторъ Гаазъ былъ преоригинальный чудакъ. Память объ этомъ *юродивомъ и поврежденномъ* не должна заглохнуть въ лебедѣ оффиціальныхъ некрологовъ, описывающихъ добродѣтели первыхъ двухъ классовъ, обнаруживающіяся не прежде гніенія тѣла.

Старый, худощавый, восковой старичекъ, въ черномъ фракѣ, коротенькихъ панталонахъ, въ черныхъ шелковыхъ чулкахъ и башмакахъ съ пряжками, казался только-что вышедшимъ изъ какой нибудь драмы XVIII столѣтія. Въ этомъ grand gala похоронъ и свадьбъ, и въ пріятномъ климатѣ 59° сѣв. шир., Гаазъ ѣздилъ каждую недѣлю въ этапъ на Воробьевы горы, когда отправляли ссыльныхъ. Въ качествѣ доктора тюремныхъ заведеній, онъ имѣлъ доступъ къ нимъ, онъ ѣздилъ ихъ осматривать и всегда привозилъ съ собой корзину всякой всячины, съѣстныхъ припасовъ и разныхъ лакомствъ—грецкихъ орѣховъ, пряниковъ, апельсиновъ и яблокъ для женщинъ. Это возбуждало гнѣвъ и негодованіе *благотворительныхъ* дамъ, боящихся благотвореніемъ сдѣлать удовольствіе, боящихся больше благотворить, чѣмъ нужно, чтобъ спасти отъ голодной смерти и трескучихъ морозовъ.

Но Гаазъ былъ несговорчивъ, и кротко выслушивая упреки за „глупое баловство преступницъ,“ потиралъ себѣ руки и говорилъ: „Извольте видѣть, милостивой

сударинь, кусокъ хлѣба, крошъ, имъ всякой даетъ, а конфекту или апфельзину долго онѣ не увидятъ, этого имъ никто не даетъ, это я могу консеквировать изъ вашихъ словъ; потому я и дѣлаю имъ это удовольствіе, что оно долго не повторится."

Гаазъ жилъ въ больницѣ. Приходитъ къ нему передъ обѣдомъ какой-то больной посовѣтоваться. Гаазъ осмотрѣлъ его и пошелъ въ кабинетъ что-то прописать. Возвратившись, онъ не нашелъ ни больнаго, ни серебреныхъ приборовъ, лежавшихъ на столѣ. Гаазъ позвалъ сторожа и спросилъ, не входилъ ли кто, кромѣ больнаго? Сторожъ смекнулъ дѣло, бросился вонъ и черезъ минуту возвратился съ ложками и пацiентомъ, котораго онъ остановилъ съ помощью другаго больничнаго солдата. Мошенникъ бросился въ ноги доктору и просилъ помилованія. Гаазъ сконфузился.

— Сходи за квартальнымъ, сказалъ онъ одному изъ сторожей.

— А ты позови сейчасъ писаря.

Сторожа, довольные открытіемъ, побѣдой и вообще участіемъ въ дѣлѣ, бросились вонъ, а Гаазъ, пользуясь ихъ отсутствіемъ, сказалъ вору: „Ты фальшивый человѣкъ, ты обманулъ меня и хотѣлъ обокрасть, Богъ тебя разсудитъ.... а теперь бѣги скорѣе въ заднія ворота, пока солдаты не воротились... да постой, можетъ у тебя нѣтъ ни гроша, вотъ полтинникъ; но старайся исправить свою душу: отъ Бога не уйдешь какъ отъ будочника!"

Тутъ возстали на Гааза и домочадцы. Но неисправимый докторъ толковалъ свое: „воровство—большой порокъ; но я знаю полицію, я знаю какъ они истязаютъ —будутъ допрашивать, будутъ сѣчь; подвергнуть ближ-

няго розгамъ гораздо большій порокъ; да и почемъ знать, можетъ мой поступокъ тронетъ его душу!"

Домочадцы качали головой и говорили er hat einen raptus; благотворительныя дамы говорили: „c'est un brave homme, mais ce n'est pas tout à fait en règle, là," и онѣ указывали на лобъ. А Гаазъ потиралъ руки и дѣлалъ свое.

.... Едва Соколовскій кончилъ свои анекдоты, какъ нѣсколько другихъ разомъ начали свои; точно всѣ мы возвратились послѣ долгаго путешествія — распросамъ, шуткамъ, остротамъ не было конца.

Физически С..... пострадалъ больше другихъ, онъ былъ худъ и лишился части волосъ. Узнавъ въ тамбовской губерніи въ деревнѣ у своей матери, что насъ схватили, онъ самъ поѣхалъ въ Москву, чтобъ пріѣздъ жандармовъ не испугалъ мать, простудился на дорогѣ и пріѣхалъ домой въ горячкѣ. Полиція его застала въ постели, вести въ часть было не возможно. Его арестовали дома, поставили у дверей спальной съ внутренней стороны полицейскаго солдата, и *братомъ милосердія* посадили у постели больнаго квартальнаго надзирателя; такъ что приходя въ себя послѣ бреда, онъ встрѣчалъ *слушающій* взглядъ одного, или испитую рожу другого.

Въ началѣ зимы его перевезли въ лефортовскій госпиталь; оказалось, что въ больницѣ не было ни одной пустой *секретной* арестантской комнаты; за такой бездѣлицей останавливаться не стоило: нашелся какой-то отгороженный уголъ *безъ печи*,—положили больнаго въ эту южную веранду и поставили къ нему часоваго. Какова была температура зимой въ каменномъ чуланѣ, можно понять изъ того, что часовой ночью до того изнемогъ отъ стужи, что пошелъ въ корридоръ по-

грѣться къ печи, прося С.... не говорить объ этомъ дежурному.

Тропическое помѣщеніе показалось самимъ властямъ госпиталя, въ такой близости къ полюсу, невозможнымъ; С.... перевели въ комнату, возлѣ которой оттирали замерзлыхъ.

Не успѣли мы пересказать и переслушать половину похожденій, какъ вдругъ адъютанты засуетились, гарнизонные офицеры вытянулись, квартальные оправились; дверь отворилась торжественно — и маленькій князь Сергій Михайловичъ Голицынъ взошелъ en grande tenue, лента черезъ плечо; Цинскій въ свитскомъ мундирѣ, даже аудиторъ Оранскій надѣлъ какой-то свѣтло-зеленый статско-военный мундиръ для такой радости. Комендантъ, разумѣется, не пріѣхалъ.

Шумъ и смѣхъ между тѣмъ до того возрастали, что аудиторъ грозно вышелъ въ залу и замѣтилъ, что громкій разговоръ и особено смѣхъ показываютъ пагубное *неуваженіе* къ высочайшей волѣ, которую мы должны услышать.

Двери растворились. Офицеры раздѣлили насъ на три отдѣла; въ первомъ были: Соколовскій, живописецъ Уткинъ и офицеръ Ибаевъ; во второмъ были мы; въ третьемъ tutti frutti.

Приговоръ прочли особо первой категоріи; онъ былъ ужасенъ: обвиненные въ оскорбленіи величества, они ссылались въ Шлюсельбургъ на *безсрочное время*.

Всѣ трое выслушали геройски этотъ дикій приговоръ.

Когда Оранскій, мямля для важности, съ разстановкой читалъ, что за оскорбленіе величества и августѣйшей фамиліи слѣдуетъ то и то... Соколовскій ему замѣтилъ: „Ну фамильи то я никогда не оскорблялъ.“

У него въ бумагахъ сверхъ стиховъ нашли шутя нѣ-

сколько разъ писанныхъ подъ руку в. к. Михаила Павловича резолюціи съ намѣренными орѳографическими ошибками, напр.: „Утвѣрждаю... пѣреговорить..... доложить мне.....“ и пр. и эти ошибки способствовали къ обвиненію его.

Цинскій, чтобъ показать, что и онъ можетъ быть развязнымъ и любезнымъ человѣкомъ, сказалъ Соколовскому послѣ сентенціи: „А вы прежде въ Шлюссельбургѣ бывали?“ „Въ прошломъ году, отвѣчалъ ему тотчасъ Соколовскій, точно сердце чувствовало, я тамъ выпилъ бутылку мадеры.“

Черезъ два года Уткинъ умеръ въ казематѣ. Соколовскаго выпустили полумертваго на Кавказъ, онъ умеръ въ Пятигорскѣ. Какой-то остатокъ стыда и совѣсти заставилъ правительство послѣ смерти двоихъ перевести третьяго въ Пермь. Ибаевъ умеръ по своему, онъ сдѣлался мистикомъ.

Уткинъ, „вольный художникъ, содержащійся въ острогѣ,“ какъ онъ подписывался подъ допросами, былъ человѣкъ лѣтъ сорока; онъ никогда не участвовалъ ни въ какомъ политическомъ дѣлѣ, но благородный и порывистый, онъ давалъ волю языку въ коммиссіи, былъ рѣзокъ и грубъ съ членами. Его за это *уморили* въ сыромъ казематѣ, въ которомъ вода текла со стѣнъ.

Ибаевъ былъ виноватѣе другихъ только эполетами. Не будь онъ офицеръ, его никогда бы такъ не наказали. Человѣкъ этотъ попалъ на *какую-то* пирушку, вѣроятно пилъ и пѣлъ какъ всѣ прочіе, но навѣрное не болѣе и не громче другихъ.

Пришелъ нашъ чередъ. Оранскій протеръ очки, откашлянулъ и принялся благоговѣйно возвѣщать высочайшую волю. Въ ней было *изображено:* что государь, разсмотрѣвъ докладъ коммиссіи и взявъ въ особенное

вниманіе молодыя лѣта преступниковъ, *повелѣлъ подъ судъ насъ не отдавать*, а объявить намъ, что по закону слѣдовало бы насъ, какъ людей уличенныхъ въ оскорбленіи величества пѣніемъ возмутительныхъ пѣсенъ, лишить живота; а въ силу другихъ законовъ сослать на вѣчную каторжную работу. Вмѣсто чего государь, въ безпредѣльномъ милосердіи своемъ, большую часть виновныхъ прощаетъ, оставляя ихъ на мѣстѣ жительства подъ надзоромъ полиціи. Болѣе-же виноватыхъ повелѣваетъ подвергнуть исправительнымъ мѣрамъ, состоящимъ въ отправленіи ихъ на безсрочное время въ дальнія губерніи на гражданскую службу и подъ надзоръ мѣстнаго начальства.

Этихъ болѣе виновныхъ нашлось шестеро: Огаревъ, С....., Лахтинъ, Оболенскій, Сорокинъ и я. Я назначался въ Пермь. Въ числѣ осужденныхъ былъ Лахтинъ, который вовсе не былъ арестованъ. Когда его позвали въ коммиссію слушать сентенцію, онъ думалъ что это для страха, для того, чтобъ онъ казнился, глядя какъ другихъ наказываютъ. Разсказывали, что кто-то изъ близкихъ князя Голицына, сердясь на его жену, удружилъ ему этимъ сюрпризомъ. Слабый здоровьемъ, онъ года черезъ три умеръ въ ссылкѣ.

Когда Оранскій окончилъ чтеніе, выступилъ полковникъ Шубенскій. Онъ отборными словами и ломоносовскимъ слогомъ объявилъ намъ, что мы обязаны предстательству того благороднаго вельможи, который предсѣдательствовалъ въ коммиссіи, что государь былъ такъ милосердъ.

Шубенскій ждалъ, что при этомъ словѣ всѣ примутся благодарить князя; но вышло не такъ.

Нѣсколько изъ прощенныхъ кивнули головой, да и то украдкой глядя на насъ.

Мы стояли сложа руки, нисколько не показывая вида, что сердце наше тронуто царской и княжеской милостью.

Тогда Шубенскій выдумалъ другую уловку и, обращаясь къ Огареву, сказалъ: „Вы ѣдете въ Пензу, неужели вы думаете что это случайно? Въ Пензѣ лежитъ въ параличѣ вашъ отецъ, князь просилъ государя вамъ назначить этотъ городъ для того, чтобъ ваше присутствіе сколько нибудь ему облегчило ударъ вашей ссылки. Неужели и вы не находите причины благодарить князя?“

Дѣлать было нечего, Огаревъ слегка поклонился. Вотъ изъ чего они бились.

Добренькому старику это понравилось и онъ, не знаю почему, вслѣдъ за тѣмъ позвалъ меня. Я вышелъ впередъ съ святѣйшимъ намѣреніемъ, чтобы онъ и Шубенскій ни говорили, не благодарить; къ тому-же меня посылали дальше всѣхъ и въ самый скверный городъ.

— А вы ѣдете въ Пермь, сказалъ князь.

Я молчалъ. Князь срѣзался, и чтобъ что-нибудь сказать, прибавилъ: У меня тамъ есть имѣніе.

— Вамъ угодно что нибудь поручить черезъ меня вашему старостѣ? спросилъ я улыбаясь.

— Я такимъ людямъ, какъ вы, ничего не поручаю—*карбонаріямъ*—добавилъ находчивый князь.

— Что же вы желаете отъ меня?

— Ничего.

— Мнѣ показалось, что вы меня позвали.

— Вы можете идти, перервалъ Шубенскій.

— Позвольте, возразилъ я, благо я здѣсь, вамъ напомнить, что вы, полковникъ, мнѣ говорили, когда я былъ въ послѣдній разъ въ коммиссіи, что меня никто не обвиняетъ въ дѣлѣ праздника, а въ приговорѣ ска-

зано, что я одинъ изъ виновныхъ по этому дѣлу. Тутъ какая нибудь ошибка.

— Вы хотите возражать на высочайшее рѣшеніе? замѣтилъ Шубенскій, смотрите, какъ бы Пермь не перемѣнилась на что нибудь худшее. Я ваши слова велю записать.

— Я объ этомъ хотѣлъ просить. Въ приговорѣ сказано: по докладу коммиссіи; я возражаю на вашъ докладъ, а не на высочайшую волю. Я шлюсь на князя, что мнѣ не было даже вопроса ни о праздникѣ, ни о какихъ пѣсняхъ.

— Какъ будто вы не знаете, сказалъ Шубенскій, начинавшій блѣднѣть отъ злобы, что ваша вина въ десятеро больше тѣхъ, которые были на праздникѣ. Вотъ, онъ указалъ пальцемъ на одного изъ прощенныхъ, вотъ онъ подъ пьяную руку спѣлъ мерзость, да послѣ на колѣнкахъ со слезами просилъ прощенія. Ну, вы еще отъ всякаго раскаянія далеки.

Господинъ, на котораго указалъ полковникъ, промолчалъ и понурилъ голову, побагровѣвъ въ лицѣ... Урокъ былъ хорошъ. Вотъ и дѣлай послѣ подлости...

— Позвольте, не о томъ рѣчь, продолжалъ я, велика-ли моя вина или нѣтъ; но если я убійца, я не хочу, чтобъ меня считали воромъ. Я не хочу, чтобъ обо мнѣ, даже оправдывая меня, сказали, что я то-то надѣлалъ „подъ пьяную руку,“ какъ вы сейчасъ выразились.

— Еслибъ у меня былъ сынъ, родной сынъ, съ такой закоснѣлостью, я бы самъ попросилъ государя сослать его въ Сибирь.

Тутъ оберъ-полицмейстеръ вмѣшалъ въ разговоръ какой-то безсвязный вздоръ. Жаль, что не было меньшаго Голицына, вотъ былъ бы случай пооораторствовать.

Все это, разумѣется, окончилось ничѣмъ.

Лахтинъ подошелъ къ князю Голицыну и просилъ отложить отъѣздъ. „Моя жена беременна,“ сказалъ онъ. „Въ этомъ я не виноватъ,“ отвѣчалъ Голицынъ. Звѣрь, бѣшеная собака, когда кусается, дѣлаетъ серьезный видъ, поджимаетъ хвостъ, а этотъ юродивый вельможа, аристократъ, да притомъ со славой добраго человѣка... не постыдился этой подлой шутки.

... Мы остановились еще разъ на четверть часа въ залѣ, вопреки ревностнымъ увѣщеваніямъ жандармскихъ и полицейскихъ офицеровъ, крѣпко обнялись мы другъ съ другомъ и простились на долго. Кромѣ Оболенскаго я никого не видѣлъ до возвращенія изъ Вятки.

Отъѣздъ былъ передъ нами.

Тюрьма продолжала еще прошлую жизнь; но съ отъѣздомъ въ глушь она обрывалась.

Юношеское существованіе въ нашемъ дружескомъ кружкѣ оканчивалось.

Ссылка продожится навѣрное нѣсколько лѣтъ. Гдѣ и какъ встрѣтимся мы, и встрѣтимся ли?...

Жаль было прежней жизни, и такъ круто приходилось ее оставить... не простясь. Видѣть Огарева я не имѣлъ надежды. Двое изъ друзей добрались ко мнѣ въ послѣдніе дни, но этого мнѣ было мало.

Еще бы разъ увидѣть мою юную утѣшительницу, пожать ей руку, какъ я пожалъ ей на кладбищѣ... Въ ея лицѣ хотѣлъ я проститься са былымъ и встрѣтиться съ будущимъ...

Мы увидѣлись на нѣсколько минутъ, 9 Апрѣля 1835 г., на канунѣ моего отправленія въ ссылку.

Долго святилъ я этотъ день въ моей памяти, это одно изъ счастливѣйшихъ мгновеній въ моей жизни.

... Зачѣмъ же воспоминаніе объ этомъ днѣ, и ибо всѣхъ свѣтлыхъ дняхъ моего былаго, напоминаютъ такъ

много страшнаго?... Могилу, вѣнокъ изъ темнокрасныхъ розъ, двухъ дѣтей которыхъ я держалъ за руки — факелы, толпы изгнанниковъ, мѣсяцъ, теплое море подъ горой, рѣчь, которую я не понималъ и которая рѣзала мое сердце...

Все прошло!

ГЛАВА XIII.

Ссылка — Городничій — Волга — Пермь.

Утромъ 10 Апрѣля жандармскій офицеръ привезъ меня въ домъ генералъ-губернатора. Тамъ въ секретномъ отдѣленіи канцеляріи позволено было родственникамъ проститься со мною.

Разумѣется, все это было неловко и щемило душу; шныряющіе шпіоны, писаря; чтеніе инструкціи жандарму, который долженъ былъ меня везти, невозможность сказать что нибудь безъ свидѣтелей, словомъ, оскорбительнѣе и печальнѣе обстановки нельзя было придумать.

Я вздохнулъ когда коляска покатилась наконецъ по Владиміркѣ.

Per me si va nella citta dolente
Per me si va nel eterno dolore —

На станціи гдѣ-то я написалъ эти два стиха, которые равно хорошо идутъ къ преддверію ада и къ сибирскому тракту.

Въ семи верстахъ отъ Москвы есть трактиръ, назы-

ваемый „Перовымъ.“ Тамъ меня обѣщался ждать одинъ изъ близкихъ друзей. Я предложилъ жандарму выпить водки, онъ согласился; отъ городу было далеко. Мы взошли, но пріятеля тамъ не было. Я мѣшкалъ въ трактирѣ всѣми способами, жандармъ не хотѣлъ больше ждать, ямщикъ трогалъ коней — вдругъ несется тройка и прямо къ трактиру, я бросился къ двери..... двое незнакомыхъ гуляющихъ купеческихъ сынковъ шумно слѣзали съ телеги. Я посмотрѣлъ въ даль — ни одной движущейся точки, ни одного человѣка не было видно на дорогѣ къ Москвѣ... горько было садиться и ѣхать. Я далъ двугривенный ямщику, и мы понеслись какъ изъ лука стрѣла.

Мы ѣхали не останавливаясь; жандарму велѣно было дѣлать не менѣе двухъ сотъ верстъ въ сутки. Это было бы сносно, но только не въ началѣ Апрѣля. Дорога мѣстами была покрыта льдомъ, мѣстами водой и грязью; притомъ, подвигаясь къ Сибири, она становилась хуже и хуже съ каждой станціей.

Первый путевой анекдотъ былъ въ Покровѣ.

Мы потеряли нѣсколько часовъ за льдомъ, который шелъ по рѣкѣ, прерывая всѣ сношенія съ другимъ берегомъ. Жандармъ торопился; вдругъ станціонный смотритель въ Покровѣ объявляетъ, что лошадей нѣтъ. Жандармъ показываетъ, что въ подорожной сказано: давать изъ курьерскихъ, если нѣтъ почтовыхъ. Смотритель отзывается, что лошади взяты подъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ. Какъ разумѣется, жандармъ сталъ спорить, шумѣть; смотритель побѣжалъ доставать обывательскихъ лошадей. Жандармъ отправился съ нимъ.

Надоѣло мнѣ дожидаться ихъ въ нечистой комнатѣ станціоннаго смотрителя. Я вышелъ за ворота и сталъ

ходить передъ домомъ. Это была первая прогулка безъ солдата послѣ девятимѣсячнаго заключенія.

Я ходилъ съ полчаса, какъ вдругъ повстрѣчался мнѣ человѣкъ въ мундирномъ сертукѣ безъ эполетъ и съ голубымъ pour le merite на шеѣ. Онъ съ чрезвычайной настойчивостью посмотрѣлъ на меня, прошелъ, тотчасъ возвратился, и съ дерзкимъ видомъ спросилъ меня: Васъ везетъ жандармъ въ Пермь? Меня, отвѣчалъ я, не останавливаясь.— Позвольте, позвольте, да какъ же онъ смѣетъ...

— Съ кѣмъ я имѣю честь говорить?

— Я здѣшній городничій, отвѣтилъ незнакомецъ голосомъ, въ которомъ звучало глубокое сознаніе высоты такого общественнаго положенія. Прошу покорно, я съ часу на часъ жду товарища министра — а тутъ политическіе арестанты по улицамъ прогуливаются. Да что же это за оселъ жандармъ.

— Не угодно-ли вамъ адресоваться къ самому жандарму?

— Не адресоваться — а я его арестую, я ему велю влѣпить сто палокъ, а васъ отправлю съ полицейскимъ.

Я кивнулъ ему головой, не дожидаясь окончанія рѣчи и быстрыми шагами пошелъ въ станціонный домъ. Въ окно мнѣ было слышно, какъ онъ горячился съ жандармомъ, какъ грозилъ ему. Жандармъ извинялся, но, кажется, мало былъ испуганъ. Минуты черезъ три они взошли оба, я сидѣлъ обернувшись къ окну и не смотрѣлъ на нихъ.

Изъ вопросовъ городничаго жандарму я тотчасъ увидѣлъ, что онъ снѣдаемъ желаніемъ узнать за какое дѣло, почему и какъ я сосланъ. Я упорно молчалъ. Городничій началъ безличную рѣчь между мною и жан-

дармомъ: „Въ наше положеніе никто не хочетъ взойти. Что мнѣ весело что-лп браниться съ солдатомъ или дѣлать непріятности человѣку, котораго я отродясь не видалъ? Отвѣтственность! городничій — хозяинъ города. Что бы ни было, отвѣчай; казначейство обокрадутъ — виноватъ; церковь сгорѣла — виноватъ; пьяныхъ много на улицѣ—виноватъ; вина мало пьютъ — тоже виноватъ; (послѣднее замѣчаніе ему очень понравилось и онъ продолжалъ болѣе веселымъ тономъ) хорошо, вы меня встрѣтили, ну встрѣтили бы министра, да тоже бы эдакъ мимо, а тотъ спросилъ бы: „Какъ, политическій арестантъ гуляетъ? — городничаго подъ судъ...“

Мнѣ наконецъ надоѣло его краснорѣчіе и я, обращаясь къ нему, сказалъ: Дѣлайте все что вамъ приказываетъ служба, но я васъ прошу избавить меня отъ поученій. Изъ вашихъ словъ я вижу, что вы ждали, чтобъ я вамъ поклонился. Я не имѣю привычки кланяться незнакомымъ.

Городничій сконфузился.

У насъ все такъ, говорилъ А. А.; кто первый дастъ острастку, начнетъ кричать, тотъ и одержитъ верхъ. Если, говоря съ начальникомъ, вы ему позволите поднять голосъ, вы пропали; услышавъ себя кричащимъ, онъ сдѣлается дикій звѣрь. Если же при первомъ грубомъ словѣ вы закричали, онъ непремѣнно испугается и уступитъ, думая что вы съ характеромъ и что такихъ людей не надобно слишкомъ дразнить.

Городничій услалъ жандарма спросить что лошади и, обращаясь ко мнѣ, замѣтилъ въ родѣ извиненія: Я это больше для солдата и сдѣлалъ, вы не знаете что такое нашъ солдатъ—ни малѣйшаго попущенія не слѣдуетъ допускать, но повѣрьте, я умѣю различать людей

— позвольте васъ спросить, какой несчастный случай...

— По окончаніи дѣла намъ запретили разсказывать.

— Въ такомъ случаѣ..... конечно..... я не смѣю..... и взглядъ городничаго выразилъ муку любопытства. Онъ помолчалъ.

— У меня былъ родственникъ дальній, онъ сидѣлъ съ годъ въ петропавловской крѣпости, знаете тоже, сношенія — позвольте, у меня это на душѣ, вы кажется, все еще сердитесь? Я человѣкъ военный, строгій, привыкъ; по семнадцатому году поступилъ въ полкъ, у меня нравъ горячій, но черезъ минуту все прошло. Я вашего жандарма оставлю въ покоѣ, чортъ съ нимъ совсѣмъ...

Жандармъ взошелъ съ докладомъ, что ранѣе часа лошадей нельзя пригнать съ выгона.

Городничій объявилъ ему, что онъ прощаетъ его по моему ходатайству; потомъ, обращаясь ко мнѣ, прибавилъ:

— И вы ужъ не откажите въ моей просьбѣ и въ доказательство, что не сердитесь — я живу черезъ два дома отсюда—позвольте васъ просить позавтракать чѣмъ богъ послалъ.

Это было такъ смѣшно послѣ нашей встрѣчи, что я пошелъ къ городничему и ѣлъ его балыкъ и его икру и пилъ его водку и мадеру.

Онъ до того разлюбезничался, что разсказалъ мнѣ всѣ свои семейныя дѣла, даже семилѣтнюю болѣзнь жены. Послѣ завтрака онъ съ гордымъ удовольствіемъ взялъ съ вазы, стоявшей на столѣ, письмо и далъ мнѣ прочесть „стихотвореніе“ его сына, удостоенное публичнаго чтенія на экзаменѣ въ кадетскомъ корпусѣ. Одолживъ меня такими знаками несомнѣннаго довѣрія, онъ ловко перешелъ къ вопросу, косвенно поставленному, о моемъ дѣлѣ. На этотъ разъ я долею удовлетворилъ городничаго.

Городничій этотъ напомнилъ мнѣ того секретаря уѣзднаго суда, о которомъ разсказывалъ нашъ Щ. „Девять исправниковъ перемѣнились, а секретарь остался безсмѣнно и управлялъ по прежнему уѣздомъ. Какъ это вы ладите со всѣми? спросилъ его Щ. Ничего-съ, съ божіей помощью обходимся кой-какъ. Иной, точно, сначала такой сердитый, бьетъ передними и задними ногами, кричитъ, ругается и въ отставку, говоритъ, выгоню, и въ губернію, говоритъ, отпишу — ну знаете, наше дѣло подчиненное, смолчишь и думаешь: дай срокъ, надорвется еще! такъ это—еще первая упряжка. И дѣйствительно, глядишь — куда потомъ *въ ъздѣ хорошъ*.“

...Когда мы подъѣхали къ Казани, Волга была во всемъ блескѣ весеннаго разлива; цѣлую станцію отъ Услона до Казани надобно было плыть на досчаникѣ, рѣка разливалась верстъ на пятнадцать или больше. День былъ ненастный. Перевозъ остановился, множество телегъ и всякихъ повозокъ ждали на берегу.

Жандармъ пошелъ къ смотрителю и требовалъ досчаника. Смотритель давалъ его нехотя, говорилъ, что впрочемъ лучше обождать, что неровенъ часъ. Жандармъ торопился, потому что былъ пьянъ, потому что хотѣлъ показать свою власть.

Уставили мою коляску на небольшомъ досчаникѣ и мы поплыли. Погода, казалось, утихла; татаринъ черезъ полчаса поднялъ парусъ, какъ вдругъ утихавшая буря снова усилилась. Насъ понесло съ такой силой, что нагнавъ какое-то бревно, мы такъ въ него стукнулись, что дрянной паромъ проломился и вода разлилась по палубѣ. Положеніе было непріятное; впрочемъ татаринъ съумѣлъ направить досчаникъ на мель.

Купеческая барка прошла въ виду, мы ей кричали,

просили прислать лодку, бурлаки слышали и проплыли, не сдѣлавъ ничего.

Крестьянинъ подъѣхалъ на небольшой комягѣ съ женой, спросилъ насъ въ чемъ дѣло и замѣтивъ: „Ну что же? Ну заткнуть дыру, да благословись и въ путь. Что тутъ киснуть? ты вотъ, для того что татаринъ, такъ ничего и не умѣешь сдѣлать“—взошелъ на досчаникъ.

Татаринъ въ самомъ дѣлѣ былъ очень встревоженъ. Во-первыхъ, когда вода залила спящаго жандарма, тотъ вскочилъ и тотчасъ началъ бить татарина. Во-вторыхъ, досчаникъ былъ казенный, и татаринъ повторялъ: Ну вотъ потонетъ, что мнѣ будетъ! что мнѣ будетъ! — Я его утѣшалъ, говоря, что и онъ тогда съ досчаникомъ потонетъ.

— Харошо, бачька, коли потону, а какъ нѣтъ? отвѣчалъ онъ.

Мужикъ и работники заткнули дыру всякой всячиной; мужикъ постучалъ топоромъ, прибилъ какую-то досчечку; потомъ по поясъ въ водѣ помогъ другимъ стащить досчаникъ съ мели, и мы скоро вплыли въ русло Волги. Рѣка несла свирѣпо. Вѣтеръ и дождь со снѣгомъ сѣкли лицо, холодъ проникалъ до костей, но вскорѣ сталъ вырѣзываться изъ-за тумана и потоковъ воды памятникъ Іоанна Грознаго. Казалось опасность прошла, какъ вдругъ татаринъ жалобнымъ голосомъ закричалъ: Тече, тече!—и дѣйствительно вода съ силой влилась въ заткнутую дыру. Мы были на самомъ стержнѣ рѣки, досчаникъ двигался тише и тише, можно было предвидѣть когда онъ совсѣмъ погрузнетъ. Татаринъ снялъ шапку и молился. Мой камердинеръ, растерянный, плакалъ и говорилъ: Прощай моя матушка, не увижусь я съ тобой больше. Жандармъ бранился и обѣщался на берегу всѣхъ исколотить.

Сначала и мнѣ было жутко, къ тому же вѣтеръ съ дождемъ прибавлялъ какой-то безпорядокъ, смятеніе. Но мысль, что это нелѣпо, чтобъ я могъ погибнуть, *ничего не сдѣлавъ*, это юношеское quid timeas? cesarem vehis! взяло верхъ, и я спокойно ждалъ конца, увѣренный, что не погибну между Услономъ и Казанью. Жизнь впослѣдствіи отучаетъ отъ гордой вѣры, наказываетъ за нее; оттого-то юность и отважна и полна героизма, а въ лѣтахъ человѣкъ остороженъ и рѣдко увлекается.

...Черезъ четверть часа мы были на берегу подлѣ стѣнъ казанскаго Кремля, передрогнувшіе и вымочённые. Я взошелъ въ первый кабакъ, выпилъ стаканъ пѣннаго вина, закусилъ печенымъ яицомъ и отправился въ почтамтъ.

Въ деревняхъ и маленькихъ городкахъ у станціонныхъ смотрителей есть комната для проѣзжихъ. Въ большихъ городахъ всѣ останавливаются въ гостинницахъ, и у смотрителей нѣтъ ничего для проѣзжающихъ. Меня привели въ почтовую канцелярію. Станціонный смотритель показалъ мнѣ свою комнату; въ ней были дѣти и женщины, больной старикъ не сходилъ съ постели, мнѣ рѣшительно не было угла переодѣться. Я написалъ письмо къ жандармскому генералу и просилъ его отвести комнату гдѣ-нибудь, для того, чтобъ обогрѣться и высушить платье.

Черезъ часъ времены жандармъ воротился и сказалъ, что графъ Апраксинъ велѣлъ отвести комнату. Подождалъ я часа два, никто не приходилъ, и я опять отправилъ жандарма. Онъ пришелъ съ отвѣтомъ, что полковникъ Поль, которому генералъ приказалъ отвести мнѣ квартиру, въ дворянскомъ клубѣ играетъ въ карты и что квартиры до завтра отвести нельзя.

Это было варварство; и я написалъ второе письмо къ графу Апраксину, прося меня немедленно отправить, говоря что я на слѣдующей станціи могу найти пріютъ. Графъ изволилъ почивать и письмо осталось до утра. Нечего было дѣлать; я снялъ мокрое платье и легъ на столѣ почтовой конторы, завернувшись въ шинель „старшого," вмѣсто подушки я взялъ толстую книгу и положилъ на нее немного бѣлья.

Утромъ я послалъ принести себѣ завтракъ. Чиновники уже собирались. Экзекуторъ ставилъ мнѣ на видъ, что въ сущности завтракать въ присутственномъ мѣстѣ не хорошо, что ему лично это все равно, но что почтмейстеру это можетъ не понравится.

Я шутя говорилъ ему, что выгнать можно только того, кто имѣетъ право выйти, а кто не имѣетъ его, тому по неволѣ приходится ѣсть и пить тамъ, гдѣ онъ задержанъ...

На другой день графъ Апраксинъ разрѣшилъ мнѣ остаться до трехъ дней въ Казани и остановиться въ гостинницѣ.

Три дня эти я бродилъ съ жандармомъ по городу. Татарки съ покрытыми лицами, скуластые мужья ихъ, правовѣрныя мечети рядомъ съ православными церквями, все это напоминаетъ Азію и Востокъ. Въ Владимірѣ, Нижнемъ—подозрѣвается близость къ Москвѣ; здѣсь даль отъ нея.

...Въ Перми меня привезли прямо къ губернатору. У него былъ большой съѣздъ, въ этотъ день вѣнчали его дочь съ какимъ-то офицеромъ. Онъ требовалъ, чтобъ я взошелъ, и я долженъ былъ представиться всему пермскому обществу въ замараномъ дорожномъ архалукѣ, въ грязи и пыли. Губернаторъ потолковавъ всякій вздоръ, запретилъ мнѣ знакомиться съ сослан-

ными поляками и велѣлъ на дняхъ придти къ нему, говоря, что онъ тогда сыщетъ мнѣ занятіе въ канцеляріи.

Губернаторъ этотъ былъ изъ малороссіянъ, сосланныхъ не тѣснилъ и вообще былъ человѣкъ смирный. Онъ какъ-то въ тихомолку улучшалъ свое состояніе, какъ кротъ, гдѣ-то подъ землею, незамѣтно, онъ прибавлялъ зерно къ зерну и отложилъ таки малую толику на черные дни.

Для какого-то непонятнаго контроля и порядка, онъ приказывалъ всѣмъ сосланнымъ на житье въ Пермь являться къ себѣ въ десять часовъ утра по субботамъ. Онъ выходилъ съ трубкой и съ листомъ, повѣрялъ всѣ ли на лицо, а если кого не было, посылалъ квартальнаго узнавать о причинѣ — ничего почти ни съ кѣмъ не говорилъ и отпускалъ. Такимъ образомъ я въ его залѣ перезнакомился со всѣми поляками, съ которыми онъ предупреждалъ, чтобъ я не былъ знакомъ.

На другой день послѣ моего пріѣзда, уѣхалъ жандармъ и я впервые послѣ ареста очутился на волѣ.

На волѣ... въ маленькомъ городѣ на сибирской границѣ, безъ малѣйшей опытности, не имѣя понятія о средѣ, въ которой мнѣ надобно было жить.

Изъ дѣтской я перешелъ въ аудиторію, изъ аудиторіи въ дружескій кружекъ — теоріи, мечты, свои люди, никакихъ дѣловыхъ отношеній. Потомъ тюрьма, чтобъ дать всему осѣсться. Практическое соприкосновеніе съ жизнію начиналось тутъ—возлѣ Уральскаго хребта.

Она тотчасъ заявила себя; на другой день послѣ пріѣзда, я пошелъ съ сторожемъ губернаторской канцеляріи искать квартиру, онъ меня привелъ въ большой одноэтажный домъ. Сколько я ему ни толковалъ, что я ищу домъ очень маленькій и еще лучше часть дома, онъ упорно требовалъ, чтобъ я взошелъ.

Хозяйка усадила меня на диванъ, узнавъ что я изъ Москвы, спросила — видѣлъ ли я въ Москвѣ г. Кабрита? Я ей сказалъ, что никогда и фамиліи подобной не слыхалъ.

— Что ты это, замѣтила старушка — Кабритъ-то, и она назвала его по имени и по отчеству. Помилуй батюшка, онъ у насъ вистъ-то губернаторомъ.

— Да я девять мѣсяцевъ въ тюрьмѣ сидѣлъ, можетъ потому не слыхалъ, сказалъ я улыбаясь.

— *Пожалуй*, что и такъ. Такъ ты батюшка домикъ нанимаешь.

— Великъ, больно великъ, я служивому-то говорилъ

— Лишнее добро за плечами не виситъ.

— Оно такъ, но за лишнее добро вы попросите и денегъ побольше.

— Ахъ отецъ родной, да кто же это тебѣ о моихъ цѣнахъ говорилъ, я и не молвила еще.

— Да я понимаю, что нельзя дешево взять за такой домъ.

— Даешь то ты сколько?

Чтобъ отдѣлаться отъ нея, я сказалъ, что больше трехъ сотъ пятидесяти руб. (асс.) не дамъ.

— Ну и на томъ спасибо, вели-ка голубчикъ мой, чемоданчики-то перенести, да выпей тенерифу рюмочку.

Цѣна ея мнѣ показалась баснословно дешевой, я взялъ домъ, и когда совсѣмъ собрался идти, она меня остановила. „Забыла тебя спросить, а что коровку свою станешь держать?“

— Нѣтъ, помилуйте, отвѣчалъ я, до оскорбленія пораженный ея вопросомъ.

— Ну, такъ я буду тебѣ сливочекъ приносить.

Я пошелъ домой, думая съ ужасомъ гдѣ я, и что я,

что меня заподозрили въ возможности держать свою коровку.

Но я еще не успѣлъ оглядѣться, какъ губернаторъ мнѣ объявилъ, что я переведенъ въ Вятку, потому что другой сосланный, назначенный въ Вятку, просилъ его перевести въ Пермь, гдѣ у него были родственники. Губернаторъ хотѣлъ, чтобъ я ѣхалъ на другой-же день. Это было невозможно: думая остаться нѣсколько времени въ Перми, я накупилъ всякой всячины, надобно было продать хоть за полцѣны. Послѣ разныхъ уклончивыхъ отвѣтовъ, губернаторъ разрѣшилъ мнѣ остаться двое сутокъ, взявъ слово, что я не буду искать случая увидѣться съ другимъ сосланнымъ.

Я собирался на другой день продать лошадь и всякую дрянь, какъ вдругъ явился полицмейстеръ съ приказомъ выѣхать въ продолженіи 24 часовъ. Я объяснилъ ему, что губернаторъ далъ мнѣ отсрочку. Полицмейстеръ показалъ бумагу, въ которой дѣйствительно было ему предписано выпроводить меня въ 24 часа Бумага была подписана въ самый тотъ день, слѣдовательно послѣ разговора со мною.

— А, сказалъ полицмейстеръ, понимаю, понимаю это нашъ герой-то хочетъ оставить дѣло на моей отвѣтственности.

— Поѣдемте его уличать.

— Поѣдемте!

Губернаторъ сказалъ, что онъ забылъ разрѣшеніе данное мнѣ. Полицмейстеръ лукаво спросилъ, не прикажетъ ли онъ переписать бумагу. Стоитъ ли труда! прибавилъ простодушно губернаторъ. Поймали, сказалъ мнѣ полицмейстеръ, потирая отъ удовольствія руки... чернильная душа!

Пермскій полицмейстеръ принадлежалъ къ особому

тину военно-гражданскихъ чиновниковъ. Это люди, которымъ посчастливилось въ военной службѣ какъ нибудь наткнуться на штыкъ или подвернуться подъ пулю, за это имъ даются преимущественно мѣста городничихъ, экзекуторовъ.

Въ полку они привыкли къ нѣкоторымъ замашкамъ откровенности, затвердили разныя сентенціи о неприкосновенности чести, о благородствѣ, язвительныя насмѣшки надъ писарями. Младшіе изъ нихъ читали Марлинскаго и Загоскина, знаютъ на память начало „Кавказскаго плѣнника," „Войнаровскаго" и часто повторяютъ затверженные стихи. Напримѣръ иные говорятъ всякій разъ, заставая человѣка курящимъ:

Янтарь въ устахъ его дымился.

Всѣ они безъ исключенія глубоко и громко сознаютъ, что ихъ положеніе гораздо ниже ихъ достоинства, что одна нужда можетъ ихъ держать въ этомъ „чернильномъ мірѣ," что еслибъ не бѣдность и не раны, то они управляли бы корпусами арміи или были бы генералъ-адъютантами. Каждый прибавляетъ поразительный примѣръ кого-нибудь изъ прежнихъ товарищей, и говоритъ: Вѣдь вотъ — Крейцъ или Ридигеръ, — въ одномъ приказѣ въ корнеты произведены были. Жили на одной квартирѣ — Петруша, Алёша — ну я, видите, не нѣмецъ, да и поддержки не было никакой — вотъ и сиди будочникомъ. Вы думаете легко благородному человѣку съ нашими понятіями занимать полицейскую должность.

Жены ихъ еще болѣе горюютъ и съ стѣсненнымъ сердцемъ возятъ въ ломбардъ всякій годъ денежки класть, отправляясь въ Москву подъ предлогомъ, что мать или тетка больна и хочетъ въ послѣдній разъ видѣть.

И такъ они живутъ себѣ лѣтъ пятнадцать. Мужъ, жалуясь на судьбу, сѣчетъ полицейскихъ, бьетъ мѣщанъ, подличаетъ передъ губернаторомъ, покрываетъ воровъ, крадетъ документы и повторяетъ стихи изъ бахчисарайскаго фонтана. Жена, жалуясь на судьбу и на провинціальную жизнь, беретъ все на свѣтѣ, грабитъ просителей, лавки и любитъ мѣсячныя ночи, которыя называетъ „лунными.“

Я потому остановился на этой характеристикѣ, что сначала я былъ обманутъ этими господами, и въ самомъ дѣлѣ считалъ ихъ нѣсколько получше другихъ; что вовсе не такъ...

— Я увезъ изъ Перми одно личное воспоминаніе, которое дорого мнѣ.

На одномъ изъ губернаторскихъ смотровъ ссыльнымъ, меня пригласилъ къ себѣ одинъ ксендзъ. Я засталъ у него нѣсколько поляковъ. Одинъ изъ нихъ сидѣлъ молча, задумчиво куря маленькую трубку; тоска, тоска безвыходная видна была въ каждой чертѣ. Онъ былъ сутуловатъ, даже кривобокъ, лицо его принадлежало къ тому неправильному польско-литовскому типу, который удивляетъ сначала и привязываетъ потомъ; такія черты были у величайшаго изъ поляковъ, у Ѳаддея Костюшки. Одежда Циховича свидѣтельствовала о страшной бѣдности.

Спустя нѣсколько дней я гулялъ по пустынному бульвару, которымъ оканчивается въ одну сторону Пермь, это было во вторую половину Мая, молодой листъ развертывался, березы цвѣли (помнится вся аллея была березовая)—и никѣмъ никого. Провинціалы наши не любятъ *платоническихъ* гуляній. Долго бродя, я увидѣлъ наконецъ по другую сторону бульвара, т. е. на полѣ, какого-то человѣка герборизировавшаго или

просто рвавшаго однообразные и скудные цвѣты того края. Когда онъ поднялъ голову, я узналъ Цихановича и подошелъ къ нему.

Впослѣдствіи я много видѣлъ мучениковъ польскаго дѣла; Четы-Минеи польской борьбы чрезвычайно богаты—Цихановичъ былъ первый. Когда онъ мнѣ разсказалъ, какъ ихъ преслѣдовали заплечные мастера въ генералъ-адъютантскихъ мундирахъ, эти кулаки, которыми дрался развенчанный деспотъ Зимняго дворца, —жалки показались мнѣ тогда наши невзгоды, наша тюрьма и наше слѣдствіе.

Въ Вильнѣ былъ въ то время начальникомъ, *со стороны побѣдоноснаго непріятеля*, тотъ знаменитый ренегатъ Муравьевъ, который обезсмертилъ себя историческимъ прозвѣніемъ: „что онъ принадлежитъ не къ тѣмъ Муравьевымъ, которыхъ вѣшаютъ, а къ тѣмъ, *которые вѣшаютъ*.“ Для узкаго мстительнаго взгляда Николая, люди раздражительнаго властолюбія и грубой безпощадности, были всего пригоднѣе, по крайней мѣрѣ всего симпатичнѣе.

Генералы сидѣвшіе въ застѣнкѣ и мучившіе эмиссаровъ, ихъ знакомыхъ, знакомыхъ ихъ знакомыхъ, обращались съ арестантами, какъ мерзавцы лишенные всякаго воспитанія, всякаго чувства деликатности и притомъ очень хорошо знавшіе, что всѣ ихъ дѣйствія покрыты солдатской шинелью Николая, облитой и польской кровью мучениковъ и слезами польскихъ матерей... Еще эта *страстная недѣля* цѣлаго народа ждетъ своего Луки или Матѳія... Но пусть *они* знаютъ: одинъ палачъ за другимъ будетъ выведенъ къ позорному столбу исторіи и оставитъ тамъ свое имя. Это будетъ портретная галлерея николаевскаго времени въ pendant галлереи полководцевъ 1812 года

Муравьевъ говорилъ арестантамъ „ты“ и ругался площадными словами. Разъ онъ до того разъярился, что подошелъ къ Цихановичу и хотѣлъ его взять за грудь, а можетъ и ударить — встрѣтилъ взглядъ скованнаго арестанта, сконфузился и продолжалъ другимъ тономъ.

Я догадывался, каковъ долженъ былъ быть этотъ взглядъ; разсказывая мнѣ года черезъ три послѣ событія эту исторію, глаза Цихановича горѣли и жилы налились у него на лбу и на перекошенной шеѣ его.

— Чтоже бы вы сдѣлали въ цѣпяхъ?

— Я разорвалъ бы его зубами, я своимъ черепомъ, я цѣпями избилъ бы его, сказалъ онъ дрожа.

Цихановичъ сначала былъ сосланъ въ Верхотурье, одинъ изъ дальнѣйшихъ городовъ пермской губерніи, потерянный въ уральскихъ горахъ, занесенный снѣгомъ, и такъ стоящій внѣ всякихъ дорогъ, что зимой почти нѣтъ никакого сообщенія. Разумѣется, что жить въ Верхотурьѣ хуже, чѣмъ въ Омскѣ или Красноярскѣ. Совершенно одинокій, Цихановичъ занимался тамъ естественными науками, собиралъ скудную флору уральскихъ горъ, наконецъ получилъ дозволеніе перебраться въ Пермь; и это уже для него было улучшеніе, снова услышалъ онъ звуки своего языка, встрѣтился съ товарищами по несчастью. Жена его, оставшаяся въ Литвѣ, писала къ нему, что она отправится къ нему *пѣшкомъ* изъ виленской *губерніи*... Онъ ждалъ ее.

Когда меня перевели такъ неожиданно въ Вятку, я пошелъ проститься съ Цихановичемъ. Небольшая комната, въ которой онъ жилъ, была почти совсѣмъ пуста; небольшой, старый чемоданчикъ стоялъ возлѣ скудной постели, деревянный столъ и одинъ стулъ составляли всю мебель — на меня пахнуло моей крутицкой кельей.

Вѣсть о моемъ отъѣздѣ огорчила его, но онъ такъ привыкъ къ лишеніямъ, что черезъ минуту почти свѣтло улыбнувшись, сказалъ мнѣ: „Вотъ за то то я и люблю природу, ее никакъ не отнимешь, гдѣ бы человѣкъ ни былъ.“

Мнѣ хотѣлось оставить ему что нибудь на память, я снялъ небольшую запонку съ рубашки и просилъ его принять ее.

— Къ моей рубашкѣ она не идетъ, сказалъ онъ мнѣ, но запонку вашу я сохраню до конца жизни, и наряжусь въ нее на своихъ похоронахъ.

Потомъ онъ задумался, и вдругъ быстро началъ рыться въ чемоданѣ. Досталъ небольшой мѣшечекъ, вынулъ изъ него желѣзную цѣпочку, сдѣланную особымъ образомъ, оторвавъ отъ нее нѣсколько звѣнзевъ, подалъ мнѣ со словами: „Цѣпочка эта мнѣ очень дорога, съ ней связаны святѣйшія воспоминанія инаго времени, все я вамъ не дамъ, а возьмите эти кольцы. Не думалъ, что я, изгнанникъ изъ Литвы, подарю ихъ русскому изгнаннику.“

— Я обнялъ его и простился.

— Когда вы ѣдете? спросилъ онъ.

— Завтра утромъ, но я васъ не зову, у меня уже на квартирѣ ждетъ безсмѣнно жандармъ.

— И такъ добрый путь вамъ, будьте счастливѣе меня.

На другой день съ девяти часовъ утра полицмейстеръ былъ уже на лицо въ моей квартирѣ и торопилъ меня. Пермскій жандармъ, гораздо болѣе ручной, чѣмъ крутицкій, не скрывая радости, которую ему доставляла надежда, что онъ будетъ 350 верстъ пьянъ, работалъ около коляски. Все было готово; я нечаянно взглянулъ на улицу, идетъ мимо Цихановичъ, я бросился къ окну. „Ну, слава богу,“ сказалъ онъ, „я вотъ четвер-

тый разъ прохожу, чтобъ проститься съ вами, хоть издали, но вы все не видали."

Глазами полными слезъ поблагодарилъ я его. Это нѣжное, женское вниманіе глубоко тронуло меня; безъ этой встрѣчи мнѣ нечего было бы и пожалѣть въ Перми!

... На другой день послѣ отъѣзда изъ Перми, съ разсвѣта полилъ дождь сильный, безпрерывный, какъ бываетъ въ лѣсистыхъ мѣстахъ и продолжался весь день; часа въ два мы пріѣхали въ бѣднѣйшую вятскую деревню. Станціоннаго дома не было; вотяки (безграмотные) справляли должность смотрителей, развертывали подорожную, справлялись двѣ ли печати или одна, кричали „айда, айда!" и запрягали лошадей, разумѣется, вдвое скорѣе чѣмъ бы это сдѣлалось при смотрителѣ. Мнѣ хотѣлось обсушиться, обогрѣться, съѣсть что нибудь. Пермскій жандармъ согласился на мое предложеніе часа два отдохнуть. Все это было сдѣлано, подъѣзжая къ деревнѣ. Когда же я взошелъ въ избу душную, черную и узналъ, что рѣшительно ничего достать нельзя, что даже и кабака нѣту верстъ пять, я было раскаялся и хотѣлъ спросить лошадей.

Пока я думалъ, ѣхать или не ѣхать, взошелъ солдатъ и отрапортовалъ мнѣ, что этапный офицеръ прислалъ меня звать на чашку чая.

— Съ большимъ удовольствіемъ, гдѣ твой офицеръ?

— Возлѣ въ избѣ, ваше благородіе! и солдатъ выдѣлалъ извѣстное *на* налѣво кру—омъ.

Я пошелъ вслѣдъ за нимъ.

Пожилыхъ лѣтъ, небольшой ростомъ офицеръ, съ лицемъ выражавшимъ много перенесенныхъ заботъ, мелкихъ нуждъ, страха передъ начальствомъ, встрѣтилъ меня со всѣмъ радушіемъ мертвящей скуки. Это былъ одинъ изъ тѣхъ недальнихъ, добродушныхъ служакъ,

тянувшій лѣтъ двадцать пять свою лямку и затянувшійся, безъ разсужденій, безъ повышеній, въ томъ родѣ, какъ служатъ старыя лошади, полагая вѣроятно, что такъ и надобно на разсвѣтѣ надѣть хомутъ и что нибудь тащить.

— Кого и куда вы ведете?

— И не спрашивайте, индо сердце надрывается, ну да про то знаютъ першіе, наше дѣло исполнять приказанія, не мы въ отвѣтѣ; а по человѣческому не красиво.

— Да въ чемъ дѣло то?

— Видите, набрали араву проклятыхъ жиденятъ съ восьми, девятилѣтняго возраста. Во флотъ, что ли набираютъ, не знаю. Сначала было ихъ *велѣли гнать въ Пермь, да вышла перемѣна, гонимъ въ Казань.* Я ихъ принялъ верстъ за сто; офицеръ, что сдавалъ, говорилъ бѣда да и только, треть осталась на дорогѣ (и офицеръ показалъ пальцемъ въ землю). Половина не дойдетъ до назначенія, прибавилъ онъ.

— Повальныя болѣзни что ли? спросилъ я, потрясенный до внутренности.

— Нѣтъ не то, чтобъ повальныя, а такъ мрутъ какъ мухи; жиденокъ, знаете, эдакой чахлый, тщедушный, словно кошка ободранная, не привыкъ часовъ десять мясить грязь, да ѣсть сухари — опять чужіе люди, ни отца, ни матери, ни баловства; ну покашляетъ, покашляетъ да и въ Могилевъ. И скажите, сдѣлайте милость, что это имъ далось, что можно съ ребятишками дѣлать?

Я молчалъ.

— Вы когда выступаете?

— Да пора бы давно, дождь былъ уже больно сплонъ... Эй ты, служба! вели-ка мелюзгу собрать.

Привели малютокъ и построили въ правильный фронтъ;

это было одно изъ самыхъ ужасныхъ зрѣлищъ, которыя я видалъ — бѣдные, бѣдные дѣти! Мальчики двѣнадцати, тринадцати лѣтъ еще кой какъ держались но, малютки восьми, десяти лѣтъ... Ни одна черная кисть не вызоветъ такого ужаса на холстъ.

Блѣдные, изнуренные, съ испуганнымъ видомъ стояли они въ неловкихъ, толстыхъ солдатскихъ шинеляхъ съ стоячимъ воротникомъ, обращая, какой-то безпомощный жалостный взглядъ на гарнизонныхъ солдатъ, грубо ровнявшихъ ихъ; бѣлые губы, синіе круги подъ глазами, показывали лихорадку или знобъ. И эти больные дѣти безъ уходу, безъ ласки, обдуваемые вѣтромъ, который безпрепятственно дуетъ съ Ледовитаго моря, или въ могилу.

И притомъ замѣтьте, что ихъ велъ добрякъ офицеръ которому явно было жаль дѣтей. Ну! а еслибъ попался военно-политическій экономъ?

Я взялъ офицера за руку и, сказавъ „поберегите ихъ,“ бросился въ коляску, мнѣ хотѣлось рыдать, я чувствовалъ, что не удержусь...

Какія чудовищныя преступленія безвѣстно схоронены въ архивахъ злодѣйскаго, безнравственнаго царствованія Николая! Мы къ нимъ привыкли, они дѣлались обыденно, дѣлались какъ ни въ чемъ не бывало, никѣмъ не замѣченныя, потерянныя за страшной далью, беззвучно, замореныя въ нѣмыхъ канцелярскихъ омутахъ, или задержанныя полицейской цензурой.

Развѣ мы не видали своими глазами семьи голодныхъ псковскихъ мужиковъ, переселяемыхъ насильственно въ тобольскую губернію и кочевавшихъ, безъ корма и ночлеговъ по Тверской площади въ Москвѣ, до тѣхъ поръ, пока князь Д. В. Голицынъ на свои деньги велѣлъ ихъ призрѣть?

ГЛАВА XIV.

Вятка — Канцелярія и столовая его превосходительства — К. Я. Тюфяевъ.

Вятскій губернаторъ не принялъ меня, а велѣлъ сказать, чтобъ я явился къ нему на другой день въ десять часовъ.

Въ залѣ утромъ я засталъ исправника, полицмейстера и двухъ чиновниковъ: всѣ стояли, говорили шопотомъ и съ безпокойствомъ посматривали на дверь. Дверь растворилась и взошелъ небольшаго роста, плечистый старикъ, съ головой посаженной на плечи какъ у бульдога, большія челюсти продолжали сходство съ собакой, къ тому же онѣ какъ-то плотоядно улыбались; старое и съ тѣмъ вмѣстѣ піанническое выраженіе лица, небольшіе, быстрые, сѣрпнькіе глазки и рѣдкіе прямые волосы дѣлали невѣроятно гадкое впечатлѣніе.

Онъ сначала сильно намылилъ голову исправнику за дорогу, по которой вчера ѣхалъ. Исправникъ стоялъ съ нѣсколько опущенной, въ знакъ уваженія и покорности, головою, и ко всему прибавлялъ, какъ это встарь дѣлывали слуги: „Слушаю, ваше превосходительство.

Послѣ исправника онъ обратился ко мнѣ. Дерзко посмотрѣлъ на меня и спросилъ: Вы вѣдь кончили курсъ въ московскомъ университетѣ?

— Я кандидатъ.

— Потомъ служили?

— Въ Кремлевской экспедиціи.

— Ха, ха, ха — хорошая служба! вамъ разумѣется

при такой службѣ былъ досугъ пировать и пѣсни пѣть. Аленицынъ! закричалъ онъ.

Взошелъ молодой, золотушный человѣкъ.

— Послушай, братецъ, вотъ кандидатъ московскаго университета, онъ вѣроятно все знаетъ, кромѣ службы; его величеству угодно, чтобъ онъ ей у насъ поучился. Займи его у себя въ канцеляріи и докладывай мнѣ особо. Завтра вы явитесь въ канцелярію въ девять утромъ, а теперь можете идти. Да позвольте, я забылъ спросить, какъ вы пишете?

Я съ разу не понялъ.—Ну то есть почеркъ.

— У меня ничего нѣтъ съ собой. — Дай бумаги и перо—и Аленицынъ подалъ мнѣ перо.

— Что же я буду писать?

— Что вамъ угодно, замѣтилъ секретарь, напишите: *А по справкѣ оказалось.*

— Ну къ государю переписывать вы не будете, замѣтилъ иронически улыбаясь губернаторъ.

Я еще въ Перми многое слышалъ о Тюфяевѣ, но онъ далеко превзошелъ всѣ мои ожиданія.

Что и чего не производитъ русская жизнь!

Тюфяевъ родился въ Тобольскѣ. Отецъ его чуть ли не былъ сосланъ и принадлежалъ къ бѣднѣйшимъ мѣщанамъ. Лѣтъ тринадцати молодой Тюфяевъ присталъ къ ватагѣ бродящихъ комедіантовъ, которые слоняются съ ярмарки на ярмарку, пляшутъ на канатѣ, кувыркаются колесомъ и пр. Онъ съ ними дошелъ отъ Тобольска до польскихъ губерній, потѣшая православный народъ. Тамъ его, не знаю почему, арестовали и такъ какъ онъ былъ безъ вида, его, какъ бродягу, отправили пѣшкомъ при партіи арестантовъ въ Тобольскъ. Его мать овдовѣла и жила въ большой крайности, сынъ клалъ самъ печку, когда она развалилась; надоб-

но было пріискать какое нибудь ремесло; мальчику далась грамота и онъ сталъ наниматься писцомъ въ магистратѣ. Развязный отъ природы и изощрившій свои способности многостороннимъ воспитаніемъ въ таборѣ акробатовъ и въ пересыльныхъ арестантскихъ партіяхъ, съ которыми прошелъ съ одного конца Россіи до другого, онъ сдѣлался лихимъ дѣльцомъ.

Въ началѣ царствованія Александра, въ Тобольскъ пріѣзжалъ какой-то ревизоръ. Ему нужны были дѣловые писаря, кто-то рекомендовалъ ему Тюфяева. Ревизоръ до того былъ доволенъ имъ, что предложилъ ему ѣхать съ нимъ въ Петербургъ. Тогда Тюфяевъ, у котораго по собственнымъ словамъ самолюбіе не шло дальше мѣста секретаря въ уѣздномъ судѣ, иначе оцѣнилъ себя и съ желѣзной волей рѣшился сдѣлать карьеру.

И сдѣлалъ ее. Черезъ десять лѣтъ мы его уже видимъ неутомимымъ секретаремъ Канкрина, который тогда былъ генералъ-интендантомъ. Еще годъ спустя, онъ уже завѣдуетъ одной экспедиціей въ канцеляріи Аракчеева, завѣдывавшей всею Россіей; онъ съ графомъ былъ въ Парижѣ во время занятія его союзными войсками.

Тюфяевъ все время просидѣлъ безвыходно въ походной канцеляріи и à la lettre не видалъ ни одной улицы въ Парижѣ. День и ночь сидѣлъ онъ, составляя и переписывая бумаги, съ достойнымъ товарищемъ своимъ Клейнмихелемъ.

Канцелярія Аракчеева была въ родѣ тѣхъ мѣдныхъ рудниковъ, куда работниковъ посылаютъ только на нѣсколько мѣсяцевъ, потому что если оставить долѣе, то они мрутъ. Усталъ наконецъ и Тюфяевъ на этой фабрикѣ приказовъ и указовъ, распоряженій и учрежде-

ній, и сталъ проситься на болѣе спокойное мѣсто. Аракчеевъ не могъ не полюбить такого человѣка какъ Тюфяевъ, безъ высшихъ притязаній, безъ развлеченій, безъ мнѣній, человѣка формально честнаго, снѣдаемаго честолюбіемъ и ставящаго повиновеніе въ первую добродѣтель людскую. Аракчеевъ наградилъ Тюфяева мѣстомъ вице-губернатора. Спустя нѣсколько лѣтъ, онъ ему далъ пермское воеводство. Губернія, по которой Тюфяевъ разъ прополъ по веревкѣ и разъ на веревкѣ лежала у его ногъ.

Власть губернатора вообще растетъ въ прямомъ отношеніи разстоянія отъ Петербурга, но она растетъ въ геометрической прогрессіи въ губерніяхъ, гдѣ нѣтъ дворянства, какъ въ Перми, Вяткѣ и Сибири. Такой-то край и былъ нуженъ Тюфяеву.

Тюфяевъ былъ восточный сатрапъ, но только дѣятельный, безпокойный, во все мѣшавшійся, вѣчно занятый. Тюфяевъ былъ бы свирѣпымъ коммиссаромъ конвента въ 94 году, какимъ нибудь Карье.

Развратный по жизни, грубый по натурѣ, нетерпящій никакого возраженія, его вліяніе было чрезвычайно вредно. Онъ не бралъ взятокъ, хотя состояніе себѣ таки составилъ, какъ оказалось послѣ смерти. Онъ былъ строгъ къ подчиненнымъ; безъ пощады преслѣдовалъ тѣхъ, которые попадались, а чиновники крали больше, чѣмъ когда-нибудь. Онъ злоупотребленіе вліяній довелъ до нельзя; напр., отправляя чиновника на слѣдствіе, разумѣется, если онъ былъ интересованъ въ дѣлѣ, говорилъ ему: что вѣроятно откроется то-то и то-то, и горе было бы чиновнику, еслибъ открылось что-нибудь другое.

Въ Перми все еще было полно славою Тюфяева, у него тамъ была партія приверженцевъ, враждебная но-

вому губернатору, который, какъ разумѣется, окружилъ себя своими клевретами.

Но за то были люди ненавидившіе его. Одинъ изъ нихъ, довольно оригинальное произведеніе русскаго *надлома*, особенно преупреждалъ меня, что такое Тюфяевъ. Я говорю объ докторѣ на одномъ изъ заводовъ. Человѣкъ этотъ умный и очень нервный, вскорѣ послѣ курса какъ-то несчастно женился, потомъ былъ занесенъ въ Екатеринбургъ и безъ всякой опытности затертъ въ болото провинціальной жизни. Поставленный довольно независимо въ этой средѣ, онъ все таки сломился; вся дѣятельность его обратилась на преслѣдованіе чиновниковъ сарказмами. Онъ хохоталъ надъ ними въ глаза, онъ съ гримасами и кривляніемъ говорилъ имъ въ лицо самыя оскорбительныя вещи. Такъ какъ никому не было пощады, то никто особенно не сердился на злой языкъ доктора. Онъ сдѣлалъ себѣ общественное положеніе своими нападками и заставилъ безхарактерное общество терпѣть розги, которыми онъ хлесталъ его безъ отдыха.

Меня предупредили что онъ хорошій докторъ, но поврежденный, и что онъ чрезвычайно дерзокъ.

Его болтовня и шутки не были ни грубы, ни плоски; совсѣмъ напротивъ, онѣ были полны юмора и сосредоточенной желчи, это была его поэзія, его месть, его крикъ досады, а можетъ долею и отчаянія. Онъ изучилъ чиновническій кругъ какъ артистъ и какъ медикъ, онъ зналъ всѣ мелкія и затаенныя страсти ихъ и ободренный ненаходчивостью, трусостью своихъ знакомыхъ, позволялъ себѣ все.

Ко всякому слову прибавлялъ онъ: „ни копѣйки не стоитъ.“ Я разъ шутя замѣтилъ ему это повтореніе. „Чему-же вы удивляетесь, возразилъ докторъ, цѣль вся-

кой рѣчи убѣдить, я и тороплюсь прибавить сильнѣйшее доказательство, какое существуетъ на свѣтѣ. Увѣрьте человѣка, что убить роднаго отца ни копѣйки не будетъ стоить—онъ убьетъ его."

Чеботаревъ никогда не отказывалъ давать въ займы небольшія суммы, въ сто, двѣсти рублей асс. Когда кто у него просилъ, онъ вынималъ свою записную книжку и подробно спрашивалъ, когда тотъ ему отдастъ.

— Теперь, говорилъ онъ, позвольте держать пари на цѣлковый, что вы не отдадите въ срокъ.

— Да помилуйте, возражалъ тотъ, за кого же вы меня принимаете?

— Вамъ это ни копѣйки не стоитъ, отвѣчалъ докторъ, за кого я васъ принимаю, а дѣло въ томъ, что я шестой годъ веду книжку, и ни одинъ человѣкъ еще не заплатилъ въ срокъ, да никто почти и послѣ срока не платитъ.

Срокъ проходилъ и докторъ пресерьезно требовалъ выигранный цѣлковый.

Пермскій откупщикъ продавалъ дорожную коляску, докторъ явился къ нему и, не прерываясь, произнесъ слѣдующую рѣчь: Вы продаете коляску, мнѣ нужно ее, вы богатый человѣкъ, вы милліонеръ, за это васъ всѣ уважаютъ, и я потому пришелъ свидѣтельствовать вамъ мое почтеніе; какъ богатый человѣкъ, вамъ ни копѣйки не стоитъ, продадите-ли вы коляску или нѣтъ, мнѣ же ее очень нужно, а денегъ у меня мало. Вы захотите меня притѣснить, воспользоваться моей необходимостью и спросите за коляску 1,500, я предложу вамъ рублей семьсотъ, буду ходить всякій день, торговаться, черезъ недѣлю вы уступите за 750 или 800, не лучше-ли съ этого начать? Я готовъ ихъ дать.—Гораздо лучше, отвѣчалъ удивленный откупщикъ и отдалъ коляску.

Анекдотамъ и шалостямъ Чеботарева не было конца, прибавлю еще два.*)

— Вѣрите ли вы въ магнитизмъ? спросила его при мнѣ одна дама, довольно умная и образованная.—Да что вы разумѣете подъ магнитизмомъ? — Дама ему сказала какой-то общій вздоръ.—Вамъ ни копѣйки не стоитъ знать, отвѣчалъ онъ, вѣрю я магнитизму или нѣтъ, а хотите, я вамъ разскажу, что я видѣлъ по этой части.— Пожалуста.—Только слушайте внимательно. Послѣ этого онъ передалъ очень живо, умно и интересно опыты какого то харьковскаго доктора, его знакомаго.

Середь разговора человѣкъ принесъ на подносѣ закуску. Дама сказала ему, когда онъ выходилъ: Ты забылъ подать горчицы. Чеботаревъ остановился.—Продолжайте, продолжайте, сказала дама, нѣсколько уже испуганная, я слушаю.—Соль то принесъ ли онъ?—Это вы уже и разсердились, прибавила дама краснѣя.—Нисколько, будьте увѣрены, я знаю что вы внимательно слушали, да и то знаю, что женщина какъ бы ни была умна, и о чемъ бы ни шла рѣчь, не можетъ никогда стать выше кухни — за что же я лично на васъ смѣлъ бы сердиться.

На заводахъ графини Полье, гдѣ онъ тоже лечилъ, понравился ему дворовый мальчикъ, онъ его пригласилъ къ себѣ въ услуженіе. Мальчикъ былъ согласенъ, но управляющій сказалъ, что безъ разрѣшенія графини онъ его не можетъ уволить. Чеботаревъ написалъ къ графинѣ. Она велѣла управляющему выдать паспортъ, но на томъ условіи, чтобы Чеботаревъ заплатилъ за *пять лѣтъ* впередъ оброкъ. Получивъ этотъ отвѣтъ, онъ немедленно написалъ къ графинѣ, что согласенъ,

*) Эти два анекдота не были въ первомъ изданіи, я ихъ вспомнилъ, перечитывая листы для поправки. (1858)

но что просить ее предварительно разрѣшить ему слѣдующее сомнѣніе, съ кого ему получить заплаченные деньги въ томъ случаѣ, если энкіева комета, пересѣкая орбиту земнаго шара, собьетъ его съ пути—что можетъ случиться за полтора года до окончанія срока.

Въ день моего отъѣзда въ Вятку, утромъ рано явился докторъ и началъ съ слѣдующей глупости: Вы какъ Горацій, разъ *тьли* и до сихъ поръ васъ все *переводятъ*. Потомъ онъ вынулъ бумажникъ и спросилъ, не нужно-ли мнѣ денегъ на дорогу. Я поблагодарилъ его и отказался.—Отчего же вы не берете? вамъ это ни копѣйки не стоитъ.—У меня есть деньги.—Плохо, сказалъ онъ, міръ кончается, раскрылъ свою записную книжку и вписалъ: „Послѣ пятнадцатилѣтней практики въ первый разъ встрѣтилъ человѣка, который не взялъ денегъ, да еще будучи на отъѣздѣ.“

Отдурачившись, онъ сѣлъ ко мнѣ на постель и серьезно сказалъ: Вы ѣдете къ страшному человѣку. Остерегайтесь его и удаляйтесь, какъ можно болѣе. Если онъ васъ полюбитъ, плохая вамъ рекомендація; если же возненавидитъ, такъ ужъ онъ васъ доѣдетъ, клеветой, ябедой, не знаю чѣмъ, но доѣдетъ, ему это ни копѣйки не стоитъ.

При этомъ онъ мнѣ разсказалъ происшествіе, истинность котораго я имѣлъ случай послѣ повѣрить по документамъ въ канцеляріи министра внутреннихъ дѣлъ.

Тюфяевъ былъ въ открытой связи съ сестрой одного бѣднаго чиновника. Надъ братомъ смѣялись, братъ хотѣлъ разорвать эту связь, грозился доносомъ, хотѣлъ писать въ Петербургъ, словомъ шумѣлъ и безпокоился до того, что его однажды полиція схватила и представила какъ сумашедшаго для освидѣтельствованія въ губернское правленіе.

Губернское правленіе, предсѣдатели палатъ и инспекторъ врачебной управы, старикъ нѣмецъ, пользовавшійся большой любовью народа, и котораго я лично зналъ, всѣ нашли, что Петровскій—сумашедшій.

Нашъ докторъ зналъ Петровскаго и былъ его врачемъ. Спросили и его для формы. Онъ объявилъ инспектору, что Петровскій вовсе не сумашедшій, и что онъ предлагаетъ переосвидѣтельствовать, иначе долженъ будетъ дѣло это вести дальше. Губернское правленіе было вовсе не прочь, но по несчастію Петровскій умеръ въ сумашедшемъ домѣ, не дождавшись дня назначеннаго для вторичнаго свидѣтельства и не смотря на то, что онъ былъ молодой, здоровый малый.

Дѣло дошло до Петербурга. Петровскую арестовали (почему не Тюфяева?), началось секретное слѣдствіе. Отвѣты диктовалъ Тюфяевъ, онъ превзошелъ себя въ этомъ дѣлѣ. Чтобъ разомъ остановить его и отклонить отъ себя опасность вторичнаго, непроизвольнаго путешествія въ Сибирь, Тюфяевъ научилъ Петровскую сказать, что братъ ея съ тѣхъ поръ съ нею въ ссорѣ, какъ она, увлеченная молодостью и неопытностью, лишилась невинности при проѣздѣ императора Александра въ Пермь, за что и получила черезъ генерала Соломку 5,000 р.

Привычки Александра были таковы, что невѣроятнаго ничего тутъ не было. Узнать правда ли было не легко и во всякомъ случаѣ надѣлало бы много скандалу. На вопросъ г. Бенкендорфа, генералъ Соломка отвѣчалъ, что черезъ его руки проходило столько денегъ, что онъ не припомнитъ объ этихъ 5,000.

„La regina en aveva molto!“ говоритъ импровизаторъ въ *Египетскихъ ночахъ* Пушкина...

И вотъ этотъ-то почтенный ученикъ Аракчеева и

достойный товарищъ Клейнмихеля, акробатъ, бродяга, писарь, секретарь, губернаторъ, нѣжное сердце, безкорыстный человѣкъ, запирающій здоровыхъ въ сумасшедшій домъ и уничтожающій ихъ тамъ, человѣкъ оклеветавшій императора Александра для того, чтобъ отвести глаза императора Николая, брался теперь пріучать меня къ службѣ.

Зависимость моя отъ него была велика. Стоило ему написать какой нибудь вздоръ министру, меня отослали бы куда нибудь въ Иркутскъ. Да и зачѣмъ писать? онъ имѣлъ право перевести въ какой нибудь дикій городъ Кай или Царево-Санчурскъ, безъ всякихъ сообщеній, безъ всякихъ ресурсовъ. Тюфяевъ отправилъ въ Глазовъ одного молодого поляка за то, что дамы предпочитали танцовать съ нимъ мазурку, а не съ его превосходительствомъ.

Такъ князь Долгоруковъ былъ отправленъ изъ Перми въ Верхотурье. Верхотурье, потерянное въ горахъ и снѣгахъ, принадлежитъ еще къ пермской губерніи, но это мѣсто стоитъ Березова по климату,—онъ хуже Березова—по пустотѣ.

Князь Долгоруковъ принадлежалъ къ аристократическимъ повѣсамъ въ дурномъ родѣ, которые ужъ рѣдко встрѣчаются въ наше время. Онъ дѣлалъ всякія проказы въ Петербургѣ, проказы въ Москвѣ, проказы въ Парижѣ.

На это тратилась его жизнь. Это былъ Измайловъ въ маленькомъ размѣрѣ, князь Е. Грузинскій безъ притона бѣглыхъ въ Лысковѣ, т. е. избалованный, дерзкій, отвратительный забавникъ, баринъ и шутъ вмѣстѣ. Когда его продѣлки перешли всѣ границы, ему велѣли отправиться на житье въ Пермь.

Онъ пріѣхалъ въ двухъ каретахъ: въ одной онъ

самъ съ собакой, въ другой—его поваръ французъ съ попугаями. Въ Перми обрадовались богатому гостю и вскорѣ весь городъ толокся въ его столовой. Долгорукій завелъ шашни съ пермской барыней; барыня, заподозривъ какія-то невѣрности, явилась невзначай утромъ къ князю и застала его съ горничной. Изъ этого вышла сцена, кончившаяся тѣмъ, что невѣрный любовникъ снялъ со стѣны арапникъ; совѣтница, видя его намѣреніе, пустилась бѣжать; онъ за ней, небрежно одѣтый въ одинъ халатъ; нагнавъ ее на небольшой площади, гдѣ учили обыкновенно батальонъ, онъ вытянулъ раза три ревнивую совѣтницу арапникомъ и спокойно отправился домой, какъ будто сдѣлалъ дѣло.

Подобныя милыя шутки навлекли на него гоненіе пермскихъ друзей и начальство рѣшилось сорокалѣтняго шалуна отослать въ Верхотурье. Онъ далъ наканунѣ отъѣзда богатый обѣдъ и чиновники, не смотря на разладъ, все таки поѣхали; Долгорукій обѣщалъ ихъ накормить какимъ-то неслыханнымъ пирогомъ.

Пирогъ былъ дѣйствительно превосходенъ и исчезалъ съ невѣроятной быстротой. Когда остались одни корки, Долгорукій патетически обратился къ гостямъ и сказалъ: „Не будетъ же сказано, что я, разставаясь съ вами, что нибудь пожалѣлъ. Я велѣлъ вчера убить моего Гарди для пирога.“

Чиновники съ ужасомъ взглянули другъ на друга и искали глазами знакомую всѣмъ датскую собаку: ея не было. Князь догадался и велѣлъ слугѣ принести бренные остатки Гарди, его шкуру; внутренность была въ пермскихъ желудкахъ. Полгорода занемогло отъ ужаса.

Между тѣмъ Долгорукій, довольный тѣмъ, что ловко подшутилъ надъ пріятелями, ѣхалъ торжественно въ Верхотурье. Третья повозка везла цѣлый курятникъ,

курятникъ ѣдущій на почтовыхъ! По дорогѣ онъ увезъ съ нѣсколькихъ станцій приходныя книги, перемѣшалъ ихъ, поправилъ въ нихъ цифры и чуть не свелъ съ ума почтовое вѣдомство, которое и съ книгами не всегда ловко сводило концы съ концами.

Удушливая пустота и нѣмота русской жизни, страннымъ образомъ соединная съ живостью и даже бурностью характера, особенно развиваетъ въ насъ всякія юродства.

Въ пѣтушьемъ крикѣ Суворова, какъ въ собачьемъ паштетѣ князя Долгорукова, въ дикихъ выходкахъ Измайлова, въ полудобровольномъ безуміи Мамонова и буйныхъ преступленіяхъ Толстого-Американца, я слышу родственную ноту, знакомую намъ всѣмъ, но которая у насъ ослаблена образованіемъ или направлена на что нибудь другое.

Я лично зналъ Толстого и именно въ ту эпоху, когда онъ лишился своей дочери Сарры, необыкновенной дѣвушки, съ высокимъ поэтическимъ даромъ. Одинъ взглядъ на наружность старика, на его лобъ, покрытый сѣдыми кудрями, на его сверкающіе глаза и атлетическое тѣло, показывали сколько энергіи и силы было ему дано отъ природы. Онъ развилъ однѣ буйныя страсти, однѣ дурныя наклонности и это не удивительно; всему порочному позволяютъ у насъ развиваться долгое время безпрепятственно, а за страсти человѣческія посылаютъ въ гарнизонъ или въ Сибирь при первомъ шагѣ... Онъ буйствовалъ, обыгрывалъ, дрался, уродовалъ людей, разорялъ семейства лѣтъ двадцать сряду, пока наконецъ былъ сосланъ въ Сибирь, откуда „вернулся алеутомъ,“ какъ говоритъ Грибоѣдовъ, т. е. пробрался черезъ Камчатку въ Америку и оттуда выпросилъ дозволеніе возвратиться въ Россію. Александръ его простилъ, и онъ,

на другой день послѣ пріѣзда, продолжалъ прежнюю жизнь. Женатый на цыганкѣ, извѣстной своимъ голосомъ и принадлежавшей къ московскому табору, онъ превратилъ свой домъ въ игорный, проводилъ все время въ оргіяхъ, всѣ ночи за картами и дикія сцены алчности и пьянства совершались возлѣ колыбели маленькой Сарры. Говорятъ, что онъ разъ, въ доказательство мѣткости своего глаза, велѣлъ женѣ стать на столъ и прострѣлилъ ея каблукъ башмака.

Послѣдняя его продѣлка чуть было снова не свела его въ Сибирь. Онъ былъ давно сердитъ на какого-то мѣщанина, поймалъ его какъ-то у себя въ домѣ, связалъ по рукамъ и ногамъ и вырвалъ у него зубъ. Вѣроятно-ли, что этотъ случай былъ лѣтъ десять или двѣнадцать тому назадъ? Мѣщанинъ подалъ просьбу. Толстой задарилъ полицейскихъ, задарилъ судъ, и мѣщанина посадили въ острогъ за ложный извѣтъ. Въ это время одинъ извѣстный русскій литераторъ, Н. Ф. Павловъ, служилъ въ тюремномъ комитетѣ. Мѣщанинъ разсказалъ ему дѣло, неопытный чиновникъ поднялъ его. Толстой струхнулъ не на шутку, дѣло клонилось явнымъ образомъ къ его осужденію; но русскій богъ великъ! Графъ Орловъ написалъ князю Щербатову секретное отношеніе, въ которомъ совѣтовалъ ему дѣло затушить чтобъ не дать такого *прямого торжества низшему сословію надъ высшимъ*. Н. Ф. Павлова графъ Орловъ совѣтовалъ удалить отъ такого мѣста... Это почти невѣроятнѣе вырваннаго зуба. Я былъ тогда въ Москвѣ и очень хорошо зналъ неосторожнаго чиновника. Но возвратимся въ Вятку.

Канцелярія была безъ всякого сравненія хуже тюрьмы. Не матерьяльная работа была велика, а удушающій, какъ въ собачьемъ гротѣ, воздухъ этой затхлой среды

и страшная глупая потеря времени, вотъ что дѣлало канцелярію невыносимой. Аленицынъ меня не тѣснилъ, онъ былъ даже вѣжливѣе, чѣмъ я ожидалъ, онъ учился въ казанской гимназіи и въ силу этого имѣлъ уваженіе къ кандидату московскаго университета.

Въ канцеляріи было человѣкъ двадцать писцовъ. Большей частію люди безъ малѣйшаго образованія и безъ всякого нравственнаго понятія; дѣти писцовъ и секретарей, съ колыбели привыкнувшіе считать службу средствомъ пріобрѣтенія, а крестьянъ почвой приносящей доходъ, они продавали справки, брали двугривенные и четвертаки, обманывали за стаканъ вина, унижались, дѣлали всякія подлости. Мой камердинеръ пересталъ ходить въ „бильярдную," говоря, что чиновники плутуютъ хуже всякаго, а проучить ихъ нельзя, потому что они *офицеры*.

Вотъ съ этими-то людьми, которыхъ мой слуга не билъ только за ихъ чинъ, мнѣ приходилось сидѣть ежедневно отъ 9 до 2 утра и отъ 5 до 8 часовъ вечера.

Сверхъ Аленицына, общаго начальника канцеляріи, у меня былъ начальникъ стола, къ которому меня посадили, существо тоже не злое, но пьяное и безграмотное. За однимъ столомъ со мною сидѣли четыре писца. Съ ними надобно было говорить и быть закомымъ, да и со всѣми другими тоже. Не говоря уже о томъ, что эти люди „за гордость" рано или поздно подставили бы мнѣ ловушку, просто нѣтъ возможности проводить нѣсколько часовъ дня съ одними и тѣми-же людьми, не перезнакомившись съ ними. Сверхъ того не должно забывать, какъ провинціалы льнутъ къ постороннему, особенно пріѣхавшему изъ столицы и притомъ еще съ какой-то интересной исторіей за спиной.

Просидѣвши день цѣлый въ этой галерѣ, я прихо-

дилъ иной разъ домой въ какомъ-то отупленіи всѣхъ способностей и бросался на диванъ — изнуренный, униженный и не способный ни на какую работу, ни на какое занятіе. Я душевно жалѣлъ о моей крутицкой кельи съ ея чадомъ и тараканами, съ жандармомъ у дверей и съ замкомъ на дверяхъ. Тамъ я былъ воленъ, дѣлалъ что хотѣлъ, никто мнѣ не мѣшалъ; вмѣсто этихъ пошлыхъ рѣчей, грязныхъ людей, низкихъ понятій, грубыхъ чувствъ, тамъ была мертвая тишина и невозмущаемый досугъ. И когда мнѣ приходило въ голову, что послѣ обѣда опять слѣдуетъ идти, и завтра опять, мною подъ часъ овладѣвало бѣшенство и отчаяніе и я пилъ вино и водку для утѣшенія.

А тутъ еще придетъ по „дорогѣ“ кто нибудь изъ сослуживцевъ посидѣть отъ скуки, поговорить пока до узаконеннаго часа идти на службу.....

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ впрочемъ канцелярія сдѣлалась нѣсколько полегче.

Долгое, равномѣрное преслѣдованіе не въ русскомъ характерѣ, если не примѣшивается личностей или денежныхъ видовъ; и это совсѣмъ не отъ того, чтобъ правительство не хотѣло душить и добивать, а отъ русской безпечности, отъ нашего laisser aller. Русскія власти всѣ вообще неотесаны, наглы, дерзки, на грубость съ ними накупиться очень легко, но постоянное доколачиваніе людей не въ ихъ нравахъ, у нихъ на это не достаетъ терпѣнія, можетъ оттого, что оно не приноситъ никакого барыша.

Сначала, съ горяча, чтобъ показать въ одну сторону усердіе, въ другую власть, дѣлаются всякія глупости и ненужности, потомъ мало по малу человѣка оставляютъ въ покоѣ.

Такъ случилось и съ канцеляріей. Министерство вну-

треннихъ дѣлъ было тогда въ припадкѣ статистики; оно велѣло вездѣ завести комитеты, и разослало такія программы, которыя врядъ возможно ли было бы исполнить гдѣ-нибудь въ Бельгіи или Швейцаріи; при этомъ всякія вычурныя таблицы съ maximum и minimum, съ среднимп числами и разными выводами изъ десятплѣтнихъ сложностей (составленными по свѣденіямъ, которыя *за годъ передъ тѣмъ* не собпрались!) съ нравственными отмѣтками и метеорологическими замѣчаніями. На комитетъ и на собраніе свѣденій денегъ не назначалось ни копѣйки; все это слѣдовало дѣлать изъ любви къ статистикѣ, черезъ земскую полицію, и приводить въ порядокъ въ губернаторской канцеляріи. Канцелярія, заваленная дѣлами, земская полиція, ненавидящая всѣ *мирныя* и теоретическія занятія, смотрѣли на статистическій комитетъ какъ на ненужную роскошь, какъ на министерскую шалость; однако отчеты надобно было представить съ таблицами и выводами.

Это дѣло казалось безмѣрно труднымъ всей канцеляріи; оно было просто невозможно; но на это никто не обратилъ вниманія, хлопотали о томъ, чтобъ не было выговора. Я обѣщалъ Аленицыну приготовить введеніе и начало, очерки таблицъ, съ краснорѣчивыми отмѣтками, съ иностранными словами, съ цитатами и поразительными выводами, если онъ разрѣшитъ мнѣ, этимъ тяжелымъ трудомъ заниматься дома, а не въ канцеляріи. Аленицынъ переговорилъ съ Тюфяевымъ и согласился.

Начало отчета о занятіяхъ комитета, въ которомъ я говорилъ о надеждахъ и проэктахъ, потому что въ настоящемъ ничего не было, тронули Аленицына до глубины душевной. Самъ Тюфяевъ нашелъ, что оно мастерски написано. Тѣмъ и окончились труды по части

статистики, но комитетъ дали въ мое завѣдываніе. На барщину переписки бумагъ меня больше не гоняли и мой пьяненькій столоначальникъ сдѣлался почти подчиненное мнѣ лицо. Аленицынъ требовалъ только, изъ какихъ-то соображеній высшаго приличія, чтобъ я на короткое время заходилъ всякій день въ канцелярію.

Для того, чтобъ показать всю мѣру невозможности серьезныхъ таблицъ, я упомяну свѣденія присланныя изъ заштатнаго города Кая. Тамъ между разными нелѣпостями было: „*Утопшихъ—2, причины утопленія не извѣстны—2*," и въ графѣ суммъ выставлено „*четыре*." Подъ рубрикой чрезвычайныхъ происшествій значился слѣдующій трагическій анекдотъ: „Мѣщанинъ такой то, разстроивъ горячительными напитками свой умъ — повѣсился." Подъ рубрикой о нравственности городскихъ жителей было написано: „Жидовъ въ городѣ Каѣ не находилось." На вопросъ не было ли ассигновано суммъ на постройку церкви, биржи, богадѣльни? Отвѣты шли такъ: „На постройку биржи ассигновано было—не было....."

Статистика, спасая меня отъ канцелярской работы, имѣла несчастнымъ послѣдствіемъ личныя сношенія съ Тюфяевымъ.

Было время, когда я этого человѣка ненавидѣлъ, это время давно прошло, да и человѣкъ этотъ прошелъ, онъ умеръ въ своихъ казанскихъ помѣстьяхъ, около 1845 года. Теперь я вспоминаю о немъ безъ злобы, какъ объ особенномъ звѣрѣ, попавшемся въ лѣсу и дичи, котораго надобно было изучать, но на котораго нельзя было сердиться за то, что онъ звѣрь; тогда я не могъ не вступить съ нимъ въ борьбу, это была необходимость для всякаго порядочнаго человѣка. Случай мнѣ помогъ, иначе онъ сильно повредилъ бы мнѣ; имѣть

зубъ за зло, которое онъ мнѣ не сдѣлалъ, было бы смѣшно и жалко.

Тюфяевъ жилъ одинъ. Жена его была съ нимъ въ разводѣ. На задней половинѣ губернаторскаго дома, какъ-то намѣренно неловко, пряталась его фаворитка, жена повара, удаленнаго именно за вину своего брака въ деревню. Она не являлась оффиціально, но чиновники, особенно преданные губернатору, т. е. особенно боявшіеся слѣдствій, составляли придворный штатъ супруги повара „въ случаѣ.“ Ихъ жены и дочери, не хвастаясь этимъ, потихоньку, вечеромъ дѣлали ей визиты. Госпожа эта отличалась тѣмъ тактомъ, который имѣлъ одинъ изъ блестящихъ ея предшественниковъ—Потемкинъ; зная нравъ старика и боясь быть смѣненной, она сама пріискивала ему не опасныхъ соперницъ. Благодарный старикъ платилъ привязанностью за такую снисходительную любовь и они жили ладно.

Тюфяевъ все утро работалъ и былъ въ губернскомъ правленіи. Поэзія жизни начиналась съ трехъ часовъ. Обѣдъ для него была вещь не шуточная. Онъ любилъ поѣсть и поѣсть на людяхъ. У него на кухнѣ готовилось всегда на двѣнадцать человѣкъ; если гостей было меньше половины, онъ огорчался; если не больше двухъ человѣкъ, онъ былъ несчастенъ; если же никого не было, онъ уходилъ обѣдать близкій къ отчаянію въ комнаты дульцинеи. Достать людей для того, чтобъ ихъ накормить до тошноты, не трудная задача, но его оффиціальное положеніе и страхъ чиновниковъ передъ нимъ не позволяли ни имъ свободно пользоваться его гостепріимствомъ, ни ему сдѣлать трактиръ изъ своего дома. Надобно было ограничиться совѣтниками, предсѣдателями (но съ половиной онъ былъ въ ссорѣ, т. е. не благоволилъ къ нимъ), рѣдкими проѣзжими, богатыми

купцами, откупщиками и *странностями*, нѣчто въ родѣ sarasilés, которыя хотѣли ввести при Людовикѣ Филиппѣ въ выборы. Разумѣется, я былъ странность первой величины въ Вяткѣ.

Людей сосланныхъ на житье „за мнѣнія“ въ дальніе города нѣсколько боятся, но никакъ не смѣшиваютъ съ обыкновенными смертными. „Опасные люди“ имѣютъ тотъ интересъ для провинціи, который имѣютъ извѣстные Ловласы для женщинъ и куртизаны для мумущинъ. Опасныхъ людей гораздо больше избѣгаютъ петербургскіе чиновники и московскіе тузы, чѣмъ провинціальные жители, особенно сибиряки.

Сосланные по четырнадцатому Декабря пользовались огромнымъ уваженіемъ. Къ вдовѣ Юшневскаго дѣлали чиновники первый визитъ въ новый годъ. Сенаторъ Толстой, ревизовавши Сибирь, руководствовался свѣденіями, получаемыми отъ сосланныхъ декабристовъ. для повѣрки тѣхъ, которые доставляли чиновники.

Миницъ завѣдывалъ изъ своей башни въ Пелымѣ дѣлами тобольской губерніи. Губернаторы ходили къ нему совѣщаться о важныхъ дѣлахъ.

Простой народъ еще менѣе враждебенъ къ сосланнымъ; онъ вообще со стороны наказанныхъ. Около сибирской границы слово „ссыльный“ исчезаетъ и замѣняется словомъ „несчастный.“ Въ глазахъ русскаго народа судебный приговоръ не пятнаетъ человѣка. Въ пермской губерніи по дорогѣ въ Тобольскъ крестьяне выставляютъ часто квасъ, молоко и хлѣбъ въ маленькомъ окошкѣ на случай, если „несчастный“ будетъ тайкомъ пробираться изъ Сибири.

Кстати, говоря о сосланныхъ, за Нижнимъ начинаютъ встрѣчаться сосланные поляки, съ Казани число ихъ быстро возрастаетъ. Въ Перми было человѣкъ со-

рокъ, въ Вяткѣ не меньше; сверхъ того, въ каждомъ уѣздномъ городѣ было нѣсколько человѣкъ.

Они жили совершенно отдѣльно отъ русскихъ и удалялись отъ всякаго сообщенія съ жителями; между собою у нихъ было большое единодушіе, и богатые дѣлились братски съ бѣдными.

Со стороны жителей я не видалъ ни ненависти, ни особеннаго расположенія къ нимъ. Они смотрѣли на нихъ какъ на постороннихъ — къ тому же почти ни одинъ полякъ не зналъ по русски.

Одинъ закоснѣлый сарматъ, старикъ, уланскій офицеръ при Понятовскомъ, дѣлавшій часть наполеоновскихъ походовъ, получилъ въ 1837 году дозволеніе возвратиться въ свои литовскія помѣстья. Наканунѣ отъѣзда старикъ позвалъ меня и нѣсколько поляковъ отобѣдать. Послѣ обѣда мой кавалеристъ подошелъ ко мнѣ съ бокаломъ, обнялъ меня и съ военнымъ простодушіемъ сказалъ мнѣ на ухо: *Да зачѣмъ же вы русскій!* Я ни отвѣчалъ ни слова, но замѣчаніе это сильно запало мнѣ въ грудь. Я понялъ, что *этому* поколѣнію нельзя было освободить Польшу.

Съ Конарскаго начиная, поляки совсѣмъ иначе смотрятъ на русскихъ.

Вообще поляковъ сосланныхъ на житье не тѣснятъ, но матеріальное положеніе ужасно для тѣхъ, которые не имѣютъ состоянія. Правительство даетъ неимущимъ *по 15 рублей ассигнаціями въ мѣсяцъ;* изъ этихъ денегъ слѣдуетъ платить за квартиру, одѣваться, ѣсть и отапливаться. Въ довольно большихъ городахъ, въ Казани, Тобольскѣ, можно было что-нибудь выработать уроками, концертами, играя на балахъ, рисуя портреты, заводя танцъ-классы. Въ Перми и Вяткѣ не было и

этихъ средствъ. И не смотря на то, у русскихъ они не просили ничего.

..... Приглашеніе Тюфяева на его жирные, сибирскіе обѣды, было для меня истиннымъ наказаніемъ. Столовая его была та же канцелярія, но въ другой формѣ, менѣе грязной, но болѣе пошлой, потому что она имѣла видъ доброй воли, а не насилія.

Тюфяевъ зналъ своихъ гостей на сквозь, презиралъ ихъ, показывалъ имъ иногда когти и вообще обращался съ ними въ томъ родѣ, какъ хозяинъ обращается съ своими собаками, то съ излишней фамильярностію, то съ грубостію, выходящей изъ всѣхъ предѣловъ — и все таки онъ звалъ ихъ на свои обѣды, и они съ трепетомъ и радостью являлись къ нему, унижаясь, сплетничая, подслуживаясь, угождая, улыбаясь, кланяясь.

Я за нихъ краснѣлъ и стыдился.

Дружба наша не долго продолжалась. Тюфяевъ скоро догадался, что я не гожусь въ „высшее“ вятское общество.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ былъ мною недоволенъ, черезъ нѣсколько другихъ онъ меня ненавидѣлъ и я не только не ходилъ на его обѣды, но вовсе пересталъ къ нему ходить. Проѣздъ наслѣдника спасъ меня отъ его преслѣдованій, какъ мы увидимъ послѣ.

Притомъ необходимо замѣтить, что я рѣшительно ничего не сдѣлалъ, чтобы заслужить сначала его вниманіе и приглашеніе, потомъ гнѣвъ и немилость. Онъ не могъ вынести во мнѣ человѣка, державшаго себя независимо, но вовсе не дерзко; я былъ съ нимъ всегда en règle, онъ требовалъ подобострастія.

Онъ ревниво любилъ свою власть, она ему досталась трудовой копѣйкой и онъ искалъ не только повинове-

нія, но *вида* безпрекословной подчиненности. По несчастію въ этомъ онъ былъ національненъ.

Помѣщикъ говоритъ слугѣ: Молчать, я не потерплю, чтобъ ты мнѣ отвѣчалъ.

Начальникъ департамента замѣчаетъ, блѣднѣя, чиновнику, дѣлающему возраженіе: Вы забываетесь, знаете ли вы, съ *кѣмъ* вы говорите?

Государь „*за мнѣнія*“ посылаетъ въ Сибирь, за *стихи* морятъ въ казематахъ — и всѣ трое скорѣе готовы простить воровство и взятки, убійство и разбой, чѣмъ наглость человѣческаго достоинства и дерзость независимой рѣчи.

Тюфяевъ былъ настоящій царскій слуга, его оцѣнили но мало. Въ немъ византійское рабство необыкновенно, хорошо соединялось съ канцелярскимъ порядкомъ. Уничтоженіе себя, отрѣченіе отъ воли и мысли передъ властью шло неразрывно съ суровымъ гнетомъ подчиненныхъ. Онъ бы могъ быть статскій Клейнмихель, его „усердіе“ точно также превозмогло бы все, и онъ точно также штукатурилъ бы стѣны человѣческими трупами, сушилъ бы дворецъ людскими легкими, а молодыхъ людей инженернаго корпуса сѣкъ бы еще больнѣе, за то, что они не доносчики.

У Тюфяева была живучая, затаенная ненависть ко всему аристократическому, ее онъ сохранилъ отъ горькихъ испытаній. Для Тюфяева каторжная канцелярія Аркачеева, была первой гаванью, первымъ освобожденіемъ. Прежде начальники не предлагали ему стула, употребляли его на мелкія коммиссіи. Когда онъ служилъ по интендантской части, офицеры по армейски преслѣдовали его и одинъ полковникъ вытянулъ его на улицѣ въ Вильнѣ хлыстомъ... Все это взошло и назрѣло въ душѣ писаря; теперь, губернаторомъ, его чередъ

тѣснить, не давать стула, говорить *ты*, поднимать голосъ больше чѣмъ нужно, а иной разъ отдавать подъ судъ столбовыхъ дворянъ.

Изъ Перми Тюфяевъ былъ переведенъ въ Тверь. Дворянство, при всей уступчивости и при всемъ раболѣпіи, не могло вынести Тюфяева. Они упросили министра Блудова удалить его. Блудовъ назначилъ его въ Вятку.

Тутъ онъ снова очутился въ своей средѣ. Чиновники и откупщики, заводчики и чиновники, раздолье да и только. Все трепетало его, все вставало передъ нимъ, все поило его, все давало ему обѣды, все глядѣло въ глаза; на свадьбахъ и именинахъ первый тостъ предлагали: „за здравіе его превосходительства!“

ГЛАВА XV.

Чиновники — Сибирскіе генералъ-губернаторы — Хищный полицмейстеръ—Ручный судья — Жареный исправникъ — Равноапостольный татаринъ — Мальчикъ женскаго пола — Картофельный терроръ и пр.

Одинъ изъ самыхъ печальныхъ результатовъ петровскаго переворота — это развитіе чиновническаго сословія. Классъ искуственный, необразованный, голодный, не умѣющій ничего дѣлать кромѣ „служенія,“ ничего не знающій кромѣ канцелярскихъ формъ; онъ составляетъ какое-то гражданское духовенство, священнодѣйствующее въ судахъ и полиціяхъ и сосущее кровь народа тысячами ртовъ жадныхъ и нечистыхъ.

Гоголь приподнялъ одну сторону занавѣси и пока-

залъ намъ русское чиновничество во всемъ безобразіи его; но Гоголь невольно примиряетъ смѣхомъ, его огромный комическій талантъ беретъ верхъ надъ негодованіемъ. Сверхъ того въ колодкахъ русской цензуры онъ едва могъ касаться печальной стороны этого грязнаго подземелья, въ которомъ куются судьбы бѣднаго русскаго народа.

Тамъ, гдѣ-то въ закоптѣлыхъ канцеляріяхъ, черезъ которыя мы спѣшимъ пройти, обтерханные люди пишутъ — пишутъ на сѣрой бумагѣ, переписываютъ на гербовую, и лица, семьи, цѣлыя деревни обижены, испуганы, раззорены. Отецъ, идетъ на поселенье, мать въ тюрьму, сынъ въ солдаты и все это разразилось какъ громъ, нежданно, большей частью неповинно. А изъ за чего? Изъ за денегъ. Складчину... или начнется слѣдствіе о мертвомъ тѣлѣ какого нибудь пьяницы, сгорѣвшаго отъ вина и замерзнувшаго отъ мороза. И голова собираетъ, староста собираетъ, мужики несутъ послѣднюю копѣйку. Становому надобно жить; исправнику надобно жить, да и жену содержать; совѣтнику надобно жить, да и дѣтей воспитать, совѣтникъ примѣрный отецъ.

Чиновничество царитъ въ сѣверо-восточныхъ губерніяхъ Руси и въ Сибири; тутъ оно раскинулось безпрепятственно, безъ оглядки... даль страшная, всѣ участвуютъ въ выгодахъ, кража становится res publica. Самая власть царская, которая бьетъ какъ картечь, не можетъ пробить эти подснѣжныя, болотитстыя траншеи изъ топкой грязи. Всѣ мѣры правительства—ослаблены, всѣ желанія искажены; оно обмануто, одурачено, предано, продано и все съ видомъ вѣрноподданническаго раболѣпія и съ соблюденіемъ всѣхъ канцелярскихъ формъ.

Сперанскій пробовалъ облегчить участь сибирскаго народа. Онъ ввелъ всюду коллегіальное начало; какъ будто дѣло зависѣло оттого, какъ кто крадетъ — по одиночкѣ или шайками. Онъ сотнями отрѣшалъ старыхъ плутовъ и сотнями принялъ новыхъ. Сначала онъ нагналъ такой ужасъ на земскую полицію, что мужики *брали* деньги съ чиновниковъ, чтобъ не ходить съ челобитьемъ. Года черезъ три чиновники нажились по новымъ формамъ, не хуже какъ по старымъ.

Нашелся другой чудакъ, генералъ Вельяминовъ. Года два онъ побился въ Тобольскѣ, желая уничтожить злоупотребленія, но, видя безуспѣшность, бросилъ все и совсѣмъ пересталъ заниматься дѣлами.

Другіе, благоразумнѣе его, не дѣлали опыта, а наживались и давали наживаться.

— Я искореню взятки, сказалъ московскій губернаторъ Сенявинъ сѣдому крестьянину, подавшему жалобу на какую-то явную несправедливость. Старикъ улыбнулся.

— Что же ты смѣешься? спросилъ Сенявинъ.

— Да, батюшка, отвѣчалъ мужикъ, ты прости; на умъ пришелъ мнѣ одинъ молодецъ нашъ, похвалялся царь-пушку поднять, и точно, пробовалъ — до только пушку-то не поднялъ!

Сенявинъ, который самъ разсказывалъ этотъ анекдотъ, принадлежалъ къ тому числу непрактическихъ людей въ русской службѣ, которые думаютъ, что риторическими выходками о честности и деспотическимъ преслѣдованіемъ двухъ-трехъ плутовъ, которые подвернутся, можно помочь такой всеобщей болѣзни, какъ русское взяточничество, свободно растущее подъ тѣнью цензурнаго древа.

Противъ него два средства: гласность и совершен-

но другая организація всей машины, введеніе снова народныхъ началъ третейскаго суда, изустнаго процесса, цѣловальниковъ, и всего того, что такъ ненавидитъ петербургское правительство.

Генералъ-губернаторъ западной Сибири Пестель, отецъ знаменитаго Пестеля, казненнаго Николаемъ, былъ настоящій римскій проконсулъ, да еще изъ самыхъ яростныхъ. Онъ завелъ открытый, систематическій грабежъ во всемъ краѣ, отрѣзанномъ его лазутчиками отъ Россіи. Ни одно письмо не переходило границы не распечатанное, и горе человѣку, который осмѣлился бы написать что-нибудь о его управленіи. Онъ купцовъ первой гильдіи держалъ по году въ тюрьмѣ, въ цѣпяхъ, онъ ихъ пыталъ. Чиновниковъ посылалъ на границу восточной Сибири и оставлялъ тамъ года на два, на три.

Долго терпѣлъ народъ; наконецъ какой-то тобольскій мѣщанинъ рѣшился довести до свѣденія государя о положеніи дѣлъ. Боясь обыкновеннаго пути, онъ отправился на Кяхту и оттуда пробрался съ караваномъ чаевъ черезъ сибирскую границу. Онъ нашелъ случай въ Царскомъ-Селѣ подать Александру свою просьбу, умоляя его прочесть ее. Александръ былъ удивленъ, пораженъ страшными вещами, прочтенными имъ. Онъ позвалъ мѣщанина и, долго говоря съ нимъ, убѣдился въ печальной истинѣ его доноса. Огорченный и нѣсколько смущенный, онъ сказалъ ему:

— Ступай, братецъ, теперь домой, дѣло это будетъ разобрано.

— Ваше величество. отвѣчалъ мѣщанинъ, я къ себѣ теперь не пойду. Прикажите лучше меня запереть въ острогъ. Разговоръ мой съ вашимъ величествомъ не останется въ тайнѣ — меня убьютъ.

Александръ содрогнулся и сказалъ, обращаясь къ

Милорадовичу, который тогда былъ генералъ-губернаторомъ въ Петербургѣ: Ты мнѣ отвѣчаешь за него.

— Въ такомъ случаѣ, замѣтилъ Милорадовичъ, позвольте мнѣ его взять къ себѣ въ домъ. Тамъ мѣщанинъ дѣйствительно и оставался до окончанія дѣла.

Пестель почти всегда жилъ въ Петербургѣ. Вспомните, что и проконсулы живали обыкновенно въ Римѣ. Онъ своимъ присутствіемъ и связями, а всего болѣе дѣлежемъ добычи, предупреждалъ всякіе непріятные слухи и дрязги.*) Государственный совѣтъ, пользуясь отсутствіемъ Александра, бывшаго въ Веронѣ или Ахенѣ, умно и справедливо рѣшилъ, что такъ какъ рѣчь въ доносѣ идетъ о Сибири, то дѣло и передать на разборъ Пестелю, благо онъ на лицо. Милорадовичъ, Мордвиновъ и еще человѣка два возстали противъ этого предложенія, и дѣло пошло въ сенатъ.

Сенатъ, съ тою возмутительной несправедливостью, съ которой постоянно судитъ дѣла высшихъ чиновниковъ, выгородилъ Пестеля, а Трескина, тобольскаго гражданскаго губернатора, лишивъ чиновъ и дворянства, сослалъ куда-то на житье. Пестель былъ только отрѣшенъ отъ службы.

Послѣ Пестеля явился въ Тобольскъ Капцевичъ, изъ школы Аракчеева. Худой, желчевой, тиранъ по натурѣ, тиранъ потому что всю жизнь служилъ въ военной службѣ, безпокойный исполнитель — онъ приводилъ все во фрунтъ и строй, объявлялъ maximum на цѣны, а

*) Это дало поводъ графу Растопчину отпустить колкое слово на счетъ Пестеля. Они оба обѣдали у государя. Государь спросилъ, стоя у окна: Что это тамъ на церкви... на крестѣ, черное?—Я не могу разглядѣть, замѣтилъ Растопчинъ; это надобно спросить у Бориса Ивановича, у него чудесные глаза, онъ видитъ отсюда, что дѣлается въ Сибири.

обыкновенныя дѣла оставлялъ въ рукахъ разбойниковъ. Въ 1824 году государь хотѣлъ посѣтить Тобольскъ. По пермской губерніи идетъ превосходная широкая дорога, давно наѣзженная и которой вѣроятно способствовала почва. Капцевичъ сдѣлалъ такую же до Тобольска въ нѣсколько мѣсяцевъ. Весной, въ распутицу и стужу, онъ заставилъ тысячи работниковъ дѣлать дорогу; ихъ сгоняли по раскладкѣ изъ ближнихъ и дальнихъ поселеній; открылись болѣзни, половина рабочихъ перемерла, но „усердіе все превозмогаетъ" — дорога была сдѣлана.

Восточная Сибирь управляется еще больше спустя рукава. Это ужъ такъ далеко, что и вѣсти едва доходятъ до Петербурга. Въ Иркутскѣ генералъ-губернаторъ Броневскій любилъ палить въ городѣ изъ пушекъ, когда „гулялъ." А другой служилъ пьяный у себя въ домѣ обѣдню въ полномъ облаченіи и въ присутствіи архіерея. По крайней мѣрѣ шумъ одного и набожность другаго не были такъ вредны какъ осадное положеніе Пестеля и неусыпная дѣятельность Капцевича.

Жаль, что Сибирь такъ скверно управляется. Выборъ генералъ-губернаторовъ особенно несчастенъ. Не знаю каковъ Муравьевъ; онъ извѣстенъ умомъ и способностями; остальные были никуда не годны. Сибирь имѣетъ большую будущность; на нее смотрятъ только какъ на подвалъ, въ которомъ много золота, много мѣху и другого добра, но который холоденъ, занесенъ снѣгомъ, бѣденъ средствами жизни, не изрѣзанъ дорогами, не населенъ. Это невѣрно.

Мертвящее русское правительство, дѣлающее все насиліемъ, все палкой, не умѣетъ сообщить тотъ жизненный толчекъ, который увлекъ бы Сибирь съ американской быстротой впередъ. Увидимъ, что будетъ,

когда устья Амура откроются для судоходства и Америка встрѣтится съ Сибирью возлѣ Китая.

Я давно говорилъ, что *Тихій океанъ — Средиземное море будущаго.**) Въ этомъ будущемъ, роль Сибири, страны между океаномъ, южной Азіей и Россіей, чрезвычайно важна. Разумѣется, Сибирь должна спуститься къ китайской границѣ. Не въ самомъ-же дѣлѣ мерзнуть и дрожать въ Березовѣ и Якутскѣ, когда есть Красноярскъ, Минусинскъ и пр.

Самое русское народонаселеніе въ Сибири имѣетъ въ характерѣ своемъ начала, намекающія на иное развитіе. Вообще сибирское племя здоровое, рослое, умное и чрезвычайно положительное. Дѣти посельщиковъ, сибиряки, вовсе не знаютъ помѣщичьей власти. Дворянства въ Сибири нѣтъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ нѣтъ и аристократіи въ городахъ; чиновникъ и офицеръ, представители власти, скорѣе похожи на непріятельскій гарнизонъ поставленный побѣдителемъ, чѣмъ на аристократію. Огромныя разстоянія спасаютъ крестьянъ, отъ частаго сношенія съ ними; деньги спасаютъ купцовъ, которые въ Сибири презираютъ чиновниковъ, и наружно уступая имъ, принимаютъ ихъ за то, что они есть — за своихъ прикащиковъ по гражданскимъ дѣламъ.

Привычка къ оружію, необходимая для сибиряка, повсемѣстна; привычка къ опасностямъ, къ расторопности, сдѣлали сибирскаго крестьянина болѣе воинственнымъ, находчивымъ, готовымъ на отпоръ, чѣмъ великорусскаго. Даль церквей оставила его умъ свободнѣе отъ изувѣрства чѣмъ въ Россіи, онъ холоденъ къ религіи, большей частью раскольникъ. Есть дальнія

*) Съ большой радостью видѣлъ я, что Нью-Іоркскіе журналы нѣсколько разъ повторили это.

деревеньки, куда попъ ѣздитъ раза три въ годъ и гуртомъ накрещиваетъ, хоронитъ, женитъ и исповѣдуетъ за все время.

По сю сторону уральскаго хребта дѣла дѣлаются скромнѣе, и не смотря на то, я томы могъ бы наполнить анекдотами о злоупотребленіяхъ и плутовствѣ чиновниковъ, слышанными мною въ продолженіи моей службы въ канцеляріи и столовой губернатора.

— Вотъ былъ профессоръ-съ—мой предшественникъ, говорилъ мнѣ въ минуту задушевнаго разговора вятскій полицмейстеръ, ну конечно эдакъ жить можно, только на это надобно родиться-съ; это въ своемъ родѣ, могу сказать, Сеславинъ, Фигнеръ—и глаза хромаго маіора, за рану произведеннаго въ полицмейстеры, блистали при воспоминаніи славнаго предшественника.

— Показалась шайка воровъ, не далеко отъ города, разъ, другой доходитъ до начальства — то у купцовъ товаръ ограбленъ, то у управляющаго по откупамъ деньги взяты. Губернаторъ въ хлопотахъ, пишетъ одно предписаніе за другимъ. Ну знаете, земская полиція трусъ; такъ какого нибудь воришку связать да представить она умѣетъ—а тамъ шайка, да и пожалуй съ ружьями. Земскіе ничего не сдѣлали. Губернаторъ призываетъ полицмейстера и говоритъ: „Я молъ знаю, что это вовсе не ваша должность, но ваша распорядительность заставляетъ меня обратиться къ вамъ.“

Полицмейстеръ прежде ужъ о дѣлѣ былъ наслышанъ. „Генералъ, отвѣчаетъ онъ, я ѣду черезъ часъ. Воры должны быть тамъ-то и тамъ-то; я беру съ собой команду, найду ихъ тамъ-то и тамъ-то и черезъ два три дня приведу ихъ въ цѣпяхъ въ губернскій острогъ.“ Вѣдь это Суворовъ-съ у австрійскаго императора! Дѣйствительно: сказано, сдѣлано—онъ ихъ такъ и накрылъ

съ командой, денегъ не успѣли спрятать, полицмейстеръ все взялъ и представилъ воровъ въ городъ.

Начинается слѣдствіе. Полицмейстеръ спрашиваетъ: „гдѣ деньги?“

— Да мы ихъ тебѣ, батюшка, сами въ руки отдали, отвѣчаютъ двое воровъ.

— Мнѣ? говоритъ полицмейстеръ, пораженный удивленіемъ.

— Тебѣ, кричатъ воры, тебѣ.

— Вотъ дерзость-то, говоритъ полицмейстеръ частному приставу, блѣднѣя отъ негодованія — да вы, мошенники, пожалуй, увѣрите, что я вмѣстѣ съ вами грабилъ. Такъ вотъ я вамъ покажу каково марать мой мундиръ; я уланскій корнетъ и честь свою не дамъ въ обиду!

Онъ ихъ сѣчь—признавайся да и только куда деньги дѣли? Тѣ сначала свое. Только какъ онъ велѣлъ имъ закатить *на двѣ трубки*, какъ главный-то изъ воровъ закричалъ: „виноваты, деньги прогуляли.“

— Давно бы такъ, говоритъ полицмейстеръ, а то несешь вздоръ такой; меня, братъ, не скоро надуешь.

— Ну ужъ точно намъ у вашего благородія надобно учиться, а не вамъ у насъ. Гдѣ намъ! пробормоталъ старый плутъ, съ удивленіемъ поглядывая на полицмейстера. — А вѣдь онъ за это дѣло получилъ Владиміра въ петлицу.

— Позвольте — спросилъ я, перебивая похвальное слово великому полицмейстеру — что же это значитъ: *на двѣ трубки?*

— Это такъ у насъ *домашнее* выраженіе. Скучно, знаете, при наказаніи, ну такъ велишь сѣчь да и куришь трубку, обыкновенно къ концу трубки и наказанію конецъ — ну а въ экстренныхъ случаяхъ, велишь

иной разъ и на двѣ трубки угостить пріятеля. Полицейскіе привычны, знаютъ примѣрно сколько.

Объ этомъ Фигнерѣ и Сеславинѣ ходили цѣлыя легенды въ Вяткѣ. Онъ чудеса дѣлалъ. Разъ, не помню по какому поводу, пріѣзжалъ-ли генералъ-адъютантъ какой или министръ, полицмейстеру хотѣлось показать, что онъ не даромъ носилъ уланскій мундиръ и что кольнетъ шпорой не хуже другаго свою лошадь. Для этого онъ адресовался съ просьбой къ одному изъ Машковцевыхъ, богатыхъ купцовъ того края, чтобъ онъ ему далъ свою сѣрую, дорогую верховую лошадь. Машковцевъ не далъ.

— Хорошо, говоритъ Фигнеръ, вы этакой бездѣлицы не хотите сдѣлать по доброй волѣ, я и безъ вашего позволенія возьму лошадь.

— Ну это еще посмотримъ! сказало *злато*.

— Ну и увидите, сказалъ *булатъ*.

Машковцевъ заперъ лошадь, приставилъ двухъ караульныхъ. На этотъ разъ полицмейстеръ ошибется.

Но въ эту ночь, какъ нарочно, загорѣлись пустые сараи, принадлежавшіе откупщикамъ и находившіеся за самымъ машковцевымъ домомъ. Полицмейстеръ и полицейскіе дѣйствовали отлично; чтобъ спасти домъ Машковцева они даже разобрали стѣну конюшни и вывели, не опаливши ни гривы, ни хвоста, спорную лошадь. Черезъ два часа полицмейстеръ, парадируя на бѣломъ жеребцѣ, ѣхалъ получать благодарность особы за примѣрное потушеніе пожара. Послѣ этого никто не сомнѣвался въ томъ, что полицмейстеръ все можетъ сдѣлать.

Губернаторъ Рыхлевскій ѣхалъ изъ собранія; въ то время какъ его карета двинулась, какой-то кучеръ съ небольшими санками зазѣвавшись попалъ между по-

стромокъ двухъ коренныхъ и двухъ переднихъ лошадей. Изъ этого вышла минутная конфузія, не помѣшавшая Рыхлевскому преспокойно пріѣхать домой. На другой день губернаторъ спросилъ полицмейстера, знаетъ-ли онъ чей кучеръ въѣхалъ ему въ постромки и что его слѣдуетъ постращать.

— Этотъ кучеръ, ваше превосходительство, не будетъ болѣе въ постромки заѣзжать, я ему влѣпилъ порядочный урокъ, отвѣчалъ улыбаясь полицмейстеръ.

— Да чей онъ?

— Совѣтника Кулакова-съ, ваше превосходительство.

Въ это время старикъ совѣтникъ, котораго я засталъ и оставилъ тѣмъ-же совѣтникомъ губернскаго правленія, взошелъ къ губернатору.

— Вы насъ простите сказалъ губернаторъ ему, что мы вашего кучера поучили.

Удивленный совѣтникъ, не понимая ничего, смотрѣлъ вопросительно.

— Вчера онъ заѣхалъ мнѣ въ постромки. Вы понимаете, если онъ мнѣ заѣхалъ, то...

— Да, ваше превосходительство, я вчера да и хозяйка моя сидѣли дома и кучеръ былъ дома.

— Что это значитъ? спросилъ губернаторъ.

— Я, ваше превосходительство, вчера былъ такъ занятъ, голова кругомъ шла, виноватъ, совсѣмъ забылъ о кучерѣ и, признаюсь, не посмѣлъ доложить это вашему превосходительству. Я хотѣлъ сейчасъ распорядиться.

— Ну вы настоящій полицмейстеръ, нечего сказать! замѣтилъ Рыхлевскій.

Рядомъ съ этимъ хищнымъ чиновникомъ, я покажу вамъ и другую, противоположную породу — чиновника мягкаго, сострадательнаго, ручнаго.

Между моими знакомыми былъ одинъ почтенный старецъ, исправникъ, отрѣшенный по сенаторской ревизіи отъ дѣлъ. Онъ занимался составленіемъ просьбъ и хожденіемъ по дѣламъ, что именно было ему запрещено. Человѣкъ этотъ, начавшій службу съ незапамятныхъ временъ, воровалъ, подскабливалъ, наводилъ ложныя справки въ трехъ губерніяхъ, два раза былъ подъ судомъ и пр. Этотъ ветеранъ земской полиціи любилъ разсказывать удивительные анекдоты о самомъ себѣ и своихъ сослуживцахъ, не скрывая своего презрѣнія къ выродившимся чиновникамъ новаго поколѣнія.

— Это такъ вертопрахи, говорилъ онъ, конечно они берутъ, безъ этого жить нельзя, но то-есть эдакъ ловкости или знанія закона и не спрашивайте.

Я разскажу вамъ, для примѣра, объ одномъ пріятелѣ. Судьей былъ лѣтъ двадцать, въ прошедшемъ году помре, вотъ былъ голова! и мужики его лихомъ не поминаютъ и своимъ хлѣба кусокъ оставилъ.

Совсѣмъ особенную манеру имѣлъ. Придетъ бывало мужикъ съ просьбицей, судья сейчасъ пускаетъ къ себѣ, такой ласковый, веселый.

— Какъ дискать, дядюшка, твое имя и батюшку твоего какъ звали?

Крестьянинъ кланяется.—Ермолаемъ молъ, батюшка, а отца Григорьемъ прозывали.

— Ну здравствуйте, Ермолай Григорьевичъ, изъ какихъ мѣстъ Господь несетъ?

— А мы Дубиловскіе.

— Знаю, знаю. Мельницы-то кажись ваши вправо отъ дороги—отъ трахта.

— Точно, батюшка, мельницы общинныя наши.

— Село зажиточное, землица хорошая, черноземъ.

— На бога не жалобимся, нешто кормилецъ.

— Да вѣдь оно и нужно. Не бось у тебя, Ермолай Григорьевичъ, семейка не малая?

— Три сыночка, да дѣвки двѣ, да во дворъ къ старшей принялъ молодца, пятый годокъ пошелъ.

— Чай ужъ и внучата завелись?

— Есть точно небольшое дѣло, ваша милость.

— И слава богу! плодитесь и умножайтесь. Ну-тка, Ермолай Григорьевичъ, дорога дальняя, выпьемъ-ка рюмочку березовой.

Мужикъ ломается. Судья наливаетъ ему, приговаривая: „полно, полно братъ, сегодня отъ святыхъ отцевъ нѣтъ запрета на вино и елей.“

— Оно точно, что запрету нѣтъ; но вино-то и доводитъ человѣка до всѣхъ бѣдъ. Тутъ онъ крестится, кланяется и пьетъ березовку.

— При такой семейкѣ, Григорьичъ, не бось накладно жить? каждаго накормить, одѣть — одной кляченкой или коровенкой не оборотишь дѣла, молока не достанетъ.

— Помилуй, батюшка, куда толкнешься съ одной лошаденкой; есть таки тройчка, была четвертая саврасая, да пала съ глазу о Петровки; плотникъ у насъ, Дороѳей, не приведи богъ, ненавидитъ чужое добро и глазъ у него больно дуренъ.

— Бываетъ-съ, бываетъ-съ. А у васъ вѣдь выгоны большіе, небось барашковъ держите!

— Нешто, есть и барашки.

— Охъ, затолковался я съ тобой. Служба, Ермолай Григоричъ, царская, пора въ судъ. Что у тебя дѣльцо что-ли?

— Точно, ваша милость — есть.

— Ну что такое? повздорили что нибудь? поскорѣе дядя разсказывай, пора ѣхать.

— Да что, отецъ родной, бѣда подъ старость лѣтъ пришла... Вотъ въ самое-то Успленье были мы въ питейномъ, ну и крупно поговорили съ сусѣдскимъ крестьяниномъ — такой безобразный человѣкъ, нашъ лѣсъ крадетъ. Только поговоримши, онъ размахнулся да меня кулакомъ въ грудь. „Ты молъ въ чужой деревни не дерись," говорю я ему, да хотѣлъ, такъ то-есть примѣръ сдѣлать, тычка ему дать, да съ пьяну что-ли или нечистая сила, прямо ему въ глазъ — ну и попортилъ то-есть глазъ, а онъ со старостой церковнымъ сей часъ къ становому — хочу дискать судъ по формѣ.

Во время разсказа, судья — что ваши петербургскіе актеры! — все становится серьезнѣе, глаза эдакіе сдѣлаетъ страшные и ни слова.

Мужикъ видитъ и блѣднѣетъ, ставитъ шляпу у ногъ и вынимаетъ полотенце, чтобъ обтереть потъ. Судья все молчитъ и въ книжкѣ листочки перевертываетъ.

— Такъ вотъ я, батюшка, къ тебѣ и пришелъ, говоритъ мужикъ не своимъ голосомъ.

— Чего-жъ я могу сдѣлать тутъ? экая причина! и зачѣмъ же это прямо въ глазъ?

— Точно, батюшка, зачѣмъ... врагъ попуталъ.

— Жаль, очень жаль! изъ чего домъ долженъ погибнуть! ну что семья безъ тебя останется? все молодежь; а внучата мелкота, да и старушку-то твою жаль.

У мужика начинаютъ ноги дрожать. — Да что же отецъ родной, къ чему же это я себя угодилъ?

— Вотъ, Ермолай Григорьичъ, читай самъ... или того, грамота-то не далась? Ну вотъ видишь „о члено-

вредителяхъ" статья... Наказавши плетьми сослать въ Сибирь на поселенье.

— Не дай разориться человѣку! не погуби христіанина! развѣ нельзя какъ...?

— Экой ты какой! Развѣ супротивъ закона можно идти? Конечно все дѣло рукъ человѣческихъ. Ну вмѣсто тридцати ударовъ, мы назначимъ эдакъ пяточекъ.

— Да то-есть въ Сибирь-то...?

— Не въ нашей, братецъ ты мой, волѣ.

Тащитъ мужикъ изъ за пазухи кошелекъ, вынимаетъ изъ кошелька бумажку, изъ бумажки два, три золотыхъ и съ низкимъ поклономъ кладетъ ихъ на столъ.

— Это что, Ермолай Григорьевичъ?

— Спаси, батюшка.

— И полно, полно! что ты это? Я, грѣшный человѣкъ, иной разъ беру благодарность. Жалованье у меня малое, но неволѣ возьмешь; но принять, такъ было бы за что. Какъ я тебѣ помогу? добро бы ребро или зубъ, а то прямо въ глазъ! Возьмите денежки ваши назадъ.

Мужичекъ уничтоженъ.

— Развѣ вотъ что; поговорить мнѣ съ товарищами, да и въ губернію отписать? неравно дѣло пойдетъ въ палату, тамъ у меня есть пріятели, все сдѣлаютъ, ну только это люди другого сорта, тутъ тремя лобанчиками не отдѣлаешься.

Мужикъ начинаетъ приходить въ себя.

— Мнѣ пожалуй ничего не давай, мнѣ семью жаль, ну а тѣмъ меньше двухъ сѣрнькихъ и предлагать нечего.

— То есть, какъ предъ богомъ, ума не приложу гдѣ это достать такую палестину денегъ — четыреста рублевъ—время же какое?

— Я таки и самъ думаю, что оно трудновато. Нака-

занье мы уменьшимъ, за раскаянье молъ и принявъ въ соображенье нетрезвый видъ... вѣдь и въ Сибири люди живутъ. Тебѣ же не богъ вѣсть какъ далеко идти. . . Конечно, если продать парочку лошадокъ, да одну изъ коровъ, да барашковъ, оно можетъ и хватитъ. Да скоро-ли потомъ въ крестьянскомъ дѣлѣ сколотишь столько денегъ! А съ другой стороны подумаешь, лошадки-то останутся, а ты-то пойдешь себѣ, куда Макаръ телятъ не гонялъ. Подумай, Григорьичъ, время терпитъ, пообождемъ до завтра, а мнѣ пора, прибавляетъ судья и кладетъ въ карманъ лобанчики, отъ которыхъ отказался, говоря: „это вовсе лишнее, я беру тотько, чтобъ васъ не обидѣть."

На другое утро, глядь, старый жидъ тащитъ разными крестовиками, да старинными рублями рублевъ триста пятьдесятъ ассигнаціями къ судьѣ.

Судья обѣщаетъ печься объ дѣлѣ; мужика судятъ. судятъ, стращаютъ, а потомъ и выпустятъ съ какимъ нибудь легкимъ наказаніемъ или съ совѣтомъ впредь въ подобныхъ случаяхъ быть осторожнымъ, или съ отмѣткой: „оставить въ подозрѣніи" и мужикъ всю жизнь молитъ бога за судью.

Вотъ какъ дѣлали встарь, приговаривалъ отрѣшенный отъ дѣлъ исправникъ—на чистоту.

... Вятскіе мужики вообще не очень выносливы. За то ихъ и считаютъ чиновники ябедниками и безпокойными. Настоящій кладъ для земской полиціи это вотяки, мордва, чуваши; народъ жалкій, робкій, бездарный. Исправники даютъ двойной окупъ губернаторамъ за назначеніе ихъ въ уѣзды, населенные финнами.

Полиція и чиновники дѣлаютъ невѣроятныя вещи съ этими бѣдняками.

Землемѣръ-ли ѣдетъ съ порученіемъ черезъ вотскую

деревню, онъ непремѣнно въ ней останавливается, беретъ съ телеги астролябію, вбиваетъ шестъ, протягиваетъ цѣпь. Черезъ часъ вся деревня въ смятеніи. „Межемѣрія, межемѣрія!“ говорятъ мужики съ тѣмъ видомъ, съ которымъ въ 12-мъ году говорили „французъ, французъ!“ Является староста поклониться съ міромъ. А тотъ все мѣряетъ и записываетъ. Онъ его проситъ не обмѣрить, не обидѣть. Землемѣръ требуетъ двадцать, тридцать рублей. Вотяки радехоньки, собираютъ деньги — и землемѣръ ѣдетъ до слѣдующей вотской деревни.

Попадется-ли мертвое тѣло исправнику съ становымъ, они его возятъ двѣ недѣли, пользуясь морозомъ, по вятскимъ деревнямъ, и въ каждой говорятъ, что сей часъ подняли и что слѣдствіе и судъ назначены въ ихъ деревнѣ. Вотяки откупаются.

За нѣсколько лѣтъ до моего пріѣзда, исправникъ, разохотившійся брать выкупы, привезъ мертвое тѣло въ большую русскую деревню и требовалъ, помнится, двѣсти рублей. Староста собралъ міръ; міръ больше ста не давалъ. Исправникъ не уступалъ. Мужики разсердились, заперли его съ двумя писарями въ волостномъ правленіи и въ свою очередь, грозили ихъ сжечь. Исправникъ не повѣрилъ угрозѣ. Мужики обложили избу соломой и какъ ультиматумъ подали исправнику на шестѣ въ окно сторублевую ассигнацію. Геропческій исправникъ требовалъ еще сто. Тогда мужики зажгли съ четырехъ сторонъ солому, и всѣ три Муціи Сцеволы земской полиціи сгорѣли. Дѣло это было потомъ въ сенатѣ.

Вотскія деревни вообще гораздо бѣднѣе русскихъ.

— Плохо, братъ, ты живешь, говорилъ я хозяину вотяку, дожидаясь лошадей въ душной, черной и поко-

сившейся избушкѣ, поставленной окнами назадъ. т. е. на дворъ.

— Что, бачка, дѣлать? мы бѣдна, деньга бережемъ на черная дня.

— Ну чернѣе мудрено быть дню, старпнушка, сказалъ я ему, наливая рюмку рому, выпей-ка съ горя.

— Мы не пьемъ, отвѣчалъ вотякъ, страстно глядя на рюмку и подозрительно на меня.

— Полно, нутка бери.

— Выпей сама прежде.

— Я выпилъ и вотякъ выпилъ. „А ты что? спросилъ онъ, съ губернія, по дѣлу?“

— Нѣтъ, отвѣчалъ я, проѣздомъ, ѣду въ Вятку. Это его значительно успокоило и онъ, осмотрѣвшись на всѣ стороны, прибавилъ въ видѣ поясненія: „черной дня, когда исправникъ да *попъ* пріѣдутъ.“

Вотъ о послѣднемъ-то я и хочу разсказать вамъ кое-что. Попъ у насъ превращается болѣе и болѣе въ духовнаго квартальнаго, какъ и слѣдуетъ ожидать отъ византійскаго смиренія нашей церкви и отъ императорскаго первосвятительства.

Финское насиленіе долею приняло крещеніе въ допетровскія времена, долею было окрещено въ царствованіе Елизаветы, и долею осталось въ язычествѣ. Большая часть крещеныхъ при Елизаветѣ тайно придерживается своей печальной, дикой религіи.*)

*) Всѣ молитвы ихъ сводятся на матеріальную просьбу о продолженіи ихъ рода, объ урожаѣ, о сохраненіи стада и больше ничего. „Дай Юмала, чтобъ отъ одного барана родилось два, отъ одного зерна родилось пять, чтобъ у моихъ дѣтей были дѣти.“ Въ этой неувѣренности въ *земной* жизни и хлѣбѣ насущномъ есть что-то отжившее, подавленное, несчастное и печальное. Діаволъ (шайтанъ) почитается наравнѣ съ богомъ. Я видѣлъ сильный пожаръ въ одномъ селѣ, въ которомъ жители были перемѣшаны—русскіе и во-

Года черезъ два, трп, исправникъ или становой отправляются съ попомъ по деревнямъ ревизовать, кто изъ вотяковъ говѣлъ, кто нѣтъ, и почему нѣтъ. Ихъ тѣснятъ, сажаютъ въ тюрьму, сѣкутъ, заставляютъ платить требы; а главное, попъ и исправникъ ищутъ какое нибудь доказательство, что вотяки не оставили своихъ прежнихъ обрядовъ. Тутъ духовный сыщикъ и земскій миссіонеръ подымаютъ бурю, берутъ огромный окупъ, дѣлаютъ „черная дня," потомъ уѣзжаютъ, оставляя все по старому, чтобъ имѣть случай черезъ годъ, другой, снова поѣхать съ розгами и крестомъ.

Въ 1835 году святѣйшій синодъ счелъ нужнымъ поапостольствовать въ вятской губерніи и обратить черемисовъ язычниковъ въ православіе.

Это обращеніе типъ всѣхъ великихъ улучшеній, дѣлаемыхъ русскимъ правительствомъ, фасадъ, декорація, blague, ложь, пышной отчетъ, кто нибудь крадетъ и кого нибудь сѣкутъ.

Митрополитъ Филаретъ отрядилъ миссіонеромъ бойкаго священника. Его звали Курбановскимъ. Снѣдаемый русской болѣзнью — честолюбіемъ, Курбановскій горячо принялся за дѣло. Во чтобъ то ни стало, онъ рѣшился втѣснить благодать божію черемисамъ. Сначала онъ попробовалъ проповѣдывать, но это ему скоро надоѣло. И въ самомъ дѣлѣ много ли возьмешь этимъ старымъ средствомъ?

Черемисы, смекнувши въ чемъ дѣло, прислали своихъ священниковъ, дикихъ, фанатическихъ и ловкихъ. Они, послѣ долгихъ разговоровъ, сказали Курбановскому: „въ

тяки. Русскіе таскали вещи, кричали, хлопотали — особенно между ними отличался цѣловальникъ. Пожаръ остановить было невозможно; но спасти кое-что было сначала легко. Вотяки собрались на небольшой холмикъ и плакали на взрыдъ, ничего не дѣлая.

лѣсу есть бѣлыя березы, высокія сосны и ели, есть тоже и малая мозжюха. Богъ всѣхъ ихъ терпитъ и не велитъ мозжюхѣ быть сосной. Такъ вотъ и мы межъ собой какъ лѣсъ. Будьте вы бѣлыми березами, мы останемся мозжюхой, мы вамъ не мѣшаемъ, *за царя молимся*, подать платимъ и рекрутовъ ставимъ, а святынѣ своей измѣнить не хотимъ.“*)

Курбановскій увидѣлъ, что съ ними не столкуешь и что доля Кирила и Меѳодія ему не удается, Онъ обратился къ исправнику. Исправникъ обрадовался до нельзя; ему давно хотѣлось показать свое усердіе къ церкви — онъ былъ некрещеный татаринъ, т. е. правовѣрный магометанинъ, по названію Девлетъ Килдѣевъ.

Исправникъ взялъ съ собой команду и поѣхалъ осаждать черемисовъ словомъ божіимъ. Нѣсколько деревень были окрещены. Апостолъ Курбановскій отслужилъ молебствіе и отправился смиренно получать камилавку. Апостолу-татарину правительство прислало Владимірскій крестъ за распространеніе Христіанства!

По несчастію татаринъ-миссіонеръ былъ не въ ладахъ съ Мулою въ Малмыжѣ. Мулѣ совсѣмъ не нравилось, что правовѣрный сынъ Корана такъ успѣшно проповѣдуетъ Евангеліе. Въ рамазанъ, исправникъ, отчаянно привязавши крестъ въ неглицу, явился въ мечети, и разумѣется сталъ впереди всѣхъ. Мула только было началъ читать въ носъ Коранъ, какъ вдругъ остановился и сказалъ, что онъ не смѣетъ продолжать въ присутствіи *правовѣрнаго*, пришедшаго въ мечеть съ христіанскимъ знаменіемъ.

*) Подобный отвѣтъ (если Курбановскій его не выдумалъ) былъ нѣкогда сказанъ крестьянами въ Германіи, которыхъ хотѣли обращать въ католицизмъ.

Татары заропталн, исправникъ смѣшался и куда-то спрятался или снялъ крестъ.

Я потомъ читалъ въ журналѣ министерства внутреннихъ дѣлъ объ этомъ блестящемъ обращеніи черемисовъ. Въ статьѣ было упомянуто ревностное содѣйствіе Девлетъ-Килдѣева. По несчастію забыли прибавить, что усердіе къ церкви было тѣмъ болѣе безкорыстно у него, чѣмъ тверже онъ вѣрилъ въ Исламизмъ.

Передъ окончаніемъ моей вятской жизни департаментъ государственныхъ имуществъ воровалъ до такой наглости, что надъ нимъ назначили слѣдственную коммиссію, которая разослала ревизоровъ по губерніямъ. Съ этого началось введеніе новаго управленія государственными крестьянами.

Губернаторъ Корниловъ долженъ былъ назначить отъ себя двухъ чиновниковъ при ревизіи. Я былъ одинъ изъ назначенныхъ. Чего не пришлось мнѣ тутъ прочесть! и печальнаго, и смѣшнаго, и гадкаго. Самые заголовки дѣлъ поражали меня удивленіемъ.

„Дѣло о потери *неизвѣстно* куда дома Волостнаго правленія и о изгрызенія плана онаго мышами.“

„Дѣло о потери *двадцати двухъ* казенныхъ оброчныхъ статей;“ т. е. верстъ пятнадцати земли.

„Дѣло о перечисленіи крестьянскаго мальчика Василья въ женскій полъ.“

Послѣднее было такъ хорошо, что я тотчасъ прочелъ его отъ доски до доски.

Отецъ этого предполагаемаго Василья пишетъ въ своей просьбѣ губернатору, что лѣтъ пятнадцать тому назадъ у него родилась дочь, которую онъ хотѣлъ назвать Василисой, но что священникъ, бывъ „подъ хмѣлькомъ,“ окрестилъ дѣвочку Васильемъ и такъ внесъ въ метрику. Обстоятельство это по видимому мало безпо-

коило мужика, но когда онъ понялъ, что скоро падетъ на его домъ рекрутская очередь и подушная, тогда онъ объявилъ о томъ головѣ и становому. Случай этотъ показался полиціи очень мудренъ. Она предварительно отказала мужику, говоря, что онъ пропустилъ десятилѣтнюю давность. Мужикъ пошелъ къ губернатору. Губернаторъ назначилъ торжественное освидѣтельствованіе этого мальчика женскаго пола медикомъ и повивальной бабкой... Тутъ ужъ какъ-то завелась переписка съ консисторіей, и попъ, наслѣдникъ того, который подъ хмѣлькомъ цѣломудренно не разбиралъ плотскихъ различій, выступилъ на сцену, и дѣло длилось годы, и чуть ли дѣвочку не оставили въ подозрѣніи мужескаго пола.

Не думайте, что это нелѣпое предположеніе сдѣлано мною для шутки; вовсе нѣтъ, это совершенно сообразно духу русскаго самодержавія.

При Павлѣ, какой-то гвардейскій полковникъ въ мѣсячномъ рапортѣ показалъ умершимъ офицера, который отходилъ въ больницѣ. Павелъ его исключилъ за смертію изъ списковъ. По несчастью офицеръ не умеръ, а выздоровѣлъ. Полковникъ упросилъ его на годъ или на два уѣхать въ свои деревни, надѣясь сыскать случай поправить дѣло. Офицеръ согласился, но, на бѣду полковника, наслѣдники прочитавши въ приказахъ о смерти родственника, ни за что не хотѣли его признавать живымъ и, безутѣшные отъ потери, настойчиво требовали ввода во владѣніе. Когда живой мертвецъ увидѣлъ, что ему приходится въ другой разъ умирать, и не съ приказу, а съ голоду, тогда онъ поѣхалъ въ Петербургъ и подалъ Павлу просьбу. Павелъ написалъ своей рукой на его просьбѣ: „Такъ какъ объ г. офицерѣ состоялся высочайшій приказъ, то въ просьбѣ ему отказать.“

Это еще лучше моей Василисы-Василья. Что значитъ грубый фактъ жизни передъ высочайшимъ приказомъ? Павелъ былъ поэтъ и діалектикъ самовластья!

Какъ ни грязно и ни тонко въ этомъ болотѣ приказныхъ дѣлъ, но прибавлю еще нѣсколько словъ. Эта гласность послѣднее, слабое вознагражденіе страдавшимъ, погибнувшимъ безъ вѣсти, безъ утѣшенія.

Правительство даетъ охотно въ награду высшимъ чиновникамъ пустопорожнія земли. Вреда въ этомъ большаго нѣтъ, хотя умнѣе было бы сохранить эти запасы для умножающагося населенія. Правила, по которымъ велѣно отмежевывать земли, довольно подробны; нельзя давать береговъ суходной рѣки, строеваго лѣса, обоихъ береговъ рѣки, наконецъ, ни въ какомъ случаѣ не велено выдѣлять земель, обработанныхъ крестьянами, хотя бы крестьяне не имѣли никакихъ правъ на эти земли кромѣ давности...*)

Все это, разумѣется, на бумагѣ. На дѣлѣ отмежеваніе земель въ частное владѣніе страшный источникъ грабежа казны и притѣсненія крестьянъ.

Благородные вельможи, получающіе аренды, обыкновенно или продаютъ свои права купцамъ, или стараются черезъ губернское начальство завладѣть вопреки правиламъ чѣмъ-нибудь особеннымъ. Самъ графъ Орловъ *случайно* получилъ въ надѣлъ дорогу и пастбища, на которыхъ останавливаются гурты въ Саратовской губерніи.

*) Въ Вятской губерніи крестьяне особенно любятъ переселяться. Очень часто въ лѣсу открываются вдругъ три-четыре *починка*. Огромныя земли и лѣса (до половины уже сведенные) увлекаютъ крестьянъ брать эту res nullius, безполезно остающуюся. Министерство финансовъ нѣсколько разъ принуждено было утверждать землю за захватившими.

Дивиться стало быть нечему, что однимъ добрымъ утромъ у крестьянъ Даровской волости, Котельническаго уѣзда отрѣзали землю вплоть до гуменниковъ и домовъ и отдали въ частное владѣніе купцамъ, купившимъ аренду у какого-то родственника графа Канкрина. Купцы положили наемную плату за землю. Изъ этого началось дѣло. Казенная палата, закупленная купцами и боясь родственника Канкрина, запутала дѣло. Но крестьяне рѣшились его вести настойчиво; они выбрали двухъ толковыхъ мужиковъ и отправили ихъ въ Петербургъ. Дѣло пошло въ Сенатъ. Межевой департаментъ догадался, что мужики правы, но не зналъ что дѣлать и спросилъ Канкрина. Канкринъ просто призналъ, что земля неправильно отрѣзана, но считалъ затруднительнымъ возвратить ее, потому что она съ тѣхъ поръ *могла* быть перепродаваема и что владѣльцы оной *могли сдѣлать* разныя улучшенія. А потому его сіятельство положило, пользуясь большимъ количествомъ казенныхъ земель, надѣлить крестьянъ полнымъ количествомъ съ другой стороны. Это понравилось всѣмъ, кромѣ крестьянъ. Во первыхъ, шуточное ли дѣло вновь разработывать поля? во-вторыхъ, земля съ другой стороны оказалась неудобною, болотистою. Такъ какъ крестьяне даровской волости больше занимались хлѣбопашествомъ, чѣмъ охотой за дупелями и бекасами, то они снова подали просьбу.

Тогда казенная палата и министерство финансовъ отдѣлили новое дѣло отъ прежняго и найдя законъ, въ которомъ сказано, что если попадется неудобная земля идущая въ надѣлъ, то не вырѣзывать ее, а прибавлять еще половинное количество, велѣли дать даровскимъ крестьянамъ къ болоту еще полболота.

Крестьяне снова подали въ Сенатъ, но пока ихъ дѣ-

ло дошло до разбора, межевой департаментъ прислалъ имъ планы на новую землю, какъ водится, переплетенные, раскрашенные, съ изображеніемъ звѣзды вѣтровъ, съ прилпчными объясненіями ромба R R Z и ромба Z Z R, а главное съ требованіемъ такой то подесятинной платы. Крестьяне, увидѣвъ, что имъ не только не отдаютъ земли, но хотятъ съ нихъ слупить деньги за болото, начисто отказались платить.

Исправникъ донесъ Тюфяеву. Тюфяевъ послалъ военную экзекуцію подъ начальствомъ вятскаго полицмейстера. Тотъ пріѣхалъ, схватилъ нѣсколько человѣкъ, пересѣкъ ихъ, усмирилъ волость, взялъ деньги, предалъ *виновныхъ* уголовному суду и недѣлю говорилъ хриплымъ языкомъ отъ крику. Нѣсколько человѣкъ были наказаны плетьми и сосланы на поселенье.

Черезъ два года наслѣдникъ проѣзжалъ Даровской волостью, крестьяне подали ему просьбу, онъ велѣлъ разобрать дѣло. По этому случаю, я составлялъ изъ него докладную записку. Что вышло путнаго изъ этого пересмотра, я не знаю. Слышалъ я, что сосланныхъ воротили, но воротили-ли землю, не слыхалъ.

Въ заключеніе упомяну о знаменитой исторіи картофельнаго бунта, и о томъ, какъ Николай пріобщалъ къ благамъ петербургской цивилизаціи кочующихъ цыганъ.

Русскіе крестьяне не охотно сажали картофель, какъ нѣкогда крестьяне всей Европы, какъ будто испанскій говорилъ народу, что это дрянная пища, не дающая ни силъ, ни здоровья. Впрочемъ у порядочныхъ помѣщиковъ и во многихъ казенныхъ деревняхъ „земляныя яблоки“ саживались гораздо прежде картофельнаго террора. Но русскому правительству то-то и противно, что дѣлается само собою. Все надобно, чтобъ дѣлалось изъ подъ палки, по флигельману, по темпамъ.

Крестьяне Казанской и долею Вятской губерніи засѣяли картофелемъ поля. Когда картофель былъ собранъ, министерству пришло въ голову завести по волостямъ центральныя ямы. Ямы утверждены, ямы предписаны, ямы копаются, и въ началѣ зимы мужики, скрѣпя сердце, повезли картофель въ центральныя ямы. Но когда слѣдующей весной ихъ хотѣли заставить сажать *мерзлый* картофель, они отказались. Дѣйствительно, не могло быть оскорбленія болѣе дерзкаго труду, какъ приказъ дѣлать явнымъ образомъ нелѣпость. Это возраженіе было представлено какъ бунтъ. Министръ Киселевъ прислалъ изъ Петербурга чиновника; онъ, человѣкъ умный и практическій, взялъ въ первой волости по рублю съ души и позволилъ не сѣять картофельные выморозки.

Чиновникъ повторилъ это во второй и въ третьей. Но въ четвертой голова сказалъ ему на отрѣзъ, что онъ картофель сажать не будетъ, ни денегъ ему не дастъ. „Ты, говорилъ онъ ему, освободилъ такихъ-то и такихъ-то; ясное дѣло, что и насъ долженъ освободить.“ Чиновникъ хотѣлъ дѣло кончить угрозами и розгами, но мужики схватились за колья, полицейскую команду прогнали; военный губернаторъ послалъ казаковъ. Сосѣднія волости вступились за своихъ.

Довольно сказать, что дѣло дошло до пушечной картечи и ружейныхъ выстрѣловъ. Мужики оставили домы, разсыпались по лѣсамъ; казаки ихъ выгоняли изъ чащи, какъ дикихъ звѣрей; тутъ ихъ хватали, ковали въ цѣпи и отправляли въ военно-судную коммиссію въ Космодеміанскъ.

По странной случайности старый маіоръ внутренней стражи былъ честный, простой человѣкъ, онъ добродушно сказалъ, что всему виною чиновникъ; присланъ-

ный изъ Петербурга. На него всѣ опрокинулись, его голосъ подавили, заглушили; его запугали и даже застыдили тѣмъ, что онъ хочетъ „погубить невиннаго человѣка.“

Ну и слѣдствіе пошло обычнымъ русскимъ чередомъ: мужиковъ сѣкли при допросахъ, сѣкли въ наказаніе, сѣкли для примѣра, сѣкли изъ денегъ и цѣлую толпу сослали въ Сибирь.

Замѣчательно, что Киселевъ проѣзжалъ по Космодеміанску во время суда. Можно было бы, кажется, завернуть въ военную коммиссію или позвать къ себѣ маіора.

Онъ этого не сдѣлалъ!

... Знаменитый Тюрго, видя ненависть французовъ къ картофелю, разослалъ всѣмъ откупщикамъ, поставщикамъ и другимъ подвластнымъ лицамъ картофель на посѣвъ, строго запретивъ давать крестьянамъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ сообщилъ имъ тайно, чтобъ они не препятствовали крестьянамъ красть на посѣвъ картофель. Въ нѣсколько лѣтъ часть Франціи обсѣялась картофелемъ.

Tout bien pris, вѣдь это лучше картечи, Павелъ Дмитріевичъ?

Къ Вяткѣ прикочевалъ въ 1836 г. таборъ цыганъ и расположился на полѣ. Цыгане эти таскались до Тобольска и Ирбита, продолжая съ незапамятныхъ временъ свою вольную бродячую жизнь, съ вѣчнымъ ученымъ медвѣдемъ и ничему не ученными дѣтьми, съ коновалами, гаданьемъ и мелкимъ воровствомъ. Они спокойно пѣли пѣсни и крали куръ, но вдругъ губернаторъ получилъ высочайшее повелѣніе, буде найдутся цыгане *безпаспортные* (ни у одного цыгана никогда не бывало паспорта, и это очень хорошо знали Николай и

его люди), то дать имъ такой-то срокъ, чтобъ они приписались тамъ, гдѣ ихъ застанетъ указъ къ сельскимъ городскимъ обществамъ.

По прошествіи же даннаго срока, предписывалось *всѣхъ* годныхъ къ военной службѣ отдать въ солдаты, *остальныхъ* отправить на поселеніе, *отобравъ дѣтей* мужескаго пола.

Этотъ безумный указъ, напомнпающій библейскіе разсказы о избіеніяхъ и наказаніяхъ цѣлыхъ породъ и всѣхъ къ стѣнѣ мочащихся, сконфузилъ самаго Тюфяева. Онъ объявилъ цыганамъ нелѣпый указъ, написалъ въ Петербургъ о невозможности исполненія. Для того, чтобъ приписываться, надобны деньги, надобно согласіе обществъ, которые тоже даромъ не захотятъ принять цыганъ и притомъ слѣдуетъ еще предположить, что сами цыгане хотятъ ли именно тутъ поселиться. Взявъ все во вниманіе, Тюфяевъ, и тутъ нельзя ему не отдать справедливости, представлялъ министерству о томъ, чтобъ имъ дать льготы и отсрочки.

Министръ отвѣчалъ предписаніемъ, по истеченіи срока привести въ исполненіе навуходоносоровское распоряженіе. Скрѣпя сердце, послалъ Тюфяевъ команду, которой велѣлъ окружить таборъ; когда это было сдѣлано, явилась полиція съ гарнизоннымъ баталліономъ, и что тутъ, говорятъ, было, это трудно себѣ представить. Женщины съ растрепанными волосами, съ крикомъ и слезами, въ какомъ-то безуміи бѣгали, валялись въ ногахъ у полиціи, сѣдыя старухи цѣплялись за сыновей. Но порядокъ восторжествовалъ и колчевскій полицмейстеръ забралъ дѣтей, забралъ рекрутъ, остальныхъ отправили по этапамъ куда-то на поселеніе.

Но когда отобрали дѣтей, возникъ вопросъ, куда ихъ дѣть? и на какіе деньги содержать?

Прежде при приказахъ общественнаго призрѣнія были воспитательные домы, ничего не стоившіе казнѣ. Но прусское цѣломудріе Николая ихъ уничтожило, какъ вредныя для нравственности. Тюфяевъ далъ впередъ своихъ денегъ и спросилъ министра. Министры никогда и ни зачѣмъ не останавливаются, велѣли отдать малютокъ впредь до распоряженія, на попеченіе стариковъ и старухъ, призираемыхъ въ богадѣльнѣ.

Маленькихъ дѣтей помѣстить съ умирающими старикамп и старухами, и заставить ихъ дышать воздухомъ смертп, и поручить ищущимъ покоя старикамъ— уходъ за дѣтьми даромъ...

Поэты!

—Чтобъ не прерываться, разскажу я здѣсь исторію, случившуюся года полтора спустя съ владимірскимъ старостою моего отца. Мужикъ онъ былъ умный, бывалый, ходилъ въ извозѣ, самъ держалъ нѣсколько троекъ и лѣтъ двадцать сидѣлъ старостой небольшой оброчной деревенькп.

Въ тотъ годъ, въ который я жилъ въ Владимірѣ — сосѣдніе крестьяне просили его сдать за нихъ рекрута, онъ явился въ городъ съ будущимъ защитникомъ отечества на веревкѣ и съ большой самоувѣренностью, какъ мастеръ своего дѣла.

„Это батюшка, говорилъ онъ, расчесывая пальцами свою обкладистую бѣлокурую бороду съ просѣдью, все дѣло рукъ человѣческихъ. Въ запрошломъ году нашего малаго ставили, былъ такой плохинькой, ледящій, мужички больно опасались, что не сойдетъ. Ну я и говорю, а что примѣрно православные прикладу положите—не мазано колесо не вертится. Мы такъ потолковали промежъ себя, міръ-то и опредѣлилъ двадцать

пять золотыхъ. Пріѣзжаю я въ губернію и поговоривши въ казенной палатѣ, иду прямо къ предсѣдателю—человѣкъ, батюшка, былъ онъ умный и меня давненько зналъ. Велѣлъ онъ позвать меня въ кабинетъ, а у самаго ножка болитъ, такъ изволитъ лежать на софѣ. Я ему все представилъ; а онъ мнѣ въ отвѣтъ со смѣхомъ: „ладно, ладно, ты толкуй, сколько *оныхъ* то привезъ—ты вѣдь жидоморъ, знаю я тебя.“ Я положилъ на столъ десять лобанчиковъ и поклонился въ поясъ—они ихъ такъ въ ручку взяли и поигрываютъ,—„а что, говоритъ, не мнѣ вѣдь одному платить-то надо, что же ты еще привезъ?“ Я докладываю, съ десятокъ молъ еще наберется. Ну, говоритъ, куда же ты ихъ дѣнешь, самъ считай — лекарю два, военному пріемщику два, письмоводителю, ну тамъ на всякое угощеніе все-же больше трехъ не выйдетъ — такъ ты ужъ остальные мнѣ отдай, а я постараюсь уладить дѣльцо “

—Ну что же ты далъ?

— Вѣстимо, что далъ — ну и забрили лобъ оченно хорошо.

Обученный такому округленію счетовъ, привыкнувшій къ такого рода смѣтамъ, а вѣроятно и къ пяти золотымъ, о судьбѣ которыхъ онъ умолчалъ, староста былъ увѣренъ въ успѣхѣ. Но много несчастій можетъ пройти между взяткой и рукой того, который ее беретъ. Къ рекрутскому набору въ Владиміръ былъ присланъ флигель-адъютантъ графъ Эссенъ. Староста сунулся къ нему съ своими лобанчиками и арапчиками. По несчастію нашъ графъ, какъ героиня въ Нулинѣ, былъ воспитанъ „не въ отеческомъ законѣ,“ а въ школѣ балтійской аристократіи, учащей нѣмецкой преданности русскому государю. Эссенъ разсердился, раскричался и, что хуже всего, позвонилъ, вбѣжалъ письмо-

водитель, явились жандармы. Староста, никогда не мечтавшій о существованій людей въ мундирѣ, которые бы не брали взятокъ, до того растерялся, что не заперся, не началъ клясться и божиться, что никогда денегъ не давалъ, что если только хотѣлъ этого, такъ чтобъ лопнули его глаза и росинка не попала бы въ ротъ. Онъ какъ баранъ позволилъ себя уличить, свести въ полицію, и раскаиваясь вѣроятно въ томъ, что мало генералу предложилъ и тѣмъ его обидѣлъ.

Но Эссенъ, недовольный ни собственной чистой совѣстью, ни страхомъ несчастнаго крестьянина, и желая, вѣроятно, искоренить in Russland взятки, наказать порокъ и поставить цѣлебный примѣръ, написалъ въ полицію, написалъ губернатору, написалъ въ рекрутское присутствіе — о злодѣйскомъ покушеніи старосты. Мужика посадили въ острогъ и отдали подъ судъ. Благодаря глупому и безобразному закону, одинаково наказывающему того, который, будучи честнымъ человѣкомъ, даетъ деньги чиновнику и самого чиновника, который беретъ взятку, дѣло было скверно и старосту надобно было спасти, во чтобъ ни стало.

Я бросился къ губернатору; онъ отказался вступать въ это дѣло; предсѣдатель и совѣтники уголовной палаты, испуганные вмѣшательствомъ флигель-адъютанта, качали головой. Самъ флигель-адъютантъ первый, смѣнивъ гнѣвъ на милость, говорилъ, „что онъ никакого зла сдѣлать старостѣ не хочетъ, что онъ хотѣлъ его проучить, что *„пусть его посудятъ да и отпустятъ.“* Когда я это разсказывалъ полицмейстеру, тотъ мнѣ замѣтилъ: „То то и есть, что всѣ эти господа не знаютъ дѣла, прислалъ бы его просто ко мнѣ, я бы ему дураку вздулъ бы спину, не суйся, молъ, въ воду, не спросясь броду, да и отпустилъ бы его во сво-

ясн—всѣ бы и были довольны; а теперь поди расчихвайся съ палатой."

Два сужденія эти такъ ловко и ярко выражаютъ русское, имперское понятіе о правѣ, что я не могъ ихъ позабыть.

Между этими геркулесовыми столбами отечественной юриспруденціи—староста попалъ въ средній, въ самый глубокій омутъ, т. е. въ уголовную палату. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ заготовили рѣшеніе, въ силу котораго старосту, наказавши плетьми, отправляли въ Сибирь на поселеніе. Явился ко мнѣ его сынъ, вся семья, умоляя спасти отца и главу семейства. Жаль мнѣ было смертельно самому крестьянина, совершенно невинно гибнувшаго. Поѣхалъ я снова къ предсѣдателю и совѣтникамъ, снова сталъ имъ доказывать, что они себѣ причиняютъ вредъ, наказывая такъ строго старосту; что они сами очень хорошо знаютъ, что ни одного дѣла безъ взятокъ не кончишь, что, наконецъ, имъ самимъ нечего будетъ ѣсть, если они, какъ истинные христіане, не будутъ находить, что всякъ даръ совершенъ и всякое даяніе благо. Прося, кланяясь и посылая сына старосты еще ниже кланяться, я достигъ въ половину моей цѣли. Старосту присудили къ наказанію нѣсколькими ударами плетью въ стѣнахъ острога, съ оставленіемъ на мѣстѣ жительства и съ воспрещеніемъ ходатайствовать по дѣламъ за другихъ крестьянъ.

Я веселѣе вздохнулъ, увидя, что губернаторъ и прокуроръ согласились и отправился въ полицію просить объ облегченіи силы наказанія; полицейскіе, отчасти польщенные тѣмъ, что я самъ пришелъ ихъ просить, отчасти жалѣя мученика, пострадавшаго за такое близкое каждому дѣло, сверхъ того, зная, что онъ мужикъ зажиточный, обѣщали мнѣ сдѣлать одну проформу.

Черезъ нѣсколько дней явился какъ-то утромъ староста, похудѣвшій и еще болѣе сѣдой, нежели былъ. Я замѣтилъ, что при всей радости, онъ былъ что-то грустенъ и подъ вліяніемъ какой-то тяжелой мысли.

— О чемъ ты кручинишься? спросилъ я его.

— Да что ужъ разомъ бы все порѣшили.

— Ничего не понимаю.

— Да то есть, когда же наказывать-то будутъ?

— А тебя не наказывали?

— Нѣтъ.

— Какъ же тебя выпустили? Ты, вѣдь, идешь домой?

— Домой-то домой—да вотъ о наказаніи-то думается, секлетарь именно читалъ.

Я ничего въ самомъ дѣлѣ не понималъ и наконецъ спросилъ его: дали ли ему какой нибудь видъ? Онъ подалъ мнѣ его. Въ немъ было написано все рѣшеніе и въ концѣ сказано, что, учинивъ по указу уголовной палаты наказаніе плетьми въ стѣнахъ тюремнаго замка, „выдать ему оное свидѣтельство и изъ замка освободить."

Я расхохотался.— Да вѣдь ужо ты наказанъ!

— Нѣтъ, батюшка, нѣтъ.

— Ну, если недоволенъ, ступай назадъ, проси чтобъ наказали, можетъ полиціи взойдетъ въ твое положеніе.

Видя, что я смѣюсь, улыбнулся и старикъ, сомнительно качая головой и приговаривая: „Поди-ты вонъ. эки чудеса."

„Экой безпорядокъ," скажутъ многіе; но пусть же они вспомнятъ, что только этотъ безпорядокъ и дѣлаетъ возможною жизнь въ Россіи.

ГЛАВА XVI.

Александръ Лаврентьевичъ Витбергъ.

Средь этихъ уродливыхъ и сальныхъ, мелкихъ и отвратительныхъ лицъ и сценъ, дѣлъ и заголовокъ, въ этой канцелярской рамѣ и приказной обстановкѣ, вспоминаются мнѣ печальныя, благородныя черты художника, задавленнаго правительствомъ съ холодной и безчувственной жестокостью.

Свинцовая рука царя не только задушила геніальное произведеніе въ колыбели, не только уничтожила самое творчество художника, запутавъ его въ судебныя продѣлки и слѣдственныя полицейскія уловки, но она попыталась съ послѣднимъ кускомъ хлѣба вырвать у него честное имя, выдать его за взяточника, казнокрада.

Раззоривъ, опозоривъ А. Л. Витберга, Николай его сослалъ въ Вятку. Тамъ мы встрѣтились съ нимъ.

Два года съ половиной я прожилъ съ великимъ художникомъ и видѣлъ, какъ подъ бременемъ гоненій и несчастій, разлагался этотъ сильный человѣкъ, павшій жертвою приказно-казарменнаго самовластія, тупо мѣряющаго все на свѣтѣ рекрутской мѣркой и канцелярской линейкой.

Нельзя сказать, чтобъ онъ легко сдался, онъ отчаянно боролся цѣлыхъ десять лѣтъ, онъ пріѣхалъ въ ссылку еще въ надеждѣ одолѣть враговъ, оправдаться, онъ пріѣхалъ, словомъ, еще готовый на борьбу, съ пла-

нами и предположеніями. Но тутъ онъ разглядѣлъ, что все кончено.

Можетъ быть, онъ сладилъ бы и съ этимъ открытіемъ, но возлѣ стояла жена, дѣти, а впереди представлялись годы ссылки, нужды, лишеній, и Витбергъ сѣдѣлъ, сѣдѣлъ,старѣлъ, старѣлъ не по днямъ, а по часамъ. Когда я его оставилъ въ Вяткѣ черезъ два года, онъ былъ десятью годами старше.

Вотъ повѣсть этого длиннаго мученичества.

Императоръ Александръ не вѣрилъ своей побѣдѣ надъ Наполеономъ, ему было тяжело отъ славы и онъ откровенно относилъ ее къ Богу. Всегда наклонный къ мистицизму и сумрачному расположенію духа, въ которомъ многіе видѣли угрызенія совѣсти, онъ особенно предался ему послѣ ряда побѣдъ надъ Наполеономъ.

Когда „послѣдній непріятельскій солдатъ переступилъ границу," Александръ издалъ манифестъ, въ которомъ давалъ обѣтъ воздвигнуть въ Москвѣ огромный храмъ во имя Спасителя.

Требовались отовсюду проэкты, назначался большой конкурсъ.

Витбергъ былъ тогда молодымъ художникомъ, окончившимъ курсъ и получившимъ золотую медаль за живопись. Шведъ по происхожденію, онъ родился въ Россіи и сначала воспитывался въ горномъ кадетскомъ корпусѣ. Восторженный, эксцентрическій и преданный мистицизму артистъ; артистъ читаетъ манифестъ, читаетъ вызовы—и бросаетъ всѣ свои занятія. Дни и ночи бродитъ онъ по улицамъ Петербурга, мучимый неотступной мыслію, она сильнѣе его, онъ запирается въ своей комнатѣ, беретъ карандашъ и работаетъ.

Ни одному человѣку не довѣрилъ артистъ своего замысла. Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ труда, онъ ѣдетъ

въ Москву изучать городъ, окрестности, и снова работаетъ, мѣсяцы цѣлые скрываясь отъ глазъ и скрывая свой проэктъ.

Пришло время конкурса. Проэктовъ было много, были проэкты изъ Италіи и изъ Германіи, наши академики представили своп. И неизвѣстный молодой человѣкъ представилъ свой чертежъ въ числѣ прочихъ. Недѣли прошли, прежде чѣмъ императоръ занялся планами. Это были сорокъ дней въ пустынѣ, дни искуса, сомнѣній и мучительнаго ожиданія.

Колосальный, исполненный религіозной поэзіи проэктъ Витберга поразилъ Александра. Онъ остановился передъ нимъ и объ немъ первомъ спросилъ, кѣмъ онъ представленъ. Распечатали пакетъ и нашли неизвѣстное имя ученика академіи.

Александръ захотѣлъ видѣть Витберга. Долго говорилъ онъ съ художникомъ. Смѣлый и одушевленный языкъ его, дѣйствительное вдохновеніе, которымъ онъ былъ проникнутъ, и мистическій колоритъ его убѣжденій поразили императора. „Вы камнями говорите,“ замѣтилъ онъ, снова разсматривая проэктъ.

Въ тотъ же день проэктъ былъ утвержденъ и Витбергъ назначенъ строителемъ храма и директоромъ комминссіи о постройкѣ. Александръ не зналъ, что вмѣстѣ съ лавровымъ вѣнкомъ онъ надѣваетъ и терновый на голову артиста.

Нѣтъ ни одного искусства, которое было бы роднѣе мистицизму какъ зодчество; отвлеченное, геометрическое, нѣмо музыкальное, безстрастное, оно живетъ символикой, образомъ, намекомъ. Простыя линіи, ихъ гармоническое сочетаніе, ритмъ, числовыя отношенія представляютъ нѣчто таинственное и съ тѣмъ вмѣстѣ неполное. Зданіе, храмъ не заключаютъ сами въ себѣ

своей цѣли, какъ статуя или картина, поэма или симфонія; зданіе ищетъ обитателя, это очерченное, расчищенное мѣсто, это обстановка, броня черепахи, раковина молюска—именно въ томъ-то и дѣло, чтобъ содержащее такъ соотвѣтствовало духу, цѣли, жильцу, какъ панцырь черепахѣ. Въ стѣнахъ храма, въ его сводахъ и колоннахъ, въ его порталѣ и фасадѣ, въ его фундаментѣ и куполѣ должно быть отпечатлѣно божество, обитающее въ немъ, такъ какъ извивы мозга отпечатлѣваются на костяномъ черепѣ.

Египетскіе храмы были ихъ священныя книги. Обелиски—проповѣди на большой дорогѣ.

Соломоновъ храмъ — построенная библія. Такъ какъ храмъ святаго Петра — построенный выходъ изъ католицизма, начало свѣтскаго міра, начало растрижснія рода человѣческаго.

Самое построеніе храмовъ было всегда такъ полно мистическихъ обрядовъ, иносказаній, таинственныхъ посвященій, что средневѣковые строители считали себя чѣмъ-то особеннымъ, какимъ-то духовенствомъ, преемниками строителей Соломонова храма, и составляли между собой тайныя артели каменщиковъ, перешедшія впослѣдствіи въ масонство.

Собственно мистическій характеръ зодчество теряетъ съ вѣками Возстановленія. Христіанская вѣра борется съ философскимъ сомнѣніемъ, готическая стрѣлка съ греческимъ фронтономъ, духовная святыня съ свѣтской красотой. По этому-то храмъ св. Петра и имѣетъ такое высокое значеніе, въ его колосальныхъ размѣрахъ христіанство рвется въ жизнь, церковь становится языческая и Бонаротти рисуетъ на стѣнѣ сикстинской каппеллы Іисуса Христа широкоплечимъ атлетомъ, Геркулесомъ въ цвѣтѣ лѣтъ и силы.

Послѣ храма св. Петра зодчество церквей совсѣмъ пало и свелось наконецъ на простое повтореніе въ разныхъ размѣрахъ, то древнихъ греческихъ *перипперовъ*, то церкви св. Петра.

Одинъ Парѳенонъ назвали церковь св. Магдалины въ Парижѣ. Другой биржей въ Нью-Іоркѣ.

Безъ вѣры и безъ особыхъ обстоятельствъ трудно было создать что нибудь живое; всѣ новыя церкви дышали натяжкой, лицемѣріемъ, анахронизмомъ, какъ пятиглавые *судки* съ луковками вмѣсто пробокъ на индовизантійскій манеръ, которые строитъ Николай съ Томомъ, или какъ угловатыя готическія, оскорбляющія аристократическій глазъ церкви, которыми англичане украшаютъ свои города.

Но именно обстоятельства, при которыхъ Витбергъ сочинилъ свой проэктъ, его личность и настроеніе императора выходили изъ ряда вонъ.

Война 1812 года сильно потрясла умы въ Россіи, долго послѣ освобожденія Москвы не могли устояться волнующіяся мысли и нервное раздраженіе. Событія внѣ Россіи, взятіе Парижа, исторія ста дней, ожиданія, слухи, Ватерло, Наполеонъ, плывущій за Океанъ, трауръ по убитымъ родственникамъ, страхъ за живыхъ, возвращающіяся войска, ратники, идущіе домой, все это сильно дѣйствовало на самыя грубыя натуры. Представьте же себѣ артиста-юношу, мистика, художника, одареннаго творческой силой и притомъ фанатика, подъ вліяніемъ совершающагося, подъ вліяніемъ царскаго вызова и своего собственнаго генія.

Близъ Москвы между Можайской и Калужской дорогой небольшая возвышенность царитъ надъ всѣмъ городомъ. Это тѣ Воробьевы горы, о которыхъ я упоминалъ въ первыхъ воспоминаніяхъ юности. Весь го-

родъ стелется у ихъ подошвы, съ ихъ высоты одинъ изъ самыхъ изящныхъ видовъ на Москву. Здѣсь стоялъ плачущій Іоаннъ Грозный, тогда еще молодой развратникъ, и смотрѣлъ, какъ горѣла его столица; здѣсь явился передъ нимъ іерей Сильвестръ и строгимъ словомъ пересоздалъ на двадцать лѣтъ геніальнаго изверга.

Эту гору обогнулъ Наполеонъ съ своей арміей, тутъ переломилась его сила, отъ подошвы Воробьевыхъ горъ началось отступленіе.

Можно ли было найти лучше мѣсто для храма въ память 1812 года, какъ дальнѣйшую точку, до которой достигнулъ непріятель?

Но это еще мало, надобно было самую гору превратить въ нижнюю часть храма — поле до рѣки обнять колонадой и на этой базѣ, построенной съ трехъ сторонъ самой природой, поставить второй и третій храмъ, представлявшіе удивительное единство.

Храмъ Витберга, какъ главный догматъ христіанства, тройственень и нераздѣленъ.

Нижній храмъ, изсѣченный въ горѣ, имѣлъ форму параллелограмма, гроба, тѣла; его наружность представляла тяжелый порталь, поддерживаемый почти египетскими колоннами; онъ пропадалъ въ горѣ, въ дикой необработанной природѣ. Храмъ этотъ былъ освѣщенъ лампами въ этрурійскихъ высокихъ канделабрахъ, дневной свѣтъ скудно падалъ въ него изъ втораго храма, проходя сквозь прозрачный образъ рождества. Въ этой криптѣ должны были покоиться всѣ герои, падшіе въ 1812 году, вѣчная панихида должна была служиться о убіенныхъ на полѣ битвы, по стѣнамъ должны были быть изсѣчены имена всѣхъ ихъ, отъ полководцевъ до рядовыхъ.

На этомъ гробѣ, на этомъ кладбищѣ разбрасывался во всѣ стороны равноконечный греческій крестъ втораго храма—храма распростертыхъ рукъ, жизни, страданій, труда. Колонада, ведущая къ нему, была украшена статуями вѣтхозавѣтныхъ лицъ. При входѣ стояли пророки. Они стояли внѣ храма, указывая путь, по которому имъ идти не пришлось. Внутри этого храма была вся евангельская исторія и исторія апостольскихъ дѣяній.

Надъ нимъ, вѣнчая его, оканчивая и заключая, былъ третій храмъ въ видѣ ротонды. Этотъ храмъ, ярко освѣщенный, былъ храмъ духа, невозмущаемаго покоя, вѣчности, выражавшейся кольцеобразнымъ его планомъ. Тутъ не было ни образовъ, ни изваяній, только снаружи онъ былъ окруженъ вѣнкомъ архангеловъ и накрытъ колоссальнымъ куполомъ.

Я теперь передаю на память главную мысль Витберга, она у него была разработана до мелкихъ подробностей и вездѣ совершенно послѣдовательно христіанской теодицеѣ и архитектурному изяществу.

Удивительный человѣкъ, онъ всю жизнь работалъ надъ своимъ проэктомъ. Десять лѣтъ подсудимости онъ занимался только имъ, гонимый бѣдностью и нуждой въ ссылкѣ, онъ всякій день посвящалъ нѣсколько часовъ своему храму. Онъ жилъ въ немъ, онъ не вѣрилъ что его не будутъ строить: воспоминанія, утѣшенія· слава, все было въ этомъ портфелѣ артиста.

Быть можетъ когда нибудь другой художникъ, послѣ смерти страдальца, стряхнетъ пыль съ этихъ листовъ и съ благочестіемъ издастъ этотъ архитектурный мартирологъ за которымъ прошла и изныла сильная жизнь, мгновенно освѣщенная яркимъ свѣтомъ и затертая, раздавленная потомъ, попавшись между царемъ фельд-

фебелемъ, крѣпостными сенаторами и министрами-писцами.

Проэктъ былъ геніаленъ, страшенъ, безуменъ; оттого-то Александръ его выбралъ, оттого-то его и слѣдовало исполнить. Говорятъ, что гора не могла вынести этого храма. Я не вѣрю этому. Особенно если мы вспомнимъ всѣ новыя средства инженеровъ въ Америкѣ и Англіи, эти тунели въ восемь минутъ ѣзды, цѣпные мосты и пр.

Милорадовичъ совѣтовалъ Витбергу толстыя колонны нижняго храма сдѣлать монолитныя изъ гранита. На это кто-то замѣтилъ графу, что провозъ изъ Финляндіи будетъ очень дорого стоить. „Именно по этому-то и надобно ихъ выписать, отвѣчалъ онъ, еслибъ гранитная каменоломня была въ Москвѣ рѣкѣ, что за чудо бы ихъ поставить.“

Милорадовичъ былъ воинъ-поэтъ и потому понималъ вообще поэзію. Грандіозныя вещи дѣлаются грандіозными средствами.

Одна природа дѣлаетъ великое даромъ.

Главное обвиненіе, падающее на Витберга со стороны даже тѣхъ, которые никогда не сомнѣвались въ его чистотѣ: за чѣмъ онъ принялъ мѣсто директора; онъ, неопытный артистъ, молодой человѣкъ, ничего не смыслившій въ канцелярскихъ дѣлахъ? Ему слѣдовало ограничиться ролей архитектора. Это правда.

Но такія обвиненія легко поддерживать, сидя у себя въ комнатѣ. Онъ именно потому и принялъ, что былъ молодъ, не опытенъ, артистъ; онъ принялъ — потому, что послѣ принятія его проэкта ему казалось все легко; онъ принялъ—потому, что самъ царь предлагалъ ему, ободрялъ его, поддерживалъ. У кого не закружилась бы голова?.... гдѣ эти трезвые люди, умѣренные, воздерж-

ные? да если и есть, то они не дѣлаютъ колосальныхъ проэктовъ и не заставляютъ „говорить каменья!“

Само собою разумѣется, что Витберга окружила толпа плутовъ, людей, принимающихъ Россію — за аферу, службу—за выгодную сдѣлку, мѣсто — за счастливый случай нажиться. Не трудно было понять, что они подъ ногами Витберга выкопаютъ яму. Но для того, чтобъ онъ упавши въ нее, не могъ изъ нея выйти, для этого нужно было еще, чтобъ къ воровству прибавилась зависть однихъ, оскорбленное честолюбіе другихъ.

Товарищами Витберга въ коммиссіи были: митрополитъ Филаретъ, московскій генералъ-губернаторъ, сенаторъ Кушниковъ; всѣ они впередъ были разобижены товариществомъ съ молококососомъ, да еще притомъ смѣло говорящимъ свое мнѣніе и возражающимъ, если не согласенъ.

Они помогли запутать его, помогли оклеветать и хладнокровно погубили потомъ.

Этому способствовало сначала паденіе мистическаго министерства князя А. Н. Голицына, потомъ смерть Александра.

Вмѣстѣ съ министерствомъ Голицына пали масонство, библейскія общества, лютеранскій піэтизмъ, которые въ лицѣ Магницкаго въ Казани и Рунича въ Петербургѣ, дошли до безграничной уродливости, до дикихъ преслѣдованій, до судорожныхъ плясокъ, до состоянія кликушъ и богъ знаетъ какихъ чудесъ.

Съ своей стороны дикое, грубое, невѣжественное православіе взяло верхъ. Его проповѣдывалъ новогородскій архимандритъ Фотій, жившій въ какой-то — разумѣется нетелѣсной — близости съ графиней Орловой. Дочь знаменитаго Алексѣя Григорьевича, задушившаго Петра III, думала искупить душу отца, отдавая Фотію

и его обители большую часть несмѣтнаго имѣнья, насильственно отнятаго у монастырей Екатериной, и предававшись неистовому изувѣрству.

Но въ чемъ петербургское правительство постоянно, чему оно не измѣняетъ, какъ бы не мѣнялись его начала, его религія, это—несправедливое гоненіе и преслѣдованія. Неистовство Руничей и Магницкихъ обратилось на Руничей и Магницкихъ. Библейское общество, —вчера покровительствуемое и одобряемое, опора нравственности и религіи — сегодня закрыто, запечатано и поставлено на одну доску чуть не съ фальшивыми монетчиками; „Сіонскій вѣстникъ," вчера рекомендованный всѣмъ отцамъ семейства—запрещенъ больше Вольтера и Дидро, и его издатель Лабзинъ сосланъ въ Вологду.

Паденіе князя А. Н. Голицына увлекло Витберга; все опрокидывается на него, коммиссія жалуется, митрополитъ огорченъ, генералъ-губернаторъ недоволенъ. Его отвѣты „дерзки" (въ его дѣлѣ *дерзость* поставлена въ одно изъ главныхъ обвиненій); его подчиненные *воруютъ* — какъ будто кто-нибудь находящійся на службѣ въ Россіи не воруетъ. Впрочемъ вѣроятно, что у Витберга воровали больше чѣмъ у другихъ; онъ не имѣлъ никакой привычки завѣдывать смирительными домами и классными ворами.

Александръ велѣлъ Аракчееву разобрать дѣло. Ему было жаль Витберга, онъ передалъ ему черезъ одного изъ своихъ приближенныхъ, что онъ увѣренъ въ его правотѣ.

Но Александръ умеръ и Аракчеевъ палъ. Дѣло Витберга при Николаѣ приняло тотчасъ худшій видъ. Оно тянулось *десять* лѣтъ съ невѣроятными нелѣпостями. Обвинительные пункты, признанные уголовной палатой,

отвергаются Сенатомъ. Пункты, въ которыхъ оправдываетъ палата, ставятся въ вину Сенатомъ. Комитетъ министровъ принимаетъ всѣ обвиненія. Государь, пользуясь „лучшей привилегіей царей миловать и уменьшать наказанія," прибавляетъ къ приговору — ссылку на Вятку.

И такъ Витбергъ отправился въ ссылку, отрѣшенный отъ службы „за злоупотребленіе довѣренности императора Александра и за ущербы нанесенные казнѣ;" на него насчитываютъ милліонъ, кажется, рублей, берутъ все имѣнье, продаютъ все съ публичнаго торга, и распускаютъ слухъ, что онъ перевелъ видимо-не-видимо денегъ въ Америку.

Я жилъ съ Витбергомъ въ одномъ домѣ два года и послѣ остался до самаго отъѣзда постоянно въ сношеніяхъ съ нимъ. Онъ не спасъ насущнаго куска хлѣба; семья его жила въ самой страшной бѣдности.

Для характеристики этого дѣла и всѣхъ подобныхъ въ Россіи я приведу двѣ небольшія подробности, которыя у меня особенно остались въ памяти.

Витбергъ купилъ для работъ рощу у купца Лобанова; прежде чѣмъ началась рубка, Витбергъ увидѣлъ другую рощу, тоже Лобанова, ближе къ рѣкѣ и предложилъ ему промѣнять проданную для храма на эту. Купецъ согласился. Роща была вырублена, лѣсъ сплавленъ. Впослѣдствіи занадобилась другая роща и Витбергъ снова купилъ первую. Вотъ знаменитое обвиненіе въ двойной покупкѣ одной и той-же рощи. Бѣдный Лобановъ былъ посаженъ въ острогъ за это дѣло и умеръ тамъ.

Второе дѣло было передъ моими глазами. Витбергъ скупалъ имѣнья для храма. Его мысль состояла въ томъ чтобъ помѣщичьи крестьяне, купленные съ землею для

храма, обязывались выставлять извѣстное число работниковъ, этимъ способомъ они пріобрѣтали полную волю себѣ и деревнѣ. Забавно, что наши сенаторы-помѣщики находили въ этой мѣрѣ какое-то невольничество!

Между прочимъ Витбергъ хотѣлъ купить имѣнье моего отца въ рузскомъ уѣздѣ, на берегу Москвы рѣки. Въ деревнѣ былъ найденъ мраморъ и Витбергъ просилъ дозволеніе сдѣлать геологическое изслѣдованіе, чтобъ опредѣлить количество его. Отецъ мой позволилъ. Витбергъ уѣхалъ въ Петербургъ.

Мѣсяца черезъ три, отецъ мой узнаетъ, что ломка камня производится въ огромномъ размѣрѣ, что озимыя поля крестьянъ завалены мраморомъ; онъ протестуетъ. его не слушаютъ. Начинается упорный процессъ. Сначала хотѣли все свалить на Ватберга, но по несчастію оказалось, что онъ не давалъ никакого приказа и что все это было сдѣлано коммиссіей во время его отсутствія.

Дѣло пошло въ Сенатъ. Сенатъ рѣшилъ къ *общему удивленію* довольно близко къ *здравому смыслу*. Наломанный камень оставить помѣщику, считая ему его въ вознагражденіе за помятыя поля. Деньги истраченныя казной на ломку и работу до ста тысячъ ассигнаціями, взыскать съ подписавшихъ контрактъ о работахъ. Подписавшіеся были: князь Голицынъ, Филаретъ и Кушниковъ. Рязумѣется крикъ, шумъ. Дѣло довели до государя.

У него своя юриспруденція. Онъ велѣлъ освободить виновныхъ отъ платежа, потому, написалъ онъ собственноручно, какъ и напечатано въ сенатской запискѣ „что члены коммиссіи не знали что подписывали.“ Положимъ, что митрополитъ по ремеслу долженъ оказывать смиреніе, а каковы другіе-то вельможи, которые

приняли подарокъ такъ учтиво и милостиво мотивированный!

Но откуда-же было взять сто тысячъ? казенное добро, говорятъ, ни на огнѣ не горитъ, ни въ водѣ не тонетъ—оно только крадется, могли бы мы прибавить. Чего тутъ задумываться, сейчасъ генералъ-адъютанта на почтовыхъ въ Москву разбирать дѣло.

Стрекаловъ все разобралъ, привелъ въ порядокъ, уладилъ и кончилъ въ нѣсколько дней: камень у помѣщика взять за сумму заплаченную за ломку, впрочемъ, если помѣщикъ хочетъ оставить, взыскать съ него сто тысячъ. Особаго вознагражденія помѣщику потому не слѣдуетъ, что цѣнность его имѣнія возвысилась открытіемъ новой отрасли богатства (вѣдь это chef d'œuvre!) а впрочемъ за помятыя крестьянскія поля *выдать* по закону о затопленныхъ лугахъ и потравленныхъ сѣнокосахъ, утвержденному Петромъ I, столько то копѣекъ съ десятины.

Собственно наказанный въ этомъ дѣлѣ былъ мой отецъ. Не нужно добавлять, что ломка этого камня въ процессъ все таки поставлена на счетъ Витберга.

... Года черезъ два послѣ ссылки Витберга, вятское купечество вознамѣрилось построить новую церковь.

Желая вездѣ и во всемъ убить всякій духъ независимости, личности, фантазіи, воли, Николай издалъ цѣлый томъ церковныхъ фасадъ *высочайше* утвержденныхъ Кто бы ни хотѣлъ строить церковь, онъ долженъ непремѣнно выбрать одинъ изъ казенныхъ плановъ. Говорятъ, что онъ-же запретилъ писать русскія оперы, находя, что даже писанныя въ III отдѣленіи собственной канцеляріи флигель-адъютантомъ Львовымъ, никуда не годятся. Но это еще мало, ему бы издать собраніе высочайше утвержденныхъ мотивовъ.

Вятское купечество, перебирая „апробованные“ планы, имѣло смѣлость не быть согласнымъ со вкусомъ государя. Проэктъ вятскаго купечества удивилъ Николая, онъ утвердилъ его и велѣлъ предписать губернскому начальству, чтобъ при исполненіи не исказили мысли архитектора.

— Кто дѣлалъ этотъ проэктъ? спросилъ онъ статсъ-секретаря.

— Витбергъ, в. в.

— Какъ, тотъ Витбергъ?

— Тотъ самый, в. в.

И вотъ Витбергу какъ снѣгъ на голову разрѣшеніе возвратиться въ Москву или Петербургъ. Человѣкъ просилъ позволеніе оправдаться — ему отказали; онъ сдѣлалъ удачный проэктъ—государь велѣлъ его воротить, какъ будто кто-нибудь сомнѣвался въ его художественной способности.....

Въ Петербургѣ, погибая отъ бѣдности, онъ сдѣлалъ послѣдній опытъ защитить свою честь. Онъ вовсе не удался. Витбергъ просилъ объ этомъ князя А. Н. Голицына, но князь не считалъ возможнымъ поднимать снова дѣло и совѣтовалъ Витбергу написать пожалобнѣе письмо къ наслѣднику, съ просьбой о денежномъ вспомоществованіи. Онъ обѣщался съ Жуковскимъ похлопотать и сулилъ рублей тысячу серебромъ.

Витбергъ отказался.

Въ 1846 въ началѣ зимы, я былъ въ послѣдній разъ въ Петербургѣ и видѣлъ Витберга. Онъ совершенно гибнулъ даже его прежній гнѣвъ противъ его враговъ, который я такъ любилъ, сталъ потухать; надеждъ у него не было больше, онъ ничего не дѣлалъ, чтобъ выйти изъ своего положенія, ровное отчаяніе докончило

его, существованіе сломилось на всѣхъ составахъ. Онъ ждалъ смерти.

Если этого хотѣлъ Николай Павловичъ, то онъ можетъ быть доволенъ.

Живъ-ли страдалецъ?—не знаю, но сомнѣваюсь.

— Еслибъ не семья, не дѣти — говорилъ онъ мнѣ прощаясь—я вырвался бы изъ Россіи и пошелъ бы по міру; съ моимъ владимірскимъ крестомъ на шеѣ, спокойно протягивалъ бы я прохожимъ руку, которую жалъ императоръ Александръ—разсказывая имъ мой проэктъ и судьбу художника въ Россіи!

Судьбу твою мученикъ — думалъ я — узнаютъ въ Европѣ, *я тебѣ за это отвѣчаю.*

Близость съ Витбергомъ была мнѣ большимъ облегченіемъ въ Вяткѣ. Серьезная ясность и нѣкоторая торжественность въ манерахъ придавали ему что-то духовное. Онъ былъ очень чистыхъ нравовъ и вообще скорѣе склонялся къ аскетизму, чѣмъ къ наслажденіямъ; но его строгость ничего не отнимала отъ роскоши и богатства его артистической натуры. Онъ умѣлъ своему мистицизму придавать такую пластичность и такой изящный колоритъ, что возраженіе замирало на губахъ, жаль было анализировать, разлагать мерцающіе образы и туманныя картины его фантазіи.

Мистицизмъ Витберга лежалъ долею въ его скандинавской крови, это та самая холодно обдуманная мечтательность, которую мы видимъ въ Шведенборгѣ, похожая въ свою очередь на огненное отраженіе солнечныхъ лучей, падающихъ на ледяныя горы и снѣга Норвегіи.

Вліяніе Витберга поколебало меня. Но реальная натура моя взяла все таки верхъ. Мнѣ не суждено было подниматься на третье небо, я родился совершенно

земнымъ человѣкомъ. Отъ моихъ рукъ не вертятся столы и отъ моего взгляда не качаются кольца. Дневной свѣтъ мысли мнѣ роднѣе луннаго освѣщенія фантазіи.

Но именно въ ту эпоху, когда я жилъ съ Витбергомъ, я болѣе чѣмъ когда нибудь былъ расположенъ къ мистицизму.

Разлука, ссылка, религіозная экзальтація писемъ, получаемыхъ мною, любовь, сильнѣе и сильнѣе обнимавшая всю душу, и вмѣстѣ гнетущее чувство раскаянія. все это помогало Витбергу.

И еще года два послѣ я былъ подъ вліяніемъ идей мистически - соціальныхъ, взятыхъ изъ евангелія и Жанъ-Жака, на манеръ французскихъ мыслителей, въ родѣ Пьера-Леру.

Огаревъ еще прежде меня окунулся въ мистическія волны. Въ 1833, онъ начиналъ писать текстъ для Гебелевой*) ораторіи, „Потерянный рай.“ „Въ идеѣ потеряннаго рая, писалъ мнѣ Огаревъ, заключается вся исторія человѣчества!“ Стало быть, въ то время и онъ *отыскиваемый рай* идеала принималъ за утраченный.

Я въ 1838 году написалъ въ соціально-религіозномъ духѣ историческія сцены, которыя тогда принималъ за драмы. Въ однихъ я представлялъ борьбу древняго міра съ христіанствомъ; тутъ Павелъ, входя въ Римъ, воскрешалъ мертваго юношу къ новой жизни. Въ другихъ борьбу, оффиціальной церкви съ квекерами и отъѣздъ Уильяма-Пена въ Америку, въ новый свѣтъ.**)

*) Гебель, извѣстный композиторъ того времени.

**) Я эти сцены, не понимая почему, вздумалъ написать *стихами*. Вѣроятно я думалъ, что всякій можетъ писать пятистопнымъ ямбомъ безъ риѳмъ, если самъ Погоднѣ писалъ имъ. Въ 1839 или 40 году я далъ обѣ тетрадка Бѣлинскому и спокойно ждалъ похвалъ. Но Бѣлинскій на другой день прислалъ мнѣ ихъ съ запиской, въ которой писалъ: „вели, пожалуста, переписать сплошь, не

Мистицизмъ науки вскорѣ замѣнилъ во мнѣ евангельскій мистицизмъ; по счастію отдѣлался я и отъ втораго.

Но возвратимся въ нашъ скромный Хлыновъ городокъ, переименованный не знаю зачѣмъ, развѣ изъ финскаго патріотизма, Екатериной II въ Вятку.

Въ этомъ захолустьѣ вятской ссылки, въ этой грязной средѣ чиновниковъ, въ этой печальной дали, разлученный со всѣмъ дорогимъ, безъ защиты отданный во власть губернатора, я провелъ много чудныхъ, святыхъ минутъ, встрѣтилъ много горячихъ сердецъ и дружескихъ рукъ.

Гдѣ вы? Что съ вами, подснѣжные друзья мои? Двадцать лѣтъ мы не видались. Чай, состарѣлись вы, какъ я, дочерей выдаете за мужъ, не пьете больше бутылками шампанское и стаканчикомъ на ножкѣ наливку. Кто изъ васъ разбогатѣлъ, кто раззорился, кто въ чинахъ, кто въ параличѣ? А главное, жива ли у васъ память объ нашихъ смѣлыхъ бесѣдахъ, живы ли тѣ струны, которыя такъ сильно сотрясались любовью и *негодованіемъ*.

Я остался тотъ же, вы это знаете; чай, долѣтаютъ до васъ вѣсти съ береговъ Темзы. Иногда вспоминаю

отмѣчая стиховъ, я тогда съ охотой прочту, а теперь мнѣ все мѣшаетъ мысль, что это стихи."

Убилъ Бѣлинскій обѣ попытки драмматическихъ сценъ. Долгъ красенъ платежами. Въ 1841, Бѣлинскій помѣстилъ въ „Отечественныхъ Запискахъ" длинный разговоръ о литературѣ: „Какъ тебѣ нравится моя послѣдняя статья?" спросилъ онъ меня, обѣдая en petit comité у Дюсо. „Очень, отвѣчалъ я, все что ты говоришь превосходно, но скажи, пожалуста, какъ же ты могъ биться два часа говорить съ этимъ человѣкомъ, не догадавшись съ перваго слова, что онъ дуракъ?" И въ самомъ дѣлѣ такъ—сказалъ, помирая со смѣху, Бѣлинскій—ну, братъ, зарѣзалъ! вѣдь совершенный дуракъ!

васъ, всегда съ любовью; у меня есть нѣсколько писемъ того времени, нѣкоторыя изъ нихъ мнѣ ужасно дороги и я люблю ихъ перечитывать.

„Я не стыжусь тебѣ признаться, писалъ мнѣ 26 Января 1838 одинъ юноша, что мнѣ очень горько теперь. Помоги мнѣ ради той жизни, къ которой призвалъ меня, помоги мнѣ своимъ совѣтомъ. *Я хочу учиться*, назначь мнѣ книги, назначь что хочешь, я употреблю всѣ силы, дай мнѣ ходъ—на тебѣ будетъ грѣхъ, если ты оттолкнешь меня."

„Я тебя благословляю, пишетъ мнѣ другой, вслѣдъ за моимъ отъѣздомъ, какъ земледѣлецъ благословляетъ дождь, оживотворившій его неудобренную почву."

Не изъ суетнаго чувства выписалъ я эти строки, а потому что онѣ мнѣ очень дороги. За эти юношескіе призывы и юношескую любовь, за эту возбужденную въ нихъ *тоску*, можно было примириться съ девятимѣсячной тюрьмой и трехлѣтней жизнію въ Вяткѣ.

А тутъ два раза въ недѣлю приходила въ Вятку московская почта; съ какимъ волненіемъ дожидался я возлѣ почтовой конторы, пока разберутъ письма, съ какимъ трепетомъ ломалъ я печать и искалъ въ письмѣ изъ дома, нѣтъ-ли маленькой записочки, на тонкой бумагѣ, писанной удивительно мелкимъ и изящнымъ шрифтомъ.

И я не читалъ ее въ почтовой конторѣ, а тихо шелъ домой, отдаляя минуту чтенія, наслаждаясь одной мыслію, что письмо *есть*.

Эти письма всѣ сохранились. Я ихъ оставилъ въ Москвѣ. Ужасно хотѣлось бы перечитать ихъ и страшно коснуться...

Письма больше чѣмъ воспоминанья, на нихъ запек-

лась кровь событій, это само прошедшее, какъ оно было, задержанное и нетлѣнное.

... Нужно-ли еще разъ знать, видѣть, касаться сморщившимися отъ старости руками до своего вѣнчальнаго убора?...

ГЛАВА XVII.

Наслѣдникъ въ Вяткѣ—Паденіе Тюфяева—Переводъ во Владиміръ Исправникъ на слѣдствіи.

Наслѣдникъ будетъ въ Вяткѣ! Наслѣдникъ ѣдетъ по Россіи, чтобъ себя ей показать и ее посмотрѣть! Новость эта занимала всѣхъ, но всѣхъ болѣе, разумѣется, губернатора. Онъ затормошился и надѣлалъ рядъ невѣроятныхъ глупостей, велѣлъ мужикамъ по дорогѣ быть одѣтыми въ праздничные кафтаны, велѣлъ въ городахъ перекрасить заборы и перечинить тротуары. Въ Орловѣ, бѣдная вдова, владѣлица небольшаго дома, объявила городничему, что у нея нѣтъ денегъ на поправку тротуара, городничій донесъ губернатору. Губернаторъ велѣлъ у нея розобрать полы, (тротуары тамъ деревянные), а буде не достанетъ, сдѣлать поправку на казенный счетъ, и взыскать потомъ съ нея деньги, хотя бы для этого слѣдовало продать домъ съ публичнаго торга. До продажи не дошло, а полы у вдовы сломали.

Верстахъ въ пятидесяти отъ Вятки находится мѣсто, на которомъ явилась новогородцамъ чудотворная икона Николая Хлыновскаго. Когда новогородцы поселились

въ Хлыновѣ (Вяткѣ), они икону перенесли, но она исчезла и снова явилась на Великой рѣкѣ въ 50 верстахъ отъ Вятки; Новогородцы опять перенесли ее, но съ тѣмъ вмѣстѣ дали обѣтъ, если икона останется, ежегодно носить ее торжественнымъ ходомъ на Великую рѣку, кажется 23 Мая. Это главный лѣтній праздникъ въ вятской губерніи. За сутки отправляется икона на богатомъ досчаникѣ по рѣкѣ, съ нею архіерей и все духовенство въ полномъ облаченіи. Сотни всякаго рода лодокъ, досчанниковъ, комягъ, наполненныхъ крестьянами и крестьянками, вотяками, мѣщанами, пестро двигаются за плывущимъ образомъ. И впереди всѣхъ губернаторская расшива, покрытая краснымъ сукномъ. Дикое зрѣлище это очень недурно. Десятки тысячъ народа изъ близкихъ и дальнихъ уѣздовъ ждутъ образа на Великой рѣкѣ. Все это кочуетъ шумными толпами около небольшой деревни — и что всего страннѣе, толпы некрещенныхъ вотяковъ и черемисъ, даже татаръ, приходятъ молиться иконѣ. За то и праздникъ имѣетъ чисто-языческій видъ. За монастырской стѣной вотяки, русскіе приносятъ на жертву барановъ и телятъ, ихъ тутъ-же бьютъ, іеромонахъ читаетъ молитвы, благословляетъ и святитъ мясо, которое подаютъ въ особое окно съ внутренней стороны ограды. Мясо это раздаютъ по кускамъ народу. Встарь давали его даромъ, теперь монахи берутъ нѣсколько копѣекъ за каждый кусокъ. Такъ что мужикъ, подарившій цѣлаго теленка, долженъ истратить грошъ-другой, чтобъ получить кусокъ себѣ на снѣдь. На монастырскомъ дворѣ сидятъ цѣлыя толпы нищихъ, калѣкъ, слѣпыхъ, всякихъ уродовъ, которые хоромъ поютъ „Лазаря.“ Молодые поповичи и мѣщанскіе мальчики сидятъ на надгробныхъ памятникахъ около церкви съ чернильницей

и кричатъ: „кому памятцы писать, кому памятцы.“ Бабы и дѣвки окружаютъ ихъ, сказывая имена, мальчишки, ухорски скрыпя пером, повторяютъ „Марью, Марью, Акулину, Степаниду, Отца Іоанна, Матрену — нутка тетушка твоихъ, твоихъ-то—вишь отколола грошъ, меньше пятака взять нельзя, родни-то, родни-то — Іоанна, Василису, Іону, Марью, Евпраксѣю, младенца Катерину...“

Въ церкви толкотня и странныя предпочтенія, одна баба передаетъ сосѣду свѣчку съ точнымъ порученіемъ поставить „гостю,“ другая „хозяину.“ Вятскіе монахи и дьяконы постоянно пьяны во все время этой процессіи. Они по дорогѣ останавливаются въ большихъ деревняхъ и мужики ихъ подчуютъ на убой.

Вотъ этотъ-то народный праздникъ, къ которому крестьяне привыкли вѣками, переставилъ было губернаторъ, желая имъ потѣшить Наслѣдника, который долженъ былъ пріѣхать 19 Мая, что за бѣда, кажется, если Николай *гость* тремя днями раньше придетъ къ *хозяину*. На это надобно было согласіе архіерея; но счастію архіерей былъ человѣкъ сговорчивый и не нашелъ ничего возразить противъ губернаторскаго намѣренія отпраздновать 23 Мая 19-го.

Рядъ ловкихъ мѣръ своихъ для пріема Наслѣдника губернаторъ послалъ къ государю — посмотрите, молъ, какъ сынка угощаемъ. Государь, прочитавши, взбѣсился и сказалъ министру внутреннихъ дѣлъ: „губернаторъ и архіерей дураки, оставить праздникъ какъ былъ.“ Министръ намылилъ голову губернатору, Синодъ архіерею и Николай-гость остался при своихъ привычкахъ.

Между разными распоряженіями изъ Петербурга велѣно было въ каждомъ губернскомъ городѣ пригото-

вить выставку всякаго рода произведеній и издѣлій края и расположить ее по тремъ царствамъ природы. Это раздѣленіе по царствамъ очень затруднило канцелярію и даже отчасти Тюфяева. Чтобъ не ошибиться, онъ рѣшился, не смотря на свое неблагорасположеніе, позвать меня на совѣтъ. Ну напримѣръ медъ, говорилъ онъ — куда принадлежитъ медъ? Или золоченая рама, какъ опредѣлить, куда она относится? Увидя изъ моихъ отвѣтовъ, что я имѣю удивительно точныя свѣденія о трехъ царствахъ природы, онъ предложилъ мнѣ заняться расположеніемъ выставки.

Пока я занимался размѣщеніемъ деревянной посуды и вотскихъ нарядовъ, меда и чугунныхъ рѣшетокъ, а Тюфяевъ продолжалъ брать свирѣпыя мѣры для вящаго удовольствія „Его высочества," оно изволило прибыть въ Орловъ и громовая вѣсть объ арестѣ орловскаго городничаго разнеслась по городу. Тюфяевъ пожелтѣлъ и какъ-то невѣрно началъ ступать ногами.

Дней за пять до пріѣзда Наслѣдника въ Орловъ, городничій писалъ Тюфяеву, что вдова, у которой полъ сломали, шумитъ, и что купецъ такой-то, богатый и знаемый въ городѣ человѣкъ, похваляется что все Наслѣднику скажетъ, Тюфяевъ на счетъ его распорядился очень умно, онъ велѣлъ городничему заподозрить его сумашедшимъ (примѣръ Петровскаго ему понравился) и представить для свидѣтельства въ Вятку; пока бы дѣло длилось, Наслѣдникъ уѣхалъ бы изъ вятской губерніи, тѣмъ дѣло и кончилось бы. Городничій все исполнилъ; купецъ былъ въ вятской больницѣ.

Наконецъ Наслѣдникъ пріѣхалъ. Сухо поклонился Тюфяеву, не пригласилъ его, и тотчасъ послалъ доктора Енохина свидѣтельствовать арестованнаго купца.

Все ему было извѣстно. Орловская вдова свою просьбу подала, другіе купцы и мѣщане разсказали все что дѣлалось. Тюфяевъ еще на два градуса перекосился. Дѣло было не хорошо. Городничій прямо сказалъ, что онъ на все имѣлъ письменныя приказанія отъ губернатора.

Докторъ Енохинъ увѣрялъ, что купецъ совершенно здоровъ. Тюфяевъ былъ потерянъ.

Въ восьмомъ часу вечера, Наслѣдникъ съ свитой явился на выставку. Тюфяевъ повелъ его, сбивчиво объясняя, путаясь и толкуя о какомъ-то *царѣ* Тохтамышѣ. Жуковскій и Арсеньевъ, видя что дѣло не идетъ на ладъ, обратились ко мнѣ съ просьбой показать имъ выставку. Я повелъ ихъ.

Видъ Наслѣдника не выражалъ той узкой строгости, той холодной, безпощадной жестокости, какъ видъ его отца; черты его скорѣе показывали добродушіе и вялость. Ему было около двадцати лѣтъ, но онъ уже начиналъ толстѣть.

Нѣсколько словъ, которыя онъ сказалъ мнѣ, были ласковы, безъ хриплаго, отрывистаго топа Константина Павловича, безъ отцовской привычки испугать слушающаго до обморока.

Когда онъ уѣхалъ, Жуковскій и Арсеньевъ стали меня распрашивать какъ я попалъ въ Вятку, ихъ удивилъ языкъ порядочнаго человѣка въ вятскомъ губернскомъ чиновникѣ. Они тотчасъ предложили мнѣ сказать Наслѣднику объ моемъ положеніи, и дѣйствительно они сдѣлали все, что могли. Наслѣдникъ представилъ государю о разрѣшеніи мнѣ ѣхать въ Петербургъ. Государь отвѣчалъ что это было бы несправедливо относительно другихъ сосланныхъ, но, взявъ во вниманіе представленіе Наслѣдника, велѣлъ меня перевести во

Владиміръ, это было географическое улучшеніе, 700 верстъ меньше. Но объ этомъ послѣ.

Вечеромъ былъ балъ въ благородномъ собраніи. Музыканты, нарочно выписанные съ одного изъ заводовъ, пріѣхали мертвецки-пьяные; губернаторъ распорядился, чтобъ ихъ заперли за сутки до бала и прямо изъ полиціи конвоировали на хоры, откуда не выпускали никого до окончанія бала.

Балъ былъ глупъ, неловокъ. слишкомъ бѣденъ и слишкомъ пестръ, какъ всегда бываетъ въ маленькихъ городкахъ при чрезвычайныхъ случаяхъ. Полицейскіе суетились, чиновники въ мундирахъ жались къ стѣнѣ. дамы толпились около Наслѣдника въ томъ родѣ какъ дикіе окружаютъ путешественниковъ..... Кстати объ дамахъ, въ одномъ городкѣ былъ приготовленъ послѣ выставки „гуте.“ Наслѣдникъ ничего не бралъ, кромѣ одного персика, котораго кость онъ бросилъ на окно. Вдругъ изъ толпы чиновниковъ отдѣляется высокая фигура, налитая спиртомъ, земскаго засѣдателя, извѣстнаго забулдыги, который мѣрными шагами отправляется къ окну, беретъ кость и кладетъ ее въ карманъ.

Послѣ бала или *гуте*, засѣдатель подходитъ къ одной изъ значительныхъ дамъ и предлагаетъ высочайше обглоданную косточку, дама въ восхищеніи. Потомъ онъ отправляется къ другой, потомъ къ третьей, — всѣ въ восторгѣ.

Засѣдатель купилъ пять персиковъ, вырѣзалъ косточки и осчастливилъ шесть дамъ. У кого настоящая? Всѣ подозрѣваютъ истинность своей косточки.....

Тюфяевъ, послѣ отъѣзда Наслѣдника, приготовлялся съ стѣсненнымъ сердцемъ промѣнять пашалыкъ на сенаторскія кресла—но вышло хуже.

Недѣли черезъ три почта привезла изъ Петербурга

бумаги на имя „управляющаго губерніей.“ Въ канцеляріи все переполошилось. Регистраторъ губернскаго правленія прибѣжалъ сказать, что у нихъ полученъ указъ. Правитель дѣлъ бросился къ Тюфяеву, Тюфяевъ сказался больнымъ и не поѣхалъ въ присутствіе.

Черезъ часъ мы узнали, онъ былъ отставленъ—sans phrase.

Весь городъ былъ радъ паденію губернатора, управленіе его имѣло въ себѣ что-то удушливое, нечистое, затхло-приказное, и, не смотря на то, все такп гадко было смотрѣть на ликованіе чиновниковъ.

Да, не одинъ оселъ ударилъ копытомъ этого ранена го вепря. Людская подлость и тутъ показалась не мень ше какъ при паденіи Наполеона, не смотря на разницу діаметровъ. Все послѣднее время я былъ съ нимъ въ открытой ссорѣ, и онъ непремѣнно услалъ бы меня въ какой нибудь заштатный городъ Кай, еслибъ его не прогнали самого. Я удалялся отъ него и мнѣ нечего было мѣнять въ моемъ поведеніи относительно его. Но другіе, вчера снимавшіе шляпу, завидя его карету, глядѣвшіе ему въ глаза, улыбавшіеся его шпицу, подчивавшіе табакомъ его камердинера—теперь едва кланялись съ нимъ и кричали во весь голосъ противъ безпорядковъ, которые онъ дѣлалъ *вмѣстѣ съ ними*. Все это старо и до того постоянно повторяется изъ вѣка въ вѣкъ, и вездѣ, что намъ слѣдуетъ эту низость принять за обще-человѣческую черту, и по крайней мѣрѣ не удивляться ей.

Явился новый губернаторъ. Это былъ человѣкъ совершенно въ другомъ родѣ. Высокій, толстый и рыхлолимфатическій мущина, лѣтъ около пятидесяти съ пріятно улыбающимся лицемъ и съ образованными манерами. Онъ выражался съ необычайной граматической

правильностью, пространно, подробно, съ ясностью, которая въ состояніи была своей излишностью затемнить простѣйшій предметъ. Онъ былъ ученикъ Лицея товарищъ Пушкина, служилъ въ гвардіи, покупалъ новыя французскія книги, любилъ бесѣдовать о предметахъ важныхъ и далъ мнѣ книгу Токвиля о демократіи въ Америкѣ, на другой день послѣ пріѣзда.

Перемѣна была очень рѣзка. Тѣже комнаты, таже мебель, а на мѣстѣ татарскаго баскака, съ тунгузской наружностью и сибирскими привычками — доктринеръ, нѣсколько педантъ, но все же порядочный человѣкъ. Новый губернаторъ былъ уменъ, но умъ его какъ-то свѣтилъ, а не грѣлъ, въ родѣ яснаго зимняго дня — пріятнаго, но отъ котораго плодовъ не дождешься. Къ тому-же онъ былъ страшный формалистъ—формалистъ не приказный—а какъ бы это выразить?..... его формализмъ былъ второй степени; но столько-же скучный, какъ и всѣ прочіе.

Такъ какъ новый губернаторъ былъ въ самомъ дѣлѣ женатъ, губернаторскій домъ утратилъ свой ультра-холостой и полигамическій характеръ. Разумѣется, это обратило всѣхъ совѣтниковъ къ совѣтницамъ; пяѣшивые старики не хвастались побѣдами „на счетъ клубники,“ а напротивъ нѣжно отзывались о завялыхъ, жестко и угловато костлявыхъ, или заплывшихъ жиромъ до невозможности пускать кровь—супругахъ своихъ.

Корниловъ былъ назначенъ за нѣсколько лѣтъ передъ пріѣздомъ въ Вятку, прямо изъ семеновскихъ или измайловскихъ полковниковъ, куда-то гражданскимъ губернаторомъ. Онъ пріѣхалъ на воеводство, вовсе не зная дѣлъ. Сначала, какъ всѣ новички, онъ принялся все читать, вдругъ ему попалась бумага изъ другой губерніи, которую онъ, прочитавши два раза, три раза—не понялъ.

Онъ позвалъ секретаря и далъ ему прочесть. Секретарь тоже не могъ ясно изложить дѣла.

— Что-же вы сдѣлаете съ этой бумагой, спросилъ его Корниловъ, если я ее передамъ въ канцелярію?

—Отправлю въ третій столъ, это по третьему столу.

—Стало быть столоначальникъ третьяго стола знаетъ что дѣлать?

— Какъ-же в. п., ему не знать? онъ седьмой годъ правитъ столомъ.

— Позовите его ко мнѣ.

Пришелъ столоначальникъ. Корниловъ, отдавая ему бумагу, спросилъ, что надобно сдѣлать. Столоначальникъ пробѣжалъ на-скоро дѣло и доложилъ, что-де въ казенную палату слѣдуетъ сдѣлать запросъ и исправнику предписать.

— Да что предписать?

Столоначальникъ затруднился и наконецъ признался, что это трудно такъ разсказать, а что написать легко.

— Вотъ стулъ прошу васъ написать отвѣтъ.

Столоначальникъ принялся за перо и, не останавливаясь, бойко настрочилъ двѣ бумаги.

Губернаторъ взялъ ихъ. прочелъ, прочелъ разъ, и два ничего понять нельзя. „Я увидѣлъ, разсказывалъ онъ, улыбаясь, что это дѣйствительно былъ отвѣтъ на ту бумагу и, благословясь, подписалъ. Никогда болѣе не было помину объ этомъ дѣлѣ — бумага была вполнѣ удовлетворительна.“

Вѣсть о моемъ переводѣ во Владиміръ пришла передъ рождествомъ — я скоро собрался и пустился въ путь.

Съ вятскимъ обществомъ я растался тепло. Въ этомъ дальнемъ городѣ, я нашелъ двухъ-трехъ искреннихъ пріятелей между молодыми купцами.

Всѣ хотѣли на перерывъ показать изганнику участіе и дружбу. Нѣсколько саней провожали меня до первой станціи, и сколько я ни защищался, въ мою повозку наставили цѣлый грузъ всякихъ припасовъ и винъ. На другой день я пріѣхалъ въ Яранскъ.

Отъ Яранска дорога идетъ безконечными сосновыми лѣсами. Ночи были лунныя и очень морозныя, небольшія пошевни неслись по узенькой дорогѣ. Такихъ лѣсовъ я послѣ никогда не видалъ, они идутъ такимъ образомъ, не прерываясь до Архангельска, изрѣдка по нимъ забѣгаютъ олени въ вятскую губернію. Лѣсъ большей частію строевой. Сосны, чрезвычайной прямизны, шли мимо саней какъ солдаты, высокія и покрытыя снѣгомъ, изъ подъ котораго торчали ихъ черныя хвои какъ щетина—и заснешь и опять проснешься, а полки сосенъ все идутъ быстрыми шагами, стряхивая иной разъ снѣгъ. Лошадей мѣняютъ въ маленькихъ разчищенныхъ мѣстахъ, домишко потерянный за деревьями, лошади привязаны къ столбу, бубенчики позваниваютъ, два-три черемисскихъ мальчика въ шитыхъ рубашкахъ выбѣгутъ заспаные, ямщикъ вотякъ какимъ-то сиплымъ альтомъ поругается съ товарищемъ, покричитъ „Айда,“ запоетъ пѣсню въ двѣ ноты... и опять сосны, снѣгъ—снѣгъ, сосны...

При самомъ выѣздѣ изъ вятской губерніи мнѣ еще пришлось проститься съ чиновническимъ міромъ, и онъ pour la clôture явился во всемъ блескѣ.

Мы остановились у станціи, ямщикъ сталъ откладывать, высокій мужикъ показался въ сѣняхъ и спросилъ: кто проѣзжаетъ?

— А тебѣ что за дѣло?

— А то дѣло, что исправникъ велѣлъ узнать, а я разсыльной при земскомъ судѣ.

— Ну, такъ ступай-же въ станціонную избу, тамъ моя подорожная.

Мужикъ ушелъ и черезъ минуту воротился, говоря ямщику: не давать ему лошадей.

Это было черезъ край. Я соскочилъ съ саней и пошелъ въ избу. Полупьяный исправникъ сидѣлъ на лавкѣ и диктовалъ полупьяному писарю. На другой лавкѣ въ углу сидѣлъ или лучше лежалъ человѣкъ съ скованными ногами и руками. Нѣсколько бутылокъ, стаканы, табачная зола и кипы бумагъ, были разбросаны.

— Гдѣ исправникъ? сказалъ я громко входя.

— Исправникъ здѣсь, отвѣчалъ мнѣ полупьяный Лазаревъ, котораго я видѣлъ въ Вяткѣ. При этомъ онъ дерзко и грубо уставилъ на меня глаза—и вдругъ бросился ко мнѣ съ распростертыми объятіями.

Надобно при этомъ вспомнить, что послѣ смѣны Тюфяева чиновники, видя мои довольно хорошія отношенія съ новымъ губернаторомъ, начинали меня побаиваться.

Я остановилъ его рукою и спросилъ очень серьезно: Какъ вы могли велѣть, чтобъ мнѣ не давали лошадей? что это за вздоръ на большой дорогѣ останавливать проѣзжихъ?

— Да я пошутилъ, помилуйте—какъ вамъ не стыдно сердиться! лошадей, вели лошадей, что ты тутъ стоишь, разбойникъ! закричалъ онъ разсыльному.

— Сдѣлайте одолженіе, выкушайте чашку чаю съ ромомъ

— Покорно благодарю.

— Да нѣтъ-ли у насъ шампанскаго... Онъ бросился къ бутылкамъ, всѣ были пусты.

— Что вы тутъ дѣлаете?

— Слѣдствіе-съ, вотъ молодчикъ-то топоромъ убилъ отца и сестру родную, изъ-за ссоры, да по ревности.

— Такъ это вы вмѣстѣ и пируете?

Исправникъ замялся. Я взглянулъ на черемиса, онъ былъ лѣтъ двадцати, ничего свирѣпаго не было въ его лицѣ, совершенно восточномъ, съ узенькими, сверкающими глазами, съ черными волосами.

Все это вмѣстѣ такъ было гадко, что я вышелъ опять на дворъ. Исправникъ выбѣжалъ вслѣдъ за мной, онъ держалъ въ одной рукѣ рюмку, въ другой бутылку рома и приставалъ ко мнѣ, чтобъ я выпилъ.

Чтобы отвязаться отъ него, я выпилъ. Онъ схватилъ меня за руку и сказалъ: Виноватъ, ну виноватъ, что дѣлать! но я надѣюсь, вы не скажете объ этомъ его превосходительству, не погубите благороднаго человѣка. При этомъ исправникъ *схватилъ мою руку и поцѣловалъ* ее, повторяя десять разъ: ей богу, не погубите благороднаго человѣка. Я съ отвращеніемъ отдернулъ руку и сказалъ ему: Да ступайте вы къ себѣ, нужно мнѣ очень разсказывать.

— Да чѣмъ-же бы мнѣ услужить вамъ?

— Посмотрите, чтобъ поскорѣе закладывали лошадей.

— Живѣй, закричалъ онъ, Айда, Айда! и самъ сталъ подергивать какія-то веревки и ремешки у упряжи.

Случай этотъ сильно врѣзался въ мою память. Въ 1846 г., когда я былъ въ послѣдній разъ въ Петербургѣ, нужно мнѣ было сходить въ канцелярію министра внутреннихъ дѣлъ, гдѣ я хлопоталъ о пасѣ. Пока я толковалъ съ столоначальникомъ, прошелъ какой-то господинъ..... дружески пожимая руку магнатамъ канцеляріи, снисходительно кланяясь столоначальникамъ.

Фу, чортъ возьми, подумалъ я, да неужели это онъ!— Кто это?

— Лазаревъ, чиновникъ особыхъ порученій при министрѣ и въ большой силѣ.

— Былъ онъ въ вятской губерніи исправникомъ?

— Былъ.

— Поздравляю васъ, господа, девять лѣтъ тому назадъ онъ цѣловалъ мнѣ руку.

Перовскій мастеръ выбирать людей!

ГЛАВА XVIII.

Начало Владимірской жизни.

... Когда я вышелъ садиться въ повозку въ Космодеміанскѣ, сани были заложены по русски, тройка въ рядъ, одна въ корню, двѣ па пристяжкѣ, коренная въ дугѣ весело звонила колокольчикомъ.

Въ Перми и Вяткѣ закладываютъ лошадей гуськомъ, одну передъ другой или двѣ въ рядъ, а третью впереди.

Такъ сердце и стукнуло отъ радости, когда я увидѣлъ нашу упряжь.

— Нутка, нутка, покажи намъ свою прыть, сказалъ я молодому парню, лихо сидѣвшему на облучкѣ въ нагольномъ тулупѣ и несгибаемыхъ рукавицахъ, которыя едва ему дозволяли на столько сблизить пальцы, чтобъ взять пяти-алтынный изъ моихъ рукъ.

— Уважимъ-съ, уважимъ-съ. Эй вы, голубчики!—ну баринъ, сказалъ онъ, обращаясь вдругъ ко мнѣ, ты только держись, туда гора, такъ я коней-то пущу. Это

былъ крутой съѣздъ къ Волгѣ, по которой шелъ зимній трактъ.

Дѣйствительно, коней онъ пустилъ. Сани не ѣхали, а какъ-то цѣликомъ прыгали съ права на лѣво, и съ лѣва на право, лошади мчали подъ гору, ямщикъ былъ смертельно доволенъ, да, грѣшный человѣкъ, и я самъ —русская натура.

Такъ въѣзжалъ я на почтовыхъ въ 1838 годъ — въ лучшій, въ самый свѣтлый годъ моей жизни. Разскажу вамъ нашу первую встрѣчу съ нимъ.

Верстахъ въ 80 отъ Нижняго, взошли мы, т. е. я и мой камердинеръ Матвѣй, обогрѣться къ станціонному смотрителю. На дворѣ было очень морозно, и къ тому же вѣтрено. Смотритель худой, болѣзненный и жалкой наружности человѣкъ, записывалъ подорожную, самъ себѣ диктуя каждую букву и все таки ошибаясь. Я снялъ шубу и ходилъ по комнатѣ въ огромныхъ мѣховыхъ сапогахъ, Матвѣй грѣлся у каленой печи, смотритель бормоталъ, деревянные часы постукивали разбитымъ и слабымъ звукомъ...

— Посмотрите—сказалъ мнѣ Матвѣй, скоро двѣнадцать часовъ, вѣдь новый годъ-съ. Я принесу, прибавилъ онъ, полувопросительно глядя на меня, что-нибудь изъ запаса, который намъ въ Вяткѣ поставили, и не дожидаясь отвѣта бросился доставать бутылки и какой то кулечикъ.

Матвѣй, о которомъ я еще буду говорить впослѣдствіи, былъ больше нежели слуга; онъ былъ моимъ пріятелемъ, меньшимъ братомъ. Московскій мѣщанинъ отданный Зоненбергу, съ которымъ мы тоже познакомимся, на изученіе переплетнаго искусства, въ которомъ впрочемъ Зоненбергъ не былъ особенно свѣдущъ, онъ перешелъ ко мнѣ.

Я зналъ, что мой отказъ огорчилъ бы Матвѣя, да и самъ въ сущности ничего не имѣлъ противъ почтоваго празднества... Новый годъ своего рода станція.

Матвѣй принесъ ветчину и шампанское.

Шампанское оказалось замерзнувшимъ въ густую; ветчину можно было рубить топоромъ, она вся блистала отъ льдинокъ; но à la guerre comme à la guerre.

„Съ новымъ годомъ! Съ новымъ счастьемъ!“ — въ самомъ дѣлѣ, съ новымъ счастьемъ. Развѣ я не былъ на возвратномъ пути? всякій часъ приближалъ меня къ Москвѣ,—сердце было полно надеждъ.

Мороженное шампанское не то чтобъ слишкомъ нравилось смотрителю, я прибавилъ ему въ вино полстакана рома. Это новое half and half имѣло большой успѣхъ.

Ямщикъ, котораго я тоже пригласилъ, былъ еще радикальнѣе, онъ насыпалъ перцу въ стаканъ пѣннаго вина, размѣшалъ ложкой, выпилъ разомъ, болѣзненно вздохнулъ и нѣсколько со стономъ прибавилъ: „славно огорчило!“

Смотритель самъ усадилъ меня въ сани и такъ усердно хлопоталъ, что уронилъ въ сѣно зажженную свѣчу и не могъ ее потомъ найти. Онъ былъ очень въ духѣ и повторялъ: „Вотъ и меня вы сдѣлали съ новымъ годомъ—вотъ и съ новымъ годомъ!“

Огорченный ямщикъ тронулъ лошадей...

На другой день часовъ въ восемь вечера пріѣхалъ я во Владиміръ и остановился въ гостинницѣ чрезвычайно вѣрно описанной въ „Тарантасѣ,“ съ своей курицей „съ рысью,“ хлѣбеннымъ—патише и съ уксусомъ вмѣсто бордо.

— Васъ спрашивалъ какой-то человѣкъ сегодня утромъ, онъ никакъ дожидается въ полпивной, сказалъ

мнѣ, прочитавъ въ подорожной мое имя, половой, съ тѣмъ ухорскимъ проборомъ и отчаяннымъ виском, которымъ отличались прежде одни русскіе половые, а теперь половые и Людовикъ Наполеонъ.

Я не могъ понять, кто бы это могъ быть.

— Да вотъ и они-съ, прибавилъ половой, сторонясь. Но явился сначала не человѣкъ, а страшной величины подносъ, на которомъ было много всякаго добра: куличъ и баранки, апельсины и яблоки, яйца, миндаль, изюмъ... а за подносомъ виднѣлась сѣдая борода и голубые глаза старосты изъ владимірской деревни моего отца.

— Гаврило Семенычъ! воскрикнулъ я и бросился его обнимать. Это былъ *первый* человѣкъ изъ *нашихъ*, изъ прежней жизни, котораго я встрѣтилъ послѣ *тюрьмы и ссылки*. Я не могъ насмотрѣться на умнаго старика и наговориться съ нимъ. Онъ былъ для меня представителемъ близости къ Москвѣ, къ дому, къ друзьямъ, онъ три дня тому назадъ всѣхъ видѣлъ, отъ всѣхъ привезъ поклоны... Стало, не такъ-то далеко! *)

*) Отрывокъ изъ этой главы, начинающійся съ слѣдующей строчки и до конца (за исключеніемъ послѣднихъ четырехъ строчекъ) былъ напечатанъ въ *Полярной Звѣздѣ* кн. III, стр. 120. Ему предшествовало слѣдующее вступленіе, выпущенное въ первомъ томѣ "Былое и Думы." Изд.

„*Ну прощай,*—писалъ я къ Natalie—*прощай городъ, въ которомъ прошли почти три года моей жизни, прощай Вятка, благословеніе изгнанника на тебѣ, за твой привѣтъ, за дружбу, которой я былъ окруженъ. Во Владимірѣ вся жизнь моя будетъ посвящена тебѣ, тамъ буду я очищать душу и издали молиться тебѣ. Такъ пилигримъ останавливается, не доходя до Іерусалима гдѣ нибудь въ Емаусѣ, проситъ прощенія за прошедшее и приготовляется. Это будутъ мои сорокъ дней въ пустынѣ.*“

Я сдержалъ слово, съ самаго пріѣзда моего во Владиміръ, жизнь сложилась иначе, нежели въ Вяткѣ. Моя небольшая квартира близъ Золотыхъ Воротъ, скорѣе походила на келью монаха, нежели на бер-

Губернаторъ Курута, умный грекъ, хорошо зналъ людей и давно успѣлъ охладѣть къ добру и злу. Мое положеніе онъ понялъ тотчасъ и не дѣлалъ ни малѣйшаго опыта меня притѣснять. О канцеляріи не было и помину, онъ поручилъ мнѣ съ однимъ учителемъ гимназіи завѣдывать *Губернскими Вѣдомостями*, въ этомъ состояла вся служба.

Дѣло это было мнѣ знакомое, я уже въ Вяткѣ поставилъ на ноги неоффиціальную часть вѣдомостей и помѣстилъ въ нее разъ статейку, за которую чуть не попалъ въ бѣду мой преемникъ. Описывая празднество на „Великой рѣкѣ," я сказалъ, что баранину, приносимую на жертву Николаю Хлыновскому, встары годы раздавали бѣднымъ, а нынче продаютъ. Архіерей разгнѣвался, и губернаторъ насилу уговорилъ его оставить дѣло.

Губернскія вѣдомости были введены въ 1837 году. Оригинальная мысль пріучать къ гласности въ странѣ молчанія и нѣмоты пришла въ голову министру внутреннихъ дѣлъ Блудову. Блудовъ, извѣстный какъ продолжатель исторіи Карамзина, не написавшій ни строки далѣе, и какъ сочинитель Доклада слѣдственной коммиссіи послѣ 14 Декабря, котораго было бы лучше совсѣмъ не писать, принадлежалъ къ числу государственныхъ доктринеровъ, явившихся въ концѣ александровскаго царствованія. Это были люди умные, образованные, честные, состарившіеся и выслужившіеся

лоту провинціальнаго льва. Да я и не былъ львомъ во Владимірѣ. Никакое пошлое разсѣяніе не шло въ голову, рука поддерживавшая меня, служившая мнѣ нравственной опорой была ближе. Письма приходили на другой день, казалось, бумага еще была тепла, пульсъ руки чувствовался на ней; слѣдъ взгляда, обращеннаго на строчки, казалось не успѣлъ пройти.....

„арзамаскіе гуси;“ они умѣли писать по русски, были патріоты и такъ усердно занимались отечественной исторіей, что не имѣли досуга заняться серьезно современностью. Всѣ они чтили незабвенную память Н. М. Карамзина, любили Жуковскаго, знали на память Крылова и ѣздили въ Москву бесѣдовать къ И. И. Дмитріеву, въ его домъ на Садовой, куда и я ѣзживалъ къ нему студентомъ, вооруженный романтическими предразсудками, личнымъ знакомствомъ съ Н. Полевымъ и затаеннымъ чувствомъ неудовольствія, что Дмитріевъ, будучи поэтомъ, былъ министромъ юстиціи. Отъ нихъ много надѣялись, они ничего не сдѣлали, какъ вообще доктринеры всѣхъ странъ. Можетъ быть, имъ и удалось бы оставить слѣдъ болѣе прочный при Александрѣ; но Александръ умеръ и они остались при своемъ *желаніи* дѣлать что-нибудь путное.

Въ Монако на надгробномъ памятникѣ одного изъ владѣтельныхъ князей написано: „Здѣсь покоится Флорестанъ такой-то — онъ *хотѣлъ* дѣлать добро своимъ подданнымъ!“*) Наши доктринеры тоже желали дѣлать добро, если не своимъ, то подданнымъ Николая Павловича, но счетъ былъ составленъ безъ хозяина. Не знаю, кто помѣшалъ Флорестану, но имъ помѣшалъ нашъ Флорестанъ. Имъ пришлось быть соприкосновенными во всѣхъ ухудшеніяхъ Россіи и ограничиваться ненужными нововведеніями, перемѣнами формъ, названій. Всякій начальникъ у насъ считаетъ высшей обязанностію нѣтъ-нѣтъ да и представить какой-нибудь проэктъ, измѣненіе, обыкновенно къ худшему, но иногда просто безразлично. Секретаря въ канцелярія губернатора напр. сочли нужнымъ назвать правителемъ дѣлъ,

*) Il a voulu le bien de ses sujets.

а секретаря губернскаго правленія оставили безъ перевода на русскій языкъ. Я помню, что министръ юстиціи подавалъ проэктъ о необходимыхъ измѣненіяхъ мундировъ гражданскихъ чиновниковъ. Проэктъ этотъ начинался какъ-то величаво и торжественно: „Обративъ въ особенности вниманіе на недостатокъ единства въ шитьѣ и покроѣ нѣкоторыхъ мундировъ гражданскаго вѣдомства и взявъ въ основаніе“ и т. д.

Одержимый тою же болѣзнію проэктовъ, министръ внутреннихъ дѣлъ *замѣнилъ* земскихъ засѣдателей становыми приставами. Засѣдатели жили по городамъ и наѣзжали въ деревни. Становые иногда съѣзжаются въ городъ, но постоянно живутъ въ деревнѣ. Всѣ крестьяне такимъ образомъ были отданы подъ надзоръ полиціи, и это при полномъ знаніи, какое хищное, плотоядное, развратное существо нашъ полицейскій чиновникъ. Блудовъ ввелъ полицейскаго въ тайны крестьянскаго промысла и богатства, въ семейную жизнь, въ мірскія дѣла и черезъ это коснулся послѣдняго убѣжища народной жизни. По счастію, деревень у насъ очень много, а становыхъ бываетъ два на уѣздъ.

Почти въ то же время, тотъ же Блудовъ выдумалъ *Губернскія Вѣдомости*. У насъ правительство, презирая всякую грамотность, имѣетъ большія притязанія на литературу, и въ то время, какъ въ Англіи напр. совсѣмъ нѣтъ казенныхъ журналовъ, у насъ каждое министерство издаетъ свой, академія и университеты свой. У насъ есть журналы горные и соляные, французскіе и нѣмецкіе, морскіе и сухопутные. Все это издается на казенный счетъ, подряды статей дѣлаются въ министерствахъ, такъ какъ подряды на дрова и свѣчи, только безъ переторжки; недостатка въ общихъ отчетахъ, выдуманныхъ цифрахъ и фантастическихъ вы-

водахъ не бываетъ. Взявши всѣ монополи, правительство взяло и монополь болтовни, оно велѣло всѣмъ молчать и стало говорить безъ умолку. Продолжая эту систему, Блудовъ велѣлъ, чтобъ каждое губернское правленіе издавало свои вѣдомости и чтобъ каждая вѣдомость имѣла свою неоффиціальную часть для статей историческихъ, литературныхъ и пр.

Сказано, сдѣлано, и вотъ пятьдесятъ губернскихъ правленій рвутъ себѣ волосы надъ неоффиціальной частью. Священники изъ семинаристовъ, доктора медицины, учителя гимназіи, всѣ люди, состоящіе въ подозреніи образованія и умѣстнаго употребленія буквы „ѣ," берутся въ реквизицію. Они думаютъ, перечитываютъ „Библіотеку для чтенія" и „Отечественныя Записки," боятся, посягаютъ и, наконецъ, пишутъ статейки.

Видѣть себя въ печати, одна изъ самыхъ сильныхъ искуственныхъ страстей человѣка, испорченнаго книжнымъ вѣкомъ. Но тѣмъ не меньше рѣшаться на публичную выставку своихъ произведеній не легко, безъ особаго случая. Люди, которые не смѣли бы думать о печатаніи своихъ статей въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, въ петербургскихъ журналахъ, стали печататься у себя дома. А между тѣмъ *пагубная* привычка имѣть органъ, привычка къ гласности, укоренилась. Да и совсѣмъ готовое орудіе имѣть не дурно. Типографскій станокъ *тоже* безъ костей.

Товарищъ мой по редакціи былъ кандидатъ нашего университета и одного со мною отдѣленія. Я не имѣю духу говорить о немъ съ улыбкой, такъ горестно онъ кончилъ свою жизнь, а все таки до самой смерти онъ былъ очень смѣшонъ. Далеко не глупый, онъ былъ необыкновенно неуклюжъ и неловокъ. Не только полнѣйшаго безобразія трудно было встрѣтить, но и такого

большаго, т. е. такого растянутаго. Лицо его было вполтора больше обыкновеннаго, и какъ-то шерехова-то, огромный рыбій ротъ раскрывался до ушей, свѣтло-сѣрые глаза были не оттѣнены, а скорѣе освѣщены бѣлокурыми рѣсницами, жесткіе волосы скудно покрывали его черепъ и притомъ онъ былъ головою выше меня, сутуловатъ и очень неопрятенъ.

Онъ даже назывался такъ, что часовой во Владимірѣ посадилъ его въ караульню за его фамилію. Поздно вечеромъ шелъ онъ, завернутый въ шинель, мимо губернаторскаго дома, въ рукѣ у него былъ ручной телескопъ, онъ остановился и прицѣлился въ какую-то планету; это озадачило солдата, вѣроятно считавшаго звѣзды казенной собственностью. „Кто идетъ?“ закричалъ онъ неподвижно стоявшему наблюдателю. „Небаба,“ отвѣчалъ мой пріятель густымъ голосомъ, не двигаясь съ мѣста.

— Вы не дурачтесь, отвѣтилъ оскорбленный часовой, я въ должности.

— Да говорю же, что я Небаба!

Солдатъ не вытерпѣлъ и дернулъ звонокъ, явился унтеръ-офицеръ, часовой отдалъ ему астронома, чтобъ свести на гауптвахту. — „Тамъ, молъ, тебя разберутъ, баба ты или нѣтъ.“ Онъ непремѣнно проспдѣлъ бы до утра, еслибъ дежурный офицеръ не узналъ его.

Разъ Небаба зашелъ ко мнѣ по утру, чтобъ сказать, что ѣдетъ на нѣсколько дней въ Москву, при этомъ онъ какъ-то умильно лукаво улыбнулся. „Я, сказалъ онъ, заминаясь, я возвращусь не одинъ!“ Какъ, вы — то есть? — „Да-съ, вступаю въ законный бракъ,“ отвѣтилъ онъ застѣнчиво. Я удивлялся героической отвагѣ женщины, рѣшающейся идти за этого добраго, но ужъ черезъ чуръ некрасиваго человѣка. Но когда черезъ

двѣ-три недѣли, я увидѣлъ у него въ домѣ дѣвочку лѣтъ восемнадцати, не то чтобъ красивую, но смазливенькую и съ живыми глазами, тогда я сталъ смотрѣть на него, какъ на героя.

Мѣсяца черезъ полтора я замѣтилъ, что жизнь моего Казимиро шла плохо, онъ былъ подавленъ горемъ, дурно правилъ корректуру, не оканчивалъ своей статьи „о перелетныхъ птицахъ“ и былъ мрачно разсѣянъ; иногда мнѣ казались его глаза заплаканными. Это продолжалось не долго. Разъ, возвращаясь домой черезъ Зототыя Ворота, я увидѣлъ мальчиковъ и лавочниковъ, бѣгущихъ на погостъ церкви, полицейскіе суетились. Пошелъ и я.

Трупъ Небабы лежалъ у церковной стѣны, а возлѣ ружье. Онъ застрѣлился супротивъ оконъ своего дома, на ногѣ оставалалась веревочка, которой онъ спустилъ курокъ. Инспекторъ врачебной управы плавно повѣствовалъ окружающимъ, что покойникъ нисколько не мучился; полицейскіе приготовлялись нести его въ часть.

... Куда природа свирѣпа къ лицамъ. Что и что прочувствовалось въ этой груди страдальца, прежде чѣмъ онъ рѣшился своей веревочкой остановить маятникъ, мѣрившій ему одни оскорбленія, одни несчастія. И за что? За то, что отецъ былъ золотушенъ или мать лимфатична? Все это такъ. Но по какому праву мы требуемъ справедливости, отчета, причинъ — у кого? — у крутящагося урагана жизни?...

Въ тоже время для меня начался новый отдѣлъ жизни... отдѣлъ чистый, ясный, молодой, серьезный, отшельническій и проникнутый любовью...

Онъ принадлежитъ къ другой части.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Предисловіе *(Н. П. Огареву)* 1

Часть первая.

Дѣтская и университетъ (1812—1835).

ГЛАВА I.

Моя нянюшка и La grande armée — Пожаръ Москвы — Мой отецъ у Наполеона — Генералъ Иловайскій — Путешествіе съ французскими плѣнниками — Патріотизмъ К. Кало — Обще управленіе имѣніемъ — Раздѣлъ — Сенаторъ . . . 7

ГЛАВА II.

Разговоръ нянюшекъ и бесѣда генераловъ — Ложное положеніе — Русскіе энциклопедисты — Скука — Дѣвичья и передняя — Два нѣмца — Ученіе и чтеніе — Катехизисъ и Евангеліе 29

ГЛАВА III.

Смерть Александра I и 14 Декабря — Нравственное пробужденіе — Террористъ Бушо — Корчевская кузина . . . 60

ГЛАВА IV.

Никъ и Воробьевы горы 87

ГЛАВА V.

Подробности домашняго житья — Люди XVIII вѣка въ Россіи — День у насъ въ домѣ — Гости и habitués — Зоненбергъ Камердинеръ и пр. 98

ГЛАВА VI.

Кремлевская экспедиція — Московскій Университетъ — Химикъ—Мы — Маловская исторія — Холера — Филаретъ — Сунгуровское дѣло—В. Пассекъ—Генералъ Лиссовскій — Н. А. Полевой 122

ГЛАВА VII.

Конецъ курса — Шиллеровскій періодъ — Молодая юность и артистическая жизнь—С. Симонизмъ и Н. Полевой . . 180
Прибавленіе — А. Полежаевъ 199

Часть вторая.

Тюрьма и ссылка (1834—1838).

ГЛАВА VIII.

Пророчество—Арестъ Огарева — Пожаръ — Московскій либералъ—М. Ѳ. Орловъ — Кладбище 204

ГЛАВА IX.

Арестъ — Добросовѣстный—Канцелярія пречистенскаго частнаго дома—Патріархальный судъ 215

ГЛАВА X.

Подъ каланчей—Лисабонскій квартальный—Зажигатели . . 222

ГЛАВА XI.

Крутицкія казармы — Жандармскія повѣствованія — Офицеры. 233

ГЛАВА XII.

Слѣдствіе—Голицынъ sen.—Голицынъ jun.—Генералъ Стааль —Сентенція—Соколовскій 244

ГЛАВА XIII.

Ссылка—Городничій—Волга—Пермь 263

ГЛАВА XIV.

Вятка Канцелярія и столовая его превосходительства — К. Я. Тюфяевъ 288

ГЛАВА XV.

Чиновники — Сибирскіе генералъ-губернаторы — Хищный полицмейстеръ — Ручный судья — Жареный исправникъ — Равноапостольный татаринъ—Мальчикъ женскаго пола — Картофельный терроръ и пр. 305

ГЛАВА XVI.

Александръ Лаврентьевичъ Витбергъ 338

ГЛАВА XVII.

Наслѣдникъ въ Вяткѣ—Паденіе Тюфяева—Переводъ во Владиміръ—Исправникъ на слѣдствіи 356

ГЛАВА XVIII.

Начало владимірской жизни 368